

Нартов Н.А.
Геополитика.
Учебник для вузов

Под редакцией профессора В.И. Староверова
Рекомендовано Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям
Москва • 1999

Главный редактор издательства Н.Д. Эриашвили

Нартов Н.А. Геополитика: Учебник для вузов. — М.: ЮНИТИ, 1999. - 359 с.

Цель одного из первых учебников по геополитике — дать студентам возможность понять и изучить новую для России науку, научно осмыслить сложные явления и процессы современной международной, политической, социальной, экономической, военной жизни.

Излагаются основы геополитики как науки, история ее становления, ее теория, законы, методы и функции. Проанализированы широкий спектр геополитических школ и воззрений, а также современные актуальные проблемы.

Для студентов — экономистов, юристов, менеджеров, финансистов, а также для широкого круга читателей, интересующихся принятием решений в важных сферах российской жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Раздел 1. Теоретические основы геополитики

Глава 1. Геополитика: предмет, методы, функции

Глава 2. Основные идеи и принципы классиков геополитики

Глава 3. Современные геополитические теории и школы Запада

Глава 4. Русская школа геополитики

Глава 5. Неоевразийство в системе геополитического знания

Раздел 2. Геополитика в современном мире

Глава 6. Россия в новой системе геополитических отношений

Глава 7. Геополитические процессы Западной и Восточной Европе в Прибалтике

Глава 8. Место США в системе геополитических отношений

Глава 9. Геостратегическая политика Китая

Глава 10. Геополитика и общественное развитие Японии

Глава 11. Геополитика Ирана, Турции и других мусульманских государств

Глава 12. Традиции и геополитика стран Африки и Латинской Америки

Заключение

Библиографический список

Приложения

Дугин А. Основы геополитики

Данилевский Н.Я. Россия и Европа

Савицкий П. Континент Евразия

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы

Понимают ли некоторые члены команды Примакова азы глобальной экономики?

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя учебник дает в доступной для неспециалиста форме научное знание основ геополитики.

Понятие геополитики в последнее десятилетие стало в России весьма популярным. Однако обилие публикаций геополитического цикла, как нами замечено, вносит в умы немало сумятицы по поводу сущности самой геополитики и нередко заставляет скептически относиться к ее научному статусу. Во многом это идет от того, что авторы данных публикаций, как правило, не учитывают исторически сложившуюся многозначность понятия геополитики и в анализе смешивают его разные смысловые значения.

Между тем в самом общем виде многозначность современного использования понятия геополитики можно свести к трем аспектам.

Во-первых, оно характеризует ту или иную мировоззренческую, т. е. идеологическую доктрину, обосновывающую экспансионистское или оборонительное направление международной политики национальными интересами в жизненном пространстве. В этом аспекте геополитика под различными именами в том или ином виде известна уже с античных времен истории человечества. Во-вторых, понятие геополитики характеризует конкретно-исторический тип международных отношений эпохи переделов уже в основном завоеванного и освоенного старыми державами мира, практическую стратегию международной политики народов и государств Новейшей истории. В этом аспекте она также под различными именами существует со времен окончания эры Великих географических открытий и колониального закрепления за теми или иными странами «новых» земель, что заставило сформировавшиеся в более поздние времена буржуазной эпохи, а потому опоздавшие к первому захвату колоний государства вспомнить о доктринах жизненного географического пространства, чтобы использовать ее для оправдания своего экспансионизма. В-третьих, понятие геополитики выражает активно формирующуюся в междисциплинарном обществоведческом поле науку со своим специфическим объектом, предметом, с собственной системой категориального аппарата и своеобразной методологией исследования зависимости международных отношений, а также функционирования и развития тех или иных стран и народов от условий географического пространства.

В этом аспекте геополитика начала становиться как наука на заре XX в., а системно оформляться — на его исходе. Столь значительный разрыв ее институализации с сущностной актуализацией в качестве мировоззренческой доктрины и определенного типа практики объясняется тем, что геополитика как наука не могла появиться раньше, чем развились физическая и политическая география, политэкономия и военная география, статистика, этика и этнопсихология и ряд других

гуманитарных и технических наук, синтезом которых она стала, являя собой качественно новое общественное знание.

В сущности геополитика — это одна из ведущих обществоведческих наук XXI в. Обусловлено это тем, что в силу многих обстоятельств именно XXI век должен стать эпохой или нового, наиболее радикального за всю историю человечества экспансионистского передела мира, закладывающего основания для последующих ожесточенных всплесков национально-освободительных войн, или, наоборот, разумной рационализации международных отношений на принципах самообуздания развитыми странами своего эгоистического экспансионизма и обеспечения устойчивого развития всех народов мира.

Пока что опасность первого, экспансионистского, пути сильнее надежд на мирную гармонизацию человечества. Об этом свидетельствует приверженность сильных стран мира доктринам Нового мирового порядка под управлением США, Большой Европы под военным «зонтиком» НАТО, Большого Китая и Великого, от Средиземного моря до Тихого океана, Турана и т. п., а также крайне корыстное отношение Запада к происходящему на постсоветском пространстве, откровенное стремление его превратить новые независимые государства, включая Россию, в неокOLONIALНЫЕ сырьевые придатки стран «золотого миллиарда», т. е., в геополитической терминологии, Большого Атлантического пространства, где опять же доминируют США.

Эти доктрины — далеко не праздная игра ума, а выражение реальных планов и реальной мировой политики. Реальность последних опирается на естественно-исторические противоречия разных цивилизаций и принадлежащих к ним групп народов и стран, в основе которых лежат объективные причины. Не последнее место в их ряду занимают геополитические.

Естественно-исторический характер названных противоречий не означает их неизбежность и вечность. Законы общественного развития отличаются от природных тем, что в их механизмы заложена человеческая воля. При хорошем понимании сущности закона, мобилизуя в надлежащем направлении свою волю, люди могут поворачивать события в свою пользу, т. е., не отменяя закона, корректировать его действие и результаты. Геополитика дает знания, необходимые человечеству для совершенствования своей организацией во благо, а не во зло его общему интересу.

В более узком плане знание основ геополитики позволяет человеку видеть во внешне хаотичном ходе международных событий определенность замыслов и решений. Но важнее, пожалуй, то, что оно позволяет человеку определить место его страны в общем раскладе мировой политики и осознанно выработать свою линию поведения в соответствующих событиях и в роли гражданина Отечества, и в роли сына планеты Земля.

В этом и призван помочь учебник, дающий в сущности первое в России системное изложение основ геополитики. В нем отражен современный уровень осмысления геополитических проблем не только в России, но и на Западе.

В. И. Староверов

вице-президент Всероссийского общества социологов и демографов, академик Международной Славянской и Петровской академий наук, литературы и искусства, д-р филос. наук, профессор

Автор выражает искреннюю признательность за ценные советы и пожелания чл.-корр. РАН главному научному сотруднику ИСПИ РАН М.Н. Руткевичу, профессору географического факультета МГУ доктору философских наук В.С. Лямину, профессору, доктору философских наук, главному научному сотруднику ИСПИ РАН В.И. Староверову, взявшему на себя труд консультанта и научного редактора учебника. Большую помощь в подготовке рукописи оказали доцент Л.И.

Чернышева и О.В. Савочкина, написавшие два параграфа главы «Русская школа геополитики». Савочкиной О.В. выполнена также большая научно-вспомогательная работа.

Автор горячо благодарит сотрудниц ВЗФЭИ Н.Ю. Рыжову и Ю.В. Филиппову за помощь в подготовке рукописи к печати.

Н.Нартов

канд. филос. наук, доцент

Раздел 1

Теоретические основы геополитики

Глава 1

Геополитика: предмет, методы, функции

Возникновение геополитики как науки на рубеже XIX—XX вв. обусловлено не только логикой развития научного знания, но в первую очередь потребностью осмысления новых политических реалий. Эта наука появилась в то время, когда мир как единое целое разделился между основными противоборствующими центрами силы. Новый раздел мира — это по сути «передел уже поделенного», т. е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйственности к «хозяину». Переделы мира привели к тому, что уровень конфликтности в мире значительно вырос. Это обстоятельство подтолкнуло научные поиски, нацеленные на совершенствование приемов борьбы главных геополитических сил на мировой арене. В конце XX в. еще раз подтвердилось, что экономический фактор — одна из ведущих в геополитическом балансе сил.

1.1. Понятие геополитики

До сих пор в научной литературе нет четкой и полной формулировки понятия «геополитика». Это характерная черта всех формирующихся наук. Споры об объекте и предмете геополитики идут около сотни лет. Понятие «геополитика» трактуется чаще всего чрезвычайно широко. В итоге эта наука лишается свойственных ей черт, границы ее становятся чрезвычайно размытыми, переходящими в предмет экономических, политических, военно-стратегических, природно-ресурсных, экологических и иных дисциплин, международных отношений, внешней политики и т. д. Многие исследователи видят в геополитике науку, изучающую комплекс географических, исторических, политических и других факторов, взаимодействующих между собой и оказывающих большое влияние на стратегический потенциал государства.

В СССР долгое время геополитика считалась буржуазной лженаукой, оправдывающей территориальную экспансию империалистических государств. В 80-х годах XX в. произошла переоценка этого направления научной мысли. Советский философский энциклопедический словарь (1989 г.) уже не дает такой жесткой негативной оценки геополитики, но определяет ее как западную политологическую концепцию, утверждающую, что «политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространственным расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т. п.»¹.

Шведский ученый **Рудольф Челлен** (1864—1922) ввел в науку понятие «геополитика». Выступающую же под этим именем науку он определял как «доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен»².

Более обстоятельное определение дано в немецком журнале «Zeitschrift für Geopolitik»:

*Геополитика есть наука об отношении земли и политических процессов, Она зиждется на широком фундаменте географии, прежде всего географии политической, которая есть наука о политических организмах в пространстве и об их структуре. Более того, геополитика **имеет** целью обеспечить надлежащим средством политическое действие и придать направление политической жизни в целом. Тем самым геополитика становится искусством, именно искусством руководства практической политикой. Геополитика — это географический разум государства³.*

Геополитика рассматривает государство не в статике, как постоянное, неизменное образование, а в динамике — как живое существо. Такой подход предложил немецкий теоретик **Фридрих Ратцель** (1844–1904). Геополитика изучает государство в основном в его отношении к окружению, прежде всего к пространству и ставит целью решать проблемы, возникающие из пространственных отношений. По мнению Ф. Ратцеля, в отличие от политической географии геополитику не интересуют такие вопросы, как положение, форма, размеры или границы государства, его экономика, торговля, культура. Все это в большей мере относится к сфере политической географии, которая чаще ограничивается описанием статического состояния государства, хотя может постигать и динамику его прошлого развития. Геополитика изучает политические явления в их пространственном взаимоотношении, в их влиянии на Землю, на культурные факторы. Это географически интерпретированная политика,

промежуточная наука, не имеющая независимого поля исследования. Больше тяготея к политике, она концентрирует внимание на политических явлениях и стремится дать географическую интерпретацию и анализ географических аспектов этих явлений.

Политолог Э.А. Поздняков утверждает, что геополитика главное внимание направляет на раскрытие и изучение возможностей активного использования политикой факторов физической среды и воздействия на нее в интересах военно-политической, экономической и экологической безопасности государства. Практическая геополитика изучает все, что связано с территориальными проблемами государства, его границами, с рациональным использованием и распределением ресурсов, включая и людские⁴.

Итак, можно сформулировать краткое определение: *геополитика — наука, система знаний о контроле над пространством.*

Геополитика рассматривает пространство с точки зрения политики (государства). Она более динамична по сравнению с политической географией. В рамках этой науки выделяются два направления: *геополитика предписывающая*, или доктринально-нормативная, и *геополитика оценочно-концептуальная*. К первому течению можно причислить немецкую школу Хаусхофера, ко второму — англо-американскую школу (Макиндер, Спайкмен, Коэн), хотя четкие разграничительные линии между этими школами провести очень трудно.

Геополитика все больше обогащается и наполняется конкретным содержанием, все активнее способствует изменениям в современном мире.. Конечно, это становится возможным потому, что она опирается на научную базу многих дисциплин. Геополитика стала не только реальным инструментом изменения мира, но все больше служит ключом к прогнозированию политики ведущих стран и континентов.

1.2. Источники геополитики

Геополитика, как большинство дисциплин, появившихся на стыке веков, возникла на базе трех научных подходов: цивилизационного, военно-стратегического и теорий географического детерминизма.

Основоположником цивилизационного подхода к историческому процессу считается русский ученый — биолог, историк, социолог, автор книги «Россия и Европа» **Н.Я. Данилевский** (1822—1885). По его мнению, главными действующими субъектами на подмостках театра истории являются не государства или отдельные нации, а огромные культурно-религиозные общности. Их он назвал «культурно-историческими типами». Впоследствии эти общности, а книга Н.Я. Данилевского вышла в 1868 г., стали называть «цивилизациями».

Первым среди русских исследователей Н.Я. Данилевский сформулировал и научно обосновал тезис отчужденности Европы от России. Причина этой отчужденности, по его мнению, в принципиальном цивилизационном различии двух мировых сил:

Европа не признает нас своими. Европейцы видят в России и славянах не только чуждое, но и «враждебное начало»⁵.

Он сформулировал самое важное требование приведения внешней политики России в соответствие с объективными задачами развития и укрепления «славянского культурно-исторического типа».

Гораздо позже этот принцип — зона влияния одной цивилизации — получил название «большого пространства».

В конце XIX — начале XX в. концепция Н.Я. Данилевского получила развитие в работах русского философа **К.Н. Леонтьева** (1831 — 1891), немецкого философа **О. Шпенглера** (1880—1936), русского ученого-евразийца **П.Н. Савицкого** (1895—1968), его ученика **Л.Н. Гумилева** (1912—1992). Наиболее же обстоятельно рассмотрел и развил эту концепцию крупнейший английский ученый-историк и социолог **Арнольд Тойнби** (1889—1975). В своей многотомной работе «Постижение истории» он дал подробную классификацию цивилизаций. В особый тип цивилизации он выделил «православно-русскую». А. Тойнби предложил довольно оригинальную теорию истоков и развития цивилизаций «как «Вызова-и-Ответа».

Теория цивилизаций занимает умы ученых-геополитиков и в конце XX в. Так, много споров вызвала книга профессора Гарвардского университета *Сэмюэля Хантингтона* (р. 1927) «Столкновение цивилизаций?» (1993 г.). Автор утверждает, что в XXI в. основным источником конфликтов будут не экономика или идеология, а цивилизационные различия. Он считает, что «Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов». Картина мира в XXI в. видится ему как результат взаимодействия и соперничества «семи-восьми крупных цивилизаций», среди которых будет и «православно-славянская», противостоящая насильственной вестернизации»⁶. По мнению многих ученых, разрабатывающих цивилизационную теорию, географические границы цивилизаций определяют пределы «естественного» влияния великих держав, сферы их жизненных интересов и территории военно-политического контроля. В таком методологическом подходе к геополитике просматривается тенденция увести данную науку из зоны географии, сделать ее универсальной дисциплиной.

Вторым источником геополитики, как считают многие ученые, были военно-стратегические теории. Признанными авторами таких теорий считаются *Н.Макиавелли* (1469—1527), *К. фон Клаузевиц* (1780-1831), *Х.И. Мольтке* (1848-1916) и др. Но наиболее сильное влияние на разработку и углубление этих теорий оказал американский военно-морской теоретик, историк *Альфред Мэхен* (1840—1914). В 1890 г. был напечатан капитальный труд адмирала-ученого «Влияние морской мощи на историю». Подробно о содержании книги сказано в гл. 2, сейчас же только отметим, что перу Мэхена принадлежит также книга «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» (1900 г.) и много статей на военно-политические темы. Этот автор ввел в научный оборот термин «прибрежные нации». В частности, адмирал писал:

*Политика изменялась как с духом века, так и с характером и проницательностью правителей: но история прибрежных наций определялась не столько ловкостью и предусмотрительностью правительств, сколько условиями положения, протяженности и очертания береговой линии, численностью и характером народа, т. е. вообще тем, что называется естественными условиями*⁷.

На территории мирового пространства А. Мэхен выделил особую сферу между 30-й и 40-й параллелями — «зону конфликта», в которой, по его мнению, неизбежно, вне зависимости от воли конкретных политиков, сталкиваются интересы «морской империи», контролирующей океанские просторы, и «сухопутной державы», опирающейся на континентальное ядро Евразии (читай: Англии и России того времени).

Морская империя, чтобы выжить, должна отбросить континентальную державу как можно дальше в глубь Евразии; империи важно завоевать прибрежную территорию, поставить под контроль «прибрежные нации, для чего надо окружить противника кольцом военно-морских баз».

Видным разработчиком военно-стратегических концепций был русский генерал-фельдмаршал (последний фельдмаршал России) *Д.А. Милютин* (1816—1912).

Военно-стратегические теории внесли в методологию геополитики идею ключевых пунктов и зон, позволяющих контролировать значительные территории потенциального противника. В наше время — время космических технологий (оборона, коммуникации) эти подходы получают качественно новое значение.

Третьим теоретическим источником геополитики являются концепции географического детерминизма. Это наиболее древний источник познания. Идеи о влиянии географической среды (климата, почв, рек, морей и пр.) на историю и человека встречаем у Геродота, Гиппократ, Фукидида и других античных авторов. *Полибий* (ок. 200—ок. 120 до н.э.), например, объяснял суровость нравов жителей Аркадии господством туманного и холодного климата:

*По этой... причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий*⁸.

Аристотель (384—322 до н.э.) в труде «Политика» подчеркивал особенность геополитического положения острова Крит:

*Остров Крит как бы предназначен к господству над Грецией, и географическое положение его прекрасно: он соприкасается с морем, вокруг которого почти все греки имеют свои места поселения; с одной стороны он находится на небольшом расстоянии от Пелопонеса, с другой — от Азии...*⁹.

Европейская эпоха великих географических открытий явилась новым этапом развития идей географического детерминизма. Французский ученый **Жан Боден** (1530—1596) в работе «Шесть книг о государстве» (1577 г.) вновь поднял интерес к проблеме географического детерминизма. Различия и изменения в государственном устройстве он объяснял тремя причинами: Божественной Волей, человеческим произволом и влиянием природы. На первое место по силе влияния природы он ставил географические причины, а наибольшее значение среди всех географических факторов придавал климату. Земной шар Ж. Боден делил на три части: жаркую — экваториальную, холодную — полярную и среднюю — умеренную. Вслед за греческим мыслителем Полибием он утверждая, что характер народов в первую очередь зависит от климатических условий их места развития. На севере живут более сильные физически и воинственные люди, на юге — более одаренные. При правильном взгляде на историю, полагал Ж. Боден, видно, что «величайшие полководцы приходят с севера, а искусство, философия и математика рождаются на юге».

Идеи географического детерминизма нашли широкое распространение в XVIII—XIX вв. Особенно популярны они были во Франции. В работе «О духе законов» (1748г.) французский просветитель, философ **Шарль Монтескье** (1689—1755) главную причину в законодательном устройстве государств вслед за Боденом видел в особенностях климата. В холодном климате, полагал Монтескье, люди более нравственны. В умеренном люди нравственно неустойчивы, потому что недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость. А жаркий климат ослабляет характер людей, что, по мысли Монтескье, привело к развитию рабства¹⁰.

В Англии эти идеи тоже находили своих сторонников, например, историк **Генри Бокль** (1821 — 1862), но наибольшее распространение они получили в Германии: философ **Йоган Готфрид Гердер** (1744—1803), географ и естествоиспытатель **Александр фон Гумбольдт** (1769—1859) полагали, что наибольшее влияние на развитие цивилизации оказывают география, дающая целостную картину мира и, в частности, климат, почва, географическое положение. Немецкий географ **Карл Риттер** (1779—1859) утверждал, что «существование человека целиком связано с землей — тысячами цепких корней, которые невозможно вырвать»¹¹.

Наиболее глубоко, обстоятельно эти факторы наравне с другими были развиты немецким ученым Фридрихом Ратцелем и шведом Рудольфом Челленом.

1.3. Предмет геополитики

Как и всякая наука, геополитика имеет и предмет исследования, который постоянно меняется, втягивая в свой круг новые проблемы развития природы и человечества. Геополитика стала комплексной многоуровневой дисциплиной, как стал многополярным и многомерным мир, многоуровневой — глобальная мировая политика. Современная геополитика анализирует развитие событий на глобальном, региональном, субрегиональном и внутригосударственном уровнях, отражающих интересы государств. Под воздействием новых обстоятельств мир постоянно меняется, его база насыщается новыми элементами, которые не отменяют географические факторы, а добавляются к ним и формируют геополитическую модель современного мира. Эта модель находится скорее в динамике, чем в статике.

С середины XX в. в результате бурно протекающей научно-технической революции к новым элементам предмета геополитики добавились экономические процессы. Их влияние на политическую ситуацию в мире в конце XX столетия резко возросло. Общественное разделение труда, связанное во многом с НТР, добычей природных ископаемых, их переработкой, утилизацией отходов и другими факторами, привело к реальной глобализации экономических процессов. Это выразилось не только в технико-технологическом и организационном плане. Глобализация видна также в международной торговле, межгосударственном движении капиталов, инвестиций, перемещении рабочей силы и валюты, информационных потоков и т.д. Эти и другие процессы оказывают все большее влияние на все сферы международной жизни. Экономические факторы в XXI в. будут оказывать еще , большее влияние, и экономические конфликты лишь закрепятся на первом месте среди всех видов межгосударственных, межнациональных конфликтов. Для их решения будет чаще использоваться сила — военная и военно-политическая, которая в свою очередь зависит от состояния экономики. Поэтому сегодня любой анализ геополитической ситуации без анализа экономических факторов не позволит сделать научно обоснованных выводов и дать разумные рекомендации политическим лидерам.

Экономические процессы, научно-техническая революция все больше влияют на окружающую географическую среду, экологическую обстановку, на самого человека, общество (размещение производства, перемещение рабочей силы, строительство новых городов и т.д.). Экономические интересы выступают на первый план при установлении всех форм международных отношений. А так как глобальные экономические процессы, протекающие на планете, отличаются высокой динамичностью, то они предопределяют нестабильность современной геополитической ситуации. На второе место в геополитике отошли собственно географические условия жизнедеятельности стран. Но эти два важных фактора не могут исчерпывающе характеризовать геополитическое положение современного мира, динамику отношений между государствами, народами, окончательно определить место страны или группы стран в мировых отношениях и в мировой политике. Кроме того, существует еще ряд обстоятельств, оказывающих большое влияние на геополитику и служащих предметом ее исследования:

- вызванные научно-технической революцией военно-технические средства; оружие массового поражения и средства его доставки, обнаружения и поражения оружия противника, управления войсками и их маневрами и т.д. Современное состояние дел в военной сфере таково, что ставит под сомнение основной тезис отцов геополитики о неуязвимости стран Северной Атлантики — «внешнего полумесяца», или «Хартленда»;
- научно-техническая революция внесла существенный вклад в развитие электронных средств связи. Они сформировали «коммуникативное» мировое сообщество, в частности сеть Интернет. Страны и народы, разделенные ранее огромными расстояниями, сейчас стали по сути в плане электронного общения соседями. От состояния электронной связи во многом зависит протекание жизни во всех сферах общества, но первостепенное значение приобретают военная и экономическая сферы;
- важное значение приобрели темпы развития науки, занимающейся разработкой новой техники и технологии, а также общественно-политических наук, обеспечивающих стратегию и тактику геополитической линии в международных отношениях;
- близко к предыдущему фактору примыкает уровень образования и культуры населения. От этих качеств зависят в немалой степени применение на практике тонких технологий, развитие экономической сферы и науки, военного дела и т.д.;
- уровень культуры влияет на состояние мировых религий, которые в последние десятилетия XX в. (особенно ислам) оказывают все большее влияние на геополитический баланс сил;
- немаловажное значение имеет и эффективность деятельности политического режима государства, уровень мышления, компетентности правящей элиты, уважение к законам и указам населения страны, общества.

Результатом научно-технического прогресса явилось снижение роли отдельных географических элементов: больших пространств, океанов, морей, гор, рек, лесов, степей. Вместе с ними понизился ранг многих видов коммуникаций: железных дорог, водных коммуникаций. Возросла роль трубопроводов, автотранспорта и воздушных перевозок. Увеличилось значение относительно малых стран, обладающих научным потенциалом, технологиями и финансами.

При решении геополитических и региональных проблем сейчас все чаще применяется военная сила, так называемые «локальные войны» (Ирак, Югославия, Чечня, Карабах, Абхазия и т.д.)- В будущем частота применения силы, по нашему мнению, возрастет, как обострятся главные противоречия планеты: передел мира, уточников сырья, экономическое противостояние, борьба за рынки сбыта и т.д. Отсюда будут возрастать требования к качеству вооруженных сил: их обученности, оснащению, управлению ими т.д. Предметом все большей озабоченности человечества становятся расширение числа ядерных держав, а для России — появление нового элемента геополитики — расширение НАТО, присваивающего право международного арбитра.

Большое влияние на геополитический баланс сил оказывает биографическая ситуация в странах Юго-Восточной Азии, Юга азиатского континента. Здесь возникает комплекс проблем — экономических, социальных, военных, экологических и т.д.

1.4. Геополитические эпохи

Историю человечества с точки зрения геополитики можно рассматривать как последовательную смену геополитических эпох или силовых полей. Каждая геополитическая эпоха имеет свои баланс сил, зоны влияния, границы.

История существования древнейших цивилизаций, противостояние «континентального» Рима и «морского» Карфагена предвосхитили многие геополитические реальности XX в. Но основные принципы современной мировой политики были заложены *Вестфальской системой международных отношений* [1648 г.) после окончания Тридцатилетней войны. К этому времени в Европе в основном сформировались национальные государства. Мир вступил на путь промышленного развития с формированием нации — государства с жесткой централизованной династической властью. С этого времени европейская история начинает превращаться в мировую. Главными центрами силы в Европе становятся Испания, Португалия, Голландия, затем Англия, Франция, Швеция вступают в борьбу за раздел мира. Возникавшие национальные государства устанавливали свои границы с учетом языкового признака и по естественно-географическим рубежам. Такой миропорядок, сложившееся геополитическое поле существовали почти 150 лет — до Французской революции, сменивших ее Директории, Консульства и императорства Наполеона. В конце XVII—начале XVIII вв. закатилось былое величие Испании, Португалии, Голландии, Швеции, а к концу XVIII в. — Польши. Укрепились позиции Франции и Англии, набирала силы Пруссия. К началу XIX в. Россия стала важнейшей мировой державой.

В XVII—XVIII вв. в Европе появилась новая социальная сила — буржуазия. Располагая огромными деньгами, она неудержимо рвалась к власти. Деньги буржуазии, низкие цены на товары, производимые на фабриках и заводах, пробили стены королевских дворцов, замков феодалов, смели Бастилию и заодно более 10 тыс. католических монастырей и храмов и возвели сотни эшафотов с гильотинами по всей Франции. Деньги буржуазии привели к власти Наполеона, который попытался установить мировую гегемонию.

Превратить Францию в ядро океанского геополитического блока Наполеону не удалось. Попытка императора задушить Англию блокадой путем военных, экономических, политических и других мер была также неудачной — на мировую арену выступила Россия. Определенную помощь ей оказали Пруссия и Австрия, и Наполеон потерпел сокрушительное поражение.

Новую расстановку геополитических сил, закрепленную Венским конгрессом (1814—1815 гг.), дала *Венская эпоха*. Основу этого составил имперский принцип контроля географического пространства. Мировыми центрами силы стали Российская и Австро-Венгерская империи, Британская колониальная империя (хотя таковой она была провозглашена в 1876г.), Германская империя (с 1871 г.) и фактически колониальная империя с середины XIX в. — Франция (формально остававшаяся республикой). С 1877 г. турецкий султан принял титул «императора османов». Турция играла видную роль на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе. Россия до середины XIX в. доминировала в Европе, активно противостояла Англии, Австрии, Франции и, конечно, Турции. В 1853—1856 гг. во время Крымской (Восточной) войны против России фактически выступила вся Европа. Это вполне объяснимо с геополитической точки зрения. Черное и Балтийское моря превращались во внутренние моря, в русские озера, что давало выход в два ключевых геополитических региона — Атлантику и Средиземноморье. Контроль над ними позволял Англии уравновешивать мощь России.

После поражения России в Крымской войне Венская система претерпела некоторые изменения. Распался священный союз монархов, который для России был скорее обузой, чем реальной помощью. С его развалом закончилась эпоха доминирования России в Европе, не принесшая стране какой-либо пользы.

Вся вторая половина XIX в. была характерна для России тем, что она балансировала в геополитическом европейском поле, поддерживая то Пруссию против Франции, то Францию в ее противостоянии с Германией. Такая политика оправдала себя, позволила достичь максимальных результатов при минимуме затрат сил. В конце 70-х годов была довольно скоротечная война с Турцией, когда русские войска не только освободили Болгарию, но под руководством генерала Скобелева дошли до Стамбула. Но Западные державы вновь не позволили России завладеть ключом от Царьграда.

К концу XIX в. благодаря удачному применению достижений промышленной революции особенно усилились США и Германия. Американцы со своих континентальных просторов стали активно осваивать заморские рынки, изгнав испанцев с Кубы и Филиппин. Германия под руководством «железного канцлера» Отто фон Бисмарка превратилась в огромную континентальную державу и

стала играть ведущие роли в мировой политике. Под руководством Германии был создан Тройственный Союз: Германия, Австро-Венгрия и Италия. Другой мощный военный блок был создан Францией, Англией и Россией — Антанта. Цель блоков — передел сфер влияния и недопущение этого передела в пользу молодых, агрессивных европейских государств.

Версальская эпоха начинается после поражения Тройственного союза в Первой мировой войне (1914—1918 гг.). Она кардинальным образом изменила геополитический расклад сил. Рухнули Германская, Австро-Венгерская, Российская, Турецкая империи, ранее бывшие мощными политическими центрами. На развалинах этих могучих государств появилось несколько небольших государств, которые авторы Версальской системы подали включить в сферу своего влияния. Версальский мирный договор 1919 г. отдал пальму континентальной державы Франции, а морской — Англии. России, по мнению политиков стран-победительниц, вообще не оказалось места в Европе, она не должна была существовать как могучая держава. От имени Лиги Наций — неотъемлемой части Версальского договора — были поделены колонии Германии, Турции. Согласно плану президента США Вильсона Россию предполагалось разделить на сферы влияния: например, Кавказ рассматривать как часть Турецкой империи, Среднюю Азию отдать под протекторат какой-нибудь европейской державе, а на европейской части России и в Сибири создать достаточно представительные правительства. Для достижения этой цели 15 государств мира высадили войска в различных точках России, принеся ей огромные страдания, человеческие, материальные и духовные потери.

В Первой мировой войне больше всех приобрела буржуазия США. Чувствуя силу, на Вашингтонской конференции в 1922 г. США добились права иметь равный с Англией военно-морской флот, который давал возможность контролировать важнейшие морские коммуникации, контролировать морское пространство.

При помощи «карманной» Лиги Наций страны-победительницы создали между Германией и Советской Россией «санитарный кордон» из государств, ориентированных на Францию и Англию. Таким образом, две великие континентальные державы были лишены прямых тесных контактов, изолированы друг от друга. Установленный мировой порядок был направлен против Советской России, Германии и Китая. Но без учета геополитических интересов этих мощных стран любая мировая политическая система просто не может существовать.

Творцы Версальского договора не предусмотрели несколько обстоятельств. Прежде всего то, что Россия вышла из кровопролитной гражданской войны политически единой. Второе, по Европе прокатились в 1920-х годах пролетарские революции, народные низы требовали: «Руки прочь от Советской России». Под воздействием русской революции прокатились волны протестов, активизировались антиколониальные движения.

Вторая мировая война похоронила Версальский мир. Советский Союз вынес основную тяжесть этой войны, понеся огромные человеческие, материальные потери, но вышел из нее военно-стратегически и геополитически гораздо более крепким, чем был до войны. Впервые в своей истории Россия создала вокруг себя мощный геополитический блок. В дальнейшем на разрушение его с помощью идеологического, информационного оружия, активного содействия «пятой колонны» ушло почти полвека.

Потсдамская эпоха начинается в 1945 г. В небольшом зале маленького городка неподалеку от Берлина за круглым столом была подписана Потсдамская система договоров, зафиксировавшая новый баланс сил, возникший в Европе после победы над Германией и ее союзниками. Эта система определила новые границы, расстановку новых геополитических сил. По сути в Потсдаме было констатировано, что мир из многополюсного стал биполярным: СССР и его союзники, представляющие континентальную силу, и США и их союзники, представляющие в большинстве морскую силу.

Противоборство этих полюсов и определило содержание потсдамской геополитической эпохи. Ее характерной чертой было то, что противостояние двух мощных блоков шло на грани балансирования между холодной и ядерной войнами. Совершенствование авиации, появление ракетной техники, космического, лазерного и других видов оружия коренным образом изменили роль воздушного и космического пространства! На планете не осталось недосягаемых точек Земли, тем более для такого оружия, как ракетное, электронные СМИ, компьютерные системы и т.д.

К сожалению, экономика СССР оказалась маловосприимчива к новейшим достижениям научно-технической революции, а политические лидеры Союза не осознали необходимости технологической модернизации страны. Потсдамский мировой порядок был разрушен в 1992 г., с разрушением СССР биполярная структура мира завершилась.

Беловежская эпоха характеризуется появлением новых буржуазных государств; сперва вокруг СССР — путем «бархатных» и силовых контрреволюций, затем в России¹². Новые властители мира формируют новый мировой порядок. Они в основном опираются на идеи Версальской системы, которая, как выше уже сказано, не находит России места под солнцем. По-прежнему усилия этой системы будут направляться против Китая, исламского мира, Индии. В перспективе, если Россия не «воспрянет ото сна», то в лучшем случае она будет играть роль полукolonии, в худшем — ее расчленят на несколько бантустанов. Развитые страны Запада — страны «золотого миллиарда» станут потихоньку, но систематически «откусывать» по кусочку от ее геополитического тела.

1.5. Основные законы геополитики

Геополитика, как и другие науки об обществе и природе, изучает законы становления, функционирования и развития социальных, экономических, географических, политических, военных и других систем. Главным законом, который более всего привлекает внимание исследователей этой науки, по мнению видных специалистов, является *закон фундаментального дуализма*, проявляющийся в географическом устройстве планеты и в исторической типологии цивилизаций. Например, западные ученые Р. Челлен и А. Мэхен, **Х. Макиндер** (1861 — 1947) и **К. Хаусхофер** (1869—1946), русские исследователи этой проблемы Н.Я. Данилевский и **В.П. Семенов-Тянь-Шанский** (1870—1942), П.Н. Савицкий и Л.Н. Гумилев считали, что этот дуализм выражается в противопоставлении сухопутного могущества («теллуократии») и морского могущества («талассократии»). Первое проявляется в виде военно-авторитарной цивилизации (например, Древняя Спарта, Древний Рим), второе — торговой цивилизации (Древние Афины и Карфаген). По мысли родоначальников геополитики, особенно А. Мэхена и Х. Макиндера, этот дуализм изначально несет в себе семена враждебности, которые, падая на хорошую политическую и военную почву, дают плоды непримиримой вражды двух стихий (жидкой, текучей и твердой, постоянной), двух типов культурно-исторических цивилизаций (демократии и идеократии). Сухопутное могущество, или теллуократия, характеризуется четко обозначенными границами, фиксированным пространством, способами жизнедеятельности населения, устойчивостью его качественных ориентации: оседлость, ограниченность в выборе приложения труда, консерватизм, строгие нравственные или юридические нормы и законы, которым подчиняются все индивиды и группы людей, роды, племена, народы, страны, империи. Суша — это всегда прочно, устойчиво, твердо. Эта твердость формирует твердость морали и закона, твердость традиции. Нравы закрепляются в общественном сознании, передаются по наследству, формируется кодекс этических норм, принципов. Это проявляется, в частности, и в том, что сухопутным народам, особенно оседлым, близко чувство коллективизма, а не индивидуализма, чужд дух предпринимательства, наживы. В управлении большими и малыми группами главным принципом является иерархичность. Морское могущество, или талассократия, по мнению автора этой концепции А. Мэхена, — совершенно прочивоположный тип цивилизации (подробнее об этом см. гл. 2). Талассократия, или торговая цивилизация, более динамична и восприимчива к техническому прогрессу. Ей присущ дух индивидуализма, наживы, предпринимательства. Эти и другие качества индивида или группы предопределяет море, требующее такого типа личности, которая может выжить в экстремальных условиях. Поэтому индивидуум, способный на предприимчивость и нестандартные решения, представляет высшую ценность. Следовательно, в такой цивилизации нравственные и юридические нормы, принципы, законы становятся относительными. Подобный тип цивилизации развивается активнее, чем теллуократический, легко меняет нравственные и культурные ценности, признаки, сохраняя только одну основную установку — стремление вперед, к новым открытиям, приключениям, наживе.

Столетиями континентальные цивилизации (суша) довлели над морскими: Спарта и Афины, Рим и Карфаген, но ходом развития техники (повышение уровня кораблестроения, совершенствование вооружений, разделение общественного труда и, следовательно, товарообмена и торговли) объективно усиливались позиции моря, морских цивилизаций. Отсюда вытекает другой закон геополитики: *усиление фактора пространства в человеческой истории*. Это особо подчеркивает А. Мэхен в работе «Влияние морской силы на историю». В частности, он замечает,

что английская нация обязана своим величием морю более, чем всякая другая. Рост влияния талассократии начинается вместе с эпохой великих географических открытий, а достигает вершины своего могущества в конце XX в., когда англосаксонский капитализм и индустриализм сформировались как единый комплекс. Главным оплотом талассократии с середины XX в. стали США. В середине XX в. геополитический дуализм достиг своего апогея, когда теллурократия отождествлялась с СССР, а талассократия — с США и подконтрольными им сферами влияния. В качестве производного основного закона геополитики — дуализма талассократии и теллурократии можно с определенной долей условности назвать закон *синтеза суши и моря* — «береговая зона». Это тоже ключевое понятие в геополитике, «береговая зона», или Rimland — фрагмент талассократии или теллурократии. Влияние моря и предопределяет в «береговой» более активное развитие, чем на суше, поэтому она — более сложное и культурное образование. Rimland напоминает одновременно, как считает А. Дугин, «остров и корабль», а с другой стороны — «Империю и Дом». По его мнению, Rimland — «сложная реальность, имеющая самостоятельную логику и в огромной мере влияющая и на талассократию, и на теллурократию»¹³. Береговая зона выступает как субъект истории со своей волей и судьбой, но реализуются они в рамках геополитического дуализма. Таким образом, Rimland выступает поясом, пограничной зоной, или границей. В геополитике этот термин несет иную смысловую нагрузку, чем понятие границы между государствами. Морские пришельцы видят берег не как линию для самого материка, а как территорию, которую можно оторвать от континентальной массы, превратить в базу, торговый, военный анклав для дальнейшего наступления на сушу.

1.6. Категории геополитики

Как правило, все геополитические теории развивают основную категорию этой науки — **контроль над пространством**. Геополитика изучает основы, возможности, механизм и формы контроля пространства со стороны политических институтов, в первую очередь со стороны государств и союзов государств. Территория, которую контролирует или стремится контролировать государство, характеризуется прежде всего степенью освоенности центром, уровнем развития их связей. Пространство, контролируемое государством или их союзом, называют чаще всего *геополитическим полем*.

Геополитик К. В. Плешаков предложил такую классификацию подобных полей¹⁴.

- *Эндемическое* (от греч., endemos — местный) поле — пространство, контролируемое государством продолжительное время. Принадлежность этой территории данной национальной общности признают соседи. (Не все соседи безоговорочно признают исторические земли России).
- *Пограничное поле* — территория, находящаяся под контролем данного государства, но недостаточно демографически, экономически, политически освоенная. Чаще всего таким полем бывают пространства, населенные национальными меньшинствами. Сопредельные государства иногда ставят под сомнение принадлежность этих территорий, но все же не рассматривают их как свои. Именно к числу таковых полей относятся огромные Азиатские, Северо-Восточные, Дальневосточные регионы России, а также Кавказ, Калининградская область, Карелия и Мусульманский анклав на Волге.
- *Перекрестное поле* — пространство, на которое претендует несколько сопредельных государств. К таким пространствам относятся большие территории бывшего СССР, населенные преимущественно русскими и русскоязычными народами, не по своей воле оказавшимися в составе «независимых государств» СНГ.
- *Тотальное поле* — непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности. В него входит большая часть территории современной России (исключение составляет пока Чечня). В перспективе союз с Белоруссией при разумном подходе к нему дает историческую возможность расширить его.
- *Геополитическая опорная точка* — место (территория), находящееся вне тотального поля, контролируемое каким-либо государством, но коммуникации к этой территории контролируются другим или другими государствами. Например, опорной точкой России сейчас выступает Калининградская область.

• *Метаполе* — пространство, осваиваемое одновременно несколькими странами, государствами [13]. Чаще всего это освоение идет в условиях геополитического давления извне. Так сейчас идет «освоение» (экономическое, идеологическое, культурное, религиозное и т.д.) России.

С глубокой древности известны различные формы контроля над освоенным геополитическим пространством. Это военный, политический, экономический, демографический, коммуникационный, религиозный и другого вида контроль. В конце XX в. все большую роль играет информационно-идеологический, технологический и культурно-цивилизационный контроль. Эти формы контроля чаще всего используются в различных сочетаниях, так как геополитический подход требует учета всех факторов в межгосударственном взаимодействии, прежде всего географических, экономических, военных, демографических, политичесКИХ, культурно-религиозных, этнических.

Геополитические отношения — это относительное единство и борьба различных мировых сил. Чаще всего это борьба противоположностей: суши и моря, центра и периферии. Единство в Мировом историческом процессе — явление временное. Видному политическому деятелю Великобритании *Уинстону Черчиллю* (1874—1965) принадлежит мысль, что у Англии нет постоянных друзей, союзников, у нее есть только постоянные политические (геополитические) интересы. Поэтому абсолютна только борьба противоположностей. Она постоянна. Отсюда следующей важной категорией геополитики является *баланс сил*. После Беловежского разрушения СССР баланс сил в мире значительно изменился. Мир перестал быть биполярным. Запад, пользуясь этой ситуацией, навязывает России свои правила игры на мировой арене, пытается создать новый мировой порядок за счет России. И это грозит непредвиденными последствиями для всего мира.

Важной категорией геополитики является понятие *политическое пространство*, которое очерчено границами. Политическое пространство — это один из главных признаков государства. Таковым его делают определенные границы, выступающие фактором его безопасности. В геополитике весьма важную роль играют пространственные отношения между государствами, в качестве таковых выступают границы. Геополитическая проблема границ возникает всегда, когда начинается борьба за контроль, присоединение, освоение политического пространства.

Эту особенность отметил Ф. Ратцель. В частности, он утверждал, что граница есть периферийный орган государства и как таковой служит свидетельством его роста, силы и слабости и изменений в этом организме. В немецкой геополитике проблема границ — главная тема исследований. Хаусхофер культивировал у немецкого народа не только чувства геополитические, но и «чувства границ». Он отмечал, что нельзя рассматривать границы как что-то навсегда данное, они — живые органы, расширяющиеся и сжимающиеся подобно коже и другим защитным органам человеческого тела.

Проблема границ нашла отражение в Ветхом Завете и в Артахашастре, в древнегреческих эпосах. Граница между государствами, даже самыми дружественными, — это всегда политико-стратегическая линия разделения их интересов.

Одним из первых исследовал проблему границы британский лорд *Дж.Д. Керзон* (1859—1925). Будучи вице-королем Индии, он хорошо изучил азиатский опыт размежевания, отметив, что многие народы Азии избегают жестко фиксированных границ, что связано во многом с их кочевым образом жизни и с неприятием всяких регламентирующих установок. Граница как жестко зафиксированная линия характерна в основном для стран Европы. При острых пограничных спорах между государствами Керзон рекомендовал создавать буферное образование.

Граница выполняет определенные функции: ограничения или исключения въезда нежелательных лиц, исключения контактов между жителями сопредельных государств, задержания преступников, контрабандистов, сбора пошлин с ввозимых или вывозимых товаров, контроля за квотами ввозимых товаров, за движением валюты, полетами, санитарного контроля и т.д.

С определенной долей условности границы делят на естественные и искусственные.

С разрушением Советского Союза обострились пограничные вопросы по всему периметру бывшей границы СССР. Особое значение в этой связи приобретает фактор иммиграции.

Основной категорией геополитики является и понятие *интерес*. Зная, в чем заключается интерес государства, нации, нетрудно определить общий стратегический курс страны. Интересы могут быть: классовые, национальные, государственные. Если существует нация-государство, то эти интересы совпадают.

В мире идет насильственная глобализация международной жизни. По мере того как люди и институты теряют самостоятельность, они все более и более стремятся защитить свои интересы, добиться психологического комфорта, тяготеют к общностям, к которым они принадлежат

(этническим, религиозным, классовым и т.д.). Процесс глобализации генерирует консолидацию этнических меньшинств, увеличивает волну религиозного фундаментализма. Всплеск национализма при М.С. Горбачеве — реакция на его попытку втянуть СССР в общеевропейский дом.

Глобализация расслаивает даже давно сложившиеся нации, пробуждает и усиливает у них стремления к большей политической автономии, проведению «этнических чисток» и т.п. В результате получается бурлящий этнический вулкан, так как на земном шаре только около 20% государств этнически гомогенны (этнически однородны). Но даже в этнически гомогенных государствах интересы «верхов» и «низов», т. е. классов, не совпадают, как не совпадают и интересы жителей разных регионов. Не могут совпадать интересы наций, проживающих в двух разных государствах (бывшие Германии, нынешние Кореи и т.д.). Тем злее не совпадают национальные интересы наций-государств, исповедующих откровенный национализм: «великий Китай», «великая Япония», «великая Германия» и т.д.

Если говорить о государственных интересах, то много проблем снимается. Самые главные государственные интересы, сформулированы в международных документах: Уставе ООН, аключительном акте Совещания в Хельсинки, Основном Акте взаимоотношений России и НАТО и т.д. В подобных источниках международного права фиксируются политическая независимость страны, группы стран, условия их физического выживания, недопустимость любого вмешательства извне в жизнь государства, неприкосновенность его границ и т.д.

В качестве государственных интересов страны могут выступать наращивание ресурсной базы, а на ее основе — экономической, военной, финансовой, научно-технической и другой мощи страны, усиление ее геополитического влияния, рост благосостояния населения, культурный, нравственный, интеллектуальный прогресс общества. Специфика географического положения страны, внутривнутриполитическая, социально-экономическая ситуация, национально-культурные и цивилизационные особенности, уровень авторитета страны в мировом сообществе — все это формирует содержание государственных интересов. При этом географические, природно-ресурсные, экономические факторы играют особую роль.

Безусловно, весь комплекс государственных интересов надо рассматривать не в статике, а в динамике. Наибольший удельный вес из них имеют те, что подтверждаются нормами международного права. Справедливыми будут и те интересы страны, что не нарушают интересов других государств. Конечно, на практике чаще всего в качестве судьи, определяющего нарушают — не нарушают мои интересы, выступают те государства, которые обладают реальной силой: военной, экономической, финансовой. Крыловскому Волку Ягненок не мешал жить, однако спор решился в пользу Волка, который хотел кушать. Память человеческая не в силах удержать факта бесчисленных вмешательств США в жизнь латиноамериканских, арабских стран, а сейчас это очередные вмешательства во внутренние дела в Югославии и т.п. Дело в том, что содержание «государственных интересов» объективно. Однако трактуют его субъекты — лидеры стран по-своему. Они же берут на себя роль выразителей государственных интересов, обосновывают первоочередность целей, решения внутренних и внешних задач. В авторитарных и демократических государствах механизмы достижения целей и задач различны. Но в абсолютном большинстве стран решающую роль играли и играют мощные финансовые группы — олигархии. Главными объектами их интересов в конце XX в. (а в перспективе эта проблема значительно обострится) будут природные ресурсы и рынки сбыта готовой продукции.

С рассмотренной категорией тесно связано и другое базовое понятие науки геополитики — **механизм реализации государственных интересов**. Какие принципы, нормы права, морали, политики должны быть приоритетными при отстаивании этих интересов? Практика показывает, что на первый план выступают прагматические интересы, достигаемые силой без учета каких-либо норм и принципов морали. Разница была и есть в том, что одни — геополитически сильные государства или их группа —

хотят сразу и все, другие — по частям и постепенно. Одни пытаются реализовать свои государственные интересы путем активной, а другие — ползучей экспансии. Эти методы (условно: Запада и Востока) нарабатывались веками, они имеют свою историю и методологию. Одни идут по пути укрепления национальной геополитической силы (Китай, Япония), другие — по пути создания новых коалиций. Внутри этих коалиций (НАТО, ЕС и др.) идет постоянная скрытая или явная борьба за лидерство как внутри коалиций, так и в ключевых районах мира (например, дележ постсоветского пространства, ближнего Востока).

Мощь (могущество) государства исторически проявлялась в первую очередь как мощь военная. История оставила многочисленные памятники: хвастливые изречения вождей, царей, королей и т.д.

на каменных стелах, в рукописных манускриптах, летописях, мифах, сагах, хрониках, книгах и т.д., где говорится о том, что побеждал тот, кто был лучше вооружен, чьи войска были лучше организованы, выучены, более мобильны, дисциплинированы и пр. Военная мощь возрастала по мере научно-технического прогресса, наработок военной мысли. Все это вкупе с географическими факторами работало на становление или упадок мощи государства. Геополитические конфликты возникали чаще всего вокруг разделов и переделов мира, за спорные территории, за расширение сфер влияния.

По мере накопления экономического, финансового, интеллектуального потенциала государственная мощь стала прирастать этими элементами. Вторая половина XX в. показала, что борьба за передел мира может вестись не только с применением Двоенной силы, но и путем экономической, финансовой, культурно-идеологической экспансии. Многие современные геополитики полагают, что «мощь страны — это комплексный показатель взаимодействующих в системе факторов», величина не абсолютная, измеряемая какими-то единицами, а относительная, т. е. проявляющаяся в процессе интеракций государств в международных отношениях и оцениваемая по их результатам. В определенной гепени элементы мощи государства взаимозаменяемы.

Государственные интересы порождают те или иные действия стран и народов. Эти действия могут носить оборонительный или наступательный, захватнический или освободительный характер. В геополитике чаще всего применяется категория *экспансии*, под которой обычно понимаются какие-либо территориальные приобретения или установление военно-политических сфер влияния.

Практика показала, что экспансия может быть не только военной, но и экономической (торговой, финансовой и т.п.), а также культурно-идеологической, информационной и т.д. В конце XX в. главным видом экспансии остается территориальная — борьба за сырьевые ресурсы суши и моря, за биоресурсы — за выживание.

Территориальные приобретения — это чаще всего долгосрочные приобретения, это «жизненное пространство». Россия объективно стала страной, притягивающей интересы сопредельных и дальних государств, желающих потеснить ее, «полакомиться» ее территориями, потеснить в других регионах земного шара. Так, Турция в одностороннем порядке изменила толкование соглашений 1936 г. о статусе Черноморских проливов; Россия медленно, но упорно оттесняется от богатств Антарктиды, Китай ведет против России тихую ползучую демографическую экспансию, внедрив в демографическое тело РФ уже около 2 млн. своих сограждан. В силу ряда причин экспансия против России носит в основном «мягкий характер». Иные ее формы могли бы повлечь осуждение мировым сообществом, активное сопротивление русских, а самое главное — пока у нашей страны есть еще самое грозное оружие — ракетно-ядерное. В XXI в. по мере обострения и глобализации ресурсного кризиса, особенно энергоносителей, роста народонаселения, истощения и сокращений площадей плодородных земель, экологического напряжения, вероятно, в мировые отношения вернется жесткий вариант территориальной экспансии.

1.7. Методы геополитической науки

Геополитика использует разные методы изучения соответствующих явлений и процессов. Как правило, эти методы разрабатывались в других науках: политической географии, истории, социологии, политологии и т.д. В принципе это могут быть любые методы, применяемые наукой: системный, деятельностный, сравнительный, исторический, нормативно-ценностный, функциональный, к которому примыкает структурно-функциональный анализ, институциональный, антропологический, общелогические методы и методы эмпирических исследований и др.

Системный метод в качестве основного принципа берет структурно-функциональный подход, которым хорошо владели **К. Маркс** (1818-1883), **Т. Пирсон** (1902-1979) и другие экономисты, социологи, политологи. Принято считать, что системный подход в социологии и политологии детально разработан в 50—60-х годах нынешнего века Т. Парсонсом. Суть этого метода — в рассмотрении любой сферы общественной жизни, науки, в частности, геополитики, как целостного, сложно организованного саморегулирующегося организма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через входы и выходы системы. Любая система стремится к самосохранению (геополитическая не исключение) и выполняет определенные функции, среди них важнейшей является распределение ценностей и ресурсов и обеспечение принятия гражданами распределительных решений в качестве обязательных.

Деятельностный метод в науке (особенно политологии, психологии, социологии и др.) называют психологическим или социально-психологическим. Он ориентирован на изучение зависимости поведения индивидов или групп от их включения в более глобальные общности, а также на исследование психологических характеристик наций, классов, толпы, малых групп и т.п. В геополитике деятельностный метод направлен на анализ политической картины в ее динамике. Он рассматривает ее как специфического вида живую и овеществленную деятельность, как циклический процесс, имеющий определенные стадии или этапы. Это определение целей деятельности, принятие решений; организация масс и мобилизация ресурсов на их осуществление; регулирование деятельности групп, масс; контроль за достижением поставленных целей; анализ результатов деятельности и постановка новых целей и задач. Этот метод (деятельностный) составляет методологическую базу теории геополитических решений.

Как считают многие ученые, специфическим развитием и конкретизацией деятельности этого подхода выступает критико-диалектический метод, который ориентирует на критический анализ явлений, фактов, течений в геополитике, выяснение противоречий как источника самодвижения в обществе, источника экономических, социально-политических, геополитических изменений. Этот метод широко использовался марксистами, немарксистами (Ю. Хабермас, Т.В. Адорно и др.), в леволиберальной и социал-демократической мысли и т.д. Этот метод плодотворен, применяется довольно широко.

Сравнительный метод широко распространен во многих науках об обществе: в истории, социологии, географии и политологии. Его использовали Платон, Аристотель и другие мыслители Античного мира и Древнего Рима. В социологию его ввел французский философ **О. Конт** (1798—1857). Политология, отпочковавшись от социологии, взяла его на вооружение. Геополитика как синтетическая наука также широко пользуется этим методом. Он предполагает сопоставление однотипных явлений жизни для выделения их общих черт и специфики, нахождения оптимальных путей решения задач и т.п. Этот метод позволяет плодотворно использовать опыт других народов и государств. Безусловно, это должно быть не слепое копирование тех или иных способов достижения геополитических целей, а творческое решение задач применительно к условиям, месту и времени.

Исторический метод также издавна применяется во всех общественных науках. Он требует изучения всех явлений жизни в последовательном временном развитии, выявлении связи прошлого, настоящего и будущего. Этот метод в геополитике, как и в философии, социологии, истории, политологии, — один из важнейших. Первый русский профессиональный социолог **М.М.**

Ковалевский (1851 — 1916) на базе сравнительного и исторического методов предложил историко-сравнительный метод. Он хорошо известен и не нуждается в особых комментариях.

Сущность *нормативно-ценностного метода* — в его названии. Он включает в себя выяснение значения тех или иных фактов, явлений для государства, личности; оценку этих фактов или явлений для блага страны, индивида. Оценка дается с позиций справедливости или несправедливости, уважения или попрания свободы народов других стран. При этом предполагается, что политик, государственный деятель должен в своей деятельности, при принятии решений исходить из этических ценностей и норм и в соответствии с ними вести себя. Этот метод, безусловно, страдает многими недостатками. Чаще всего реальная политика и моральные нормы лежат в разных

плоскостях. Нормативный метод, как правило, идеализирует политику и политических лидеров, принимающих порой непродуманные политические решения, меняющие коренным образом геополитическую картину мира. Примером могут служить решение Горбачева — Шеварнадзе о передаче 60 тыс. км² Берингова моря США, роспуске Организации стран Варшавского договора или решение Ельцина, Кравчука, Шушкевича о ликвидации СССР и создании СНГ. Нормативный метод часто бывает оторван от реальности. Его слабость — в относительности ценностных суждений, их зависимости от социального положения и индивидуальных особенностей людей. Но он придает геополитике человеческое измерение, вносит в нее определенное нравственное начало.

Функциональный метод требует тщательного изучения зависимостей между различными сферами общественной жизни или отношениями между странами или группой стран: их экономическими, политическими отношениями, уровнями военных контактов или противостояния, степенью урбанизации населения, его плотности, политической активности, высоты морально-психологического духа и т.п. Этот метод практически далек от этических оценок геополитических решений и базируется на позитивистско-прагматических установках. Одним из первых этот метод широко использовал известный итальянский политик, мыслитель Н. Макиавелли. В книге «Государь» он провозгласил отказ в реальной политике не только от религиозных, но и от этических ценностей. Его методологической установкой был анализ реальной жизни, политики во всей ее противоречивости.

Сведения об этом методе будут неполными, если не сказать о примыкающем к нему бихевиористском методе. Последний широко использует методы естественных наук и конкретных социологических исследований. Он требует ясности, четкости, однозначности и проверяемости знаний опытом. Требования бихевиористского метода применительно к политике сформулировал Вудро Вильсон в 1880 г. Суть их сводилась к следующему:

политика (и геополитика) имеет личностное измерение, действия людей (их интересы) фокусирует и выражает конкретная личность. Она и является главным объектом исследования;

- главными мотивами поведения, действий людей являются психологические мотивы. Они могут быть социально обусловлены, но могут иметь специфическую индивидуальную природу;
- широкое использование методов естественных наук, в частности, количественные измерения, когда можно применять математические, статистические данные, возможности компьютерной техники и т.п. -.-

К этим методам примыкает *структурно-функциональный анализ*. Он рассматривает общество, государство, союз государств как систему, обладающую сложной структурой, каждый элемент которой выполняет специфические функции, удовлетворяющие определенные потребности и ожидания системы. Действуют элементы системы согласно определенной программе, заданной самой структурой организации. Главная задача организаций (союза) — сохранить равновесие системы, исправное исполнение функций (ролей) элементами организации.

Институциональный метод ориентирует на изучение деятельности институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность — функционирование государства, партий, организаций и объединений и т.п. Этот метод до начала XX в. был ведущим в политологии, находил широкое применение в социологии, геополитике. Само понятие «социальный институт» пришло в науку из социологии, а ввел в научный оборот этот термин английский социолог *Г. Спенсер* (1820—1903). Стоит указать и *антропологический метод*. На первое место по важности он ставит не социальные факторы, а природу человека, имеющего большой набор потребностей, прежде всего материальных (в воздухе, воде, пище, одежде, жилище, безопасности, духовном развитии и т.п.). Сторонники этого метода видят в человеке родовое существо и это понятие считают принципиально важным. Человек воспринимается как существо биологическое, социальное и разумное, изначально обладающее свободой. Род человеческий един независимо от расовых, географических, социальных и иных различий, все люди равноправны. Этот метод предлагает не ограничиваться изучением социальной среды или рациональной мотивации при принятии важных решений — политических, экономических, социальных, военных и т.д., но выявлять, изучать иррациональные, инстинктивные мотивы поведения, детерминированные человеческой природой.

Общелогические методы относятся в большей степени к организации и процедуре познавательного процесса, связанным с геополитическими действиями, изменениями. В эту группу входят анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, сочетание анализа исторического и логического, все виды эксперимента, моделирование, кибернетические, математические, прогностические и другие методы.

Методы эмпирических исследований пришли в геополитику и вообще в науку из социологии, статистики, кибернетики и других наук. К ним относятся анализ документов, опросы, эксперименты, теория игр и др.

1.8. Функции геополитики

Геополитика как научная дисциплина имеет многообразные связи с жизнью отдельного государства, союза государств, противостоящих блоков. Она отражает объективные связи и закономерности реальной жизни, что позволяет ей выполнять определенные функции. Наиболее важные из них познавательная, или гносеологическая, прогностическая, управленческая, идеологическая. Некоторые ученые называют в качестве самостоятельных функций аксиологическую, или оценочную, воспитательную, или функцию политической социализации, формирования гражданственности, политической культуры населения. Но, на наш взгляд, они органически входят в познавательную, прогностическую, управленческую и идеологическую функции.

Познавательная функция связана прежде всего с изучением тенденций геополитического развития стран и народов, изменением различных явлений, процессов, событий. В научном познании геополитической жизни чаще всего пользуются совокупностью теоретических знаний из жизни государств, стран и народов, используя методы сравнения, аналогий, экстраполяции, но также широко применяют и эмпирические исследования. Они обеспечивают приоритет новых эмпирически обоснованных знаний о геополитической действительности. Делается это путем обнаружения и анализа новых фактов и тенденций изменения всей совокупности факторов геополитической жизни. Это служит важной предпосылкой для понимания и объяснения глобальных и региональных сдвигов на геополитической карте мира. Безусловно, для такого понимания и объяснения надо применять общелогические методы: анализ и синтез, индукции и дедукции и т.д. Приходится перерабатывать и обобщать огромный объем информации о конкретных геополитических явлениях, фактах, процессах. Могут применяться и другие психологические, социальные, специальные методы: контент-анализ документов, тестирование, социометрия и т.д. Это может быть анализ действий, поступков, поведения, выступлений, заявлений участников политических событий небольшого региона, глобального блока или союза. Исследователь получает информацию, которая выражается в объективных и субъективных показателях. Первая группа информации дополняет и уточняет данные официальной статистики, изменений, протекающих в мире, вторая — это информация о мотивах, намерениях, целях деятельности различных субъектов мировой или региональной геополитики. Познавательная ценность субъективной информации очень велика. Она раскрывает роль человеческого фактора в международной или региональной жизни, обращает внимание на субъективно-психологические стороны массовых геополитических процессов, позволяет видеть степень адекватности отражения объективных тенденций геополитического развития в сознании лидеров государств, блоков стран, социальных или этнических групп и народов, принимающих участие в мировых или региональных событиях.

Представляют интерес для познания и прогноза данные об участниках политических событий, подробности их социально-нравственных ориентации, данные об их потребностях и интересах, уровне культуры, мотивах, фактах реального и вербального поведения и даже их пристрастиях (хобби). Эмпирические исследования позволяют собрать информацию об общественном мнении в интересующем исследователя регионе или мнение народов тех или иных глобальных регионов, а также изучить морально-психологическое настроение населения нужной части планеты. Кроме чисто информационной функции, а ее мы рассматриваем как неотъемлемую часть познавательной, эмпирические исследования позволяют выявлять новые тенденции геополитического развития, тем самым они обогащают теорию. Для того чтобы России выйти из нынешнего тупика, необходим теоретико-методологический прорыв в системе знаний об обществе, о мире, о науке, о технике. Без этого невозможно внедрение новых технологий, а без них (во всех сферах экономической, политической, социальной, духовно-нравственной жизни, в управлении и т.п.) Россия обречена быть на задворках истории, превратиться в сырьевой придаток развитых стран. Отсюда одна из важнейших задач молодой науки — геополитики — создать теоретический, концептуальный аппарат, способный составить основу радикальных изменений в современной России.

Прогностическая функция геополитики вытекает из познавательной, тесно смыкается с ней. Собственно, любые исследования — теоретические, эмпирические — проводятся во многом для того, чтобы дать более или менее верный прогноз развития геополитических сил, полей, обозначить конфигурацию стран или союзов, их влияние на развитие международных, этнических отношений, уладить возможные локальные конфликты и выработать рекомендации для их предотвращения или погашения.

Ценность любого геополитического исследования, начиная от конкретных, эмпирических, и кончая теоретическими, в которых дается анализ эмпирического материала, состоит в том, насколько

адекватно, точно они отражают тенденции многообразных геополитических процессов. Ценность еще и в том, в какой степени они завершаются научно обоснованными прогнозами, а также и в том, насколько эти прогнозы будут способствовать реализации прогрессивных геополитических изменений в интересах человека, страны, региона, всего человечества в целом. В подготовке краткосрочных и долгосрочных прогнозов политических изменений регионального или глобального характера важную роль играет мониторинг — слежение за проходящими процессами. Применение методов сравнения, аналогий других позволит заранее предупредить нежелательные геополитические события.

Управленческая функция геополитики проявляется прежде всего в сборе и анализе эмпирической информации, выработке конкретных управленческих решений и рекомендаций. Без оптимального объема информации, без должного ее анализа, выводов и рекомендаций ученых политическим лидерам, военным руководителям, экономистам невозможно принимать верные решения, управлять геополитическими процессами, да и вообще руководить конкретной сферой общественной, политической, финансово-экономической жизни. При управлении любым видом деятельности, подготовке управленческих решений важно хорошо проанализировать проблемную ситуацию, дать правильную оценку соотношения различных сил, факторов — политических, географических, экономических, военных и т.п., знать уровень влияния субъектов всех событий, определить степень риска — политического, военного, социального, экономического и т.п., наметить конкретные меры противодействия оппозиционным, противодействующим силам и т.д. Итак, управленческая функция геополитики конкретно проявляется в том, что ее прикладная часть напрямую участвует в подготовке, разработке практических рекомендаций для управления геополитическими событиями, формирования, руководства. Практические рекомендации в геополитике делятся чаще всего на две группы: объективные и субъективные. Первая группа факторов предполагает объективные условия человеческой жизнедеятельности. Анализируя их влияние на конкретную систему геополитических отношений, исследователь, ученый, политический лидер, военачальник и т.д. опирается на конкретную информацию, получаемую в ходе исследования, сбора разведанных и т.п. После анализа информации определяются тенденции развития событий: от факта, конкретного случая или явления к обобщению. Затем даются рекомендации для теоретического уровня науки. Но уровень рекомендаций может остаться чисто прикладным, утилитарно-прагматическим, носящим ситуативный характер и не иметь существенного значения для науки. В данном случае многое зависит от умения анализировать, от уровня подготовки специалиста-аналитика, т. е. большое значение имеет субъективная сторона вопроса. Кроме того, субъективная группа факторов включает интересы, мотивы, цели, намерения, ценностные ориентации и установки, идеологическую и мировоззренческую позиции и т.д. Это важно знать, чтобы вычислить степень отклонения от прогнозируемого управленческого решения. Итак, геополитика — наука управлять и править.

Идеологическая функция геополитики так же многогранна, как и предыдущие. Сама по себе эта дисциплина долгие десятилетия была яблоком идеологического раздора и считалась в СССР лженаукой, идеологией империализма, фашизма, оправдывающей агрессивные устремления высокоразвитых стран к мировому господству. Это действительно было и есть. Эта сторона геополитики носила и носит чисто апологетический характер. Конечно, невозможно забыть крыловские строки: «У сильного всегда бессильный виноват». Поэтому геополитика часто выступает на практике как адвокат сильных мира сего. Однополярный мир, сложившийся после разрушения системы коллективной безопасности стран Восточной Европы, после Беловежского развала СССР подтверждает, что идеологическая сторона геополитической функции усилилась. Примеров тому бесчисленное множество. Например, интересы прежде всего США, Великобритании, Германии, Японии и других высокоразвитых стран выдаются ими за общечеловеческие интересы и ценности. НАТО от имени ООН или Совета Безопасности ООН, а порой и не спрашивая их разрешения, берет на себя функции мирового жандарма. Так было в Ираке, Ливии, Югославии. Услужливые ученые, журналисты, политические деятели, военные не только Запада, но и России наперегонки стремятся объяснить «непонятливым» русским или китайцам, индийцам или нигерийцам, что бомбили мирное население этих или других стран для наведения там порядка, соответствующего пониманию сильного, пониманию победителя. Итак, геополитика — это наука о больших пространствах, о глобальных политических, экономических и других процессах и искусстве управления ими.

1. *Философский* энциклопедический словарь: 2-е изд. — М., 1989- — С- 116.
2. *Dorpaten Andreas*. The World General Haushofer. Geopolitics in Action. New York, 1942, p. XII.
3. *N Dorpaten Andreas*. Указ. соч. — С. 24—25.
4. *Поздняков Э.А.* Геополитика. — М.: Прогресс, Культура, 1995. — С. 42.
5. *Данилевский И.Я.* Россия и Европа. — М.: Глаголь, 1991. — С. 50—51.
6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — №1. — С. 33-35.
7. *Мэхен Л.Т.* Влияние морской силы на историю. 1660—1793. — М. —Л., 1941. С. 23.
8. *Полубий.* Всеобщая история в сорока книгах. Т. 1- — М., Г890. — С. 429.
9. *Аристотель.* Политика. Соч. в 4-х т. — М., 1984. — С. 434—435.
10. *Монтескье Ш.* Избранные произведения- — М., 1955. — С. 352.
11. Цит. по: *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. — М., 1960. — С. 33.
12. Подробнее о геополитических эпохах см.: *Зюганов Г.* География победы. — М., 1998. - С. 59-77.
13. *Дугин А.* Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997. — С. 23—24.
14. *Плешаков К.В.* Геополитика в свете глобальных перемен. // Международная жизнь. - 1994. - №10. - С. 32-34.

Глава 2

Основные идеи и принципы классиков

ГЕОПОЛИТИКИ

Экономические, религиозные, нравственные, династические, идеологические и иные социальные детерминанты политики менялись во времени: одни уходили, другие приходили им на смену, но контуры земли, равнин и горных хребтов, морей и рек, на которых и вокруг которых селились люди и образовывались государства, оставались в основе своей неизменными.

Качественно переосмыслены эти факторы были на рубеже XIX—XX вв. Был совершен скачок, который аккумулировал идеи философской, географической, исторической, политической, военной мысли. Геополитика могла родиться именно в это время, и не в X или XVI в., во многом потому, что к концу XIX в. мир стал «тесен», был накоплен значительный научный потенциал, а сама геополитика как наука была востребована временем.

2.1 «Органическая школа» Фридриха Ратцеля

Одним из основателей геополитики по праву считается немецкий ученый Фридрих Ратцель, геолог, палеонтолог и зоолог. Фридрих Ратцель окончил политехнический университет в Карлсруэ, затем — университет в Гейдельберге, где прослушал курс лекций профессора Эрнста Геккеля (автора термина «экология»). Мировоззрением и методологией Ф. Ратцеля были идеи эволюционизма и дарвинизма. В системе взглядов немецкого ученого

— «отца» геополитики — видны многие идеи родоначальника социологии француза Огюста Конта: эволюционизм, признание влияния географической среды на развитие народа, государства, роли демографических и космических факторов в функционировании политических систем, жизни этносов и государства.

Это влияние О. Конта просматривается в работах Ф. Ратцеля: «Земля и жизнь. Сравнительное землеведение», «Народоведение» и в фундаментальной книге «Политическая география». Уже в работе «Земля и жизнь» «отец» геополитики рассматривает землю как единое целое: твердая, жидкая и газообразная части земли, равно как жизнь, развивающаяся в них, — одно целое, элементы которого связаны между собой исторически и находятся в непрерывном взаимодействии. Все это, пишет Ф. Ратцель «мы и называем органическим пониманием земли». Водные и воздушные бассейны он считал двумя морями, где твердая часть земли являлась дном этих двух морей¹.

Первый шаг людей к морю ученый определяет как «начало всемирной истории человечества». Народоведение несовершенно, если оно знает только земледельцев и скотоводов, кочевников и охотников.

Морские народы, по мнению Ратцеля, образуют оригинальную группу —

...их распространение, жилища, деятельность совершенно своеобразны. Морские народы распространяются скачками с острова на остров, с одной береговой полосы на другую.

Такая морская кочевая жизнь, полагает Ратцель, обусловлена избытком населения, повторяющимся через несколько поколений. «Что-то сходное с природой моря, — пишет далее автор, — лежит в истории этих народов». Он утверждает, что история Египта или Китая, где отсутствует морская кочевая жизнь, однообразна, ее ходу не хватает живого обмена противоречий, и она рано приходит в застой. Отсюда он делает вывод:

... в замкнутой среде материковых земель развиваются лишь полу-культуры, а пастушеские народы живут вне границ культуры, враждебны ей².

Настоящей мировой державой, по его мнению, была та держава, которая владела морем, — это Рим, Испания, Англия.

Ф. Ратцель также обстоятельно анализирует значение климата в жизни народов. Особо останавливается на факторах воздействия климата на человека: влияние теплоты, давления и влажности воздуха на тело и психику человека, влияние света, климата на внешний образ жизни человека, а также исследует образ жизни человека в течение одних суток и годового цикла времени. Он отмечает троякого рода влияние климата на человека:

- непосредственные изменения в физической и душевной жизни человека под влиянием света, тепла, холода, сырости, сухости, давления воздуха и ветров, влажный воздух тропиков действует усыпляющим образом тогда, как сухость австралийского воздуха возбуждает нервную систему. Отсюда различия характеров провансальца, живущего в климате Средиземного моря, и бретонца или нормандца, страна которого обладает климатом южной Англии. Те же отличия видны, по его мнению, в характере жителя Северной Америки и Техаса, новой Англии и Канады или Калифорнии;
- климат воздействует на переселение народов. Континентальный климат степей приводит к кочевому образу жизни: кочевники переходят границы своих земель, наводняют другие страны, где под влиянием сырого климата обращаются в земледельцев:

* от климата зависят произрастание растительности и распределение животных, а следовательно, образ жизни человека. В Исландии невозможно развитие земледелия, и население занимается овцеводством и рыболовством. В тех же южных Штатах Северной Америки, где произрастают табак, хлопок, появились рабы — негры, отсюда образовался своеобразный социальный слой³. Однако автор делает исключение из этого правила, отмечая, что народы не на всякой ступени развития одинаково подчиняются влиянию климата. Но при работе и переселении на новые места, особенно в тропиках, климатические воздействия сказываются всего сильнее. По мере развития

культуры противодействие этому влиянию увеличивается, так что для недоразвившегося народа климат является главнейшим условием его дальнейшего существования.

Температурные колебания, по Ратцелю, благоприятствуют здоровью и культуре, обмену веществ и развитию ума, и тропический климат действует так удручающе и усыпляюще исключительно благодаря малым колебаниям температуры.

Давление воздуха также оказывает влияние на тело и психику человека. На высотах более разреженный воздух, — считает ученый, — отнимает менее тепла у организма, а последний получает от солнца и небесного свода гораздо больше лучей, чем в низинах, так как поглощение лучей влагой здесь меньше, благодаря сухости воздуха на высотах умеренных поясов нет многих заразных болезней, а на тропических высотах нет ни малярий, ни других болезней, свойственных влажным и сырым низменностям. Главной задачей своего труда «Народоведение» Ф. Ратцель считает «географическое воззрение (рассмотрение внешних ус-твий) и тропическое разъяснение (рассмотрение развития). В гвоей фундаментальной работе он формулирует и развивает тему о том, что распространение человеческих рас, форм брака, развитие браков, общественного труда связаны во многом с природно-климатическими условиями. Однако он подчеркивает родовой признак людей, единство человеческого рода — это, по его мнению, есть теллурический, или планетный, признак. Человек — гражданин земли в самом широком смысле слова. Из всех существ, связанных с почвой, он — одно из самых подвижных. Отдельные движения сплетаются между собою и из них выходит великое движение, субстратом которого является все человечество. Таким образом, мы получаем право говорить о единстве человеческого рода, если под единством мы будем подразумевать общность естественной почвы, создаваемую природой.

В качестве доказательства влияния почвы, географической Череды на виды деятельности человека Ф. Ратцель приводит данные статистики о плотности населения развитых регионов планеты: Африки, Северной Америки, Азии, Океании и т.д.

Численность людей тесно связана с их почвой, оказывающей значительное влияние на их внутреннее развитие, распространение и взаимные отношения, —

и далее он говорит, что

развитие нынешних состояний человечества зависит^ гораздо высшей мере, чем обыкновенно полагают, от увеличившейся численности населения. Организация народов внеевропейского культурного круга не допускает плотного народонаселения. Небольшие общины, обрабатывающие клочки земли, отделены друг от друга обширными пустыми пространствами... Они значительно ограничивают сношения между людьми и делают невозможными большие скопления людей .

Другим фактором, влияющим на образ жизни населения, по его мнению, является культура, в частности, культура землевладения, садоводства. Где выше уровень культуры земледелия, там гуще население. И

чем ближе люди соприкасаются между собою, тем ближе они принимают участие друг в друге, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении силы. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры: в старых и новых культурных центрах мы видим плотно скученные народные массы⁷,

Этот тезис он подтверждает ссылкой на плотность населения Китая и Индии, с одной стороны, и кочевых народов Монголии и Тибета и восточных тюркских народов — с другой, где проживает менее 1/60 части населения от числа китайцев и индийцев.

Ратиель делает вывод о том, что

редкое население уже само в себе, заключает повод к упадку; его небольшая численность легче подвергается ослаблению и исчезновению. Быстрый расход жизненных сил является признаком всех народов более низких ступеней культуры. Основа, на которой держится их хозяйство, узка и неполна: воздержанность часто граничит с бедностью, нужда является частым гостем и у них отсутствуют все меры предосторожности, которыми врачебное искусство окружает нашу жизнь. В борьбе с торжествующими силами природы арктических стран и степных областей южного полушария упадок, замечаемый на границе Эйкумены, может доходить до полного истощения, даже до уничтожения целого народа.

По мнению Ратцеля, вымирание диких народов происходит в двух случаях: самоуничтожение и под влиянием высшей культуры. Обе эти причины действуют вместе.

Таким образом, распространение культуры представляется нам самоускоряющимся разрастанием культурных народов на земном шаре, которое ведет к более полному осуществлению единства человеческого рода⁶.

Он рассматривает различия между народами по степени давления на них культуры, по характеру связи с природой. Он пишет:

Культура делает нас свободными не в смысле полного отрешения от природы, а в смысле более разнообразной и широкой связи с нею. Крестьянин, собирающий свой хлеб в житницу, столько же зависит от почвы своего поля, сколько индеец, собирающий в болоте водяной рис, который он не сеял, но для первого эта зависимость менее тяжела, так как запас, который он предварительно собрал, освобождает его от забот, тогда как последнего близко затрагивает каждая буря, сбивающая колосья в воду. Мы не освобождаемся от влияния природы,... мы освобождаемся только от влияния отдельных случайностей..., вследствие того, что связь наша с нею становится разнообразнее.

Ратцель как антропограф ставит своей задачей «узнать человечество во всех его частях в том виде, в каком оно живет в настоящее время». Однако предпочтение он отдавал «географическому положению, климату и почве». Вокруг них вращаются интересы народов. Государство у него — это живой организм, укорененный в почве. В государстве отражается объективное осмысление народом этой данности. Все это выражается в политике, вбирающей в себя географические, демографические и этнокультурные признаки нации. В «Политической географии» он, в частности, писал, что государства — это пространственные явления, управляемые и оживляемые этим пространством, и описывать, сравнивать, измерять их должна география. Итак, видно, что понимание государства как живого пространственного, укорененного в почве организма — главная мысль теории Ратцеля. Отсюда видно, что пространственная экспансия государства выступает как естественный живой процесс, подобный росту живого организма, о чем в свое время писал основатель органической школы в социологии Г. Спенсер.

Пространство, по Ратцелю, есть жизненное пространство, геобиосфера, которая дает народу жизненную энергию, рассматривается как жизненное непрерывное тело этноса, проживающего на этом пространстве. О соотношении этноса и пространства он писал, что «характеристики государства развиваются из характеристик народа и почвы». Наиболее важные характеристики — размеры, местоположение и границы. Далее следуют типы почвы вместе с растительностью, ирригация и, наконец, соотношения с остальными конгломератами земной поверхности, в первую очередь с прилегающими морями и незаселенными землями. Но когда говорят о «нашей стране», к этому добавляется все то, что человек создал, и все связанные с землей воспоминания. Так географическое понятие превращается в духовную и эмоциональную связь жителей страны и их истории.

Государство является организмом..., потому что эта связь взаи-моукрепляется, становясь чем-то единым, невысказанным без одного из двух составляющих... Обитаемое пространство... способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в него⁹.

Ратцель одним из первых сформулировал мысль о том, что у больших стран, государств, которые рождаются, растут, умирают, проявляется тенденция к географической экспансии. Расширение и сжатие государства — естественный процесс, связанный с жизненным циклом. Ратцель сформулировал семь законов пространственного роста государств, прежде всего законы пространства и местонахождения. Это совокупность принципов пространственного роста государств:

- *Пространство государства растет вместе с ростом его культуры.*
- *Рост государства предполагает дальнейшее развитие идей, торговли, т. е. повышенную активность во всех сферах жизни общества.*
- *Рост государства идет за счет поглощения (присоединения) малых государств.*
- *Граница — это периферийный орган государства, она — признак его роста, силы или слабости и изменений в его организме.*
- *Государство стремится вобрать в себя наиболее ценные элементы физического окружения: береговые линии, русла рек, районы, богатые ресурсами.*
- *Первотолчок к территориальному росту приходит к неразвитым государствам извне, от более развитых (высоких) цивилизаций.*

- *Тенденция к слиянию — характерная черта государств, которая переходит от одного к другому, постоянно набирая силу¹⁰.*

Рост государств он считал «всеобщей, универсальной тенденцией. Развитие контактов людей, обмен, торговля — это прелюдия к установлению политического контроля государства над новыми колонизируемыми территориями». Торговля и война у него — это две формы, две стадии в процессе территориального государства.

Ф. Ратцель первым высказал мысль о возрастании значения моря для развития цивилизации. Таким образом, мы видим, что в его трудах содержатся все основные идеи, на которых и поныне базируется наука геополитика.

2.2. Рудольф Челлен — автор категории «геополитика»

Рудольф Челлен — автор термина «геополитика», швед по национальности, но германofil душой, считал себя учеником Ф. Ратцеля. Он рассматривал новую науку — геополитику как часть политологии, в свою очередь отпочковавшуюся в конце XIX - начале XX вв. от социологии. Понятие «геополитика» Челлен определил так: это наука о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве.

Основной тезис Р. Челлена: государство – живой организм. Это развивается в его главной работе «Государство как форма жизни», в которой, в частности, он пишет:

Государство - не случайный или искусственный конгломерат различных сторон человеческой жизни, удерживаемый вместе лишь формулами законников; оно глубоко укоренено в исторические и конкретные реальности, ему свойствен органический рост, оно есть выражение того же фундаментального типа, каким является человек. Одним словом, оно представляет собой биологическое образование или живое существо.

Как таковое, оно следует закону роста:

... сильные, жизнеспособные государства, имеющие ограниченное пространство, подчиняются категорическому императиву расширения своего пространства путем колонизации, слияния или завоевания¹¹.

Челлен разделял точку зрения Ратцеля о том, что почва, на которой государство расположено, есть его интегральная часть, что почва и государство - единое целое. Но пангерманист Челлен идет дальше своего учителя и отмечает роль таких факторов, важных для функционирования и развития государства, как народ, экономика, форма правления и др. До отцов – основателей геополитики -- о трех важнейших факторах в истории любого народа и государства уже говорили Монтескье и, особенно, Конт. Но немецко-шведские геополитики значительно дополнили их, систематизировав эти факторы.

Кроме физико-географических признаков, государство, по мнению Челлена, проявляет свою суть в четырех других формах:

- в хозяйственной (со своей специфической активностью) этот признак он назвал экополитикой;
- как народ со своими национальными и этническими характеристиками – демонополитика;
- как социальное сообщество различных классов и профессий - социополитика;
- в форме государственного управления со своей конституционной и административной структурой – кратополитика.

Взяты вместе, они, по Челлену, образуют и пять элементов одной и той же силы подобно пяти пальцам на одной руке, которая трудится в мирное время и сражается в военное»¹².

Челлен развил идеи Ф. Ратцеля о биологической или органицистской сущности государства. На его взгляды оказали большое влияние переход капиталистического способа производства от свободной конкуренции в государственно-монополистический капитализм, а также Первая мировая война, в ходе которой шел передел поделенного мира. Он был в числе тех ученых, которые теоретически предвосхитили не только итоги передела мира, но и установление фашистских диктатур. Об этом, в частности, Челлен писал, что «политическая демократия также не будет последним словом в истории». Ученый выступал как сторонник устранения парламентаризма, установления императорской власти, или цезаристской концентрации власти. Власть, у него «не должна напрасно носить меч».

Если в биологической системе Ратцеля государство выступает как организм низшего типа, находящийся на одном уровне с водорослями и губками, то Челлен утверждал, что

государства, как мы их наблюдаем в истории, являются подобно людям, чувствующими и мыслящими существами.

Отсюда он делает вывод о том, что назначение, сущность всякого организма — «в борьбе за существование», а государства как «наиболее импозантные формы жизни» также должны развиваться в соответствии с правилами «борьбы за существование». Ученый писал:

Они также существуют на поверхности земли благодаря собственной жизненной силе и благодаря благоприятному стечению обстоятельств, находясь в состоянии постоянной конкуренции друге другом, то есть борьбы за существование, и благодаря естественному отбору. Мы видим, как они рождаются и

*вырастают, мы видим также, как они подобно другим организмам увядают и умирают. И так, они являются формами жизни, самыми импозантными среди всех жизненных форм на земле*¹³.

Если Ратцель писал о том, что «государство... связано с определенным участком земли, из которого оно высасывает пищу», то Челлен идет уже к «борьбе за существование», вводит теорию естественного отбора, т. е. стоит на позициях социального дарвинизма.

Но «борьба за существование» у него является борьбой за пространство. И большие государства расширяют свое пространство за счет малых стран:

*жизнеспособность государства, где пространство ограничено, — подчинена категорическому политическому императиву: расширить свою территорию путем колонизации, объединения или завоевания различного рода. В таком положении была Англия, а в настоящее время находятся Япония и Германия. Как мы видим, здесь имеет место не стихийный инстинкт завоевания, а естественный и необходимый рост в целях самосохранения*¹⁴.

Войны ведутся для того, чтобы давать «излишним» народным массам работу и хлеб. А правительства сильных государств не имеют свободного выбора. Они подчинены суровому закону необходимости, который повелевает им заботиться о благополучии своих ближних за пределами границ.

Другими словами, войны сопровождают рост государственного организма, и люди бессильны перед этими фактами. Борьба за пространство для развития государственного организма подчиняется вечным законам природы.

И при «неизбежном росте государства» плохи дела у малых стран и народов, так как чем больше возникает великих государств, тем больше падает курс малых. Поэтому «малые государства... или вытесняются» на периферию, или сохраняются в пограничных районах, или исчезают»¹⁵. И понятия справедливости или несправедливости здесь не должны применяться.

Политик, государственный деятель, по мысли Челлена, обладает лишь свободой пролагать путь этой естественной необходимости, и никто не имеет право осудить его.

Челлен формулирует закон автаркии — равновесие между крайностями. Суть его сводится к тому, что производство в государстве не должно быть ни чисто аграрным, ни чисто индустриальным, в случае крайности государство нуждалось бы в мирных отношениях с другими государствами. Но если государство нуждается в мире, оно не в состоянии вести войны за новые территории, источники сырья, тогда автаркия заменяет систему «открытых дверей» системой «закрытых сфер интересов».

Итак, геополитика у Челлена выступает как наука, исследующая фундаментальные качества пространства, связанные с землей и почвой, изучающая способы создания империи, происхождения стран и государственных территорий.

Отец термина «геополитика» считал, что на основе глубокого изучения отдельного государства могут быть сформулированы самые общие принципы и законы, соответствующие всем государствам и во все времена. Ведущим принципом является сила государства. И делает вывод, что сила — более важный фактор для поддержания существования государства, чем закон, так как закон поддерживается только силой. В силе он находил еще одно доказательство своего тезиса, что государство — живой организм. И если закон вводит нравственно-рациональный элемент в государство, то сила дает ему естественный органический импульс.

Челлен утверждал, что есть цель сама в себе, а не организация, преследующая цель улучшения жизни своих граждан, их материального и духовного прогресса. Это, безусловно, открытое противопоставление своих взглядов либеральным идеям, широко распространенным в Европе в конце XIX — начале XX вв. Суть взглядов либералов сводилась к тому, что роль государства они видели в качестве «пассивного полицейского», а у Челлена оно активно преследует поставленную цель.

Он отказался от разделения предметов на «неодушевленные объекты», выступающие как фон, и «человеческие субъекты», выступающие в качестве деятелей. Автор дефиниции «геополитика» довел до логического конца тезис Ратцеля о «континентальном государстве», образцом которого для него была Германия. Она у Челлена — пространство, обладающее осевым динамизмом, и призвана объединить вокруг себя другие европейские державы. Отсюда и его утверждение вслед за Ратцелем, что интересы Германии равны интересам близлежащих государств Европы, но противоположны интересам Франции и Англии,

Одной из причин противопоставления Германии (с одной стороны) и Франции и Англии (с другой) была концепция Челлена о «юных» и «старых» народах. Вслед за Ф. Достоевским ученый считал «юными народами» русских и немцев, а «старыми» — французов и англичан. «Юные» немцы, по его мнению, должны овладеть среднеевропейским пространством и создать континентальное государство планетарного уровня, потеснив «старые» народы, иначе Германии не выжить в борьбе с такими геополитическими структурами, как Россия, Англия с колониями и США. Для этого народы, проживающие на территории Центральной Европы, должны объединиться в качественно новое политико-экономическое пространство, осью которого будут немцы, так как географическое положение Германии будет ее вынуждать защищать главные интересы всей Европы.

После Первой мировой войны, Версальского соглашения Челлен обосновывает тезис о трех географических факторах, играющих главную роль в глобальной геополитике. Таковыми факторами он называет расширение, территориальную монолитность и свободу передвижения. Он утверждает, что Великобритания в большой степени обладает свободой передвижения благодаря мощному морскому флоту и, следовательно, господству на морских путях, а также владеет другим фактором — расширением (большие колониальные владения), но не обладает территориальной монолитностью: ее империя, занимая в ту пору 24% поверхности земного шара, разбросана по всем частям света. В этом слабая сторона в английской политике. Россия, по его мнению, обладает протяженной территорией, монолитностью, но у нее нет свободы передвижения, так как доступ России к теплым морям ограничен. Таким образом, Челлен вошел в науку и политику не только как автор новой дефиниции, но и как разработчик, детализатор многих концепций, положенных в основу политики Третьего рейха.

2.3. «Географическая ось истории» Хэлфорда Макиндера

Англичанин *Хэлфорд Джордж Макиндер* (1861 — 1947) — одна из самых крупных фигур среди ученых-геополитиков. Географ по образованию, Макиндер преподавал в Оксфордском университете, был директором Экономической Школы в Лондоне, занимался политической деятельностью, побывал в качестве посланника во время гражданской войны (1919—1920-е гг.) в Южной России. Ему принадлежит самая оригинальная и революционная мысль о политической истории мира. Истоки ее мы находим в его докладе «Географическая ось истории»¹⁶, опубликованном в 1904 г. в «Географическом журнале». В нем обобщены все высказанные ранее идеи «политической географии» и сформулирован основной закон геополитики.

Главный тезис Макиндера сводится к тому, что для государства самым выгодным географическим положением является срединное, центральное положение. Понятие «центральное» — относительно. Поэтому английский ученый говорит о центральном с планетарной точки зрения. Нельзя не согласиться с логикой рассуждений Макиндера, что в центре мира находится Евразийский континент, а в центре последнего — «сердце мира», или «Heartland» — континентальные массы Евразии, наиболее удачная территория для контроля за всем миром.

Минувшие два тысячелетия выделили сперва Центральную Азию — она явилась осевой областью истории — «Хартлендом». Отсюда гунны, аланы, а в XIII в. — монголы распространили свое влияние на азиатскую и европейскую часть земли, культуру народов, населяющих ее. Сделали они это благодаря преимуществу в мобильности своих войск. Макиндер делает очень интересный вывод: «... именно благодаря давлению внешних варваров Европа сумела создать свою цивилизацию» и далее: «Европа и европейская история... явления, подчиненные Азии и ее истории».

Во времена Великих географических открытий и после них баланс сил изменился. На историческую арену стали выходить приморские, приокеанические страны: Португалия, Испания, Голландия, Франция и в большей степени, к концу XIX в., Великобритания — мастерская мира.

Но в начале XX в. новая транспортная технология, по мнению Макиндера, вновь меняет баланс геополитических сил в пользу сухопутных государств. Регионы, страны, зоны, недоступные морской державе, определили новые границы «Хартленда» — срединной земли от Европы до Тихого Океана. Она входила в границы «внутреннего полумесяца» на материковой Европе и Азии. «Хартленд» граничил с «внешним полумесяцем», состоящим из островов и континентов за пределами Евразии. Причины непобедимости «Хартленда» в том, что морской флот не может вторгнуться в эту зону, а попытки войск морских стран покорить огромные пространства Евразии всегда кончались крахом (Карл XII, Наполеон).

Итак, Макиндер дает понятие Heartland'a, который находится в границах Мирового острова. В Мировой остров он включает Азию, Африку и Европу. Планетарное пространство структурируется системой концентрических кругов. В центре системы находится «географическая ось истории», или «осевой ареал». Они тождественны понятию Россия, или «земля сердцевины». Затем идет «внутренний», или «окраинный полумесяц», совпадающий с береговыми пространствами евразийского континента. «Внутренний полумесяц», по мнению ученого, — зона наиболее интенсивного развития цивилизации (рис. 2.1). Разница версий геополитического деления Heartland'a заключается в вопросе о Lenaland'e, сибирских территориях, лежащих к Востоку от Енисея.

Эту мысль высказывали задолго до Макиндера. Действительно, сочетание сухопутных и водных пространств было ключевым моментом в истории народов и государств (Древний Китай,

а)

б)

Рис. 2.1. Две версии геополитического деления Heartland'a

а) базовая. Впервые использована Макиндером в 1905 г. («Географическая ось истории»);

б) пересмотренная. Предложена Макиндером в 1943 г.

Египет, Индия, Древние Греция и Рим, Карфаген и т.д.). Но логически развил, глубоко аргументировал эту идею Макиндер.

Затем у него следует внешний круг, который он назвал «внешний, или островной, полумесяц». Это зона, внешняя относительно материков Мирового острова не только географически, но и культурно. Зона «внутреннего полумесяца», как справедливо полагает Макиндер, испытывает на себе постоянное давление «разбойников суши» — Heartland'a и «разбойников моря», или островных жителей. А потому эта зона, испытывая противоположные культурные влияния, становится территорией более динамичного развития цивилизаций. История вращается вокруг географической, континентальной оси.

Макиндер полагал, что до начала XX в. страны «осевой зоны» и «внешнего полумесяца» были в состоянии равновесия. Морские государства не имели достаточно сил, чтобы осуществить вторжение в Евразию — «осевую зону», или фактически в Россию, которая была таковой. Тем более морские государства: Англия, США, Япония не могли бы удержать завоеванные стратегически важные районы Евразии. Но и сами морские государства и их колонии были гарантированы от завоевательных устремлений России и особенно США.

Такое положение, как утверждает английский геополитик, существовало до начала XX в. Бурное капиталистическое развитие России в конце XIX в., интенсивное строительство железных дорог, а в первой четверти — тридцатых годах XX в. — воздушного транспорта и военной авиации изменили соотношение сил. В хозяйственный оборот динамично вводились природные ресурсы Сибири. Дальнего Востока, строились гигантские комбинаты по добыче и переработке сырья, выплавке металлов, возводились новые города, создавались мощные морские базы и современные флоты, значительно увеличилась пропускная способность железных и шоссейных дорог, что делало возможным, облегчало и ускоряло массовые перевозки войск с одного стратегического направления на другое.

Ученого очень беспокоило географическое положение, как он называл, «континентальность» двух государств: России и Германии. Они, по его мнению, по логике геополитических устремлений, в перспективе могут создать российско-германский союз, в котором Россия будет ведущей, а Германия — ведомой страной. Не исключал он и другого варианта: Россия сначала добьется полного господства в Евразии, потом — в более обширном регионе «Мирового острова» (под ним Макиндер понимал пространство Евразии и Африки) и тем самым поставит все природные и людские ресурсы «острова» на службу своим интересам. А эти интересы Россия распространит на весь оставшийся мир, утвердит в нем свое господство.

Морские державы, по мысли геополитика, не смогут оказать противодействия Евразии, так как по мере расширения территории континентального союза, укрепления его ресурсной базы в той же степени будет уменьшаться мощь стран «внешнего полумесяца», что будет способствовать закату этих государств.

Другая слабая сторона держав «внешнего полумесяца» — уязвимость морских коммуникаций. Страны Евразии могут блокировать морские пути перевозок грузов: войск, их снабжения, доставку техники, товаров, сырья из метрополии в колонии и обратно. Таким образом, мы видим, что на заре XX в. Макиндер опасался сильной России, владеющей мощным флотом и развитой сетью железных и автомобильных дорог, прогнозировал конфликт между ней и Британской империей. В его прогноз входила версия развития внешней политики России в индийском направлении, на котором и должно было произойти крупное столкновение интересов России и Британии.

Идеи, сформулированные Макиндером в 1904 г., во многом нашли развитие в работе «Democratic Ideals and Reality» (1919). В этом труде «осевую зону» он называет уже «центральный материк» (Heartland). «Материк» занимает большую территорию: включает Дальний Восток, часть стран Восточной Европы. В этой книге мы находим ставший афоризмом тезис: тот, кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует и «центральный материк»; тот, кто доминирует на «центральном материке», тот доминирует на «мировом острове», а кто правит «мировым островом», тот правит миром.

Мы видим, что в этой работе ученый Макиндер уступает место Макиндеру политику, откровенно призывающему морские государства «оказать помощь» странам, входящим во «внутренний полумесяц», а также странам восточной Европы противостоять потенциальной агрессии (экспансии одной или нескольких континентальных держав Евразии) прежде всего России, Германии. Произошли у него изменения и в расстановке стран — потенциальных агрессоров. Оба государства были значительно ослаблены в результате Первой мировой войны. Но в России еще шла гражданская война, поэтому она выступала в союзе как ведомая. В этом же труде впервые высказана идея создания «буфера» между Германией и Россией. В Версальском договоре 1919 г. эта идея была закреплена соответствующей статьей, которая впоследствии в теории и на практике получила название «санитарного кордона», направленного в большей степени против СССР, чем Германии. В крупной монографии «The Round and the Winning of Peace», вышедшей в свет в 1942 г., Макиндер отдает дань изменившейся геополитической, внешнеполитической, военной раскладке сил (СССР воевал с Германией). Будущий глобальный геополитический конфликт он определял как противоборство между «центральным материком» и странами «внешнего полумесяца». В этой работе «Хартленд» следует понимать как Советский Союз. Исследование можно рассматривать как научно-политическое завещание Макиндера, в котором он призывает западные державы словом и делом сообща отстаивать концепцию «атлантической цивилизации», интересы, ценности западного мира, противопоставляя их интересам, ценностям коммунизма. Практически завещание Макиндера реализовано западными лидерами в создании военно-политического блока НАТО.

Главной идеей работ Макиндера было стремление помешать Германии в союзе с Россией контролировать «Хартленд». Этот союз (о котором мечтал «железный канцлер» — объединитель Германии Бисмарк) располагал бы огромными природными ресурсами, рабочей силой, передовой

технологией, был бы в состоянии разрушить Британскую империю. Эту идею, как мы отмечали, Макиндер сформулировал кратко и точно: «Кто управляет Восточной Европой, тот управляет «Хартлендом». Кто управляет «Хартлендом», тот командует «миром-островом». Кто управляет «миром-островом», тот командует всем Миром»¹⁷.

Этот тезис Макиндера был воспринят как идея создания полосы буферных государств в Восточной Европе для размежевания Германии и России, а в конце XX в., — для создания «санитарного кордона» вокруг России. Как показала история, государства, созданные после Версальского договора, оказались маломощным, неэффективным буфером. Сами Западные державы «сдали» их в 1938 г. в Мюнхене Германии для удовлетворения appetитов Гитлера. Мир потрясла Вторая мировая война, целью которой фюрер ставил приобретение новых земель.

Трудно не согласиться с мыслью Макиндера о том, что одно из самых поразительных совпадений — это то, что современное развитие Европы повторяет древнее противоречие между Грецией и Римом. Германец был обращен в христианство римлянином, славянин — греком. Романо-германские народы вышли к океану, греко-славянские — покорили туранские земли. Континентальные и морские державы противостоят друг другу как в сфере идеалов, так и на материальном уровне, и в выборе средств развития.

Но современные последователи «континентального» Рима опираются сейчас на морскую мощь, а цивилизация — наследница «морской» Греции — Византии держит под контролем континент Евразия.

В 1943 г. Макиндер вносит серьезные коррективы в свою модель: он не мог не учитывать новые реалии — союз СССР, Великобритании, США. «Хартленд» теперь включал в себя и Северную Атлантику (северная часть Атлантического океана), сюда входила Западная Европа, включая Англию, Америку со странами Карибского бассейна (терминология Макиндера).

В заключение можно сказать, что английский геополитик разработал интересную концепцию, которая полагала, что:

- 1) географические факторы оказывают непосредственное воздействие на ход исторического процесса;
- 2) географическое положение во многом определяет потенциальную силу или слабость государства;
- 3) технический прогресс изменяет географическую «среду обитания» государств и положительно или отрицательно влияет на их потенциальное могущество;
- 4) Евразия — центр глобальных политических процессов. Геополитическая карта мира, по мнению Макиндера, состоит из трех основных частей:

- «осевой зоны» (Pivot Area). Она включает в себя бассейны рек Северного Ледовитого океана, а также два моря — Каспийское и Аральское;
- «внешнего полумесяца» (Outer Crescent)- В него входят территории США, Англии и Японии;
- «внутреннего полумесяца» (Inner Crescent), который зажат двумя предыдущими частями. Он включает Китай, Юго-Восточную Азию, Индию и т.д.

2.4. Теория «морского могущества» Альфреда Т. Мэхена

Американский капитан (адмирал) *Альфред Т. Мэхен* (1840—1914) в 1890 г. опубликовал свою первую книгу «Влияние морской силы на историю. 1660—1783 гг.». Впоследствии вышли в свет работы: «Влияние морской силы на Французскую Революцию и Империю» (1793—1812 гг.), «Заинтересованность Америки в морской силе в настоящем и будущем», «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику», «Морская сила и ее отношение к войне». Как видно из простого перечисления названий трудов адмирала, все они раскрывают одну тему: «Морская сила и ее влияние на историю». Можно сказать, что Мэхен в конце XIX — начале XX вв. создал программу деятельности идеологов и политиков талассократии, которая и была реализована во второй половине XX в.: победа в «холодной войне» с СССР, разрушение Советского Союза закрепили успех стратегии «морского могущества».

Еще в конце XIX в. в работе «Влияние морской силы на историю» Мэхен утверждал, что

*обладание морем или контроль над ним и пользование им являются теперь и всегда были великими факторами в истории мира*¹⁸.

Мысль в общем-то насколько новая, настолько же и старая. О влиянии географических факторов уже сказано выше. О действиях разумных политиков в разрешении геополитических проблем, в частности, о попытках выйти к морю, «ногою твердой стать при море» мы знаем из многочисленных исторических публикаций. Но хочется обратить внимание на один любопытный факт, дополнительно проливающий свет на рассматриваемую проблему. Как достаточно известно, К. Маркс не питал любви к русским, славянам. Но в работе «Разоблачение дипломатической истории XVIII века» он писал о положении России времен Петра I следующее:

*Ни одна нация никогда не мирилась с тем, что ее морские берега и устья рек были оторваны от нее ... Россия не могла оставить устья Невы, этот естественный выход для продуктов ее Севера, в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра, Буга и Керченский пролив — в руках занимавшихся грабежом кочевников-татар... По самому географическому положению прибалтийские провинции являются естественным дополнением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними... Одним словом, Петр захватил лишь то, что было абсолютно необходимо для естественного развития страны*¹⁹.

Эти строки были написаны задолго до публикаций работ шериканского адмирала. Действительно, Иван Грозный, Петр великий уже предпринимали энергичные попытки обладать Балтийским и Черным морями. Но это окончательно было сделано русскими людьми во время царствования Екатерины Великой.

А. Мэхен, как и К. Маркс, хорошо знал историю, особенно историю противостояния суши и моря. Очень любопытна приводимая им цитата из «Истории Рима» М. Арнольда, который пишет:

Дважды история была свидетельницей борьбы высшего (орфография и стилистика сохранены полностью — Н.Н.) индивидуального гения против средств и учреждений великой нации, и в обоих случаях нация вышла победительницей. В течение 17 лет Аннибал боролся против Рима, в течение 16 лет Наполеон боролся против Англии; усилия первого окончились в Зале, усилия второго — в Ватерлоо.

Далее американский адмирал заключает, что в обоих случаях победителем был тот, за кем оставалось обладание морем. Господство римлян на море вынудило Аннибала на тот длинный и опасный переход через Галлию, в котором он потерял более половины своих испытанных войск. В течение всей войны (2-я Пуническая война) римские легионы беспрепятственно перевалились водою между Испанией, которая была базой Аннибала, и Италией, тогда как исход решительного мегаурского сражения был предопределен разрозненностью сил Аздрубала и Аннибала (две карфагенские армии были разделены из-за протяженности территории Италии, и одна из них была разбита соединенными действиями римских генералов)²⁰. Действительно,

история морского могущества есть, в значительной мере... повествование о состязаниях между нациями, о взаимных их соперничествах, о насилии, часто кончающемся войной.

Морская цивилизация у Мэхена выступает как торговая цивилизация. По этому поводу он замечает:

Нация, которая стремилась обеспечить за собою несоразмерную долю благ морской торговли, прилагала все старания для исключения из участия в них других наций.

Колонизация, захват морских коммуникаций и другие действия держав, стремящихся к монополизации торговли, — все это вело к войнам.

Поэтому история морской силы... есть в значительной мере и военная история²¹.

Автор отмечает, что путешествие и перевозка товаров водною всегда были легче и дешевле, чем сушею. Это главное преимущество моря. Но торговля по морю нуждается в покровительстве военным флотам, особенно во время войны. Отсюда он видит прямую связь в оживлении торговли и военного флота.

Когда нация посылает военные и коммерческие флоты далеко от своих берегов, то для нее является скоро необходимость в пунктах, на которые суда ее могли бы опираться в операциях мирной торговли, в деле пополнения продовольственных и других припасов и как на убежища от опасностей²².

Ключ к пониманию политики приморских наций, по мнению Мэхена, следует искать в трех данных:

- в производстве продуктов, с необходимостью их обмена;
- в судоходстве для совершения этого обмена;
- в колониях, которые расширяют и облегчают операции судоходства, покровительствуя ему также умножением безопасных для судов станций.

Главные условия, влияющие на морскую силу наций, — считает Мэхен, — следующие: географическое положение; физическое строение (conformation), включая сюда естественную производительность и климат; размеры территории; численность народонаселения; характер народа; характер правительства, включая в эту рубрику и национальные учреждения.

В условии «географическое положение» Мэхен в качестве главного называет морские береговые линии, отсутствие сухопутных границ, необходимость континентального расширения страны, особенно путем войн, которые истощают богатства страны. Географическое положение страны может или требовать сосредоточения морских сил, или вынуждать рассеяние их.

Этот тезис он развивает далее:

географическое положение страны может не только благоприятствовать сосредоточению ее сил, но дать и другое стратегическое преимущество — центральную позицию и хорошую базу для враждебных операций против ее вероятных врагов²³.

Он справедливо полагает, что физическое строение, береговая линия страны — это одна из ее границ; и чем легче доступ через границу к другим странам, в рассматриваемом случае через море, тем сильнее стремление народа к сношениям с ними. В стране, обладающей береговой линией, хотя и большого протяжения, но совершенно без гавани, не могли бы развиваться ни морское судоходство, ни морская торговля, ни флот.

С военной непосредственностью он особо подчеркивает то обстоятельство, что, если море разделяет страну на две или более части, то обладание им делается не только желательным, но существенно необходимым.

Анализируя местоположение Соединенных Штатов Америки, Мэхен отмечает:

Контур их территории представляет мало таких пунктов, которые были бы слабы по своему изолированному положению, и все важные части границ штатов легко доступны из внутренних областей — дешево водною, быстро по железным дорогам. Слабейшая граница, Тихий океан, далеко отодвинула от самого опасного из возможных врагов²⁴.

Рассматривая условия «размеры территории», он особо подчеркивает, что для развития морской силы имеет значение не число квадратных миль, занимаемых страной, а длина ее береговой линии и характер ее гаваней.

С этим условием он тесно связывает численность народонаселения. Особенно важную роль играет та ее часть, которая знакома с морем и может быть с успехом эксплуатируема для службы на судах и для работы по организации материальной части флота. Отсюда большое значение Мэхен придает формированию резервов, способных выполнить работу на флоте.

Большой интерес представляет анализ Мэхеном национального характера населения страны. По этому поводу он пишет следующее:

Если морская сила действительно опирается на мировую и обширную торговлю, то стремление к коммерческой деятельности должно быть отличительной чертой наций, которые в то или другое время были велики на море²⁵.

И утверждает, что у португальцев и испанцев жажда приобретений выросла до жестокой алчности. В погоне за богатством они имели много великих качеств: были смелы, предприимчивы, умеренны, терпеливы в страданиях, пылки и одарены развитым национальным чувством. Национальный характер в свою очередь влияет на развитие морской силы способностью нации основывать цветущие колонии. Колонист отождествляет свои интересы с интересами нового местожительства, и сразу же заботится о развитии ресурсов своей новой страны. Характер правительства, по мнению ученого, — это влияние интеллигентной воли в жизни человека. Развитие морской силы зависит от мудрости, энергии и настойчивости правительства, которое должно учитывать естественные наклонности своего народа, содействовать его росту во всех отношениях... Правительство тем более надежно, чем более широкое участие принимает в нем воля народа... Деспотическая власть... может прийти к цели быстрее, с меньшими отклонениями от начертанного плана, чем это возможно для правительства свободного народа. Мудрое правительство, опирающееся на морскую силу, может легко завоевать одну или несколько стран, заключает адмирал.

Словно предвидя будущее США., он пишет

глаза нашей страны были в течение четверти столетия отверщены от моря..., но можно смело сказать, что для благосостояния Жей страны существенно важно, чтобы условия торговли оставались, насколько возможно, нетронутыми внешнею войною. Для того чтобы достигнуть этого, надо заставить неприятеля держаться не только вне наших портов, но и далеко от наших берегов²⁶.

Программу действий, подготовленную Мэхеном, американцы выполнили, превратившись к концу второго тысячелетия в самую мощную морскую державу, сделав мир монополярным.

2.5. Концепция «поссибилизма» Видаля де ла Бланша

Основатель французской геополитической школы *Видаля де ла Бланш* (1845—1918) — профессиональный географ. В свое время он увлекся политической географией Ф. Ратцеля и на ее основе создал свою геополитическую концепцию, в которой тем не менее подверг глубокой критике многие ключевые положения немецких геополитиков. В книге «Картина географии Франции», вышедшей в 1903 г., он, в частности, пишет:

Отношения между почвой и человеком во Франции отмечены оригинальным характером древности, непрерывности... Люди живут в одних и тех же местах с незапамятных времен. Источники, кальциевые скалы изначально привлекали людей как удобные места для проживания и защиты. У нас человек — верный ученик почвы. Изучение почвы поможет выявить характер, нравы и предпочтения населения²⁷.

Как видим, здесь он твердо стоит на теории почвы. Но в последствии в большей степени его идеи формировались на базе богатых традиции французских географических и исторических концепций. Он критически осмыслил и переработал многие течения германской политической и географической мысли. Этот критический подход ярко виден при сопоставлении с подходом к геополитике ее основателя Ф. Ратцеля. Критический дух по отношению к учениям германских геополитиков характерен для абсолютного большинства ученых Франции первой половины XX в. Если ядро теории Ратцеля составляют категории пространства (Raum), географического положения государства (Lage), «потребность в территории», «чувство пространства» (Raumsinn), то у Видаля де ла Бланша в центре стоит человек. Де ла Бланш по сути является основателем «антропологической школы» политической географии, которая стала в его «исполнении» альтернативой германской школе геополитики «теории большого пространства» и получила название *поссибилизм*.

Указанное противостояние в науке — отражение реальных противоречий между двумя странами-соседями, Францией и Германией, друзьями-соперниками, отражение всей суммы противоречий, накапливавшихся веками.

Разные научные подходы к разрешению глобальных противоречий между двумя странами — это теоретическое отражение попыток разрешения глобальных проблем, поиск наиболее оптимальных путей достижения поставленных целей.

В фундаментальной работе «Восточная Франция» (1919г.) Видаля де ла Бланш анализирует проблему геополитического соперничества Франции и Германии — проблему Эльзаса и Лотарингии, в целом восточной Франции. Он выдвинул идею превратить эти земли (в основном немецкоговорящие), перешедшие росле Первой мировой войны вновь к Франции, в зону взаимного сотрудничества между двумя странами. Превратить эти богатые провинции не в барьер, отгораживающий одну страну от другой, дающий выгоду только одной стороне, а сделать их как можно более проницаемыми. По сути французский геополитик создал историческую модель развития сперва франко-германского, затем европейского геополитического пространства в целом. Французским же интересам де ла Бланш все же отдавал предпочтение. Это видно из того, как обстоятельно он доказывает исторические, географические факты принадлежности этих земель Франции.

В отличие от немецкой школы геополитики де ла Бланш отказывается от жесткого географического детерминизма, напоминающего порой судьбу. Он ставил на первое место не географический фатализм, а волю и инициативу человека, человек, как и природа, может рассматриваться в качестве «географического фактора». Причем этому фактору он отводил активную роль субъекта воздействия на исторические процессы. Но действует этот активный субъект не изолированно, а в рамках природного комплекса.

Главный элемент его теории — категория локальности развития цивилизации. Ее основу составляют отдельные очаги, которые являются первокирпичиками, элементами цивилизации. Они представляют собой небольшие группы людей, которые складываются во взаимодействии человека с природой. В этих первичных клетках — общественных ячейках — постепенно формируются определенные «образы жизни».

Взаимодействуя с окружающей средой, человек растет, развивается. Ученый отмечал:

Географическая индивидуальность не есть что-то данное заранее природой; она лишь резервуар, где спит заложенная природой энергия, которую может разбудить только человек²⁸.

Эти первичные очаги, взаимодействуя между собой, начинают формировать и, наконец, образуют ту основу цивилизации, которая, эволюционируя, расширяется и охватывает все новые и новые территории. Это расширение происходит не всегда гладко, поступательно. В процессе расширения, усложнения структур цивилизация переживает откаты, вспышки энергии сменяются катастрофами, регрессией. Сами формы взаимодействия «первичных очагов» — ячеек многообразны и противоречивы: есть в нем влияние (ассимиляция), заимствования и даже полное уничтожение. По теории де ла Бланша процесс взаимодействия начинается и, все ускоряясь, происходит в северной полусфере от Средиземноморья до Китайского моря. По его мнению, в Западной и Центральной Европе взаимодействие первичных очагов (элементов) цивилизации происходило почти непрерывно и

политические образования, сменяя друг друга, накладывались на ту или иную конфигурацию взаимодействующих между собой множеств небольших очагов, сообществ, этих своеобразных микрокосмосов.

Сближение и взаимодействие этих разнородных элементов, ассимиляция одними других привели

к образованию империй, религий, государств, по которым с большей или меньшей суровостью прокатился каток истории... Именно благодаря этим отдельным небольшим очагам теплилась жизнь в Римской империи, а затем — в Западной и Восточной римских империях, в имперских государственных образованиях Сассанидов, персов и т.д. (В обширных областях Восточной Европы и Западной Азии цивилизационный процесс нередко прерывался, возобновляясь несколько позже и частично)²⁹.

Как утверждает де ла Бланш, этот процесс протекал в Европе под влиянием специфических условий. Суть их сводилась к тому, что здесь соседствуют самые различные географические среды: моря и горы, степи и лесные массивы, большие реки, связывающие север и юг, различные ландшафтные зоны, имеются плодородные почвы, морская линия изрезана заливами с удобными бухтами, климат, обусловленный влиянием теплых морей, благоприятен, не суров и в то же время не способствует развитию насекомых-паразитов, не парализует деятельность человека, способствует развитию его энергии. Все эти факторы, вместе взятые, по его мнению, и привели в значительной степени к образованию на Европейском пространстве самого большого многообразия отдельных очагов жизнедеятельности со своими «образами жизни». Взаимодействия этих элементов жизни, обогащение, ассимиляция, способность применять заимствованное стали причиной динамического развития европейской цивилизации, основой ее богатства, самой характерной чертой.

Как видим, де ла Бланш повторяет некоторые идеи Ф. Ратцеля: очень близки их подходы к всемирной истории как «беспрерывному процессу дифференциации». Но если говорить по большому счету, то эту мысль более глубоко и обстоятельно до обоих этих ученых сформулировал, обосновал, развил Г. Спенсер.

Мы уже отметили выше, что Видаль де ла Бланш в своей концепции в отличие от Ф. Ратцеля и других геополитиков, делал акцент не только на окружающую географическую среду. Он по-иному рассматривал роль государств, политических образований в процессе развития цивилизаций. Если для Ф. Ратцеля, как уже сказано, государство — это и органическое существо, «развивающееся в соответствии с законом растущих территорий», то французский геополитик считает, что государство скорее напоминает нечто внешнее, вторичное, детерминируемое характером и формой взаимодействия локальных ячеек цивилизаций. Это взаимодействие происходит тем активнее, чем лучше отлажены коммуникации между локальными очагами: реки, озера, моря, шоссейные и железные дороги и т.д. Коммуникациям де ла Бланш уделял в своих трудах очень много внимания и утверждал, что в будущем при соответствующих коммуникациях, при активном взаимодействии отдельных цивилизационных очагов возможно создание мирового государства. И человек в том государстве будет осознавать себя «гражданином мира».

Интересным аспектом в теории французского геополитика является мысль о постепенном преодолении противоречий между континентальными и морскими государствами. Эта консолидация, по его мнению, будет происходить путем складывания принципиально новых отношений между землей и морем. Он полагал, что континентальные пространства становятся все более и более проницаемыми, так как совершенствуются все виды коммуникаций, расширяется, модернизируется сеть дорог; морские пути, перевозки (вообще море, океан) все более становятся зависимыми от связей с континентами. По этому поводу он говорит, что «взаимопроникновение» земли и моря — универсальный процесс³⁰.

И еще один штрих в многоуровневой концепции французского ученого. (Мы уже отмечали выше, что государство у него является как бы вторичным, «продуктом деятельности отдельных ячеек, общностей, осознающих единство, сходство, совместимость главных элементов их бытия», оно (государство) — продукт этого осознаваемого единства.) Исходя из этого геополитик специфически понимает и границы государств. Граница — это живой, осознаваемый феномен, она не обусловлена «внешними» рамками государства или непосредственно физико-географическими факторами.

2.6. Автор концепции Rimland — Николас Спайкмен

Николас Спайкмен (1893—1943) — американский ученый, профессор международных отношений, директор Института международных отношений при Йейльском Университете, был продолжателем теории адмирала Т. Мэхена. Н. Спайкмен видел геополитику не как науку, изучающую влияние почвы на жизнь государства, а рельефа на национальный характер, а как аналитический метод, позволяющий выработать эффективную международную политику. Все исследования этого ученого носят чисто прагматический характер. Основной тезис Спайкмена можно свести к тому, что Макиндер переоценил геополитическое значение Heartland'a.

Спайкмен полагал, что географическая история «внутреннего голумесьяца», Rimland, «береговых зон» формировалась и протекала сама по себе, а не под давлением «кочевников суши», как утверждал Макиндер. Heartland, по Спайкмену, пространство, получающее импульсы из береговых зон, а не наоборот. Следовательно, Rimland — ключ к мировому господству, поэтому тот, кто доминирует над ним, доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках³¹.

Он выделил десять критериев геополитического могущества государства: поверхность территории, природа границ, объем населения, наличие или отсутствие полезных ископаемых, экономическое и технологическое развитие, финансовая мощь, этническая однородность, уровень социальной интеграции, политическая стабильность, национальный дух. Если сумма оценки политических возможностей государства по этим критериям оказывается небольшой, то данное государство вынуждено поступаться частью своего суверенитета.

Кроме этого, Спайкмен ввел новую категорию — «Срединный океан», который выступает у него как «внутреннее море», каковым в Древнем мире и в Средние века было Средиземное море. Он выделяет особую геополитическую реальность — «атлантический Контингент», связанный общностью культуры западноевропейского происхождения, идеологией либерал-капитализма, демократии, единством политической, этической судьбы своего рода.

Мозгом нового атлантического сообщества становятся Западная Европа и пояс Восточного побережья США (особенно Нью-Йорк), главным силовым механизмом континента — США, располагающие мощным военно-промышленным и торговым потенциалом. Европа — придаток США: экономический, военный, интеллектуальный. Ее роль, политическая суверенность европейских государств должны сокращаться. Власть на континенте постепенно перейдет к особой структуре, объединяющей лидеров всех «атлантических» пространств. Главную роль в этой структуре будет, безусловно, играть США.

Спайкмен предельно развил идею «анаконды» — контроля и удушения береговых территорий Афро-азиатских, арабских стран, Индии и Китая, что можно сделать только опираясь на силу. Он был сторонником применения силы в международных отношениях. Сила, по его мнению, — необходимая составная часть всякого политического порядка:

... в мире международной иерархии внешняя политика должна иметь своей целью прежде всего улучшение или по крайней мере сохранение сравнительной силовой позиции государства. Сила в конечном счете составляет способность вести успешную войну.

2.7. Карл Хаусхофер — автор теории «континентального блока»

Крупный немецкий ученый-геополитик *К. Хаусхофер* (1869— 1946) был военным, дипломатом, а с 1911 г. занялся наукой, получил звание доктора Мюнхенского университета. С 1924 г. в течение 20 лет издавал солидный геополитический журнал, где и были опубликованы его главные работы. Он глубоко изучил идеи своих предшественников и хорошо усвоил положения закона планетарного дуализма: «морские силы» против «суши»; власть моря против власти посредством земли. Ученый создает свою доктрину, суть которой сводится к необходимости создания континентального блока, или оси: Берлин — Москва — Токио. По сути он развил идеи «железного канцлера» — объединителя всех германских земель Отто фон Бисмарка, ратовавшего за русско-германский союз и предупреждавшего Запад об опасностях любых действий (включая и военные) против России. Хаусхофер, вслед за Бисмарком, видел в союзе с Россией и Японией достойный ответ на стратегию морских держав. По этому поводу он писал:

Германию обвиняют в том, что мы проводим в жизнь план по натравливанию цветных народов на их «законных» господ в Индии и Индокитае... Мы же, на самом деле, основываясь на работе англичанина Макиндера, пропагандируем во всем мире идею того, что только прочная связь государств по оси Германия — Россия — Япония позволит нам всем подняться и стать неуязвимыми перед методами анаконды англо-саксонского мира... Только идея Евразии, воплощаясь политически в пространстве, дает нам возможность для долговременного расширения нашего жизненного пространства³².

Итак, для противостояния морским державам, стремящимся задушить континентальные страны, как душит анаконда свои жертвы, Хаусхофер и его школа разработали концепцию «большого пространства» (рис. 2.2).

а) векторы естественной геополитической экспансии евразийских Больших пространств;

б) три евразийских ареала: 1— Западный (Евроафрика), 2 — Осевой (собственно Евразия), 3 — Восточный (тихоокеанский)

Сам термин «большое пространство» возник еще в античном мире и в него включали умеренные тропические и субтропические зоны по линии Восток—Запад. По мере накопления знаний об окружающем мире (португальские, испанские и другие великие географические открытия и колониальные войны) категория «большое пространство» изменялась и охватывала уже не одно Средиземноморье, Малую Азию, но и Иран, Китай, Индию. «Большое пространство» раздвинуло свои границы как в меридиональном, так и в широтном направлениях. В 40-х годах XX в. сформировались два больших геополитических образования: панамериканский и восточно-азиатский блоки. Это геополитическое событие имело большое значение, так как предопределило полное изменение «силового поля» земной поверхности. Это обстоятельство объясняет попытки Советского Союза перейти от «широтной стратегии» к «стратегии теплых морей»: Евро-Африканский проект, проекты в отношении Индии и тихоокеанских островов. Это новое геополитическое поле резко отличается от того, которое в 1904 г. было определено Х. Макиндером как «географическая ось истории» — центр Старого Света.

Хаусхофер гениально предугадал ориентацию геополитических устремлений США по линии Запад — Восток, и он считал, что эта геополитическая экспансия при ее завершении

создает основу для самой серьезной угрозы для мира, так как она несет в себе возможность порабощения Соединенными Штатами всей планеты.

Восточная Азия, по его мнению, вынуждена укреплять собственную политическую и культурную форму, чтобы отстоять свою геополитическую независимость. На периферии своего влияния Восточная Азия создает буферные зоны безопасности.

К. Хаусхофер делает вывод, что геополитическое будущее планеты зависит от результата борьбы двух тенденций: сможет ли англо-американская экспансия вдоль параллелей победить сопротивление восточно-азиатской экспансии вдоль меридианов. Но при любом исходе США будут защищены остатками бывшей английской колониальной империи и всегда смогут тереться на тропическую Америку, находящуюся под их контролем.

Представляет интерес и определение предмета геополитики, данное Хаусхофером:

Геополитика есть наука об отношениях земли и политических процессов. Она зиждется на широком фундаменте географии, прежде всего географии политической, которая есть наука о политических организациях в пространстве и об их структуре. Более того, геополитика имеет целью обеспечить надлежащим средством политическое действие и придать направление политической жизни в целом. Тем самым геополитика становится искусством, именно — искусством руководства практической политикой. Геополитика — это географический разум государства³⁻¹.

- 1) *Ратцель, Ф.* Земля и жизнь. Сравнительное земледование. — Спб. — Изд. Аннон, общества Брокгауз—Эфрон., 1906. — Т.2. — С. — 2-5.
- 2) Там же, с. 306
- 3) Там же, с. 543—544.
- 4) Там же, с. 547.
- 5) *Ратцель Ф.* Народоведение. Спб.: Товарищество «Просвещение», 1900 — с. 9.
- 6) Там же, с. 10.
- 7) Там же, с. 11.
- 8) Там же, с. 13-14.
- 9) *Ратцель Ф.* Человечество как жизненное явление на земле. — М- Книжное дело, 1901. -С. 105-106, 131.
- 10) Там же, с. 148.
- 11) Цит. по: *Darpalen, Andreas.* The World of General Haushofer. Geopolitics in Action. N.Y., 1942, P. 52.
- 12) Там же, с. 53.
- 13) Цит. по: *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. — С- 32.
- 14) Там же, с 37-38.
- 15) Там же, с. 81— 82.
- 16) *Элементы.* Евразийское обозрение. — 1996. — №7. — С.26—32.
- 17) Там же, с. .31
- 18) *Мэхен А. Т.* Влияние морской силы на историю. 1660—1783. — Спб., 1896. — С. 1.
- 19) *Маркс К.* Разоблачение дипломатической истории. XVIII в.// Вопросы истории. - 1989- - №4. - С. 11-12.
- 20) См.: *Мэхен А.Т.* Указ, соч.," с. 3.
- 21) Там же, с. 1.
- 22) Там же, с. 1—2.
- 23) Там же, с. 33-34.
- 24) Там же, с. 48-49.
- 25) Там же, с. 57.
- 26) Там же, с. 64-65.
- 27) *Vidal de la Blanche.* Tableau de la Geographie de la France, Paris, 1903. — P. 73.
- 28) *Vidal de la Blanche.* La Geographie Humaine. P.A.Colin. 1921. — P. 46—47.
- 29) Там же,с. 211-213.
- 30) Там же, с. 272-273.
- 31) *Nicolas Spykmen.* Geography of Peace. — New York. — 1944. P. 43.
- 32) *Элементы,* - 1997. - №7. - С. 32.
- 33) Там же, с. 32.

Глава 3

Современные геополитические теории и школы Запада

Во второй половине XX в. развитие геополитической теории наиболее успешно шло в русле англосаксонской школы, путями, намеченными основоположниками этой науки: Макиндером, Мэхеном, Спайкменом. Наследники школы Хаусхофера испытывали давление со стороны европейских стран-победительниц, общественного мнения за сотрудничество с лидерами стран Третьего рейха. Таким образом, если таллассократическая линия в геополитике не прерывалась и превратилась в официальную международную политику США, то европейская геополитика после Второй мировой войны практически не существовала до конца 50-х годов. События 50-х показали, что для Европы еще не «наступил вечер»

3.1. Политические перемены в Европе

Под воздействием комплекса причин в некоторых странах Европы (особенно во Франции и Западной Германии) стало формироваться общественное мнение за создание единой Европы. В 1954 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр утверждал, что единство Европы было мечтой немногих. Оно стало надеждой для многих.

Сегодня оно — необходимость для всех нас. Оно необходимо для нашей безопасности, для нашей свободы, для нашего существования как нации и как духовно-творческого содружества народов¹.

Наибольшее развитие геополитическая мысль получила в Европе, особенно во Франции, в Бельгии, ФРГ, когда в 1959—1968 годах президентом Франции был «континенталист» генерал Шарль Де Голль. Он предпринял ряд энергичных антиатлантистских шагов: Франция вышла из НАТО, где абсолютно доминировали США, выработала собственную геополитическую линию, включающую в себя «оборону по всем азимутам», укрепляла связи с СССР, усиливалось франко-германское сотрудничество, а в перспективе планировалось создать «Европу от Атлантики до Урала». Эта Европа виделась де Голлю как вполне суверенное стратегически континентальное образование, т. е. появилась концепция «европейского континентализма». Она нашла сторонников в Западной Германии. Вот что, например, писал бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, прошедший путь от англофила, американофила до франкофила:

... из-за растущего понимания геополитического положения моей страны я стал в последние 15—18 лет франкофилом, убежденным приверженцем приоритета франко-западногерманской дружбы³.

Шестидесятые годы положили начало созданию франко-западногерманского политического, экономического, финансового союза — ядра объединенной Европы конца XX в., которая значительно превзошла по главным показателям США. Как же этот процесс сказался на становлении европейской геополитической мысли?

В 60-е годы европейские ученые-геополитики стали чаще включаться в американские исследовательские проекты. Причин тому было несколько. Наиболее важная из них — прерванная связь с довоенными геополитическими школами. Ученые Европы вынуждены были принимать нормы англосаксонского подхода. В США же этих ученых видели не в качестве главных разработчиков тех или иных концепций, а в качестве технических экспертов, исполнителей прикладных геополитических исследований. Постепенно работы европейских геополитиков превратились в самостоятельные школы — в «региональную геополитику» (например, течение, возглавляемое Ивом Лакостом во Франции). Авторы концепции «региональной геополитики» в отличие от родоначальников этой науки Ратцеля, Челлена, Макиндера, Мэхена или Хаусхофера придавали мало значения главному закону геополитики — глобальному дуализму (борьбе Суши и Моря), а использовали геополитические методики для изучения, анализа, описания межгосударственных, межэтнических конфликтов, демографических процессов и даже политических выборов.

В общей линии геополитической мысли Запада наиболее ярко были выражены следующие направления: атлантизм, мондиализм, прикладная геополитика, течение европейских «новых правых». Прежде чем попытаться кратко рассмотреть эти течения, сделаем небольшой экскурс в экономическое, политическое и военное развитие США, стран Западной Европы после окончания Второй мировой войны (1939—1945 гг.).

С наименьшими потерями и с наибольшими экономическими, военными, финансовыми приобретениями вышли из этой войны США. В войну объективно были заложены основы становления США как мировой державы. После войны геополитики-атлантисты уточняли, развивали частные аспекты теории, усиливая ее прикладную сторону. Идея «морской силы», ее геополитическая стратегия стала официальной международной политикой США. Она рассматривала два варианта развития событий:

- выигрыш Западом борьбы с Востоком или
- конвергенция (от *лат. convergere* — приближаться, сходиться) двух противоположных идеологических сторон в нечто единое и установление Мирового Правительства.

Второй вариант развития событий потребовал появления новой доктрины, получившей название «геополитика мондиализма», или «новый мировой порядок».

Европейская геополитическая мысль была представлена геополитиками-«континенталистами» и «новыми правыми». Это европейское течение развивало геополитические идеи школы

Хаусхофера. В конце 80-х — начале 90-х годов к их трудам обратись официальные европейские геополитики.

3.2. Атлантизм: от Д.У. Мэйнига до З. Бжезинского

Последователи и ученики Н. Спайкмена не только развивали, но и корректировали взгляды своего учителя — крупного представителя атлантистской линии в геополитике. Анализируя тезисы Спайкмена, его ученик политолог *Д. Мэйниг* в работе «Heartland и Rimland в евразийской истории» отмечает, что

геополитические критерии должны особо учитывать функциональную ориентацию населения и осударства, а не только чисто географическое отношение территории к Суше и Морю³.

Всю территорию евразийского Rimland он делит на три вида в зависимости от функционально-культурной предрасположенности. В первый вошли Китай, Монголия, Северный Вьетнам, Бангладеш, Афганистан, Восточная Европа (включая Пруссию), Прибалтика и Карелия — пространства, органически тяготеющие к Heartland. Второй вид объединил такие страны, как Южная Корея, Бирма, Индия, Ирак, Сирия, Югославия, т. е. геополитически нейтральные страны. Страны Западной Европы, Грецию, Турцию, Иран, Пакистан, Таиланд Д. Мэйниг отнес к третьему виду, склонному к талассократическому блоку⁴.

Последователи Спайкмена также брали за основу культурно-функциональный анализ Мэйнига, его видение «теллурократической» и «талассократической» предрасположенности, считали, что главную роль играют прибрежные цивилизации, от которых внутрь континента поступают культурные импульсы. Степень интенсивности этих импульсов может быть различна.

«Талассократически ориентированные» секторы «внутреннего полумесяца» обладают высшими культурными форматами и им принадлежит историческая инициатива.

С точки зрения американского политолога *Сола Коэна* все регионы Земли могут быть разделены на четыре геополитические составляющие:

1. *внешняя морская (водная среда), зависящая от торгового флота и портов;*
2. *континентальное ядро {nucleus}, тождественное «Hinterland» (геополитическому термину, означающему «удаленные от побережья внутренние регионы»);*
3. *дисконтинуальный пояс (береговые сектора, ориентированные либо внутрь континента, либо от него);*
4. *регионы, геополитически независимые от этого ансамбля⁵.*

Известный ученый и политик (бывший госсекретарь США) *Г. Киссинджер*, опираясь на идеи «дисконтинуальных поясов», полагал, что политическая стратегия США состоит в том, чтобы объединить разрозненные береговые зоны в одно целое, что позволит получить атлантистам полный контроль над Евразией, над СССР. Это одно целое должно включить те «береговые сектора», которые сохраняли нейтралитет или тяготели к Евразии. Доктрина Киссинджера предлагала США действовать методом «кнута и пряника»: Вьетнаму — война, Китаю — сотрудничество, поддержка режима шахиншаха Ирана М. Реза Пехлеви, националистов Украины и Прибалтики и т. п. Идеи Г. Киссинджера тесно увязывались с доктриной ядерного сдерживания США и НАТО.

Месторасположение американского и натовского ядерного оружия учитывало географические и геополитические особенности регионов. Атлантизм, являясь геополитикой моря, не был чужд и новым идеям, связанным с научно-техническим прогрессом, с научно-технической революцией в военной сфере. Появление новых типов вооружений — стратегических бомбардировщиков (первые из них сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки), межконтинентальных, крылатых и других ракет — поколебало приоритет Моря над Сушей. Потребовались новые доктрины, которые вместо двух важнейших элементов геополитики (Моря и Суши) должны были учитывать воздушное и космическое пространство, которые предполагают применение не только ядерного, но и плазменного, лазерного оружия. Эти два новых элемента получили название аэрократии и эфирократии. Освоение данных двух сред, на которые совершенно не обращали внимания основатели геополитики, тем не менее оказалось протяжением талассократических теорий, но на более высоком уровне. История показала, что атлантизм более динамично, наступательно использовал все среды, базирующиеся на законе Моря. Геополитика атлантистов оказалась наступательной, а геополитика Евразии пребывала в состоянии пассивной обороны. В сфере аэрократии СССР добился относительного паритета, но в «звездных войнах» не смог конкурировать, что во многом привело к поражению в «холодной войне», к развалу содружества стран Варшавского договора, а впоследствии и СССР. В 90-х годах геополитическая мысль на Западе разделилась два течения:

«неоатлантизм» Самуила Хантингтона (р. 1927) и «конец истории» Фрэнсиса Фукуямы. О концепции Фукуямы мы поговорим ниже, а сейчас речь пойдет о неоатлантизме Хантингтона, который, будучи директором Института стратегических исследований при Гарвардском университете, изложил в статье «Столкновение цивилизаций»⁶ свои взгляды на проблему дальнейших отношений Моря и Суши, Запада и Востока. Отвергая, что стратегическая победа атлантистов над евразийцами не есть победа цивилизационная. Запад и Восток по-прежнему цивилизационно стоят далеко друг от друга. Западные ценности — это рынок, либерал-демократия, индивидуализм права человека и т. д., восточные ценности — коллективизм, традиционализм, соборность, патернализм и т. д. Хантингтон утверждал, что западная идеология восторжествовала временно, что ее торжество поднимет на поверхность глубинные культурные слои Востока: усилится влияние религиозных факторов, в частности, ислама и православия, синтоизма и буддизма, конфуцианства и индуизма. В недалеком будущем, по его мнению, заявят о себе славяно-православная, конфуцианская (китайская), японская, исламская, индуистская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации⁷. Этот фактор вновь создает условия для противостояния Запада и Востока. Значит, делает вывод Хантингтон, надо готовиться к нему, заранее регулировать, если не сдерживать антиатлантистские настроения и тенденции, не допустить соединения геополитических центров противостояния Западу в единый союз. Для этого Западу следует:

- более тесно сотрудничать, обеспечить единство между США и Европой;
- интегрировать в Западную цивилизацию те общества в Восточной Европе и Латинской Америке, чьи культуры близки к западной;
- предотвратить перерастание локальных конфликтов между цивилизациями в глобальные войны;
- ограничить военную экспансию конфуцианских и исламских государств;
- приостановить свертывание западной военной мощи и обеспечить военное превосходство на Дальнем Востоке и в Юго-Западной Азии;
- использовать трудности и конфликты во взаимоотношениях исламских и конфуцианских стран;
- поддерживать группы, ориентирующиеся на западные ценности и интересы в других цивилизациях;
- усилить международные институты, отражающие западные интересы и ценности и узаконивающие их, и обеспечить вовлечение незападных государств в эти институты⁸.

Как видно из этих рекомендаций, в числе наиболее вероятных противников Запада Хантингтон считает Китай и исламские государства, прежде всего Иран, Ирак, Ливию, а не Россию или какие-либо другие евразийские страны. Но другие неоатлантисты, например Пол Вольфовиц, по-прежнему полагают, что Россия является потенциально наиболее сильным соперником для США и их партнеров по НАТО. В этой связи он призывает создать против России «санитарный кордон», куда вошли бы страны Восточной Европы и Прибалтики.

Идеи атлантизма развивал идеолог «нового мирового порядка» З. Бжезинский. Еще в 1986 г. в книге «План игры» он впервые совершенно ясно характеризовал соперничество СССР и США как геополитическую борьбу за контроль над Евразией. Он стал одним из теоретиков течения «мондиализма».

3.3. Мондиализм

Идеи всеединства человечества имеют очень давние исторические корни. Отдали им дань и мыслители, философы, писатели России, частности, гениальный русский писатель **Ф.М. Достоевский** (1821 — 1881) утверждал, что Россия должна собрать в братском всеединстве все человечество. Его идеологический противник публицист **К.Н. Леонтьев** (1831 — 1891) предрек России не роль избирательницы человечества в братском всеединстве, а родины Антихриста. Еще один глубокий ум России историк **Г.П. Федотов** (1886—1951) высказал не только веру в великое будущее России, но и тревогу по поводу ее духовного, политического, экономического перерождения, в частности, тревогу о подмене религиозного начала в духовной жизни России национальным.

Задолго до победы Запада над Востоком возникла геополитическая концепция «мондиализма». Ее сущностью является утверждение полной планетарной интеграции, создание единого мира.

Подобные идеи высказывал еще О. Конт. В письме к Тулузу от 26 августа 1852 г. он утверждал:

человечество — это всемирная родина, призванная объединить по крайней мере в будущем всех обитателей планеты. Это совокупность всех способных к ассимиляции, всех как живущих поколений, так и сошедших со сцены, так, наконец, и грядущих; к нему не принадлежат разве Нероны, Робеспьеры и Бонапарты — одним словом те, кто нарушает своими действиями человеческую гармонию; индивид сам по себе не существует, представляя только абстракцию...

Далее в этом-письме О. Конт пишет, что

человечество является всемирной семьей; оно стало бы ею, если бы люди были в достаточной степени братьями, но этого еще нет в действительности; вот почему отечество пока напоминает собой тот громадный интервал между индивидом и семьей⁹.

Четырьмя годами раньше в «Манифесте» К. Маркс и Энгельс сформулировали похожие идеи, наиболее яркая из них: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Концепции Л.Б.Троцкого и Н. И. Бухарина о перманентной революции, лозунг 50-х годов, рожденный после победы коммунистов в Китае в октябре 1949 г. — «русский с китайцем — братья навек» — тоже во многом попытки воплощения этих идей.

Давнюю историю имеют притязания американцев на исключительность. Начало им положили взгляды первых поселенцев — пуритан, прибывших на американский материк еще в XVII в., здесь они пытались реализовать библейскую заповедь «града на холме», где все поселенцы равны и свободны. Отсюда и обоснование концепции экспансии принципов свободы и демократии как проявление логики Божественного Провидения. От этой мысли до идеи — предназначения Америки реформировать весь мир и вести его за собой — один шаг. Уже в середине XIX в, некоторые американские идеологи утверждали, что в ближайшем будущем США станут центром, вокруг которого все нации объединятся в единый народ, что США, подобно Солнцу, окажут «славное влияние на страны Европы, а дальше на азиатские империи». Философ Дж. Фиске в 1895 г. говорил, что в ближайшем будущем все страны мира станут английскими по своему языку, религии, своим политическим обычаям и в значительной степени по крови населяющих их народов.

Видно, что идеи, сформулированные в «доктрине Монро» (Внешнеполитическая программа правительства США, сформированная президентом Дж. Монро в послании Конгрессу) в 1823 г., утверждавшие главенствующее и руководящее положение США сначала в Латинской Америке, затем — в Западной Европе, в середине XX в. распространялись уже во всем мире.

Наиболее четко эти установки были провозглашены в лозунге «американского века», сформулированном политологом **Г. Льюисом** в 1941 г. «XX век должен стать в значительной степени американским веком». Американские капиталисты, учителя, врачи, агрономы и инженеры, поддерживаемые американской мощью, утверждал он, должны взять на себя бремя белого человека, неся с собой повсюду «стабильность» и «прогресс» американского образца.

Эти идеи в 1945 г. были положены в основу государственной внешней политики США, которые считали, что одержанная нами победа возложила на американский народ бремя ответственности за дальнейшее руководство миром.

В завтрашней Америке истинную столицу мира, базу руководства им, видели политики — президент и вице-президент Д. Эйзенхауэр, Г. Хэмфри, немало сделавшие для реализации на практике во внешнеполитической деятельности «доктрины Трумэна». В наиболее жесткой форме особая миссия США была оплощена во внешней политике во время президентства Рейгана и Буша.

Идея о предназначении Америки руководить миром, пасти «больное человечество» от грозящих ему опасностей была идеей фикс» Рональда Рейгана и его администрации.

В XX в. мондиалистские идеи высказывали и многие политические деятели Западной Европы, но они в отличие от американцев не вынашивали эгоцентристские мысли об абсолютном мировом господстве. США стали главным идеологическим и политическим центром мондиализма. Там был создан своего рода штаб по реализации этой концепции. В нем работали сотни различных советников, аналитиков, на него замыкались центры стратегических исследований, были созданы параллельные влиятельные структуры. По замыслу американских геостратегов для реализации идей мондиализма создавались такие надправительственные структуры, как ООН, ЮНЕСКО, их комитеты и комиссии. Под руководством США работали и продолжают функционировать такие мондиалистские организации, как «Совет по Международным отношениям» и «Бильдербергский клуб», или он же «Бильдербергская группа». Ее лидеры в 1973 г. сформировали «Трехстороннюю комиссию», которую возглавил семейный клан мультимиллиардеров Рокфеллеров. Эта комиссия насчитывает ориентировочно около 200 членов. Ее рядовыми функционерами были многие ведущие политики США, Европы и Японии. Например, будущий президент США Дж. Картер возглавлял когда-то в «Трехсторонней комиссии» один из подкомитетов.

Мозговой центр «Трехсторонней комиссии» во главе со З. Бжезинским (р. 1928) разработал несколько вариантов перехода к единой мировой системе под руководством США. Один из вариантов (моделей) перехода к новому мировому порядку и мировому правительству опирался на идеи конвергенции (слияния, сближения). Сама идея конвергенции была впервые озвучена президентом США Л. Джонсоном. Теорию конвергенции создал американский социолог русского происхождения *Питирим Сорокин* (1889 — 1968). В 70-х годах она была модернизирована под нужды мондиализма группой аналитиков под руководством З. Бжезинского и Г. Киссинджера. В рамках этой теории разработаны методы создания новой культурно-идеологической цивилизации, промежуточной между социализмом и капитализмом.

По мысли П. Сорокина, эта новая цивилизация должна вобрать лучшие черты от капитализма и социализма, атлантизма и континентализма. В Мировое Правительство после создания новой синтетической культурно-идеологической цивилизации могли войти Вашингтон и Москва. Но управлять таким миром, полагали мондиалисты, можно с переходом на технологические схемы «эфирократии». Мондиалистский центр имел филиалы в Западной Европе, Китае, в СССР, через которые реализовывал свои проекты. Но результаты этих устремлений мондиалистов в Европе, СССР и Китае — разные. Восточно-европейские страны, СССР пошли на уступки США по всем принципиальным вопросам — сокращение вооружений, роспуск Варшавского договора, развал политической и экономической системы СССР, т. е. самоликвидировались, а Запад не пошел ни на политические, ни на идеологические, ни на геополитические уступки СССР. Китай также ни на какие принципиальные уступки Западу не пошел. Таким образом, мондиализм был весьма эффективно использован атлантистами-политиками в «холодной войне» против СССР и стран Восточной Европы.

Новой версией мондиализма после развала блока стран Восточной Европы и СССР стала концепция политолога Френсиса Фукуямы «конец истории», в начале 90-х годов он опубликовал статью под этим же названием. Его концепция стала идейной «основой нового течения — «неомондиализма». Принципиально новых идей в «конце истории» нельзя найти при всем желании. Это повтор идей Т. Гоббса, а также О. Конта (высказанных последним в «Курсе позитивной философии»), Г. Спенсера и других мыслителей-позитивистов. Фукуяма «проводит» читателей от «эпохи закона Силы», «мракобесия», «нерационального менеджирования социальной реальности» к разумному строю — капиталистическому, западной цивилизации конца XX в. с ее рыночной экономикой и либерально-демократическими ценностями.

Фукуяма во многом повторил идеи немецкого социолога и историка Макса Вебера о том, что история развивалась только за счет нерациональных факторов, что рациональность становится преобладающим фактором только на этапе капиталистического развития. Последний оплот «иррационализма» пал, по мнению

Фукуямы, с развалом СССР. С этим фактором представитель современного неомондиализма связывает «конец истории» и начало нового существования человечества — планетарного, где будут существовать Рынок и Демократия. Они интегрируют мир в гармоническую (почти по О. Конту) единую машину. Все части света, т. е. все регионы Земного шара, начнут переструктурироваться,

как электроны в атоме, станут менять свои орбиты, ориентируясь на самые мощные (экономически) ядра-центры.

Некоторые европейские ученые высказали идеи, похожие на доктрину Фукуямы. Например, в книге «Линии горизонта» личный советник президента Ф. Миттерана **Жак Аттали** утверждает, что сейчас в мире наступила «эра денег». Они — универсальный эталон любой ценности. Эра денег — свидетельство наступления мессианской эры иудейско-каббалистического толка. На всей Земле, по Аттали, господствуют рыночные отношения, основанные не только на деньгах, но и на информационных технологиях, доминирует либерально-демократическая идеология, геополитического дуализма нет; есть единый однородный мир, который базируется, формируется на принципах «геоэкономики». Последняя во главу угла ставит не географические, этнические, духовные и другие факторы, а прежде всего экономические. Все страны, регионы Земли вращаются вокруг тех городов, где есть Центры мировых бирж, информационные центры, крупные производства и полезные ископаемые. Такими ядрами — экономическими пространствами — стали, по мнению Аттали, Амери-Канское пространство, включающее Северную и Южную Америку в одну финансово-промышленную зону; Европейское пространство — вся объединенная Европа; Тихоокеанский регион с Конкурирующими центрами: Токио, Тайвань, Сингапур и т. п.¹⁰

Экономический и идеологический тип этих пространств бу-т схожим, следовательно, между тремя пространствами не Кюгут возникнуть какие-либо противоречия. Никакие геополитические факторы не будут оказывать существенного влияния. По своему содержанию «геоэкономический» проект переустройства мира является промежуточным вариантом между атлантизмом и мондиализмом. Геополитические идеи Аттали более детально представил профессор Института международных политических исследований (Милан) Карло Санторо. Концепции многополярности мира Фукуямы предполагают существование Мирового Правительства. Его ядром могут стать международные институты типа ООН и ее комитетов. По мысли К. Санторо, эти межгосударственные структуры — наследие устаревшей логики двуполярной геополитики и «холодной войны». Положение в мире чревато цивилизационными катастрофами. В результате этих катастроф будет ослаблена роль международных структур, возрастут национальное самосознание и национализм в странах Восточной Европы, России, Третьего мира, интенсивно пойдет распад существующих государств (включая и Россию), мир вступит в период войн малой и средней интенсивности, вследствие которых станут возникать новые геополитические пространства, для их управления необходимо формировать Мировое Правительство, под эгидой которого будет создано планетарное государство.

Рассмотренная концепция занимает промежуточные позиции между доктриной Фукуямы и идеями С. Хантингтона.

Как видим, мондиализм, атлантизм и неомондиализм полагают переплавить множество народов, наций и культур в единое общество. Такое общество, в частности, общество западных стран (ЗС) рисует в своей футуристической книге «Глобальный человек» русский философ и писатель *А. Зиновьев* (р. 1922). Выше мы назвали наиболее важные интеллектуальные ценности, присущие современному Западу и Востоку. Какие же ценности, полагает А. Зиновьев, будут присущи человеку-западоиду XXI в. и последующих веков? По этому поводу он пишет:

Все исследователи более или менее единодушны, отмечая такие качества западоидности, как высокий интеллектуальный потенциал, практицизм, деловитость, расчетливость, конкурентоспособность, изобретательность, способность рисковать, авантюристичность, любознательность, эмоциональная черствость, холодность, склонность к индивидуализму, повышенное чувство собственного достоинства, стремление к независимости, склонность к добросовестности в деле, чувство превосходства над другими народами, стремление управлять другими и подчинять их своей воле, высокая степень самодисциплины и самоорганизации¹¹.

Многие из перечисленных качеств западоидов уже были названы в начале XX в. (в 1905 г.) Максом Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Как показала практика, за истекшее время эти качества приняли на Западе, особенно в США, гипертрофированные размеры. Зиновьев пишет:

Со временем число людей с упомянутыми выше свойствами западоидности росло... Происходил своего рода отбор, подобный искусственному отбору в выведении культурных растений и животных... Людей стали штамповать в массовых масштабах с использованием искусственных средств... с помощью, воспитания, обучения, идеологии, пропаганды, культуры, медицины, психологии¹².

То, о чем пишет ученый А. Зиновьев, — утопическое общество будущего, построенное по проектам мондиалистов. Истоки же их идей можно найти в Торе и Талмуде, в Библии (в Старом Завете), в некоторых утопических теориях.

3.4. Другие современные школы геополитики

В конце 60-х годов XX в. во Франции возникло геополитическое течение «новые правые». Возглавил его философ и публицист Ален де Бенуа. Это течение подчеркивало связь своих идей с концепциями довоенных немецких геополитиков-континенталистов. Под флагами «новых правых» объединились социалисты (всегда влиятельные во Франции) и сторонники буржуазной демократии, германофилы и модернисты, а впоследствии и славянофилы. Ведущим принципом «новых правых» стал принцип континентальной геополитики. Будущее, считали они, принадлежит Большим Пространствам», на территории которых должна быть создана «Федеральная Империя». Это стратегически единое пространство, где каждый этнос сохраняет свою самобытную культуру. Все этносы, населяющие Европу, по мнению Бенуа, выходцы из Индии, т. е. имеют «общее прошлое». Но в силу экономических, сырьевых, стратегических, политических интересов они должны иметь «общее будущее», т. е. государствам Европы надо выйти из НАТО, соблюдать строгий нейтралитет, создать собственные европейские ядерные силы. Именно такую политику проводил до конца 60-х годов президент Франции генерал де Голль. Поэтому он пользовался у «новых правых» большой поддержкой.

«Новые правые» искали понимания и поддержки на Востоке, Проявляя интерес к внешней политике СССР, Китая. В идее союза Европы и СССР они видели возможности противостояния атлантизму и мондиализму. Но противостоять мощным силам, ориентированным на США, пришедшим во Францию после падения кабинета де Голля, «новые правые», несмотря на глубокие интеллектуальные наработки, не смогли.

Принципиально не отличались от доктрины «новых правых» идеи бельгийца *Жана Тириара*. С 1960-х годов он стал лидером Движения «Юная Европа», объявив себя учеником и продолжателем концепции Хаусхофера. Он считал себя европейским «национал-большевиком», создателем «Европейской империи». Его теория строилась на правиле «автаркии больших пространств». Суть ее сводилась к тому, что государство полноценно может развиваться только тогда, когда обладает достаточным геополитическим пространством, большими территориями. Опираясь на этот тезис, Тириар делал вывод, что государства Европы потеряют свое значение, если не создадут единую империю, противостоящую США. Единая Европейская империя должна быть нейтралистской, унифицированной, государством-нацией. В последнем понятии — суть различия между доктринами Тириара и Бенуа. К концу 70-х годов Тириар пришел к выводу, что масштаба Европы уже недостаточно, чтобы противостоять США, идеям атлантизма и мондиализма. Необходимо создать союз Европы и СССР. Таким образом, он сконструировал биполярный геополитический мир Запад — Евразия и отдал предпочтение советскому социализму, а не западному капитализму. Его проект получил название «Евросоветской империи от Владивостока до Дублина». Создание такой империи, по мнению Тириара, позволит сохранить существующие европейские и азиатские геополитические структуры, в противном случае Советскому Союзу, под разрушительным воздействием сил Запада, внутренних причин, в частности «пятой колонны», грозит развал. Эти пророческие мысли были высказаны почти за пятнадцать лет до Беловежской встречи.

Последователем идей Хаусхофера, сторонником «национал-большевиков» и «новых правых» выступал австрийский генерал Йордис фон Лохаузен. Он утверждал, что политическая власть только тогда может быть прочной и долговечной, когда лидеры государств мыслят «тысячелетиями и континентами». Его фундаментальный труд назывался: «Мужество властвовать. Мыслить континентами». Те же поистине пророческие слова мы встречаем у советского поэта В.В. Маяковского, сказавшего еще в 20-х годах нашего века: «Землю всю охватывая разом, видел все, что временем сокрыто». Действительно, так: глобальные социально-политические, территориальные, экономические и культурные процессы могут быть верно поняты, только когда они видятся в дальней перспективе. Эту «дальнозоркую» позицию Лохаузен противопоставляет сиюминутной суете, исторической «близорукости». Политик, лидер-государственник должен найти историческое место тому или иному народу на огромных театральных подмостках мирового действия чародейки-истории. И геополитика, по его мнению, должна стать основной наукой, хорошо изучив которую можно определять стратегическую, политическую, государственную линию. Какие-либо частности не могут детерминировать или отменить фундаментальные законы, связанные с природными и культурными эпохами. Эти эпохи, или циклы, могут исчисляться тысячелетиями. Что же это за базовые законы или категории? Прежде всего это пространство, этнос, его населяющий, язык этого этноса, природные ресурсы, в более широком плане — географическая среда и т. п. Лохаузен

считает, что могущество государства равно силе, умноженной на местоположение. Этот тезис он развивает следующим образом:

Так как могущество есть сила, помноженная на местоположение, только благоприятное географическое положение дает возможность для полного развития внутренних сил¹³

Лохаузен считает Европу континентальным образованием, временно оказавшимся под влиянием и контролем талассократии. Для того чтобы изменить свою судьбу, Европе надо получить необходимый пространственный минимум. Для этого надо объединить Германию, в том числе и с Пруссией, поделенной ждуд несколькими странами. Пруссию он считал наиболее континентальной, «евразийской» частью Германии. Лохаузен обосновал мысль о том, что если бы столицей Германии был Кенигсберг, а не Берлин, то был бы неизбежен союз Германии с Россией, направленный против англосаксонской талассократии. поодиночке ни Россия, ни Германия не в силах противостоять влиянию англосаксонских стран, так как из-за геополитической незавершенности их структур они уязвимы и не могут противостоять Соединенным Штатам, чье местоположение значительно выгоднее, поэтому в силу названных причин мощь США со временем опередит мощь СССР (России). Эту недостаточность в плане геополитики СССР (Россия) в течении 70—80-х годов мог исправить, и тогда был бы возможен новый цикл развития — Евразийский.

Французский писатель Жан Парвулеску создал оригинальное управление в литературе — «геополитическую беллетристику», то геополитические идеи сводятся к тому, что история человечества — это история власти, могущества. За достижение этого :огущества и власти борются многие полусекретные организации. Он называет их «орденом атлантистов» и «орденом евразийцев». Время их возникновения лежит в глубине истории, тысячелетий. Они пережили многие правящие светские династии, финансовые империи, религиозные институты. В многовековой борьбе «орденов» участвуют короли и крупные финансисты, патриархи и папы, дипломаты и генералы, революционеры и мистики и т. д. Видно, что противостоянию «орденов» Парвулеску придает мистический характер.

Главную роль в описываемой борьбе автор оригинального жанра отводит генералу де Голлю, бывшему президенту Франции, который создал мощную геополитическую организацию, получившую название «геополитический голлизм». Основная задача де Голля и его полусекретной структуры — организация европейского континентального блока «Париж — Берлин — Москва». (Именно для реализации этой задачи президент де Голль в 1966 г. посещает Россию, т. е. СССР). Как мы видим, подобные идеи высказывали континенталист Хаусхофер, «национал-большевики» и «новые правые». Как и последние, Парвулеску полагал, что этап геополитического противостояния 70—80-х годов является кульминационным, когда борьба двух геополитических суперструктур подходит к финалу. Он видел контуры огромной континентальной конструкции «Евразийской Империи Конца» и ее столкновение с «Империей Атлантики». Его труды экспрессивны, персонажи наделены демонической волей, убежденностью, «Финальная Битва» геополитических суперконструкций описывается в запредельных, мистических красках. Этому способствует хорошее знание автором многих исторических деятелей, с которыми он поддерживал личные дружеские отношения. Вымышленные персонажи — колоритные личности, характеры, созданные умелой рукой мастера. Обладая огромной интуицией, граничащей с мистицизмом, Парвулеску в 70-х годах рисует картину мира середины 90-х.

В Европе 70-х годов XX в. сложилось еще одно довольно мощное течение — прикладная геополитика. Внутри него существовало несколько школ со своей методологией и методами. Ведущее место в этом течении занимала упомянутая выше школа Ива Лакоста — «внутренняя геополитика». Суть воззрений Лакоста сводится к тому, что геополитика — не континентальное видение развития исторических процессов, не наука, главный принцип которой — фундаментальное планетарное Мышление, основанное на цивилизационно-географическом дуализме. Деглобализация ее как дисциплины, сведение к решению локальных проблем, носящих не планетарный, а частный характер — таков метод Лакоста, сводящий геополитику до узкой аналитической дисциплины. Разновидностью «внутренней геополитики» по сути явилась «электоральная геополитика», предложенная еще в начале XX в. французом Андре Зигфридом. Она использовалась как специальная методика изучения политических симпатий и антипатий населения, проживающего на той или иной территории. Основатель же данной школы писал по этому поводу, что каждая партия имеет свою привилегированную территорию. Легко заметить, что подобно тому, как существуют геополитические или сономические регионы, существуют также политические регионы. Политический климат можно изучать так же, как и климат природный, общественное мнение в

зависимости от регионов сохраняет определенное постоянство. Под постоянно мельющейся картиной политических выборов можно проследить более глубокие и постоянные тенденции, отражающие региональный темперамент.

Как можно заметить, «внутренняя геополитика» по сути воспользовалась идеями «электоральной геополитики», занимавшейся утилитарно-прагматическими исследованиями политиче-симпатий и антипатий. Андре Зигфрид отметил определенные особенности потенциальных избирателей, зависящие, по его мнению, от географической среды, климата. Лакост эти идеи развил в своем журнале «Геродот», который с 1983 г. стал выходить с подзаголовком «журнал географии и геополитики», и по существу «внутренняя геополитика» Лакоста — это социологические методы изучения общественного мнения.

В этой связи можно отметить, что общественное мнение бывает устойчивым или динамично меняющимся не в зависимости от скорости или розы ветров, горной или равнинной местности, а от того, в какой степени тот или иной политический деятель выражает материальные и духовные интересы, потребности конкретного избирателя. Безусловно, на формирование интересов и потребностей электората влияют многие факторы, в том числе и средства массовой информации. Это понимал и Лакост, вживляя в свои концепции геополитики новейшие правила функционирования информационного общества. Он исходил из того, что в формировании общественного мнения большое значение имеет не рациональный подход, где главенствует ум (рацио), а восприятие того или иного персонажа сердцем, эмоциями. Отсюда и призыв: «Голосуй сердцем!» (Сердце есть — ума не надо). На реализацию этого призыва работают специалисты-имиджмейкеры. Главная их задача — дать не реальный образ кандидата, политика, а его «имидж», имеющий порой весьма далекое отношение к реальному образу. Другая важная задача имиджмейкеров, организаторов политической кампании кандидата, — представить образ его противника в самом неприглядном виде, т. е. по отношению к сопернику действует принцип: чем хуже — тем лучше.

Огромную роль в манипулировании общественным мнением играют, как мы отмечали, средства массовой информации, особенно электронные: телевидение и радио. Существуют концепции о влиянии масс-медиа на воззрения электората. Медиатический имидж вбирает в себя несколько аспектов: духовно-культурный, экономико-политический, этический и т. д. Интегрируя эти качества в одном «образе», искусственно наделяя его харизматическими чертами (создавая такого всенародно избранного «отца нации»), медиакраты часто используют те категории, принципы и методы, которыми оперирует геополитика (например, представляя специфические черты региона, психологические качества его жителей, которые формируются историческими, географическими, экономическими, этническими особенностями, тележурналист особо подчеркивает, что у их потенциального избранника присутствуют все эти качества, а это роднит избирателя с данным кандидатом). Итак, масс-медиа, глобальная система типа «Интернет» становятся самостоятельным фактором, оказывающим порой решающее влияние при выборе пути развития. Этот выбор может историческим образом изменить судьбу народа.

Таким образом, мы видим, что «внутренняя», «прикладная», «электоральная геополитика» не имеют почти ничего общего с атлантизмом и мондиализмом, с доктринами талассократии и теллурукратии. С этими же направлениями геополитической мысли ее связывают лишь некоторая терминология и немногие методы, позаимствованные у социологии и политологии.

- 1) Цит. по: *Россия и будущее европейское устройство*. — М., 1995. — С. 63
- 2) *Schmidt M.* Eine Strategie für den Westen.— Bonn, — 1985, — 5.72.
- 3) *Meinig D.W.* «Heartland and Rimland in European History» in <West Politics Quarterly>, IX, 1956. 553-569.
- 4) Там же.
- 5) *Cohen S.B.* Geography and Politics in a divided world, New York, 1963.
- 6) *Huntington Samuel.* Clash of civilizations in «Foreign Affairs», summer 1993. — -22-49.
- 7) Там же, Р. 25.
- 8) Там же, Р. 49.
- 9) *Ковалевский М.М.* Соч. В 2-х т. Т. I. - Спб.: Алтейя, 1997. - С. 173.
- 10) *Attali Jack* Lignes d'horizon, Paris, 1990.
- 11) См.: *Зиновьев А.* Глобальный человек. — М.: Центр-пол и граф. 1997., с. 409.
- 12) Там же.
- 13) *Jordis von Lohausen.* Mutzur Macht. Denken in Kontinenten, — Berg, 1978.

Глава 4

Русская школа геополитики

Русская школа геополитики имеет несколько течений, Наиболее мощное из них — евразийское. Его центральной задачей было отстаивание самобытных основ российской истории и культуры, разработка новых взглядов на русскую и мировую историю. Евразийцы рассматривали Россию как особый этнографический и культурный мир, занимающий срединное пространство Азии и Европы.

4.1. История евразийского движения * (Параграф подготовлен доцентом Л.И.

Чернышевой)

Евразийское движение возникло в среде русской послеоктябрьской эмиграции в начале 20-х годов. Период его становления и распространения евразийства охватывает 1921—1926 гг. Зародилось оно в Софии, но вскоре переместилось в Прагу и затем в Берлин. Основателями евразийства были лингвист и филолог **Н.С. Трубецкой** (1890–1938), географ и экономист **П.Н. Савицкий** (1895–1968), православный богослов, впоследствии священник **Г.В. Флоровский** (1893–1979) и искусствовед **П.П. Сувчинский** (1892—1985).

В 1921 г. в Софии вышел первый евразийский сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения», а в 1922г. — второй сборник «На путях. Утверждения евразийцев». В них в сжатой форме излагались основные принципы нового движения. Евразийство сразу же привлекло к себе внимание нетрадиционным анализом традиционных проблем, дерзкими проектами преобразования существующего общественного строя России.

В евразийском движении на разных его этапах принимали участие лучшие интеллектуальные силы русского зарубежья в лице философа **Л.П. Карсавина** (1882—1952), историка **Г.Е. Вернадского** (1887—1973), правоведа **Н.Н. Алексеева** (1879—1964) и ряда других. Расцвет движения связан с изданием «Евразийского временника», а позже, в 1926г., — программного документа «Евразийство. Опыт систематического изложения», большая часть которого написана П.Н. Савицким, бесспорным лидером и идеологом евразийства, основоположником русской геополитики как науки. На втором этапе (1926—1929 гг.) центр движения перемещается в Париж, где продолжают выходить «Евразийские хроники» и начинает издаваться газета «Евразия». Издание газеты было Организационным оформлением «левого» крыла движения.

Пражский центр евразийства, главным теоретиком которого был Л. П. Карсавин, ориентировался на идейно-политическое движение и сотрудничество с советской властью. Н.С. Трубецкой П.Н. Савицкий назвали это самоликвидаторством. В тридцатые годы евразийство как движение перестало существовать. Идеи евразийства были возрождены в 60-х годах Л.Н. Гумилевым. Наиболее ранние источники своих идей сами евразийцы относят к концу XV и началу XVI вв., периоду осознания русским народом его роли защитника Православия и наследника византийской культуры. Таким источником, указываемым евразийцами, являются «послания старца Филофея». После падения Константинополя в 1453 г. Русь осталась единственной великой православной страной, хранительницей восточно-христианской традиции. Именно в этом качестве старец Елизарова монастыря Филофей называл Русь третьим Римом:

Все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя согласно пророческим книгам, и это — российское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит. А четвертому не бывать¹.

Мессианская идея высокого исторического предназначения России, сформулированная Филофеем в XVI в., получила развитие в русском историософском мышлении XIX в., прежде всего в русле славянофильства (А. Хомяков, И. Киреевский, С. Аксаков и др.), оказавшем непосредственное влияние на формирование геополитических взглядов евразийцев:

С точки зрения причастности к основным историософским концепциям, «евразийство», конечно, лежит в общей со славянофилами сфере².

Евразийцы разделяли основную мысль славянофилов о самобытности исторического пути России и ее культуры, неразрывно связанной с православием. Вслед за славянофилами они утверждали, что культура России по системе своих духовных ценностей радикально отличается от западно-европейской.

Однако отношение евразийства к славянофильству нельзя сводить к простой преемственности идей. Основания этих идей у евразийцев и славянофилов носили принципиально разный характер. Евразийцы считали, что в общей постановке проблемы, связывая культуру с религией, а русскую культуру — с судьбами православия, славянофилы были правы. Но, решая проблему России и русской культуры, они пошли по ложному пути «романтической генеалогии», обращаясь к славянству как к тому началу, которое определяет культурное своеобразие России. В связи с этим П. Н. Савицкий отмечает, что нет оснований говорить о славянском мире, как о культурном целом, а русскую культуру отождествлять со славянской. Культура России не является ни чисто славянской, ни преимущественно славянской. Свообразие русской культуры определяется сочетанием в ней

европейских и азиатских элементов, что составляет ее сильную сторону. В этом плане культура России сопоставима с культурой Византии, которая, сочетая западные и восточные элементы, тоже обладала «евразийской» культурой. В отличие от славянофилов евразийцы утверждали примат духовного, культурного родства и общности исторической судьбы над этнической общностью.

Более близкими для евразийцев были идеи К. Н. Леонтьева, который сформулировал мысль о том, что славянство есть, а общеславянской культуры нет. К. Н. Леонтьев отошел от узкого этнокультурного национализма славянофилов и первым обратился к восточным корням русской культуры, отнеся ее к византийскому типу. Идеи К. Н. Леонтьева об органической связи Православной церкви с русской культурой и государственностью нашли развитие во многих программных документах евразийцев, особенно в трудах Л. П. Карсавина.

Наиболее существенное влияние на становление евразийской концепции оказали идеи Н. Я. Данилевского. Выделение евразийцами особого типа «евразийской» культуры базировалось на его теории культурно-исторических типов, разработанной в труде «Россия и Европа». Если сравнить работу Н. С. Трубецкого «Европа и человечество», давшую интеллектуальный толчок евразийскому движению, с трудом Н. Я. Данилевского, то идейное влияние последнего на концептуальные построения евразийцев становится очевидным.

Н. Я. Данилевский сформулировал теорию культурно-исторических типов как антитезу универсалистским концепциям истории, которые носили ярко выраженный европоцентристский характер. В основе европоцентризма лежала рационалистическая теория прогресса с ее трактовкой истории как одномерного линейного процесса. Европоцентризм выражался в отождествлении судеб человечества с судьбами западноевропейской цивилизации. Главное возражение Н. Я. Данилевского против европоцентризма заключалось в том, что этот подход не давал объяснения ни истории России, ни истории народов Востока, превращая их в приложение к европейской истории. Вместо моноцентризма европейской цивилизации Н. Я. Данилевский предложил концепцию полицентризма типов культур, вместо линейности — многовариантность развития. И для Н. Я. Данилевского, и для евразийцев прогресс — это реализация разнообразных возможностей, заложенных в различных культурах. Расхождение во взглядах евразийцев и Н. Я. Данилевского проявлялось в том, что евразийцы относили Россию к особому типу евразийской культуры, а Н. Я. Данилевский — к славянскому культурно-историческому типу. Н. Я. Данилевский предвосхитил геополитический подход к анализу взаимоотношений России и Европы одним из первых пришел к выводу, что политические интересы России и Европы не только не совпадают, но и противоположны по своей сути:

... сопредельность России с Европой — причина того, что интересы России не только иные, чем интересы Европы, но что они взаимно противоположны, что, следовательно, в политическом смысле Россия не только не Европа, но Анти-Европа¹

Он показал, что Россия неизбежно втягивалась в бессмысленные войны за чуждые ей политические интересы европейских государств, а ее собственные интересы, несмотря на военные успехи, постоянно ущемлялись. Отсюда, заключает ученый:

России ничего не остается, как... открыто, прямо и безоговорочно осознать себя русской политикой, а не европейской, и притом исключительно русской без всякой примеси, а не какого-нибудь двойственного русско-европейского или европо-русского, ибо противоположности несовместимы⁴

Евразийцы под этот тезис Н. Я. Данилевского подвели геополитические обоснования.

4.2. Понятие «месторазвития»

В основе геополитического тезиса евразийцев, сформулированного П.Н. Савицким, согласно которому «Россия есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир»⁵, лежит понятие «месторазвития». Это понятие, введенное первоначально в рамках естествознания для обозначения взаимосвязи живых организмов и среды их обитания, П.Н. Савицкий применил к анализу взаимосвязи и целостности социально-исторической и географической среды. Это географический индивидуум, или ландшафт, аналогичный термину «Raum» в немецкой геополитике.

Понятие географического пространства, считает П.Н. Савицкий, в отличие от геометрического является не только количественным, но и качественным. Социально-историческое развитие народов протекает не в каком-то обезличенном пространстве, а в неповторимой географической среде. По своему геологическому устройству, климату, качеству почвы и растительности географическая среда может быть различных типов. Народы в своей социально-исторической жизни приспособляются к определенной географической среде и в свою очередь приспособляют ее к себе. Географическая среда определяет формы хозяйственной жизни народов.

«Месторазвития» — это многочисленный ряд, в котором меньшие месторазвития включаются в большие. В пределе месторазвитием человеческого рода выступает вся планета. П.Н. Савицкий видит преемственную связь между понятием «месторазвития» и понятием «культурно-исторического типа» Н.Я. Данилевского и полагает, что концепция месторазвития закономерно ведет к признанию множественности форм человеческой истории и жизни народов. По его мнению, с географической точки зрения разделение Старого Света на Европу и Азию научно несостоятельно, поскольку объединяются в единое целое различные типы месторазвития, а единый тип месторазвития разделяется по разным частям света.

По географическим критериям естественным является деление на Европу, Азию и Евразию, представляющих собой различные типы месторазвития. Евразия есть такое месторазвитие, которое является интегральной формой существования многих более мелких месторазвитий. Понятие Евразии как месторазвития по содержанию совпадает с понятием Grossraum, введенным немецким геополитиком *К. Шмиттом* (1888—1985).

4.3. Евразия как особый географический мир

Евразия в своих границах приблизительно совпадает с Россией. Необходимость различать в пределах территории Старого Света не два, как делалось традиционно, а три материка, не была открытием евразийцев. Это утверждение высказывалось и раньше, в частности, профессором В. И. Паманским в 1892 г. Евразийцы же дали ему название «Евразия».

В понимании евразийцев пространство Европы исчерпывается «Западной Европой», географические условия которой являются океаническими, а «Восточная Европа», будучи континентальной, есть часть Евразии, а не Европы. Нельзя отождествлять Евразию с Азией. Территорию Евразии составляют Восточно-Европейская, Западно-Сибирская и Туркестанская равнины и окаймляющие их с востока, юго-востока и юга горы:

Средний мир Старого Света можно определить таким образом как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывной полосой от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее (лесная и тундровая зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова⁶.

Для евразийцев Европа, Азия и Евразия являлись прежде всего географическими понятиями, обозначающими «географические миры», пространства, поддающиеся географической характеристике по определенным признакам. Евразия составляет особый мир, географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к востоку и юго-востоку от него. Евразия состоит из тундровой, лесной, степной и пустынной полос, непрерывно тянущихся с запада на восток, пересекаемых системами больших рек и с преимущественно широтным простиранием горных хребтов. Она характеризуется отсутствием выхода к открытому океану и отсутствием типичной для Западной Европы, Восточной и Южной Азии изрезанной береговой полосы, климат Евразии не морской, а континентальный, с резкими температурными колебаниями между зимой и летом. Таким образом, она представляет собой географическое единство, обособленное от Европы и Азии, целостное «месторазвитие», «графический индивидуум», где Россия-Евразия выступает центр Старого Света, Вводя в научный оборот термин «Россия-Евразия», П. Н. Савицкий подчеркивал континентальность России и ее отличие от океанических цивилизаций.

Россия-Евразия, расположенная на срединной континентальной части Старого Света, «имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «срединным» государством»⁷. «Срединность» России отличается от «срединности» Германии, выделяемой в западно-европейской геополитике. «Срединность» Германии ограничивается Европой, которая представляет собой лишь «западный мыс» Старого Света. Россия же является центром всего Старого Света:

Устраните этот центр, и все остальные его части, вся эта система материковых окраин... превращается как бы в рассыпанную храмину⁴.

По отношению к России-Евразии все остальные земли и государства континента являются прибрежными. Центральным положением России обусловлены особенности ее культуры, политики и экономики.

4.4. Концепции культуры Евразии

В евразийской концепции культуры углубляются и развиваются идеи, высказанные в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и теории органического развития К.Н. Леонтьева. В работах Н. С. Трубецкого культура определяется как

*.... исторически непрерывный продукт коллективного творчества прошлых и современных поколений данной социальной среды*⁹.

Вслед за Н.Я. Данилевским он не просто констатирует невозможность существования так называемой «общечеловеческой культуры», отождествляемой с западно-европейской, но и дает строгое географо-этнологическое обоснование этому утверждению.

Культура, присущая той или иной социальной общности, нивелирует индивидуальные различия между членами этой общности, своеобразно их усредняет. Это усреднение должно происходить на основе общих для всех членов данной среды потребностей. Люди, различаясь в своих духовных устремлениях, обусловленных национально-культурными различиями, общи в своих материальных потребностях. Примат материальных потребностей в унифицированной человеческой культуре неизбежен, вследствие чего наступит духовная примитивизация культуры.

Главный и основной грех западной культуры, претендующей «общечеловечность», евразийцы видели в ее стремлении нивелировать и упразднить все индивидуальные различия, ввести всю-единообразные формы быта и общественно-государственного тройства, основанные на рыночной экономике и либерально-демократических формах правления. Европеизация для неевропейских народов гибельна. Народы, приспособляясь к своему месторазвитию, развивают свои культуру и формы жизни. Ломая духовные устои жизни и культуры, европейская цивилизация производит небывалое опустошение в душах народов, делая их в ошении духовного творчества бесплодными, а в отношении нравственном — одичавшими: «Братство народов», купленное ценой духовного обезличения всех народов — гнусный подлог»¹⁰, — считал Н. С. Трубецкой.

«Общечеловеческая культура» достижима лишь при предельно упрощении национальных культур. Упрощение же системы ведет к ее гибели. Система, по определению К.Н. Леонтьева, предвосхитившего определение системы в общей теории систем, — это «одинаково в многообразии», «высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством»¹¹.

Таковыми же системами, обладающими значительным числом элементов, являются национальные культуры. Из национальных культур составляется

*радужная сеть, единая гармоническая в силу непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности*¹².

Система культурных ценностей создается в результате творчества, которое немислимо без личности. Поэтому народ в качестве творца культуры рассматривается евразийцами как многочеловеческая симфоническая личность.

Личности многочеловеческие могут быть как частнонародными, так и многонародными.

Субъектом культур, имеющих мировое значение, выступает

*совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства*¹³.

На территории Евразии в ходе ее тысячелетней истории сформировалась многонародная нация, именуемая Н.С. Трубецким евразийской. Народы Евразии явились творцами особой культуры — евразийской, соизмеримой по своему мировому значению с культурами Запада и Востока, но имеющей свое значение. Культура России — не славянская и не европейская, а евразийская: в нее вошли элементы культур Юга, Востока и Запада. Влияние Юга на Россию в лице Византии было основополагающим в X–XII вв. Влияние Востока в облике «степной цивилизации» с его духом государственности было особенно сильным с XII по XV вв. С XVI в. начинает сказываться влияние западноевропейской культуры, достигшее максимума в XVII—XIX вв. Но культуру России нельзя рассматривать как вторичную, поскольку она не сводится к суммированию или опосредованию западных и восточных тенденций. Культура России, определяемая формулой «ни Восток, ни Запад», а «Евразия», есть нечто третье, нечто самостоятельное и особое, что не имеет выражения ни в терминах Востока, ни в терминах Запада.

Евразийцы решительно отказываются от культурно-исторического «европоцентризма» и рассматривают Евразию как возглавляемый Россией особый культурный мир, единый в противоречивом многообразии своих проявлений. Культура Евразии подобно другим многонациональным культурам, индивидуализирует человечество, являя его единство. Высшая духовная задача России — сохранение любой ценой ее уникальности, отстаивание ее самобытности перед вызовом океанической культуры Запада и традициями Востока.

Культура, согласно взглядам евразийцев, рождается и развивается как единое целое, проявляясь в социально-хозяйственных и политических формах, в этническом типе и в бытовом укладе. Целостность культуры органически связана с целостностью ее месторазвития. Естественные условия равнинной Евразии, ее почвы и особенно ее степная полоса определили политические и социально-хозяйственные процессы евразийской культуры.

4.5. Экономическое и политическое единство Евразии

Форму организации мирового хозяйства евразийцы видели как систему автаркических, т.е. хозяйственно самодостаточных миров, связанных с географическими особенностями их месторазвития. Они утверждали, что хозяйственно-экономические процессы Евразии должны определяться ее объективными географическими условиями, ее континентальностью — это «особый внутренний мир». Окраины России-Евразии обращены преимущественно к соучастию в океаническом хозяйстве¹⁴.

По мнению евразийцев, единое мировое хозяйство создается как океаническое. Для континентальных стран при условии их интенсивного вхождения в мировой океанический обмен перспектива стать «задворками мирового хозяйства» становится основополагающей реальностью, поскольку континентальные страны находятся в изначально невыгодных условиях в силу громадности расстояний, отдаленности территорий от мирового океана. Значит надо создавать собственную автаркическую экономику.

Для России-Евразии важны также интересы окружающих ее континентальных стран, поскольку только в экономическом обмене с ними она сможет преодолеть экономически невыгодные условия континентальности. Возможности противостояния России-Евразии мировому океаническому хозяйству заложены в необходимом экономическом взаимодополнении и взаимотяготении пространственно соприкасающихся друг с другом континентальных областей:

не в обезьяньем копировании «океанической» политики других, во многом к России неприменимой, но в осознании «континентальности» и в приспособлении к ней — экономическое будущее России¹⁵

В трудах евразийцев мир Евразии рассматривался как единое геополитическое пространство, государственное объединение которого диктовалось географическими особенностями. Становым хребтом ее истории выступала степная полоса в ее открытости, степное пространство способствовало широким геополитическим комбинациям и взаимодействию народов, населявших Евразию, история оставила ей скифскую, гуннскую, монгольскую, русскую державы. Мир Евразии отличается своим постоянным стремлением к политическому объединению. П.Н. Савицкий справедливо констатирует, что «Евразийское месторазвитие» по основным свойствам своим приучает к общему делу», к внутреннему единству народов, к политическому объединению. Историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, впервые выполнил Чингисхан, подчинивший себе все кочевые племена евразийских степей и создавший мощное государство с прочной военной организацией. В империи Чингисхана евразийский культурный мир впервые предстал как целое:

Монголы сформулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя¹⁶.

Политическое единство Евразии проявляется не только в стремлении к государственному объединению, но и в особенностях ее политического устройства, обусловленных географией. Для Евразии всегда было характерно сочетание этатизма, т.е. принудительно-государственных начал социальной жизни, с величайшей национальной и религиозной терпимостью. Евразийское государство, будь то империя монголов или Российская империя, всегда понимало себя как «собор национальностей» или «собор вер», его природе было чуждо стремление заставить какую-либо часть населения изменить веру или национальность. В этом — суть политики многонациональной империи. Отказ от терпимости свидетельствовал о внутреннем разложении власти.

Политическая власть в евразийских государствах была авторитарной. Сухопутное могущество континентальной Евразии могло быть обеспечено не либерально-демократическими формами правления, характерными для торговой океанической цивилизации Запада, а авторитарной идеократией. Термином «идеократия» евразийцы обозначали все формы нелиберального правления, создающиеся в согласии с высшей организационной идеей и воплощающиеся в многообразных конкретно-исторических формах, таких, как самодержавная монархия, национальная диктатура, партийная государственность советского типа и возможных других.

Государственность Евразии всегда носила идеократический, авторитарный характер, основывающийся не на прагматическом коммерческом подходе, а на изначальном духовном импульсе, когда физический мир органически включается в единый духовно-созидательный процесс.

4.6. Геополитическая концепция русской истории

Евразийцы критиковали традиционный взгляд на историю России, согласно которому основа русского государства была заложена в Киевской Руси и позднейшее русское государство было ее продолжением. Общим между Киевской Русью и Россией, — замечает Н.С. Трубецкой, — является только название «Русь», но с географической и хозяйственно-политической точек зрения это были разные государства, между которыми не существовало исторической преемственности¹⁷.

Евразийцы единодушны в парадоксальном на первый взгляд выводе, согласно которому «без татарщины не было бы России». Монголо-татарское иго они рассматривают как военно-политический союз Древней Руси с Великой Степью, объединенной в государстве татаро-монголов. Этот союз был выгоден для Руси и в военном, и в финансовом, но более всего в геополитическом отношении:

Великое счастье Руси, что она досталась татарам, а никому другому

— полагает Савицкий.

Монгольскими завоеваниями Русь была втянута в общий ход евразийских событий. Включение России в общегосударственную систему монгольской монархии привело к усвоению не только техники государственности, но и самого духа государственности. Великая идея единого многонационального государства пришла на смену удельно-вечевым понятиям государственности Киевской Руси. Осваивая монгольскую идею государственности, русская национальная мысль обратилась к духовно более близкой государственности Византии, где нашла образцы для обрусения и православления монгольских идей.

Евразийцы показывают, что если в духовном плане Русь была тесно связана с Византией, то для геополитического бытия Руси Византия выступала как посторонняя сфера. После монгольского завоевания Русь была полностью включена в геополитическую сферу монгольской державы. Поэтому евразийцы приходят к выводу, что в геополитическом плане уместно говорить не о византийском, а о монгольском наследстве: «Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии...»¹⁸.

Вдохновляясь идеей единого государства, Великие князья Московские стали «собирателями земли русской», а затем перешли к «собиранию земли татарской». До XV в. русская история была историей одного из провинциальных углов евразийского мира и только после XV в. Россия стала играть общевразийскую роль. Процесс русской истории евразийцы определяют как процесс создания России-Евразии как целостного месторазвития, геополитический синтез Леса и Степи. Государственность России превосходила монгольскую, поскольку опиралась на прочное религиозно-бытовое основание, на взаимопроникновение православной веры и бытовой жизни, которое Н.С. Трубецкой называл бытовым исповедничеством. Это основание русской государственности было разрушено, по его мнению, в эпоху реформ Петра I.

Государственность России, сложившаяся в результате Петровских реформ, определяется Н.С. Трубецким как «антинациональная монархия». В этот период Россия изменила своему геополитическому призванию и попыталась стать великой европейской державой, которой она в принципе не могла быть. Россия уклонилась от предначертанного ей самой природой исторического пути великой континентальной державы, «срединной земли», и пошла по пути подражания политике европейских государств. Ради реализации европейских проектов Россия вела самоубийственные для нее войны на стороне естественных геополитических противников и против своих естественных геополитических союзников.

Оценивая последствия «европеизации» России, евразийцы заключают, что революция, положившая конец императорскому периоду в истории России, была исторической неизбежностью.

4.7. Русские геополитические истоки* (Параграф подготовлен О. В. Савочкиной)

Мощное евразийское течение в геополитике питалось многими духовными истоками, берущими начало в лоне гуманитарных, естественных наук России. Об универсальности научных интересов Н.Я. Данилевского, оказавшего сильное влияние на формирование взглядов евразийцев, уже сказано выше. Нельзя не отметить и статьи В.Ф. Головачева «О значении флота для России на основании истории», работы С.А. Скрегина «Мореходство и его влияние на развитие российского государства». Решающее значение на формирование геополитических идей оказала география. Сочинения крупных русских ученых-географов **А.И. Воейкова** (1842—1916) «Будет ли Тихий океан главным морским путем земного шара?», географа и демографа **П.П. Семенова-Тян-Шанского** (1827—1914) «Значение России в колонизационном движении европейских народов», Л.И. Мечникова «Цивилизация и великие реки. Географическая теория развития современных сообществ», военного географа Д.А. Милютин и других ученых подготовили хорошую теоретико-методологическую базу для формирования отечественной геополитической школы. Ее основателями можно считать военного географа, статистика Д.А. Милютин, а также А. Вандама, издавшего в 1912 г. геополитический труд - «Наше положение». Но наиболее крупным представителем русской геополитической школы по праву считается Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский. Генерал -фельдмаршал **Д.А. Милютин** (1816—1912) является автором многих трудов, но наиболее важным считается «Критическое Доследование значения военной географии и военной статистики». Это своего рода идеологическая, теоретическая предтеча геополитики. Войны Французской республики и Наполеона, их огромный пространственный размах дали толчок к осмыслению роли пространства (географического фактора) в военных операциях. Первый русский учебник по военной географии был написан для русской Академии Генерального штаба полковником Языковым. Он впервые поставил вопрос о влиянии на военные действия не только топографии, но и состава населения, экономики, государственного устройства, военной администрации, этнологии, климата, философии и даже богословия. Черту под дискуссией о предмете военной географии подвел тогда еще полковник русской армии Дмитрий Алексеевич Милютин, опубликовав в 1846 г. работу, указанную выше. Блестящий офицер (генерал в 40 лет), ученый с обширными познаниями, обладающий мощным аналитическим умом, в 1860 г. он назначается заместителем (товарищем) военного министра. Военное министерство, а в последние годы жизни Александра II, после отставки канцлера Горчакова в 1878 г., и министерство иностранных дел фактически возглавлял последний генерал-фельдмаршал России Д.А. Милютин. Он быстро определил геополитические приоритеты России. Основным ее противником назвал Британскую империю. Но предпринимать активные действия против Великобритании Милютин считал преждевременным. Россия еще не залечила раны Крымской войны 1853—1856 гг. Для поддержания равновесия в Европе и на Ближнем Востоке, по его мнению, нужен был военно-политический Союз России и Германии. В Средней Азии Россия стремилась подчинить себе огромный Туркестанский край, где необходимо было ликвидировать феодальную зависимость среднеазиатских городов от полудиких племен кочевников. По сути Милютин делал все для того, чтобы занять исходные позиции, с которых можно было бы угрожать Индии — основе могущества и ахиллесовой пяте Британской империи. Сложны и противоречивы были и геополитические отношения с Турцией. По плану военного министра турок нужно было изгнать из Европы и создать Балканскую конфедерацию под общим покровительством Европы. Проливы должны получить нейтральный статус. Персия и Китай должны были гарантироваться Российской империей от всех превратностей политики. Их Милютин, как и США, считал естественными союзниками¹⁹. Плоды политики (геополитики) военного министра Россия собрала уже в 1877—1878 гг. Русские войска тогда били турок на Балканах, а английская эскадра смогла решиться только на маневрирование в проливе Дарданеллы. Британию больше беспокоили казачьи полки, расквартированные в Мерве и Ташкенте, нацеленные на Индию. Таким образом, за 10—11 лет в Европе, на Балканах создалась совершенно иная геостратегическая и геополитическая ситуация. Все это стало возможным в силу ряда объективных условий и субъективных факторов. Одним из последних было практическое применение знаний по военной географии, разработанной русскими офицерами-учеными Языковым и, в большей степени Д.А. Милютиным. Его предшественник определял военную географию как науку теоретическую, отрасль или часть военной стратегии.

Последний генерал-фельдмаршал России справедливо критиковал сочинения Языкова и некоторых европейских писателей, «старавшихся военной географии придать некоторое значение специальное и самостоятельное». Он отмечает, что

*ни один не достиг этой цели в самом исполнении и что в немногих сочинениях, служащих образцами отдельных описаний театров войны, все исследования к другим эпохам применены быть не могут*²⁰.

Предмет военной географии и военной статистики, по мнению Д.А. Милютин, составляют общие и частные закономерности функционирования и развития государства:

*политическая система, экономическая и военная мощь, территория, географическое положение и общие топографические свойства: очертания границ, включая соседней (иное государство растянуто на большое протяжение или разбросано отдельными частями, другое округлено и составляет сплошную массу); одно по своему положению есть государство исключительно континентальное, другое исключительно морское; одно принуждено иметь для обороны сравнительно гораздо больше войска, чем другое; одно обращает главное внимание на сухопутные войска, другое на флот*²¹.

А далее Д.А. Милютин рассуждает в русле науки геополитики:

*Производительность почвы, климат и другие свойства местности определяют собственные средства государства... Наконец, сообщения водные и сухопутные, искусственные и естественные... облегчают или затрудняют перевозку...*²².

Под углом зрения основных принципов геополитики рассматривает Д.А. Милютин роль народонаселения, государственного устройства в геополитических, геостратегических отношениях. Если в работах Милютин геополитические идеи были похожи на вкрапления в военную географию и статистику, то в начале XX в. появились оригинальные геополитические работы. К числу их можно смело отнести упомянутый выше солидный труд А. Вандама «Наше положение». Давая характеристику местоположения России, он, в частности, пишет:

*Несмотря на большие размеры своей территории, русский народ по сравнению с другими народами белой расы находится в наименее благоприятных для жизни условиях*²³.

И далее, развивая эту мысль, констатирует:

*Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и таким образом отнимает у него главнейший источник народного богатства*²⁴.

Отсюда, отмечает ученый, в народных массах хранится инстинктивное стремление «к солнцу и теплой воде», что определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь²⁵.

Вандам полностью разделяет точку зрения Д.А. Милютин, что главным геополитическим, геостратегическим противником России является Англия. Это противостояние, по его мнению, определяет облик мира. Если пользоваться понятиями геополитики, то он говорит о противостоянии морской и континентальной держав. По этому поводу он пишет, что главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ. И главные цели их — оттеснить русских от Тихого океана в глубь Сибири, вытеснить Россию из Азии на север от зоны между 30-м и 40-м градусами северной широты²⁶.

Для того чтобы противостоять англосаксонской экспансии, нужно создать баланс сил. Противником Британской империи должна стать «коалиция сухопутных держав против утонченного деспотизма Англии». На взгляд русского геополитика такую коалицию должны составить Россия, Франция и Германия²⁷.

Геополитические работы В. П. Семенова-Тян-Шанского, сына знаменитого путешественника, географа и демографа П.П. Семенова-Тян-Шанского, многими специалистами, учеными различных отраслей знания считаются классическими. В очерке по политической географии «О могущественном территориальном владении применительно к России», вышедшем в 1915 г., автор рассмотрел много вопросов, представляющих большой интерес и в конце XX в. Первым из них был вопрос «Об естественных границах», охватывающий земные оболочки для сгущения

органической жизни, миграцию и стихийное переселение, естественные границы, главное развитие человечества вне площади Тихого океана. В этой главе Семенов-Тян-Шанский во многом соглашается с идеями немецкого геополитика Ф. Ратцеля. Но уже в следующей главе: «О формах могущественного территориального владения вообще» виден оригинальный, глубоко продуманный научный подход. обстоятельно проанализированы проблемы первоначального ареала человечества, значение ледниковой эпохи для развития человека, три средиземноморских моря на земле, три территориальные системы политического могущества — кольцеобразная, от моря до моря, и клочкообразная, и результаты их применения. Он выделял на земной поверхности обширную зону между экватором и 45° северной широты, где расположены три большие океанические бухты: Европейское Средиземное море с Черным, Китайское (Южное и Восточное) море с Японским и Желтым, Карибское море с Мексиканским заливом²⁸. Географ пишет:

Здесь, у трех средиземных морей и двух полуостровов между ними — Индостанского и Малоазийско-Аравийского выросли наиболее сильные и оригинальные человеческие цивилизации и государственности арийцев-семитов, монголов-малайцев и ацтеков-инков.... в то время как остальные слабые племена и расы рода человеческого большею частью застыли в неолитическом веке²⁹.

В этой зоне, по мнению В.П. Семенова-Тян-Шанского, сформировались наиболее сильные цивилизации и религиозные системы. А господином мира, полагал он, будет тот, кто сможет владеть одновременно всеми тремя морями, или тремя «господами» будут те три нации, из которых каждая в отдельности завладеет одним из этих морей.

Семенов-Тян-Шанский описывает три исторически сложившиеся системы геополитического контроля под пространством. Первая — кольцеобразная — появилась на Средиземноморье в незапамятные времена: сухопутные владения державы — метрополии представляли собой кольцо, которое позволяло контролировать внутреннее морское пространство. Замыкали в кольцо хвост владения греки, карфагеняне, римляне, венецианцы, генуэзцы. Их примеру следовали в XVII в. шведы, в XIX в. — Наполеон. Эта идея реализуется сейчас блоком НАТО в Атлантике.

Вторая система — клочкообразная, или точечная, — применяется европейцами начиная с эпохи Великих географических открытий. Порты, пункты, военные базы построены по морям и океанам в стратегически важных географических точках планеты. Эту систему создавали португальцы, испанцы, голландцы, французы. Но наиболее преуспели в этом англичане, особенно в XIX в. Клочкообразную систему они дополнили важными элементами государств-буферов. В XX в. с разной степенью эффективности ее пытались реализовать СССР и США. Третья система геополитического контроля — континентальная. Таковой она является, если владения господствующей державы охватывают территорию «от моря до моря». Наибольшего успеха в создании такой системы добились русские и американцы. Анализируя плюсы и минусы русской континентальной системы, Семенов-Тян-Шанский отметил ее главный недостаток: растянутость территории, а также ее резкие перепады в степени освоения центра (он хорошо развит) и периферии (она значительно уступает центру и напоминает сравнительно отсталую колонию).

Как полагал ученый, такую систему можно сохранить только в случае, если удастся «подтянуть» периферию по плотности населения, развитию инфраструктуры до уровня центра. Сделать это можно двумя способами: перенести центр в Екатеринбург или создать в азиатских владениях культурно-экономические «колониационные базы» — анклав ускоренного развития. Он полагал важным создать четыре такие базы: Урал, Алтай с горной частью Енисейской губернии, Горный Туркестан с Семиречьем, Кругобайкалье³⁰.

В конце XX столетия предложения этого ученого выглядят как никогда кстати.

Размышляя о форме могущественного территориального владения в России, В.П. Семенов-Тян-Шанский указывает на недостаток системы от моря до моря, на необходимость приближения государственного центра территории к ее географическому центру, отмечает неправильность деления России на Евразийскую и Азиатскую, подчеркивает роль культурно-экономических колониационных баз для дальнейшего освоения территорий³¹.

В сравнительно небольшой статье «Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян», написанной в 1916 г., В.П. Семенов-Тян-Шанский подчеркивает,

что между явлениями географии форм земной поверхности и явлениями антропогеографии существует полная аналогия. Далее он высказывает любопытную мысль о том, что результатом медленных внедрений человечества является более или менее обширное географическое распространение его племен, а результатом завоеваний — их расчленение на государства³². Ученый говорит о двух основных видах освоения географических пространств: внедрении и завоевании. По этому поводу он пишет:

Внедрения и завоевания двигались всегда в стороны наименьшего сопротивления, причем, если при завоевательном движении не слишком истощались внутренние силы народа-завоевателя, то образовывалось долговечное и сильное государство с последующим медленным внедрением его господствующего племени во все углы территории; если же они при этом слишком истощались, то государство быстро распадалось, оставив лишь известный след на культуре аборигенов тех территорий, которые оно занимало³³.

Мирное внедрение народов оставляет, по мнению ученого, большие следы на территории. Мирное внедрение — многовековая земледельческая колонизация прежде всего ищет удобных и привычных почв ... и подходящих топографических условий³⁴. Население, как полагает Семенов-Тянь-Шанский, пришло по рекам и оседало по сухим водоразделам с удобными почвами... и о реках в значительной части забыло.

Географическая среда, по его мнению, распределяла и разделяла народы на менее выносливые и более выносливые к природным невзгодам, делила их на ведущих оседлый и кочевой образ жизни. Идеи, высказанные Семеновым-Тянь-Шанским в указанных выше двух работах, были развиты им в солидном труде «Район и страна», опубликованном в 1928 г. Но отдельно рассматривать ее мы не будем, так как концептуальный подход ученого дан выше. Немалый вклад внес в копилку геополитических идей русский философ **И.А. Ильин** (1882 — 1954). Его взгляды перекликаются с «органической теорией» отца термина «геополитика» шведского ученого Рудольфа Челлена. Как и последний, Ильин считал, что государство, страна с ее населением — «живой организм». Россия как «живой организм» складывалась веками не как «механическая сумма территорий», а как «органическое единство». В формировавший этого единства решающую роль, считал он, играет земля, географическая среда. По этому поводу он пишет:

С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий «проходной двор», через который валили «переселяющиеся народы», — с востока и юго-востока на запад. Поэтому Россия была «организмом, вечно вынужденным к самообороне³⁵.

И.А. Ильин определял Россию как «географический организм больших рек и удаленных морей» и считал вполне нормальной политику русских государей выйти к морям, овладеть низовьями рек. Современная Россия по большому счету на Западе отрезана от морей, как и в допетровские времена. Но ее западным друзьям-атлантистам этого мало, они стремятся во что бы то ни стало расчленить Россию. Ильин, как будто предвидя это, в середине 1950 г. в статье «Что сулит миру расчленение России» писал следующее:

Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен,... но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению.

И далее особо подчеркивает, что этот организм есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне: он есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия.

Ученый особо подчеркивает, что расчленение организма на составные части всегда было болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. Великий мыслитель предостерегает:

И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная³⁶.

И.А. Ильин предупреждал, что в таком случае распри и гражданские войны в России будут постоянно перерастать в мировые столкновения, что державы всего мира будут вкладывать свои деньги, интересы, стратегические расчеты во вновь возникшие малые государства и станут соперничать друг с другом, «добиваясь преобладания» и «опорных пунктов», будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований. Он

пророчески предсказал, куда будут направлены взгляды Германии, Англии, Японии при условии расчленения России, и тогда она превратится в вечный источник войн.

- 1) *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI вв.* — М.: Худож. литература, 1984, — С, 453.
- 2) *Савицкий П.Н.* Утверждения евразийцев// Петр Савицкий. Континент Евразия. -М.: Аграф. 1997. - С. 96.
- 3) *Данилевский Н.Я.* Горе победителям//Сборник политических и экономических статей. -Спб., 1890. - С.173-174.
- 4) Там же , с. 195.
- 5) *Савицкий П.Н.* Географические и геополитические основы евразийства. Указ, соч. ~ С. 297.
- 6) Там же , с. 229.
- 7) Там же , с. 295.
- 8) Там же , с. 296.
- 9) *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков//История, культура, язык. - М.: Прогресс, 1995. - С. 329.
- 10) Там же , с. 331.
- 11) *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. Т. I. —М., 1885. — С, 140.
- 12) *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. — С. 334.
- 13) *Трубецкой Н.С.* Об идее — правительнице идеократического государства. // Указ. соч. — С. 441.
- 14) *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость. //Указ. соч. — С. 337—339.
- 15) *Савицкий П.Н.* Континент — океан. //Указ. соч. — С. 418.
- 16) Там же , с. 45.
- 17) *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. //Указ. соч. — С. 212.
- 18) *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость. //Указ. соч. — С. 212.
- 19) *Морозов Е.Ф.* Последний фельдмаршал//Русский геополитический сборник. - 1997.- N92. - С. 36.
- 20) *Милютин Д.А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики// Русский геополитический сборник. — 1997. — №2. — С. 43.
- 21) Там же , с. 46.
- 22) Там же , с. 47.
- 23) *Вандам А.* Наше положение. — Спб., 1912. — С. 5.
- 24) Там же с. 5—6.
- 25) Там же , с. 6.
- 26) Там же , с. 99—100.
- 27) Там же , с. 203.
- 28) *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* О могущественном территориальном Владении применительно к России. — Спб., 1915. — С. 433.
- 29) Там же , с. 433-438.
- 30) Там же , с. 16-19.
- 31) Там же , с. 442.
- 32) *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян. — Спб., 1916. — С. 2.
- 33) Там же , с. 1—2. ^ Там же , с. 4.
- 34) *Ильин ИЛ.* Наша задача. Собр. соч. в 10 т. — Т. 2, кн. 1—2, — М., 1993. — С. 297. ⁶ Там же , с. 326-327.

Глава 5

Неоевразийство в системе геополитического знания

У основоположников евразийства — Николая Сергеевича Трубецкого и Петра Николаевича Савицкого было немало последователей, разработчиков их идей. Но только в конце 60—70-х годах XX в. разрозненное течение евразийцев разных направлений получило новый мощный интеллектуальный толчок, сформировавшись в качественно иное течение — Неоевразийство. И связано это течение с именем историка, этнографа, географа Льва Николаевича Гумилева (1912 —1992), его идеей евразийской пассионарности.

5.1. Идея пассионарности Л.Н. Гумилева

Жизнь свела Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого в 1966 г., Л. Гумилев приехал на археологический конгресс в Прагу. Последние евразийцы — П.Н. Савицкий и Г.В. Вернадский внимательно следили за публикациями Л.Н. Гумилева и очень высоко оценивали его идеи, носящие концептуальный характер. Савицкий не раз подчеркивал «всеобъемлющий кругозор» Гумилева. Г.В. Вернадский отмечал, что в работах Гумилева очень существенно то, что он подходит к проблемам становления и развития этносов в плоскости естественной, а не гуманитарной науки. В 1970 г. в письме к Льву Николаевичу Г.В. Вернадский подчеркивает:

Вижу, что Вы все обобщаете, развиваете и углубляете Ваши столь важные изучения понятий «этнос», «ландшафт» и т.д. на фоне биосферы. Все это дает большой толчок мысли¹.

О каком же «большом толчке мысли» писал Вернадский? В самом сжатом виде его можно сформулировать как «понятие пассионарности». Этого понятия не знали Савицкий, Грубецкой, Вернадский. Их евразийская концепция была синтезом истории и географии (геополитики), а доктрина Л.Н. Гумилева опиралась на выводы истории, географии и естествознания. По этому поводу Гумилев говорил, что Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоения идей своего отца² (академика В.И. Вернадского). Это замечание признавал Г.В. Вернадский и писал:

Я, конечно, приветствую, что он (Гумилев) принимает постановку проблемы «биосферы» моим отцом ... сюда надо добавить и «ноосферу»³.

Именно пассионарные толчки определили ритмы Евразии, полагал Гумилев. Они обусловили приоритет тех или иных сил в разные периоды формирования единого мегаконтинента — Евразии. Особенно четко сформулированы эти идеи в его статье «Горе от иллюзий». Он утверждает, что

Можно, конечно, продолжать считать, будто история определяется социально-экономическими интересами и сознательными решениями. Но... в жизни человеческой нет ничего более нестабильного, чем социальное положение...

Но никакими усилиями и желаниями не может человек сменить свою этническую принадлежность... Не заставляет ли это предположить, что в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов?⁴

Итак, Л.Н. Гумилев считает, что отличия одного этноса от другого определяются не «способом производства», «культурой» или «уровнем образования». Этносы отличаются друг от друга стереотипами поведения, которые человек усваивает в первые месяцы жизни от родителей, сверстников, а затем использует всю жизнь. В этносе в отличие от общества работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы. Этнос, каждый человек приспосабливается к географической и этнической среде.

Но чтобы по-новому приспособиться к окружению (особенно новому окружению), а тем более создать этнос, нужна какая-то потенциальная энергия, нужны силы. В этом-то, подчеркивает Гумилев, «сердцевина новизны пассионарной теории этногенеза». Она связывается со способностью людей «поглощать биохимическую энергию живого вещества биосферы», открытую В.И. Вернадским. Способности разных людей поглощать эту энергию различны. Гумилев предлагает классифицировать всех людей по этому признаку на три типа: наибольшее число людей располагает этой энергией в количестве, достаточном, чтобы удовлетворить потребности, диктуемые инстинктом самосохранения. Эти люди (их чаще всего называют гармоничными) работают, чтобы жить — никаких иных потребностей у них не возникает. Однако есть определенное число персон, наделенных «экстремальной энергетикой». Этот избыток Л.Н. Гумилев назвал *пассионарностью* (пассия — страсть). Если пассионарности больше, чем требуется для спокойной жизни, человек пассионарный живет, чтобы работать ради своей идеальной цели. Если пассионарности у человека меньше, чем необходимо для обычной жизни, индивид, называемый субпассионарием, живет, чтобы не работать, и ориентируется на потребление за счет других людей. В каждом этносе соотношение людей разных типов меняется со временем. Суммируясь, пассионарность индивидов образует пассионарность на популяционном уровне. Биологической нормой организма считается приспособление ради воспроизводства потомства. Значит, популяция, воспроизводящая биохимическую энергию на уровне нормы, является неагрессивным, вполне довольным в жизни этносом. Но если в такой популяции появляется определенное число

пассионариев, то поведение этноса меняется. Избыток энергии на что-то должен быть истрачен. Он может быть истрачен на какие-либо социальные идеи или достижение определенных материальных, политических и других целей.

Л.Н. Гумилев утверждает, что стремясь к своему идеалу, люди пассионарные часто жертвуют своей жизнью ради других, но ради достижения своих практических целей перестраивают саму этническую систему, меняют ее стереотипы поведения и цели развития.

Когда же лидеры-пассионарии, их потомки оказываются уничтоженными (в войнах, на кострах инквизиции, в концлагерях, взаимоистреблениями), то вновь виден трудолюбивый народ, довольный своей жизнью. От момента пассионарного толчка (появления первых пассионариев в спокойной популяции) до возвращения в новое состояние равновесия — гомеостаз — проходит около 1200 — 1500 лет. За это время пассионарность вначале устойчиво растет — фаза подъема, когда структура этнической системы постоянно усложняется, из разрозненных субъектов (сословий) возникает единый новый этнос. Когда пассионарность достигает вершины, создается единый этнический мир — *суперэтнос*, состоящий из отдельных, близких друг другу по поведению и культуре этносов. Вся последующая этническая история связана с обратным процессом — разрушением создавшегося суперэтноса вследствие спада пассионарности.

Спад пассионарности предопределен тем, что энергичных пассионарных людей с каждым поколением становится все меньше, а социальная система, созданная ими, не успевает за этими переменами, так как более инерционна, чем природная среда. И в фазе надлома этноса систему приходится постоянно перестраивать, приспособлявая к ухудшающимся условиям. Если этот процесс заканчивается благополучно, этнос имеет шанс дожить до следующей фазы этногенеза — инерционной. В этой фазе пассионарность убывает медленно и плавно, люди наслаждаются материальными и культурными благами. Но когда пассионарность падает ниже критической точки, то обманчивое благополучие гибнет от рук собственных пассионариев, этнос исчезает, а отдельные люди либо ассимилируются, встраиваясь в новые этносы, либо остаются в виде этнических реликтов. Самые тяжелые моменты в жизни этноса (в жизни людей) — это смены фаз этногенеза, фазовые переходы. *Фазовый переход* — это кризис, связанный с изменением уровня пассионарности, с психологической ломкой стереотипов поведения ради приспособления к ювой фазе. Необходимо знать, что любой процесс этногенеза может быть насильственно оборван извне (агрессии, эпидемии и т.д.).

Может ли все человечество слиться в один гигантский суперэтнос, где будут торжествовать общечеловеческие ценности? Гумилев полагает, что пока существуют разные уровни пассионарного напряжения в уже имеющихся суперэтносах, пока существуют различные ландшафты Земли, требующие специфического приспособления в каждом отдельном случае, такое слияние маловероятно и торжество общечеловеческих ценностей, к счастью, — лишь очередная утопия. Если это слияние произойдет, то восторжествуют не «общечеловеческие ценности», а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса⁵.

В геополитической научной мысли сложилось убеждение, что Л.Н. Гумилев в своей теории этногенеза и этнических циклов продолжает линию «органического» подхода и отчасти «географического детерминизма», лежащую в основе геополитики Ф. Ратцеля, Г. Челлена, К. Хаусхофера и т.д.⁶ Вряд ли можно полностью согласиться с таким категорическим утверждением, значительно сужающим методологию Гумилева. Из анализа трудов ученого можно сделать вывод, что это был, хотя и спорный, но совершенно оригинальный подход к проблемам этногенеза и становления государственности великороссов. По мнению Гумилева, великороссы представляют особый этнос, сложившийся под мощным воздействием пассионарного толчка, на основе тюркско-славянского слияния. Подобный тезис — своего рода обоснование русского контроля над землями, населенными тюркскими этносами. Этот сплав этносов мог образоваться как симбиоз, порожденный специфическим сочетанием Леса и Степи. Тесный союз Леса и Степи предопределил сущность цивилизации, культуры, стереотипов поведения великороссов. Этносы имеют системную природу. Гумилев пишет:

Это значит, что в основе этносов лежит не похожесть особей, его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населяемого данным коллективом ландшафта⁷.

Как влияет тот или иной ландшафт, или «место развития», на формирование этносов? На этот вопрос русский ученый отвечает:

Степные просторы... всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу переселялись азиатские кочевники... Они вступали в военные и хозяйственные контакты со славянами, хозяйство которых базировалось на лесных массивах. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческими, потому что обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. Поэтому мы наблюдаем... постоянные примеры симбиоза⁸.

Гумилев выделяет три основные формы контактов этносов: симбиоз, ксения и химера. *Симбиоз* — сочетание этносов, при котором каждый занимает свою экологическую нишу, свой ландшафт, полностью сохраняя свое национальное своеобразие. При симбиозе этносы взаимодействуют друг с другом и взаимно обогащаются. Он повышает жизненные возможности народов, делает могущественными страны.

Ксения — сочетание, при котором один этнос — «гость», вкрапление в теле другого. «Гость» живет изолированно, не нарушая этнической системы «хозяина». Присутствие ксений безвредно для вмещающего этноса. Но когда «гость» начинает утрачивать свою изолированность, он чаще всего превращается в химеру.

Химера — соединение несоединимого. Она возникает, если два этноса, принадлежащих к суперэтносам с отрицательной взаимной комплементарностью (несовместимостью ценностей), живут перемешавшись, пронизывая друг друга. В этих случаях неизбежны кровь и разрушения, гибель одного или обоих этносов. Процесс распада этносов может длиться 150—200 и более лет⁹. Экономико-географическое единство региона, в котором сочетаются зональные и азональные (речные долины) ландшафты, развивает дальше свою мысль Гумилев, — определяло необходимость создания целостной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую. Он ссылается на исследование востоковеда *А.Ю. Якубовского* (1886—1953), который писал:

Русская буржуазная историография... на сумела заметить того факта, что для отношений между русскими княжествами и половецкой степью более характерными и нормальными являются не война и набеги, а интенсивный товарообмен¹⁰.

Русская земля в XII в. была вмещалищем многих этносов, но славяне были ведущим, наиболее инициативным этносом, восприимчивым к византийской культуре. Они могли успешно противостоять другим этносам — более агрессивным, но и с более низким уровнем культуры. Шло соперничество и между славянскими субэтносами, например, киево-волынского и чернигово-северского. Инициаторами междоусобиц были не князья-рюриковичи, а их окружающие, которые боролись за власть в своем княжестве и за власть в других княжествах Руси. Таким образом, Русь и завоеванная Степь составляли в XII в. единое, хотя и не централизованное государство, находящееся в XIII в. в состоянии глубокого кризиса¹¹. При постоянном взаимодействии «истории природы и истории людей»: Леса и Степи, где русичи выступали как представители Леса, который не только кормил, давал материал для сооружения жилищ и поселений («деревня» — «дерево»), но и позволял укрыться от конницы неприятеля. Степь, которая кормила кочевников, давала место для огромной массы людей. В этой связи представляет большой интерес научно-исторический, геополитический анализ проблемы соотношения Леса и Степи в романе Дмитрия Балашова «Младший сын». Там, в частности, есть такое рассуждение:

Восток безмерен. Он бесконечен, как песок... Запад вседневен Города, городки... А там (Восток) — море. Тьма там. Тысячелетия. Без имен, без лиц. Оттуда исходит дух силы. Закручивает столбом и несет, и рушит все на своем пути, и вздымает народы, словно сухой песок, и уносит с собой... Это смерч. Пройдет, и на месте городов — холмы, и дворцы повержены в прах, и иссохли арыки, и ворон каркает над черепами владык, и караваны идут по иному пути... И из пустоты, из тишины степей исходят тьмы и тьмы и катятся по земле, [неостановимые, как само время... Это смерч. Сгустившийся воздух. Дух силы. Сгустившаяся пустота степей¹².

И, безусловно, при столкновении этносов Леса и Степи меняется социальная и этническая психология, мотивы поведения и цели.

Время, научно-технический прогресс и другие факторы, безусловно, наложили отпечаток не только на внешний облик этносов, проживающих в Евразии. Они внесли существенные коррективы в их менталитет. Но тем не менее силы влияния «места развития» воздействуют на жителей этого ареала до сих пор.

5.2. Наследники идей Л.Н. Гумилева

Евразийство после десятилетий забвения (запреты власть предержащих, усилия «придворных» ученых и т.д.) вновь возрождается, причем процесс этот идет весьма стремительно. Об этом говорит поток публикаций в журналах и газетах. Вышло несколько номеров евразийского обозрения «Элементы», сборника «Пути Евразии» и, наконец, самое главное — рост тиражей, переизданий работ историка, этнографа, географа Л.Н. Гумилева. Таким образом, интерес к его работам, идеям первых русских евразийцев, которые он вызвал из забвения, нашел признание у самого широкого круга читателей, а сама наука геополитика стала предметом изучения студентов вузов.

Евразийство вновь вызывает интерес и в других странах мира: от самых больших — сверхдержав, до самых крошечных — Великое княжество Монако или Лихтенштейн. Американские геополитики, политологи, советники президентов и монополий регулярно в течение 90-х годов двадцатого столетия публикуют обстоятельные аналитические материалы по проблемам: Россия; Россия и Европа, Россия между Европой и Азией. В число специалистов-евразийцев в входят американские ученые русского или советского происхождения: А. Рязановский, А. Янов, американский геополитик М. Вассин, политолог, бывший советник Президента США Д. Картера по национальной безопасности, а ныне советник крупной американской корпорации З. Бжезинский. Увлекается проблемами евразийства даже философ и социолог, проживающий в западной Африке, Дикенбе Мутомбо. В своих трудах он демонстрирует хорошее знание работ Гумилева.

Великий князь Владимир Кириллович говорил о евразийстве следующее:

Течение это незаслуженно предано забвению, между тем как многое в идеях Вернадского и Трубецкого, Зелинского и Савицкого, Карсавина, Иванова, барона Унгерна удивительно актуально именно сегодня. Я имею в виду прежде всего идеи о том, что исторические судьбы России неотделимы от судеб Азии, Евразийского Севера, Турана и, следовательно, тюркских народов. Российская империя могла бы стать, но не стала евразийской. К сожалению, славянство и Туран, Русь и Степь — это великие космосы с их глубинными духовными геополитическими связями, — убежден, еще найдут в себе силы и энергию для нового взаимообогащающего синтеза. И идеи мыслителей евразийцев еще окажут весьма ценную помощь этому мирному объединительному процессу¹³.

Последователи евразийцев сделали не только геополитические выводы из их наследия, но и сформировали целое направление в науке, получившее название «неоевразийство». Это направление имеет несколько разновидностей.

Одно из них — представители течения национальной идеократии имперского континентального масштаба. Они объединились вокруг газет «День», «Завтра», журнала «Элементы». Это течение основывается и развивает идеи П. Савицкого, Г. Вернадского, кн. Н. Трубецкого, Л. Гумилева. Они противостоят либеральному упадничеству и узкоэтническому национализму. В их исследованиях Россия — это ось геополитического «большого пространства». Ее задача и миссия — создание империи евразийского социализма. Либеральную экономику, создаваемую российскими реформаторами, они считают признаками атлантизма. А. Дугин пишет:

Советский период российской истории рассматривается как модернистская форма традиционного русского национального стремления к планетарной экспансии и «евразийскому антиатлантическому универсализму».

Теория пассионарности Л.Н. Гумилева обогащается учениями о «циркуляции элит» итальянского социолога В. Парето и религиозно-философскими взглядами школы европейских традиционалистов Генона и Эвола (идеи традиционалистов: «кризис современного мира», «деградация Запада», «Десакрализация цивилизации» и другие являются важными компонентами этого течения неоевразийцев)

Опираясь на знания концепций Хаусхофера, Шмитта, Никиша, «новых правых» (Жана Тирриара, Карло Террачано и др.), эта школа неоевразийцев понимает Европу как континентальную силу. Обозначенные аспекты парадигмы были незнакомы П. Савицкому, Г. Вернадскому, Н. Трубецкому — в ту пору США еще не набрали соответствующий геополитический вес, который имеют сейчас. Это течение неоевразийцев признает стратегическую важность Европы для завершенности евразийского «большого пространства».

Следующая особенность современного неоевразийства — идея континентального русско-иранского союза. Выбор исламских стран, прежде всего Ирана, Ирака, в качестве стратегического союзника является базой антиатлантической стратегии на юго-западе Евразии. Тюркские народы и русские, ислам и православие имеют положительную комплиментарность, совпадение экономических и политических интересов. Это объективно объединяет народы и страны этого региона для

противодействия антитрадиционному, утилитарно-прагматическому Западу со всеми его разновидностями неополитических проектов.

Неоевразийство данного течения совершенно не приемлет ни атлантизма, ни мондиализма и немногим благосклоннее смотрит на европеизм и умеренный континентализм европейских геополитиков, который для них представляется промежуточной реальностью. Эта разновидность неоевразийства имеет много точек соприкосновения с другими альтернативными геополитическими проектами: исламским «социализмом», европейским национал-большевизмом, геополитикой стран Африки и Латинской Америки.

Другое течение неоевразийства поддерживает и развивает идеи, призванные воссоздать экономическое взаимодействие бывших республик СССР. В них речь идет в основном об «экономическом евразийстве». С этой идеей уже несколько лет выступает президент Казахстана Н. Назарбаев.

Лидер КПРФ Г. Зюганов в книге «Россия — Родина моя» развивает идею «сбалансированного мира», основы которого покоятся не на мондиалистских утопиях, а на геополитическом равновесии Больших Пространств, цивилизаций и этноконфессиональных «центров сил», учете законных интересов всех государств, больших и малых народов. Роль гаранта такого сбалансированного мира смогла бы играть Россия — обновленная, преодолевшая кризис и укрепившая свою государственность на основе синтеза древних духовных традиций, советского народо-;властия с достижениями современного «технотроиноного» века¹⁴.

Свое понимание проблемы неоевразийства изложил в известной книге «Последний бросок на юг» лидер ЛДПР В. Жириновский. Это «великодержавный» проект, где имеется попытка обосновать экспансию России против стран СНГ, Афганистана, Пакистана, Индии, выйти к берегам Индийского океана, помешать реализации проекта «анаконда», душащего как Индокитайский полуостров, так и Евразию.

Другие разновидности неоевразийства: проекты выработки «национальной идеи», призывы к изучению наследия первых русских евразийцев во многом носят заказной идеологический характер, спекулируют на национальных чувствах русских или тюркских народов, национальных меньшинств. Под этими проектами нет более или менее прочной научной основы, серьезной теории и методологии, они искусственны, фрагментарны и не могут претендовать на признание в качестве самостоятельных и серьезных геополитических идеологий и методологий.

5.3. Неоевразийство и будущий мир

Огромный континент Евразию Л.Н. Гумилев, как и его предшественники, не противопоставлял всему остальному миру. Общеметодологическим принципом евразийства является полицентризм. Евразия выступает как один из геополитических центров, не доминирует в мире. Мы отмечали, что виднейший теоретик геополитики англичанин Х. Макиндер обосновывал именно эту идею. И русские евразийцы и неоевразийцы считали ее плодотворной и развивали этот тезис в своих работах.

*Европейский полицентризм предполагал, что таких центров много. Европа — центр мира, но и Палестина — центр мира, Иберия и Китай — то же самое*¹⁵.

По-иному смотрят на эту проблему многие видные ученые (геополитики, политологи, экономисты и т.д.), политики и военные, руководители монополий (особенно ориентированных на добычу и переработку сырья, компаний, производящих средства связи, аэрокосмическую технику). Повышенный интерес американско-европейских ведущих политиков и обслуживающих их ученых носит далеко не праздный или теоретический характер. Они преследуют свои геополитические цели, связанные в первую очередь с захватом новых невосполнимых источников сырья (прежде всего энергоносителей). Вот что, например, пишет по этому поводу З. Бжезинский:

*Евразия — это суперконтинент земного шара, играющий роль своего рода оси. Та держава, которая на нем доминирует, будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом плане регионов планеты — Западной Европе и Восточной Азии*¹⁶.

Кто будет господствовать в Евразии, для Бжезинского совершенно ясно. Он пишет об этом с циничной откровенностью:

*.. вряд ли какое государство может сравниться с Соединенными Штатами в четырех ключевых областях — военной, экономической, технической и культурной, придающих стране глобальный политический вес*¹⁷.

Эти и другие откровения г. Бжезинского и прочих «радетелей» вхождения России в «семью цивилизованных народов мира» — один их проигрываемых сегодня вариантов присоединения России к новой суперэтнической системе. Но, как совершенно справедливо пишет Л.Н. Гумилев было бы величайшим заблуждением думать, что итогом строительства «общеевропейского дома» станет торжество общечеловеческих ценностей¹⁸.

И по меньшей мере наивно звучат слова российских политиков, ученых-западников, напоминающие мысли известного мошенника, чтущего уголовный кодекс, «запад нам поможет». По этому поводу можно процитировать Н.С. Трубецкого:

*Те романо-германские державы, которые окажут России помощь... сделают это, конечно, не по филантропическим побуждениям и постараются поставить дело так, чтобы в обмен на эту помощь получить Россию в качестве своей колонии*¹⁹.

Так что же ждет Россию, мир в целом? Роль колонии в монополярном мире, проект которого уже начертали З. Бжезинский и другие ученые-западники (атлантисты, мондиалисты и т.п.), или возможны другие варианты? Сторонники евразийства первого течения по этому поводу утверждают, что «победа Запада в холодной войне» концептуально означает окончание биполярного и начало однополярного мира. При этом если чистые атлантисты (Хантингтон, например) предполагают, что эта однополярность будет относительной — выигравший Запад (The West) будет вынужден постоянно улаживать нарастающие межцивилизационные конфликты со «всем остальным миром» (The East) — то мондиалисты (Фукуяма, Аттали) видят беспроблемную доминанту Запада над всей планетой как нечто уже случившееся. Даже самый конфликтный вариант профессора Санторо предполагает в конце концов установление Мирового Правительства.

Немного отличается от взглядов Фукуямы, Аттали и Санторо точка зрения политолога К.С. Гаждиева. Он пишет:

мы, по-видимому, переживаем начальный этап формирования нового типа мирового сообщества всепланетарного масштаба, которое будет отличаться от общества, в котором наше поколение родилось и выросло.

И чуть ниже утверждает, что

*структурообразующими силами большей части современного мирового сообщества являются рыночная экономика и — в меньшей степени — политические институты, ориентированные на демократию*²⁰.

Но известно, что страны, добившиеся за послевоенные годы самых динамичных показателей в экономике (СССР с 1945 по 1960 гг., Япония с 1945 до середины 90-х гг., Германия (ФРГ и ГДР) с 1945 по настоящее время, Китай с 1949 по настоящее время) широко принимали политические решения о регулировании и планировании своего экономического развития. Под углом зрения победы западной цивилизации написал гурологическую книгу А. Зиновьев «Глобальный человек». В книге-фантазмагории философ, социолог, логик, писатель А. Зиновьев утверждает, что на Земле свершился повальный репорт западнизма, его традиции и ценностные ориентации стали глобальными: планета превратилась в «однопартийный» социум, все страны пришли к западнизму и человечество превратилось в человек, человек слился с компьютером, перебыть самим собой, стал чем-то средним между компьютером «Ла» — зеркальным отражением человека-хозяина и муравья. А. Зиновьев в фантастической форме представил реализованный проект западников-победителей, где восторжествовала атлантическая, талассократическая система ценностей. Евразийству с его поисками смысла жизни, духовности в такой системе места нет.

Неоевразийцы России, как, естественно, и многие ученые и политики других стран Европы и Азии, не могут согласиться с этими гегемонистскими притязаниями атлантистов и мондиалистов. Противостоять монополярности, по их мнению, может биполярность:

*новый континентальный альянс должен либо включить в себя всю Европу до Атлантики и несколько важнейших секторов южного побережья Евразии — Индию, Иран, Индокитай и т.д., либо обеспечить дружественный нейтралитет этих же пространств, т. е. вывести их из-под контроля атлантизма*²¹.

Особо подчеркивается, что новый евразийский биполяризм должен исходить из совершенно иных идеологических предпосылок и основываться на совершенно иных методиках.

Механизм формирования биполярного мира дается в названной выше книге «Россия — Родина моя», где, в частности, утверждается, что

*обновленная Россия, укрепившая свою государственность и возродившая свою экономику на базе современных технотронных технологий, займет в мире свойственное ей место, вновь обретя свою традиционно миротворческую, стабилизирующую, сдерживающую хаос силу*²².

Есть и другая точка зрения на новое мироустройство. В XXI в. в качестве геополитического противовеса может выступить Китай. Для такого подхода есть много «за». Это стремительный экономический рост КНР, огромная территория, не уступающая территории США, большой демографический потенциал, превосходящий более чем в четыре раза потенциал США, активная динамичная внешняя политика, мощные быстро модернизирующиеся вооруженные силы и т.п. Но Китай на практике балансирует между атлантизмом и евразийством. И эта политика, по-видимому, будет продолжаться и в первое десятилетие XXI в.

В научной литературе можно встретить еще одну точку зрения относительно судеб мира. Есть немало политиков, ученых, которые считают наиболее вероятной соперницей США Японию. В частности, американский политолог К. Престовиц отмечал, что американскому веку пришел конец. Самым крупным событием конца столетия является восхождение Японии в качестве великой супердержавы. Это отражение того, что в сознании американцев все больше утверждается мысль о потере США позиции державы «номер один». По данным опросов общественного мнения, проведенных Си-Би-Эс в 1989 г., на вопрос о том, какая страна в XXI в. займет место державы «номер один», 47% назвали США, а 38% — Японию. По данным опроса, проведенного Си-би-Эс и газетой «Нью-Йорк Таймс» осенью 1997г., только 25% предпочли США, а 58% — Японию.

Еще одна точка зрения: исламские страны и Индия смогут стать реальным противовесом атлантизму и центром притяжения противников мондиализма. Это может случиться, если в их экономическом, военном развитии им поможет Россия, т. е. речь опять идет о евразийстве. В своем последнем интервью Л.Н. Гумилев особо подчеркнул: «знаю одно и скажу Вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»²³.

Заканчивая анализ теории евразийства Л.Н. Гумилева, можно сделать следующие выводы:

1. Евразия является альтернативным Западу источником важнейших цивилизационных процессов. Западная цивилизация, стремящаяся навязать свои ценности Востоку, может привести к планетарным конфликтам.
2. Геополитический синтез Леса и Степи сформировал самобытные культуру, менталитет, государственность.
3. Лес является не «симбиозом», а скорее «химерой» этносов, так как находится на нисходящей ветви этногенеза.

- 1) Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. — М.: Прогресс, 1993. — С. 15
- 2) Там же, с. 10.
- 3) Там же, с. 107.
- 4) Там же, с. 178.
- 5) Там же, с. 182.
- 6) Дугин А. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997 — С. 152.
- 7) Гумилев Л.Н. Указ. соч. — С. 521.
- 8) Там же, с. 529.
- 9) Гумилев Л.Н. Указ. соч. — С. 521—529; Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Мысль, 1989, гл. VI-IX.
- 10) Якубовский А.Ю., Феодалное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3, ч. I, Л., 1932.
- 11) Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. — М., 1971. — С. 80.
- 12) Балашиов Д. Младший сын. — Петрозаводск: а/о Карэко, 1994. — С. 78.
- 13) Панорама Азербайджана. 12—18 сент. 1991.
- 14) Зюганов Г.А. Россия— Родина моя. — М.: Информпечать, 1998. — С. 158.
- 15) Социум. — 1992. — № 9- - С. 81.
- 16) Бжезинский З. Геостратегия Евразии//Независимая газета. — 24.10.1997.
- 17) Там же.
- 18) См.: Гумилев Л.Н. Указ. соч. — С, 182.
- 19) Трубецкой Н. Русская проблема //История. Культура. Язык. — М.: Прогресс. 1995. - С. 296.
- 20) Гаджиев К.С. Геополитика, С. 86.
- 21) Дугин А. Указ. соч. — С. 182.
- 22) Зюганов Г.А. Указ. соч. — С. 157.
- 23) Гумилев Л.Н. Указ. соч. — С. 182.

Раздел II

Геополитика в современном мире

Глава 6

Россия в новой системе геополитических отношений

С геостратегической точки зрения Россия отождествляется с самой Евразией, совпадает с геополитическим понятием Heartland, или, по Макиндеру, «Географической Осью Истории». Она объединяет евразийский Запад и евразийский Восток, являясь самостоятельным, особым геополитическим организмом — ни Востоком, ни Западом — со своей особой культурой «Срединной Империи».

История многократно ставила перед российской государственностью самые трудные задачи. И тем не менее Россия, ведомая русским народом, находила силы вставать с колен, преодолевать препятствия, социальные потрясения и набирать новую силу.

6.1. Геополитические последствия распада СССР для России

Значение распада Советского Союза и системы социализма с позиций нынешнего дня оценить чрезвычайно трудно. Время, прошедшее с момента фактического развала СССР, по меркам истории слишком мало. Поэтому даже границы России нельзя пока считать окончательно определившимися. Геополитическое положение РФ еще неопределеннее: политическая система, характер международных отношений, положение в геополитическом пространстве бывшего СССР ее очень зыбки.

Распад Советского Союза, появление 15 суверенных государств можно считать состоявшимися в политическом и правовом смыслах. И далеко не все независимые государства — осколки СССР — горят желанием найти какие-либо формы объединения с Россией. Связующим звеном в первую очередь остаются ранее сложившиеся экономические связи. Все республики бывшего СССР страдают от нарушения этих связей.

Рынки республик десятилетиями были приспособлены к товарам друг друга, спрос на которые на Западе, в Японии, многих странах АТР, за исключением сырья и некоторых товаров, тонких технологий, практически отсутствует или ограничен. При попытках выйти со своими товарами на рынки конвертируемых валют республики СНГ конкурируют друг с другом и терпят взаимный ущерб.

Кроме того, в России и во всех странах «ближнего зарубежья» действуют хорошо организованные криминальные и полукриминальные структуры, которые контролируют, по различным данным, от 40 до 80% экономики стран СНГ.

К числу факторов, которые еще как-то связывают бывшие советские республики, относятся: демографические, социальные, культурные, психологические. В последнее время представители многих правящих национальных элит осознали опасность со стороны более могущественных соседей и для них все более явственно вырисовывается фактор национальной безопасности: (Армения, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и т.д.).

Межнациональные противоречия, существующие почти во всех бывших братских республиках (если не произойдет нового Объединения, решающего и эти проблемы), будут сопровождаться насилиями, конфликтами, кровопролитиями не год и не два, а десятилетия. Это, безусловно, затормозит социально-экономическое развитие всех стран — очагов межнациональных противоречий, отбросит их в ряды государств Третьего мира.

Очень важный момент в политических, экономических и иных отношениях государств на постсоветском пространстве — сохранение единого социального пространства. Вариантов решения этой проблемы пока нет, но для начала можно взять схему, по которой формируется Европейское сообщество, где национальная безопасность каждого государства определяется готовностью действовать согласованно во многих сферах общественной жизни и прежде всего в социально-экономической сфере. И если меняется экономический или социальный уклад, то делается это более или менее согласованно. Иначе упор на национально-государственный эгоизм порождает встречный эгоизм, что хорошо отслеживается, например, на истории постсоветских отношений между Прибалтикой и Россией. Попытки государств-суверенов решить проблемы национальной безопасности чаще всего оканчиваются неудачей.

Итак, можно утверждать, что от разрушения СССР имеется больше потерь, чем приобретений. Перечислим «чисто» геополитические потери России:

- утрачено более 5 млн. км² территории (СССР);
- потеряны выходы к Балтике (кроме Санкт-Петербурга и «анклавного» Калининграда) и к Черному морю;
- в ресурсном отношении потеряны шельфы морей: Черного, Каспийского, Балтийского;
- «сдвиг» всей нашей территории на север и восток;
- потеряны прямые сухопутные выходы к Центральной и Западной Европе;
- появление на новых рубежах России нескольких маложизнеспособных стран, экономически слабых соседей, «осколков», по терминологии американских геополитиков (уровень ВВП в 1997г. в Армении составлял 20%, Азербайджане 23%, в Киргизии 20% уровня 1991 г.). В итоге, как и СССР, Россия к концу XX в. вынуждена в тяжелых условиях оставаться для них донором;
- русская нация вошла в число «рассеченных народов в главной полосе расселения, на главной магистрали Запад-Восток»;
- на юге Россия практически выполняет роль защитника Европы от исламского фундаментализма. Это противостояние включает РФ в военную конфронтацию в Таджикистане, а возможно, к концу XX в. и в других республиках Средней Азии;

- на востоке России — «вакуум» по населению (всего 8 млн. человек живет на Дальнем Востоке) при экономической насыщенности региона. В Сибири и на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Приморье противостоит России третье по силе государство мира — КНР. По обеим сторонам Амура районы различаются по плотности населения на два порядка. Китайскую и вьетнамскую эмиграцию специалисты оценивают цифрами от 150—200 тыс. человек до 500 тыс., а иногда и до 2 млн. (например, так считают эксперты Института Европы РАН);

- Россия получила необустроенные границы;
- последствия развала СССР.- попытки конфедерализации России.

Но на этом трансформации а геополитической жизни России не заканчиваются. Они будут продолжаться в обозримом будущем. И возможны такие варианты развития событий:

- полная дезинтеграция союза, останутся лишь минимальные двусторонние связи;
- дезинтеграция, сопровождаемая нарастанием конфликтов, приобретающих хронический характер;

- постоянное исчерпание дезинтеграционных процессов, наращивание многостороннего сотрудничества, различные формы объединения и, наконец, политическое объединение государств СНГ (сперва России и Белоруссии, затем союз с Казахстаном, Киргизией и Арменией, а потом и большинством республик).

Полная дезинтеграция стран содружества может способствовать, вслед за другими республиками, распаду России. В данном случае начнется своего рода «выпадение» из России целых регионов: Татарстан, Башкортостан, Якутия, Красноярский и Приморский края, Калининградская область. В случае ослабления центра «откусывать» от страны лакомые кусочки будут властные структуры, местные элиты, криминальные организации. За всеми этими процессами со всей очевидностью будут стоять олигархи-банкиры, те, кто сейчас имеет реальную власть в стране. К подобному сценарию российские элиты подталкивают и поощряют политики и политологи типа Мэйджера или З. Бжезинского.

И тогда на территории нынешней РФ могут возникнуть три «суверенных» республики (по замыслам З. Бжезинского) или несколько «самостоятельных» «России» со своими экономическими и политическими интересами, политическим и социальным лицом. Катализатором подобных процессов могут оказаться как внутренние, так и внешние конфликты, в которые может быть втянут центр, а также сильные экономические и финансовые потрясения. Безусловно, эти и другие тенденции не могут проявиться без активного содействия или противодействия политических лидеров Москвы или субъектов Федерации, реализации их политической воли.

В связи с развалом СССР среди множества вопросов возникает главный: «Почему произошел этот развал? Почему огромная сверхдержава рухнула почти в одночасье?». Ответить не просто, но объективные причины, хотя бы эскизно, обозначить можно. Во-первых, это огромные размеры СССР. Исторически они несли России, а потом Советскому Союзу благо (например, войны, когда необъятные просторы Руси, а потом России, СССР губили немало войск завоевателей: будь то татаро-монгольские орды или литовские и польские захватчики, армии Наполеона или Гитлера). Но большие пространства — это не только благо. С тех пор, как во второй половине XX в. мировое развитие двинулось по пути интенсификации производства, в СССР на всю территорию просто не хватало населения. Создание инфраструктуры, сопоставимой с европейскими стандартами, обходилось Советскому Союзу многократно дороже. Например, среднее «плечо» транспортировки грузов — топлива, различного сырья от мест добычи до переработки в 3—5 раз длиннее, чем в США. Экстенсивный путь хозяйствования, избранный еще в конце 50-х годов, объективно тормозил развитие СССР. Стремление к созданию в промышленности монополий при оценке эффективности работы суммой прибыли сделало их невосприимчивыми к научно-техническому прогрессу. Состояние технологий и организации труда в бывшем СССР и в современной России пока не дает возможности «отыграть» один из главных геополитических факторов современности — *экономический*.

Другая группа причин — *политическая*. Авторитарное руководство и управление страной и народным хозяйством несли как положительные, так и отрицательные черты. Эффективность руководства и управления во многом зависела от интеллекта, профессиональной подготовки, личностных (в том числе психологических) качеств субъекта политического руководства и управления. Во второй половине XX в. эти качества субъектов власти напоминали (за редким исключением) затухающую синусоиду. В силу раздробленности элиты на местах (в республиках, краях, областях) было невозможно эффективно противостоять ошибочным решениям центра.

Почти все перечисленные факторы, способствующие разрушению СССР, действуют и сейчас. Но к ним добавились новые, в числе которых наиболее мощными являются ослабление экономических связей между регионами, падение научно-технического потенциала федерации и др.

Ослабление научно-технического потенциала страны связано с «утечкой умов», обусловленной бедственным положением науки и образования, разрушением передовых технологий. Число научных работников России сократилось более чем на 1/3 и сейчас составляет около 350 тыс. человек против 1,2 млн. в 1991 г. 25% эмигрантов из России — люди с законченным и незаконченным высшим образованием. Доля Москвы и Санкт-Петербурга в их числе составляет 41%. Тотальное и скоростное разрушение военно-промышленного комплекса отнимает у казны как минимум 20 млрд. долл. в год.

К последствиям геополитического развала СССР надо отнести и усиливающиеся региональные контрасты: разница в доходах населения страны составляет приблизительно 1:14. В перспективе можно ожидать еще большего разрыва в доходах. Тому есть несколько причин:

- усиление вывоза сырья (нефть, газ, руды, алмазы, драгметаллы и др.) из ресурсных районов страны (это стимулируется Западом, Китаем и Японией, другими странами АТР);
- влияние мощного лобби, прежде всего олигархов, представляющих топливно-энергетический комплекс, финансовые структуры в Москве;
- в Москве, Санкт-Петербурге, в Екатеринбурге оборачивается более 95% финансов России.

Москва — единственное безресурсное исключение — находится в числе благополучных регионов.

Объясняется это тем, что в Москве вращается около 80% капиталов страны плюс субвенции, которые она получает, выполняя столичные функции. Большинство районов России не просто депрессивные, а бездействующие. Это Кабардино-Балкария, Дагестан, Карачаево-Черкессия, Калмыкия, Адыгея, Чечня, Ингушетия. В Ингушетии, например, на каждое рабочее место приходится 197 безработных. Приблизительно такое же положение сохраняется в Дагестане.

Богатые регионы стремятся выделиться, получить особый статус выхода на мировой рынок (Якутия), добиться национально-государственного образования (Татарстан, Башкортостан и или отделения (например, Чечня). В этом шаге региональные элиты видят средство для укрепления своей власти. Бедные регионы, естественно, стремятся получить больше дотаций за счет особых отношений «с властвующими» элитами Москвы. Но возможности Центра за годы реформ резко ослабли. Правительство, как показывает практика, к концу XX в. неспособно обеспечивать эффективное экономическое взаимодействие субъектов Федерации.

Растянность коммуникаций России (особенно в Сибири и на Дальнем Востоке), затруднение передвижения людей (прежде всего по экономическим причинам) значительно способствуют дезинтеграции страны. Поэтому и «дальневосточный торс и о целом Сибирский хребет России не так уж надежен и прочен, как прежде, в условиях абсолютной централизации власти». Безусловно, если завоз зерна и топлива на Дальний Восток из Центра дороже, чем из США и Японии, зачем Дальнему Востоку Центр? Таким образом, пока правительство перекладывает решения острых социально-экономических вопросов на субъектов Федерации, оно «подогревает» еще один мощный фактор дезинтеграции России.

Результатом развала СССР явилась и сложная демографическая ситуация в РФ. За годы реформ она стала катастрофической. По данным Госкомстата, население России (несмотря на довольно активную иммиграцию русских, украинцев, белорусов из стран «ближнего зарубежья» — Прибалтики, Казахстана, Таджикистана и других регионов) убывает: за 1993 г. оно уменьшилось на 804 тыс. человек, за 1996 - на 912 тыс., за 1997 — почти на 1,5 млн. человек.

Экономическое, демографическое, научное, техническое ослабление России означает уменьшение ее международной роли, катастрофическое падение имиджа страны.

Внешние проблемы России теснейшим образом переплетены с внутренними, которые ползучим образом перерастают во внешние (Чечня, Абхазия, Грузия, в перспективе дестабилизация Дагестана, Ингушетии и всего Кавказского региона). В этой связи возникает проблема границ страны: с Прибалтикой, Китаем, Японией и другими государствами. С проблемой границ связаны еще и такие геополитические аспекты: выход к морям, включенность в мировые коммуникации и пространственное положение по отношению к центрам сегодняшней и будущей мировой активности.

Проблема доступа к морям может рассматриваться в военном, внешнеэкономическом и ресурсном планах. Реальное военное значение Черного и Балтийского морей имеет для страны региональный характер. Если же Россия отдаст Японии четыре острова, то после 2000-го года она потеряет выход

и в Тихий океан, т. е. полностью лишится доступа к портам, через которые пока идет основной поток ее экспорта.

Почти аналогичное положение сложилось и в автомобильных, железнодорожных, авиационных, трубопроводных коммуникациях и, в частности, в средствах связи, т. е., почти все пути, едущие из России, стали международными. А это создает комплекс хозяйственных и социальных проблем. Произошло геополитическое оттеснение России в северо-восточный угол Евразии от мировых коммуникаций.

В силу недееспособности России в ООН в перспективе может быть поставлен вопрос о перераспределении территорий под предлогом охраны окружающей среды или по другому поводу.

Другими словами, в ближайшем будущем надо решить проблему новых экономических взаимоотношений с внешним миром, которые позволили бы обеспечить максимум социальной лабильности внутри России. А без возрождения экономики, режде всего эффективно действующих сельского хозяйства и промышленности, это невозможно.

Усугубляет положение отсутствие научной концепции геополитических отношений России: не обозначены и не защищаются сферы ее интересов. Они все более становятся нероссийскими: тупление в программу «Партнерство во имя мира» без уяснения целей НАТО, недооценка роли и целей великого Китая и всего района АТР — самого мощного и динамичного в мире. Самой историей России отведена роль атланта мирового цивилизованного равновесия между Западом и Востоком. Раздробленная на части, она не сможет выполнить роль мирового силового барьера. Подобно волнам цунами геополитический дисбаланс станет распространяться по всем направлениям на внешний мир, сметая на своем пути не только государства, но и народы. Эту проблему обстоятельно исследовал в свое время русский мыслитель И.А. Ильин. Для восстановления функции равновесия надо не осуществлять политику «вестернизации» России, а создавать евразийско-азиатский союз. Во внутренней политике это было бы сплочение тех стран СНГ, которые этого хотят, во внешней — преодоление односторонней ориентации, смена ее на балансируемое равноудаление при опоре на свои силы.

Вывод: геополитическая уязвимость России очевидна, более, она возрастает, и это особенно опасно в условиях «третьего передела мира», продвижения НАТО к границам России, войн НАТО в Европе.

6.2. Россия на распутье

В оценках геополитического и международного положения России, как правило, исследователи отмечают и продолжают отмечать специфичность отношений страны с ее ближайшими соседями, и в частности, с Европой. С одной стороны, ее культурную близость с Европой, а с другой — объективную специфичность, обусловленную, в числе прочего, ее географическим положением, огромной территорией, а также культурно-историческим (византийским) наследием. Кроме того, на оценки исследователей-геополитиков, политологов, экономистов и т.д. существенно повлияли изменения, произошедшие в Евразии за 90-е годы XX в. Разрушение прежнего равновесия, длившегося почти 50 лет (с 1945 по 1992 гг.), повлекло за собой кризис политической идентичности как в Европе, так и в России. Но в России на этот кризис накладывается другой, связанный с развалом СССР — кризис геополитический. Практически и теоретически она становится континентальной державой, имеющей ограниченные выходы к Черному и Балтийскому морям и отделенной от Центральной Европы поясом независимых государств ближнего и среднего зарубежья.

Сложившаяся геополитическая ситуация ставит Россию в положение региональной державы с ограниченными международными возможностями.

Страна оказалась перед необходимостью выбирать из небольшого числа вариантов: стать «другой Европой», пассивным придатком, адептом Запада, вновь ли попытаться превратиться в «третий Рим» и настойчиво и энергично продвигать свои теократические идеи на Запад, или взять на вооружение «неоконсервативный» подход, предполагающий смещение центра России в восточные регионы. Радикальные реформаторы России ориентируются на Запад, берут за основу своих рассуждений тезисы, выдвинутые Ф. Фукуямой в работе «О конце истории». Современный «торговый строй», созданный на Западе — идеал для радикал-либералов. Их не интересуют такие понятия, как история народа, государства, геополитические интересы России, ценностные установки и ориентации народов, проживающих на территории страны (ценности во многом, если не в большинстве, не совпадающие с ценностями народов Запада, в частности, коллективизм в противовес принципу индивидуализма, социальная справедливость в противовес «каждый за себя», «каждый против каждого» и т.д.), не принимается во внимание система религиозно-нравственных ориентиров народов России и Запада.

Лидеры этого течения на первое место ставят материальные потребности и систему рыночных отношений. Их главное желание — соорудить на территории нынешней России новое историческое общество, живущее в системе тех экономических, политических, духовных координат, в которых живет Запад, особенно США. Идеологи этого проекта в его защиту приводят следующие аргументы: 55% внешней торговли России приходится на Европу, на страны СНГ — около 20%, т. е. Европа — основной экономический партнер России. На все оставшиеся страны мира, включая Китай, Японию, США, приходится, следовательно, только 25% торговли России.

Но либерал-радикалы, как и в других случаях, явно лукавят. Во-первых, отношения России с Западной Европой остаются несимметричными: на долю России приходится только 3% внешней торговли Европейского Союза. Во-вторых, Россия экспортирует в Европу в основном энергоносители и другое сырье, а не продукцию, товары, связанные с машиностроением, т. е. обогащенные трудом россиян. Экспорт высокотехнологичных товаров по-прежнему жестко ограничен Западом. В-третьих, российские политики рассматривают Содружество независимых государств (СНГ) как регион, где Россия продолжает играть Центральную роль. (Хотя эти отношения внутри СНГ носят по многим признакам диалектически противоречивый характер), позиция России в этой связи вызывает недоверие к ней со стороны Запада, который обвиняет ее в имперских амбициях. Например, поводом для обвинений является Ташкентский договор коллективной безопасности СНГ, который, якобы, носит антинатовский характер.

Во второй половине 90-х годов в России сформировалось мощное национально-ориентированное течение, связанное с защитой национальных интересов страны. О силе его влияния орают многие факты из политической, экономической, духовной жизни страны. Это и призывы президента «покупать все российское», и задача — «выработать, сформировать национальную идею», и важные политические уступки со стороны исполнительной власти Госдуме и др. Это течение не приемлет либеральные реформы. Оппозиция либерал-радикалам являет собой довольно пеструю картину в организационном и идеологическом

плане: от политиков, деятелей культуры (особенно искусства, литературы, журналистов) промонархической, «белой» ориентации до бывших и нынешних представителей коммунистической идеи, видных функционеров доперестроечной системы. Анализируя концепции этого течения, А. Дугин называет оппозиционный проект «советско-царистским»¹, так как он основан на некоторых

идеологических, геополитических, политико-социальных и административных архетипах, которые объективно сближают между собой советский и досоветский периоды. Политолог А. Панарин предлагает перенести центр России в ее восточные регионы, например, на Урал или даже в Западную Сибирь. Ориентация же на Запад, по его мнению, обрекает страну на деиндустриализацию².

6.3. Новое геополитическое качество

Для того чтобы определить приоритеты во внутренней и внешней политике России, надо выяснить, что такое современная Россия, каковы ее интересы в советском и постсоветском пространстве. Развал СССР, суверенизация национальных республик и другие факторы создали пространство, где не существует строгих юридических норм, границ, где каждая республика и даже национальный округ имеет не только свою суверенную неустойчивую территорию, но и аморфную законодательную базу. Отсюда и вытекает отсутствие конкретных социальных, экономических перспектив для жителей республик, краев, областей, округов, в частности, и для России в целом. По этому поводу А. Дугин пишет:

Для того чтобы строить планы относительно «интересов государства», необходимо иметь ясное представление, о каком именно государстве идет речь... Полагаем, что речь надо вести о политическом субъекте, которого в случае русских нет³.

В статусе России много неясного: наследница СССР (а что тогда представляют собой другие субъекты СНГ?), межэтническая федерация, многонациональное государство, адепт Запада, в частности США (территория которого должна быть поделена на три самостоятельные республики)?⁴ Таким образом, получается, что Россия, в зависимости от обстоятельств может выступать в различных ипостасях: как объект для дележа между мировыми державами, как региональная держава и как держава, обладающая мощным ядерным потенциаом. Экономический потенциал РФ настолько мал, что это служит «основанием» для государств — соседей (и не только соседей) предлагать свое видение дележа территории России. Вот почему нет возможности говорить о стратегических интересах такого маргинального образования, как современная Россия. Справедливо считает А. Дугин, что «стратегические интересы РФ» могут проясниться только после того, как появится, сложится и определится политический, социальный, экономический и идеологический субъект этих интересов. И далее развивает тезис:

РФ не имеет государственной истории, ее границы случайны, ее культурные ориентиры смутны, ее политический режим шаток и расплывчат, ее этническая карта разнородна, а экономическая структура фрагментарна и отчасти разложена⁵.

Нынешняя Россия — фрагмент СССР. Подобные образования представляют и другие страны независимого содружества. Бельгийский геополитик Жан Тириар сравнил СССР с плиткой шоколада, где его дольки — это бывшие советские республики. После того как плитка разломана, ее невозможно сделать монолитной никаким иным путем, кроме переплавки всей плитки, и новой штамповки. Но дадим возможность истории оценить или реализовать этот тезис Ж. Тириара. Сейчас же посмотрим, что представляют собой другие «кусочки шоколада» — бывшие союзные республики, выскажем предположение, что может ожидать их в недалеком будущем. В бывших союзных республиках, как правило, у власти находятся представители бывшей КПСС, постсоветской управленческой структуры, во многом сохранившие менталитет и навыки руководства, полученные в системе подготовки кадров во времена СССР. Кажется, они всей пуповиной должны быть привязаны к России. Но дело в том, что в политических, экономических и других отношениях, в геополитике механизмы и связи более сложные, чем в биологическом организме. Как правило, место ослабевшего суверена постепенно, но неуклонно занимает другой. На смену постсоветским лидерам независимых государств на территории бывшего СССР приходят новые люди, часто представляющие и отстаивающие интересы не только своего народа или народов, проживающих на территории республики, но и сопредельных или дальних государств. В бывших союзных республиках СССР идет постоянная ротация руководителей. В качестве примера можно взять любую из них, да и саму Россию. Принимаемые политические и экономические решения главами государств — бывших республик нередко полностью или частично игнорируют интересы народа, их национально-культурные и другие чувства. Фактически народы становятся зависимы от староновой номенклатуры, которая часто проводит в своей внешней и внутренней политике интересы более сильных в геополитическом отношении государств. Этими факторами во многом объясняется укрепление позиций в регионах бывшего СССР, Турции и Ирана, США и Германии, Китая и Японии, Франции и Англии и т.д.

Противостоять этой экспансии народы России и других суверенных республик смогут в том случае, если они объединятся. Возможно ли это объединение при имеющихся разногласиях, противоречиях, существующих почти во всех сферах общественной жизни? Да, возможно. Надо четко представлять,

что многие противоречия в сфере экономики, политики, идеологии созданы искусственно и специально раздуваются в сознании масс. Например, шумиха вокруг пустяковых проблем, поднятая в СМИ после подписания союзного договора между Россией и Белоруссией. Как показала история, добровольное объединение, сотрудничество, добрососедские отношения всегда были характерны для славян, русских с тюркскими народами. Они, как писал Л.Н. Гумилев, обладают положительной комплементарностью, каждый народ занимает свою исторически обусловленную ландшафтную нишу. И сейчас во многом русские и тюркские народы сосуществуют в своих специализированных экономических, производственных нишах, детерминированных общественным разделением труда. Русский народ в этом сосуществовании — сотрудничестве всегда выполнял мессианскую роль, был носителем прогрессивных традиций, технологий, культуры и т.д. Это неоднократно отмечал известный специалист по национальным отношениям, профессор Рамазан Абдулатипов. Можно полностью согласиться с тезисом А. Дугина, что в нынешнем переходном периоде именно русский народ должен быть взят в качестве главного политического субъекта, от которого и следует вести отсчет на шкале геополитических и стратегических, а также социально-экономических интересов России, что русский народ — геополитическая потенция, реальная и конкретная, но еще не определившая свою новую государственную структуру — ни ее идеологию, ни ее территориальные пределы, ни ее социально-политическое устройство⁶.

Возможна ли переплавка разломанной плитки шоколада, т. е. возрождение новой России в обозримом будущем, где ядром, притягивающим разорванные элементы, выступит русский народ? Да, возможна! Но для этого национальные интересы России должны стоять выше сиюминутных интересов многих политических деятелей РФ. Кроме того, необходимо обязательно избавиться от пагубного влияния внешних сил на внешнюю и внутреннюю политику страны. Развал СССР начался с культурно-политической экспансии, затем она была закреплена экономической экспансией, в 90-е годы последовала и военная, в частности, приближение войск блока НАТО к границам России. Подобную схему экспансии детально описал русский философ И.А. Ильин в 40-х годах XX в., говоря, что весь кризис, переживаемый ныне Россией и миром, есть кризис по существу своему духовный. Далее философ говорит о том, что идет измельчание духовного характера, утрата духовного измерения жизни, обмеление и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости в духовной культуре, отмирание рыцарственности и вырождение гражданственности. По его мнению,

вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства — весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение⁷.

Русская интеллигенция, считает И. Ильин, в течение XIX в. соблазнялась им как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. Это «вселенское властолюбие» он называет духовной чумой, которую принесла в Россию полурусская полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая. «Но почему же нам не удалось оборониться от этого засилья?» — задает философ вопрос. И сам же отвечает: «Потому, что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа... не умела верно вести его...» И еще:

по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы, а также по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков. И главное — по незрелости русского национального характера и русского национального правосознания⁸

Эта полуинтеллигенция уверовала в «западного дьявола», как в Бога, и поработила многоплеменную российскую массу - сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти⁹.

Именно так и была построена программа развала СССР, Соблазн разнуздания, вседозволенности, невиданных до конца 80-х годов XX в. для народов СССР и России пошлости, порнографии, насилия, садизма и другие «прелестей» западного образа жизни, что обрушился на русских, татар, башкир, украинцев, белорусов и другие народы Союза с экранов телевизоров и кинотеатров, с глянцевого обложки журналов и книг, передач радио и т.д., раскачивал национальное самосознание. Большинство СМИ «демократической» ориентации, как будто соревнуясь друг с другом, обливали грязью всю историю России, - но особенно много желчи было вылиты на послеоктябрьский период российской государственности.

За культурно-политической экспансией последовала экономическая. Лозунг Остапа Бендера «Запад нам поможет» затмил здравый смысл у многих даже национально ориентированных россиян. (Да и

нашлось, к сожалению, не очень много умов, которые смогли устоять в той идеологической вакханалии, оголтелом натиске на национальное, патриотическое самосознание русского народа). Патриотизм был назван «последним прибежищем негодяев». Запад действительно «помог» России. За время реформ с 1991 по 1999 гг. долг России возрос до 160 млрд. долл. Выплаты только по процентам долга будут ежегодно составлять до 40% всего экспорта РФ. Кроме того, Россия попала в унижительное положение «бедного родственника». Если император Александр III мог себе позволить ловить рыбу, когда у него просил аудиенции посол ведущей европейской державы (царь тогда произнес известную фразу: «Европа может подождать, пока русский император ловит рыбу», то сейчас ни одно первое лицо в России не может позволить себе подобной роскоши.

Немаловажный рычаг в руках западных «друзей» — продовольственная зависимость РФ. По оценкам специалистов, 30% ввозимых продуктов питания из-за рубежа — уже угроза национальной безопасности. Россия перешагнула через эту красную черту в 1994—1995-х гг. К 1999 г. она ввозила из-за рубежа около 50% сельскохозяйственной продукции. А в Москве и Санкт-Петербурге эта планка поднялась до 70—80%. Естественно, сбрасывая в РФ недоброкачественные продукты питания, решая проблему депопуляции населения нашей страны, западные «добродетели» используют продовольственные поставки как сильнейшую экономическую и политическую удавку. Успешно идет реализация рекомендаций Римского клуба, представленных им в ООН. В них четко сказано, что «численность населения России к 2010 г. не должна превышать 50 млн. человек»¹⁰.

Россия может сдерживать продовольственную, экономическую экспансию, но для этого нужна политика, направленная на оживление, собственного экономического потенциала, в первую очередь сельского хозяйства. В этой сфере экономики надо менять паритет цен, налоговую и кредитную политику. Но есть и другие, не менее эффективные источники получения продуктов питания и валюты. По различным экспертным оценкам, из-за отсутствия надлежащего государственного контроля за промыслом и вывозом морепродуктов за рубеж Российская Федерация ежегодно несёт убытки в виде реального ущерба и неполученного дохода в размере от 2 до 5 млрд. долл. в год. За рубеж по бросовым ценам уходят сотни тысяч тонн морской рыбы: окуня, палтуса, камбалы, осетровых, нототении, минтая, трески, сельди и других морепродуктов.

Так, например, согласно российской статистике, в 1994 г. мы экспортировали в Японию крабов и других ракообразных около 7 тыс. т, в 1995 — тоже 7 тыс. т, в 1996 — 8 тыс. т. По официальной японской статистике за это же время в страну Восходящего Солнца из России вывезено: в 1994 — 38,7 тыс. т, в ±, 1995 гг. — 56 тыс. т, в 1996 — почти 60 тыс. т. Получено за эти операции валюты в американских долларах по российской статистике: в 1994 г. — 90,4 млн. долл., в 1995 г. — чуть более 85 млн. долл., в 1996 г. — около 100 млн. долл., а по японской статистике: 1994г. — почти 511 млн. долл., 1995г. — более 622 млн. долл., в 1996г. — около 700 млн. долл. и т. Этот канал утечки валюты и морепродуктов можно легко перекрыть и направить деньги в госказну.

Еще более мощный источник поступления валюты — экспорт энергоносителей, в котором заинтересовано большинство промышленно развитых стран Востока и Запада. Европа не в состоянии обеспечивать свои потребности в природном газе за счет собственных источников. Дефицит газа в Германии, Франции, Италии составляет более 50%. Разведанные запасы российского газа — 48 трлн. куб. м. (общие потенциальные ресурсы — примерно 235 трлн. куб. м.). Газ из России имеет более низкую себестоимость, чем сырье из Алжира и Ближнего Востока. Доля «Газпрома» в западноевропейском импорте — 47%, Алжира — 29%, Норвегии — 22,3%¹². Наши партнеры по экспорту энергоносителей, прежде всего нефти и газа, неоднократно предлагали российским поставщикам снизить квоты и повысить цены за единицу энергоносителей, но эти предложения, как правило, отвергались олигархами-поставщиками «с порога», а конкуренты смотрят на Россию с иронией и подозрением. Почти ту же картину мы видим и на Востоке. Торговля энергоносителями — это всегда геополитика. Страны — поставщики энергоносителей и их потребители, как мать и дитя пуповиной, связаны тысячекилометровыми магистральями-газопроводами. Поставка энергоносителей - это не только экономика, но и политика, важно уметь этим пользоваться.

Еще один источник больших финансовых поступлений валюты в Россию — поставки вооружений в различные регионы мира. Но и здесь в роли судьи в последней инстанции выступают США. Они указывают России, что продавать, кому и когда. Только в 1997 г. США сочли нецелесообразным продажу Россией системы ПВО С-300 Кипру, партии самолетов-вертолетов МИ-17 Колумбии, партии вертолетов КА-32 — Канаде. Под предлогом, что в Китае нарушаются права человека, палата представителей Конгресса США приняла решение о прекращении оказания России финансовой помощи в размере 190 млн. долл., если Москва поставит Китаю противокорабельные

ракеты «Москит». В итоге торговля оружием стала монополией Вашингтона. В 1998 г. американцы продали другим странам более чем на 21 млрд. долл., русские - едва на 2,5 млрд. долл.¹³ Американцам сегодня принадлежит 80% европейского рынка вооружений, а 85% всех контрактов на поставку боевой техники Вашингтон заключает с «недемократическими режимами». Делать же подобное России «друзья» из Белого дома категорически запрещают.

6.4. Будущее России: Евразийская держава или колония Запада?

Этот вопрос задают политики всех стран мира. Во многом ответ на него лежит в жизнедеятельности самой России. Сможет ли она сохранить свой ракетно-ядерный щит, поднять экономику, развить социальную сферу, занять активные наступательные политические позиции, поднять этническое самосознание всех народов, проживающих в стране, и прежде всего русского народа, разбудить в них чувство патриотизма, гордости за историю своего отечества и главное — вдохнуть новую жизнь в союз независимых государств? Россия находится в «санитарном кордоне» — в кольце государств, правительства которых в большей части относятся к РФ потребительски-настороженно. Внутри Содружества независимых государств наблюдаются противоречивые тенденции - как центробежные, так и центростремительные. Отсутствует какой-либо монолитный блок, вследствие чего по кардинальным вопросам СНГ не выступает с единых позиций, например, по вопросу продвижения НАТО на Восток. Внутри Содружества нет стратегического единства ни в вопросах политики, ни экономики, ни в решении вопросов национальных отношений, в частности, языка. В СНГ есть только тактические союзы, например, по вопросам добычи, транспортировки каспийской нефти, разработки полезных ископаемых, редкоземельных, драгоценных металлов или алмазов. Для решения сиюминутных экономических или политических вопросов создаются временные коалиции. Не успели просохнуть чернила под договорами России и Белоруссии, как тут же было заключено соглашение между Азербайджаном и Украиной, к которому пообещала присоединиться Грузия. До этого своего рода «малый союз» заключили пять азиатских республик.

Российско-украинские отношения

Наиболее жесткую по отношению к России позицию занимает Украина. Этим она создает трудности не только для России, но и для самой себя. Политика Президента Украины в конце 90-х годов XX в. может расколоть Украину, и поставить ее на грань гражданской войны. Подписанный в 1997 г. полномасштабный договор с неопределенным статусом Севастополя снял многие негативные моменты в отношениях России с Украиной. Но, тем не менее проблемы остаются. Их генерируют как в самой Украине, так и на Западе, и в России. Например, представители радикально-националистической организации «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА-УНСО) все последние годы открыто распространяли свое влияние на сопредельные с Украиной государства. Особую активность они проявляют в Белоруссии, организуя там беспорядки. Украинские радикалы, поддержанные местными националистическими организациями («Белый легион», Белорусский народный фронт, Белорусская партия свободы), смогли открыть в Минске свой филиал. УНА-УНСО открыто заявляла о присутствии своих боевиков в Чечне (около 400 человек). Сейчас УНА-УНСО пытается закрепиться в Ингушетии, Дагестане, Ставрополе и в других районах Северного Кавказа. Услугами харьковского филиала этой организации, по сведениям «Независимой газеты», пользуется военная разведка Украины. Харьковский отдел УНСО организует работу в Белгороде, Воронеже, Курске, Луганске, в Ростове на Дону; Донецкое — в Краснодаре; Черниговское — Брянске¹⁴.

В последние годы украинские политические лидеры часто представляют Россию в образе внешнего врага. Для создания этого образа используются различные приемы: требование своей доли в золотом запасе и Алмазном фонде бывшего СССР, украинских культурных ценностей, погашение задолженности перед юридическими и физическими лицами бывшего Внешэкономбанка СССР, полной информации о состоянии балансов Госбанка, Гохрана, Внешэкономбанка СССР, их международного аудита и т.д. Вместе с тем они закрывают глаза на весьма шаткие с исторической, этнической и правовой точек зрения основания отторжения Крыма от России. Киев требует от России обеспечить полный режим свободной торговли с Украиной, отменить все, якобы, дискриминационные меры и ограничения на ее товары. Для решения таких вопросов в 1993 г. был создан Экономический союз стран СНГ, но Украина сразу же отказалась в нем участвовать. Она не присоединилась к Таможенному союзу России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Наша страна постоянно предоставляет льготы Украине в ущерб своим интересам потому, что Украину поддерживает Международный валютный фонд, т. е. СТА. Вашингтон продолжает, не без помощи Украины, действовать в качестве стратегического противника России. Украина, по мысли З. Бжезинского, является стратегическим опорным пунктом национальных интересов США. По этой и другим причинам многие субъекты в двух славянских республиках противодействуют объединению славянских, тюркских и других народов на постсоветском пространстве.

Обозначенная политика лидеров Украины, ее националистических организаций ведет курс к сознательному обострению российско-украинских отношений. Украина стала для России «естественным объектом» противоборства. Некоторые политики в Киеве пытаются разыграть антироссийскую карту как плату за вхождение Украины в Европу. Для нашего юго-западного соседа такой курс бесперспективен: на Западе ее как просительницу денег не любят, необходимых Украине средств для модернизации ее экономики у новых западных друзей просто нет. (Например, их нет у самой богатой страны Европы — Германии для модернизации экономики бывшей ГДР, для решения ее социальных проблем).

Рассматривается в украинских политических кругах и другой вариант — параллельное движение наших двух стран. Но история отпустила слишком мало времени для такого развития. Европа объединяется и развивается быстрее, а Азия — чрезвычайно быстро. При таком параллельном движении, при взаимной обособленности и даже отчуждении и Россия, и Украина обречены на отставание от сопредельных стран. Есть еще вариант — стратегия прагматического партнерства. Суть этого видится как совместная работа для экономической модернизации¹⁵. Подобное сотрудничество на равноправной основе способствует развитию, например, двух стран-соседей — США и Канады. Пока же фактически экономика Украины ориентирована на Россию, а политика — на Запад. Это, безусловно, накладывает отпечаток на общественное сознание, мнение жителей республики. В различных ее регионах настроения полярно противоположны. Такая борьба противоположностей, как мы отмечали выше, может привести к развалу Украины. А расширение НАТО на Восток усилит эти негативные процессы в политической и экономической жизни двух славянских республик. Попытка Украины стать связующим звеном между Россией и НАТО может быть рассмотрена как негласное объявление войны России, так как «Украина с территориальными амбициями представляет собой огромную опасность для всей Евразии, и без решения украинской проблемы вообще говорить о континентальной экономике бессмысленно». Можно сказать, что без абсолютного контроля Москвы над акваторией Черного моря невозможно говорить о пресечении талассократического влияния, идущего с запада, из атлантистской Турции — исторически самого давнего и упорного недоброжелателя России, или других стран Средиземноморья, а этот контроль возможен только после заключения действенного полномасштабного договора.

Начало интеграции

Отношения между Россией и Белоруссией также складываются далеко не просто. Здесь действует ряд факторов, о которых уже сказано при анализе российско-украинских связей и перспектив их развития. Общее в этих двух далеко не похожих политических процессах — вмешательство Запада, которому, безусловно, не нужна никакая интеграция славяно-тюркских народов. Но влиять на Белоруссию с таким же успехом, как на Украину, ни Вашингтон, ни Париж, ни другие столицы не могут. Геополитическая картина Белоруссии отлична от украинской. За исключением небольшой части западных белорусов подавляющее большинство ее населения, бесспорно, принадлежит русскому пространству: это русские люди, если брать культурно-религиозный, этнический аспект. Поэтому интеграция с Белоруссией, хотя и с определенными сложностями, идет практически с весны 1996 г., когда был подписан Договор об образовании Сообщества. В мае 1997 г. подписан Устав Союза Белоруссии и России, в декабре 1998 г. Декларация «О дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации». Согласно этим документам Белоруссия имеет равный голос с Россией, создаются союзные органы, решения которых обязательны для исполнения каждой из стран. Для Москвы и Минска окончательное оформление Союза стало главным событием 90-х годов.

Что дает интеграция двух республик? Трудно перечислить все преимущества, которые они получают, если ант и славя не кие силы не развалит этот процесс:

- дееспособный Союз, функционирующий на основе принятого Устава, позволит России добиться, 25%-ного прироста в экономике за счет использования потенциала Белоруссии, начиненной производством, не уступающим по своему уровню высокоразвитым странам Запада. Ожидаемый эффект для Белоруссии — 40%-ный прирост в экономике ежегодно;
- через Белоруссию идет 75—80% российского транзита на Запад. В отличие от других путей (через Украину, Прибалтику) с перевозками, перекачками и т.д. через Белоруссию у России практически нет проблем хищений сырой нефти и нефтепродуктов из продуктопроводов и терминалов, пропая контейнеров и автопоездов и т.д. В этой связи можно сказать, что Белоруссия — это форточка в Европу;

- внешняя политика (берем как ближнее, так и дальнее зарубежье) Белоруссии и России согласуется полностью: будь-то неприятие продвижения НАТО на Восток или осуждение непомерных амбиций США, или создание в перспективе могучей евразийской державы;
- предупреждение возможности создания вокруг России «санитарного кордона» путем объединения стран от Черного моря до Балтики;
- появилась возможность совместной охраны воздушно-космического пространства и государственных границ двух стран, особенно усиления контроля территории, сопредельной с Украиной, обустройства и оборудования по периметру границы с Литвой, Латвией.

Можно много говорить о преимуществах такого Союза, уровень и значимость которого целесообразно поднять Конституционным договором, а не уставом. Но и то, что сделано, то образование, что создано, даже еще не напоминающее конфедерацию, уже вызвало шквал нападок в средствах массовой информации. Эти нападки идут с Запада, с Востока, звучат они внутри самой России и Белоруссии. Вот, например, что писала о Вашингтон пост»:

... договор, подписанный в Москве, поставил перед Западом вопрос, не станет ли Белоруссия российским сателлитом, было бы непростительной ошибкой Запада отдать Белоруссию России.

Эти дружные, скоординированные нападки СМИ на Белоруссию и косвенно на Россию говорят о том, что своими интеграционными шагами этот Союз создает прецедент, который ведет к воссозданию великой державы. Ни геополитически мощная Великая Россия, ни царская, ни коммунистическая, ни демократическая Западу вообще не нужна.

Многие политики-атлантисты хорошо понимают, что восстановление Великой России заставит ее восточных соседей смотреть на нее другими глазами, чем сейчас. Славяно-тюркское единство заставит Восток повернуться к России, а не к Западу. Однополюсный мир будет разрушен, гегемония США продлится вдолго.

Журналисты любят апеллировать к общественному мнению мало-мальски значительному поводу. Почему же в этот раз не прибегают к помощи общественного мнения? Дело в том, что 90% жителей Белоруссии и 75% россиян, опрошенных социологами Центра исследований политической культуры России, голосуют за союз¹⁶. Вот почему Госдепартамент США для компрометации Белоруссии (точнее, для развала Содружества) наметил целый пакет подрывных акций: от постановки вопроса в ООН о нарушении «прав человека» до «мягкого экономического удушения» Белоруссии.

Россия - Казахстан: что впереди?

Перспективы успешной интеграции стран постсоветского пространства во многом зависят и от уровня контактов между Россией и Казахстаном. Лидеры Украины хорошо понимают, что с созданием связей Москва — Минск, Москва — Астана она окажется изолированной: на Западе не нужна, а среди своих — чужая. Поэтому они постоянно ищут контакты с первыми лицами Казахстана. Заставляют их идти на это прежде всего поиски энергоносителей. Киев ищет в Казахстане нефть и полигоны. Да и исторически экономики этих двух республик были взаимодополняемы. В последние годы специалисты этих стран активно разрабатывали альтернативные, в обход России, пути транспортировки нефти с Тенгизского и Карачаганакского месторождений в Западном Казахстане к Черному морю через Баку и Грузию (порт Супса), а от него — к одесским нефтяным терминалам. Обе стороны видят свои республики в недалеком будущем космическими державами.

С другой стороны, в казахстанской нефти заинтересованы не только Украина, но и Запад в целом. Еще в 1997 г. в США была подписана серия соглашений в области нефтедобычи, которые официальная печать Казахстана назвала самыми выгодными соглашениями в области добычи нефти. Казахская дипломатия активно действует не только в США, но и в Китае. С ним тоже заключено соглашение о разработке того же Карачаганакского месторождения американско-английскими концернами с транспортировкой нефти в Синьцзянь. Стоимость строительства этого нефтепровода оценивается почти в 10 млрд. долл. Осложняет отношения России и Казахстана и то, что 90% крупнейших уникальных производственных мощностей своей страны лидеры Казахстана продали или передали зарубежным фирмам. Значит, для налаживания сотрудничества в экономической сфере России надо иметь дело... с американскими, английскими, германскими и другими предпринимателями, но не с казахскими. Следующий негативный момент — положение русских в Казахстане. За годы суверенности его покинуло более миллиона русских. Русский язык в республике, как и на Украине, методично вытесняется из сферы государственного обращения¹⁷. При

анализе отношений Россия - Казахстан необходимо учитывать ориентацию лидеров этой республики на «многовекторную политику»¹⁸.

Безусловно, надо представлять, что все перечисленные, а также и другие факторы необходимо рассматривать не в статике, а в динамике. Сравнительно недавно Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сделал сенсационное заявление «От Союза Советского — к союзу Евразийскому». С кафедры Российской Академии он объявил о соглашении между Россией, Казахстаном и Белоруссией, знаменующем новый уровень сближения, — избрание наднационального парламента, создание исполнительного наднационального органа с конкретными властными полномочиями. Но время показало, что лидеры России и Казахстана, декларируя о геополитическом сближении, не торопятся претворить его на практике. В первом пакете документов, подготовленных и принятых главами СНГ (1991 — 1992 гг.), были четко обозначены: единое экономическое, правовое, военно-оборонное пространство, общая валюта. Это было обусловлено работающей тогда еще союзной промышленностью, действующими технологическими связями, цепочками разделения труда во всех основных отраслях. Тогда нам было что сохранять... Но, увы, вектор развития СНГ *был задан* в другую сторону. Российское руководство упустило шанс стать центром, ядром, естественным стержнем Содружества. В последующие годы в связи с распадом экономик всех без исключения стран СНГ шансов укрепить его на прежних основаниях оставалось все меньше¹⁹.

Причины утраты естественного лидерства России - в бесконечной политической борьбе в ее верхах, криминализации экономики, беспрестанных выборных кампаниях, расколе российской политической элиты и др. Сейчас объединить участников СНГ могла бы некая общая для всех внешняя или внутренняя угроза или идея, близкая всем без исключения участникам объединения, а также общий для всех экономический интерес, который сулит каждому реальную практическую отдачу, выигрыш, прибыль. И еще одно обязательное условие — реальный центр притяжения. Этим центром может быть динамичное, процветающее государство — региональный лидер, экономическая модель развития которого кажется соседям привлекательной, и они естественным образом начинают к нему тяготеть²⁰.

Сможет ли Россия стать таким притягательным центром, ядром, сможет ли начать работу по созданию Евразийской империи, превратить содружество в мощную державу? Или ей в силу объективных условий предстоит превратиться в сырьевую колонию Запада, в мусорную свалку вредных отходов производства? Ответы на эти вопросы даст ближайшее будущее, но уже сейчас у России есть все возможности стать таким ядром. Нужна политическая воля, нужно изменить стратегию проводимых реформ, сделать их для народа, понятными народу, сформулировать понятную общенациональную идею, способную объединить вокруг великой цели великую нацию. А мощнейшим объективным фактором, способствующим формированию Великой державы, является необходимость создания единого внутреннего рынка. На эту реальность «работает» такой сильный морально-психологический фактор, как ностальгия абсолютного большинства населения постсоветского пространства по прошлому — сильному государству с единым экономическим, социальным, политическим пространством. Россия имеет большой невостребованный экономический потенциал; она производит 60% валового производства СНГ, имеет почти 70% различных видов сырья (особенно энергоносителей) и т.д. Признаком начала формирования единого внутреннего рынка является и рост товарооборота между партнерами СНГ, который за последние годы увеличился почти на 20%.

Для России остается проблемой уровень профессиональной подготовки управляющей элиты. Пока что ее партнеры в борьбе за лидерство на территории бывшего СССР маневрируют гораздо удачнее внутри СНГ, навязывая часто «старшему брату» удобные для них решения (например, функции защиты границ в Таджикистане, полицейские функции в Нагорном Карабахе или Абхазии, умиротворения Чечни или ее беспокойных соседей и т.д.). Друзья-соперники из СНГ выгодно используют неизбежные противоречия между Россией и США, Россией и Европейскими странами, между США и Европейскими странами, извлекая для себя порой мелкие сиюминутные выгоды. События последней четверти XX в. весьма негативно сказались на состоянии отношений РФ с исламским миром, серьезно осложнив их. Это прежде всего войны в Афганистане и Чечне. Политические лидеры, их советники (бывшего СССР и РФ) не приняли во внимание специфику исламского мира. Социалистические, интернационалистские идеи, светское мироустройство государственной жизни и т.д. оказались для Афганистана и в определенной степени для Чечни совершенно неприемлемыми. Афганский пожар полыхает до сих пор и трагедия Таджикистана — прямое следствие кровавой борьбы за власть в сопредельном государстве. Похожие события произошли в Чечне и вокруг нее. Причиной и катализатором этой войны были нефть, торговля

оружием и наркотиками. Бездарная политика подкреплена бездарным руководством военными операциями. Проводимые с одобрения Кремля многочисленные кровавые «зачистки», расправы с местными жителями даже в тех районах Чечни, которые были лояльны центральной власти, тотальное уничтожение Грозного и т.д. на десятилетия вперед сделали враждебными российско-чеченские отношения.

Исламский мир увидел в Чеченской войне вызов и принял в ней довольно активное участие (волонтеры из Турции, Саудовской Аравии, Пакистана, Афганистана и других стран Ближнего и Среднего Востока воевали на стороне братьев по вере, не говоря об огромных финансовых вливаниях в Чечню). Возмущение и недоумение в исламских странах вызвала необдуманная антироссийская политика бывшего министра иностранных дел РФ Андрея Козырева. Россия во имя налаживания союзнических отношений с США поддержала антиливийские, антииракские действия Вашингтона. В геополитическом и экономическом плане дипломатические действия РФ, начиная с 1991 г. («Буря в пустыне» — проведенная США акция против Ирака) по 1996 г. в отношении исламского мира кроме как провальными не назовешь.

Всплеск антироссийских настроений в исламском мире докатился и до постсоветских среднеазиатских республик. Национализм идет там «в ногу» с ренессансом исламских традиций, уклада жизни, обычаев. Этот процесс находит отражение в законодательстве парламентов республик, в частности, в ряде законодательных актов, закрепляющих главенствующее положение титульных наций. Создается парадоксальная ситуация: усилиями русских обеспечивается работа энергетических станций, промышленности, транспорта и связи во всех без исключения среднеазиатских республиках, а юридическое, правовое их положение по языку, культуре, социальной защищенности остается как у «граждан второго сорта».

Выступление ведущих политиков среднеазиатских государств с позиций национализма, подчеркнутое дистанцирование от России, заявления о приверженности общемусульманским ценностям находят поддержку не только в Иране, Турции, Пакистане, Саудовской Аравии, но и в США и Европе. США поощряют попытки сформировать политический блок среднеазиатских государств при их главенствующей роли. «Аппетиты» лидеров Ислама сдерживают экономическая привязанность среднеазиатских и кавказских республик к России, а также опасения политиков НАТО неконтролируемого роста исламского фундаментализма. Лидеры стран Запада предпочитают сделать ставку на Турцию, которая тесно связана с НАТО.

Но сближение России и стран исламского мира возможно. Для этого есть все объективные условия: Москва в силах оказать реальную политическую поддержку Ирану, Ираку, Ливии и другим в рамках ООН, усилить экономическое и военное сотрудничество (вопреки нажиму со стороны США, например, Россия строит в Иране атомную станцию, продает в Абу Даби истребители и т.д.), строительство геополитически важных транспортных артерий, нефте- и газопроводов (через Турцию, , Иран). А главное — иметь свою самостоятельную внешнюю политику в отношении исламских стран без оглядки на «друзей» из Вашингтона, Лондона, Парижа.

Пока же мусульманские страны Среднего и Ближнего Востока перегруппировывают силы в широкой географической зоне, непосредственно примыкающей к южным границам России, с целью закрепления благоприятных для них геополитических, перемен. В качестве противовеса этим перемещениям сил можно использовать совместные действия Москвы, Тбилиси и Еревана. Закавказские республики, где ведущей конфессией является православие, могут выступить в качестве геополитического форпоста на южных рубежах России. Руководство Грузии и Армении, делая реверансы Западу и исламскому миру, понимает, что без помощи Москвы им не удастся сохранить территориальную целостность, утвердиться в качестве сколько-нибудь влиятельных стран в регионе, решить проблемы восстановления и развития экономики. Если укрепления позиций России в конце XX — начале XXI вв. не произойдет, то создавшийся «вакуум силы» будет быстро заполнен. Претендентов много, о них мы уже говорили. Проникновение западных стран на Кавказ в качестве главной цели преследует вытеснение России из этого региона.

Для нейтрализации этих поползновений Запада необходим полномасштабный военно-политический союз, тесное экономическое и торговое сотрудничество России с республиками Закавказья.

6.5. Россия — США: партнерство или соперничество?

Отношения между Россией и США обусловлены текущими и стратегическими интересами двух великих государств-лидеров, реализующих два различных геополитических подхода. Теоретико-методологический анализ этих подходов дан в гл. 5, здесь мы остановимся только на их

практической реализации в конце XX в. и выскажем прогнозы по их развитию в первом десятилетии XXI в.

Один из важнейших факторов, который предопределяет стратегические отношения между Россией и США, — ракетно-ядерный потенциал обоих государств. В Вашингтоне осознают опасность дезинтеграции СНГ и России, прежде всего в отношении угрозы распространения ядерного оружия и ракетных технологий, так называемое расползание ядерного оружия. Хотя Украина и Казахстан декларировали свою готовность расстаться с этим видом вооружений, но от слова до дела, как говаривал один из литературных персонажей, «дистанция огромного размера».

Немало голов в Америке вынашивает мысль расчленения России. Например, бывший помощник Президента США по национальной безопасности в книге «Великая шахматная доска» отстаивает идею деления России на три республики¹. Автор упускает из вида, что в случае развала РФ ситуация на огромном геополитическом пространстве станет несравнимо более опасной и менее предсказуемой. (Тем более, если учитывать постановку на вооружение в РФ межконтинентальных ракет нового поколения «Тополь»²²). Практически, с точки зрения элементарного выживания планеты, и Россия, и Америка заинтересованы в стабилизации ситуации на территории бывшего СССР. С другой стороны, Вашингтон не заинтересован в сильной России, так как она выступает как серьезный конкурент в мировых делах, сдерживающий, хотя и не часто, претензии США на роль сверхдержавы, единственного вершителя судеб мира.

Потенциально Москва может вновь стать «собирающей землей» и одним из полюсов многополярного мира — это хорошо понимают в США и стремятся не допустить этого. Отсюда и раздвоенность политической игры Вашингтона в отношении России. Все это накладывает отпечаток на отношения двух стран на исходе второго тысячелетия и прихода XXI в. Фундаментальной основой партнерства между РФ и Америкой является совместная заинтересованность в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений, в определенной степени налаживании «силового управления политическими, военными процессами современного мира», в частности, в урегулировании региональных конфликтов. Хотя подходы к этим вопросам, механизм их решения, предлагаемые РФ и США, чаще всего значительно различаются. (Эта разность подходов особенно заметна во время участия американцев в конфликте с Ираком — в 1990-х годах и при реализации операций в Боснии 1995-1997 гг.).

При взвешенном, реалистичном подходе к регулированию международных отношений, конечно, равноправное, партнерское сотрудничество России — США может стать стержнем сообщества глобальной безопасности. В основу такого сотрудничества лягут отсутствие территориальных претензий друг к другу, острой экономической конкуренции (кроме военной), а также отсутствие идеологических разногласий, неотягощенность исторической памяти народов двух стран и т. д. Объединить усилия РФ и США может: мирное освоение космоса, защита окружающей среды (проблемы экологии носят на исходе XX в. глобальный характер, а в начале XXI в. они значительно обостряются), нераспространение ракетно-ядерного оружия, контроль за распространением обычных вооружений, сокращение ядерного вооружения не только в РФ — США, но и в других государствах, военно-техническое и военно-технологическое сотрудничество, совместная борьба с терроризмом и криминальными структурами, распространением наркотиков и т. п.

Все эти направления в свое время были декларированы Вашингтоном. Но в конце 1997 г. Президентом США была подписана секретная директива, определяющая общие цели и задачи, поставленные перед стратегическими ядерными силами Америки. В директиве говорится, что сохраняется возможность нанесения ядерного удара по российским военным и гражданским объектам. Кроме того, расширяется перечень целей на территории Китая, а также содержится указание прекратить планирование мероприятий на случай затяжной ядерной войны, т. е. в президентском документе содержится формальное признание того, что ни одна страна не выйдет победителем в крупном ядерном конфликте. «Директива требует сохранить давно существующие возможности для ядерных ударов по военному и гражданскому руководству и ядерным силам России».

Ядерное оружие можно пустить в ход в ответ на использование химических и бактериологических средств против американских войск²³.

Таким образом, видим, что «друг Билл» и не думал вычеркивать Россию из списков потенциальных противников Америки. А в этом списке страны, на которые нацелены ракеты США, — Ирак, Иран, Ливия, Сирия, ЮАР, Пакистан, Индия, Китай, Эфиопия, КНДР, Вьетнам, Куба, Болгария, Мьянма, ряд других и Россия. Главными потенциальными противниками Америка считает по-

прежнему России и Китаю. А единственным положительным изменением в ядерной стратегии США стал отказ от ставки на победу в мировом ядерном конфликте.

Подписание этой директивы Клинтоном странным образом совпало с заявлением Б. Ельцина в Швеции о том, что Россия сокращает число российских ядерных боеголовок на треть. Таким образом, небольшие подвижки в современной американской ядерной стратегии демонстрируют сохраняющийся разрыв между декларативной политикой и практическими намерениями США в конце XX и начале XXI в. Получается, что Вашингтон так и не сошел с тропы «холодной войны». Другой актуальный вопрос, связанный с ранее обозначенными, — создание систем противоракетной обороны. Он затрагивает не только судьбу Договора 1972 г. Не исключено, что под давлением Конгресса Президент США пойдет на нарушение этого Договора (а такие признаки есть), тогда может быть взорван весь режим ограничения и сокращения ядерных вооружений, что приведет к серьезнейшему обострению двусторонних российско-американских отношений.

Вполне понятную озабоченность у России вызывают попытки американцев подменить механизмы ООН механизмами НАТО (пример — действия США в Боснии и Ираке). : Разворот Вашингтона на 180 градусов во внешней политике:

от ставки на миротворчество ООН и международное сотрудничество к традиционным подходам с позиции силы единственной оставшейся сверхдержавы, но с некоторой опорой на союзников - констатирует тот же З. Бжезинский. Это значит, что США намерены жестко диктовать свои условия и добиваться единоличного принятия решения прежде всего с учетом своих интересов.

Американские миротворческие силы, принимающие участие в локальных конфликтах, финансируются ООН. Вооруженные силы России, выполняющие те же функции в некоторых странах содружества независимых государств (например, Абхазия, Таджикистан, Приднестровье), не получают из кассы ООН ни цента. Все шаги РФ на постсоветском пространстве не приветствуются в Вашингтоне. Кроме того, Белый дом усиленно готовит мировое общественное мнение к принятию беспрецедентного шага — поставить под контроль российскую ядерную промышленность, навязать ООН решения, наносящие ущерб экономическим, военно-политическим интересам РФ. Наше сотрудничество с американцами в области военных, космических технологий напоминает выкачивание российских наработок, идей. Безвозмездно американцы получили секретнейшие технико-технологические наработки при заключении сделки по строительству космической лаборатории «Альфа». Жесточайшая конкурентная борьба идет между нашей страной и США на мировых рынках оружия. Американцы предпринимают энергичные усилия для вытеснения России с мировых рынков оружия и военной техники. Причем США постоянно применяют здесь двойные стандарты: Вашингтону можно, Москве нельзя. За каждое ослушание РФ грозят санкциями в американском конгрессе.

Двустороннее экономическое сотрудничество скорее напоминает игру в одни ворота. Совместное заявление «Партнерство для экономического прогресса», подписанное в 1994 г. президентами, декларировавшее дальнейшее открытие американского рынка путем снятия остающихся ограничений, противодействие антидемпинговой политике США, законодательное закрепление за Россией статуса страны с «переходной экономикой», так и осталось на бумаге. Ни «друг Билл», ни «друг Гор» (возглавляющие с американской стороны Комиссии по экономическому и техническому сотрудничеству), не смогли ничего сделать, чтобы наполнить это заявление реальным, позитивным для России содержанием. По-прежнему блокируется доступ РФ на американские рынки высоких технологий, включая рынки оборонного и стратегического сырья.

Итак, на практике Белый дом реализует тезис З. Бжезинского:

Россия может быть или империей, или демократией, но она не может быть и тем, и другим²⁴.

Констатируя, что «к сожалению, ... в краткосрочной перспективе виды на стабильную российскую демократию не очень многообещающи», автор утверждает, что в России, как ни прискорбно, имперский импульс остается силен и даже, кажется, усиливается.

Мы уже отмечали выше, что этот «имперский импульс», как правило, идет не от России. Раньше он шел из Казахстана {инициативы Н. Назарбаева), Москва просто проигнорировала их. Потом «импульс» пошел из Минска. Не замечать его было нельзя: в России изменилась политическая конъюнктура, подходили выборы в Госдуму и Президента, в общественном мнении произошел явный перелом в пользу славянского, евразийского единства, в пользу патриотов-государственников. С Белоруссией был заключен Договор о Содружестве, Таможенный Союз — с Белоруссией, Казахстаном, Киргизстаном. Все эти документы приняты в первую очередь благодаря воле народов России и Белоруссии, энергии и целеустремленности президентов Лукашенко, Назарбаева и Акаева.

Эти дипломатические успехи российского МИДа подорвали сдержанный оптимизм американцев после провала военной авантюры российских «наполеонов» в Чечне. Ведь режим Дудаева был наглядным свидетельством неспособности Москвы поддерживать порядок даже на собственной территории, ставил под сомнение и ее способность нести «особую глобальную ответственность» на территории СНГ. Поэтому подписание Договора с Белоруссией было тем ходом, который спасал Россию в сложной политической игре США и России. В ответ Америка «забирает под себя» всю Восточную Европу.

В геополитическом, военно-стратегическом плане России необходимо действовать с расчетом на дальнюю перспективу, избегая сиюминутных выгод, получаемых путем заигрываний с другом Биллом». Методично, шаг за шагом необходимо создавать себе жизненное пространство, геополитическое поле, называемое Евразией. Еще раз можно напомнить слова Л.Н. Гумилева, что Россия, если спасется, то только Евразией.

6.6. Россия и североатлантический регион

90-х годах Москва стремится к сближению не только с Вашингтоном, но и с Парижем, Берлином, Венной, Стокгольмом, Хельсинки. Был сделан пробный шаг к налаживанию более тесных политических отношений с Вильнюсом, Ригой и Таллином. Но, безусловно, решающее значение имеют ее отношения со странами севере атлантического региона. Громадный район северной атлантики — от восточного побережья Канады и США на западе и до Кольского полуострова и Балтики на востоке — этот геостратегический регион когда-то в равной мере контролировался блоками НАТО и Варшавского договора. Сейчас положение здесь коренным образом изменилось в пользу НАТО.

Североатлантический регион (САР) играет ведущую роль в большой политике, что объясняется прежде всего его важным стратегическим местоположением: это транзитный район между Европой и Северной Америкой.

- По основным макроэкономическим показателям (товарооборот, инвестиции, перевозки) трансатлантические связи все еще преобладают над всеми прочими. Так, объемы двусторонней торговли между США и ЕС почти на 50% больше, чем объемы транстихоокеанской торговли,
- Этот регион удерживает центральное место как район размещения наиболее крупных группировок военно-морских флотов и военно-воздушных сил великих держав, оснащенных ядерным оружием. Здесь по-прежнему находятся на боевом дежурстве подводные атомные лодки-ракетоносцы и стратегические бомбардировщики.
- Значение региона для НАТО увеличилось в связи с намерением этого союза перейти от стратегии передовых рубежей к концепции «сокращенного передового присутствия». В этой связи США полагают сократить число своих войск в Европе, следовательно, им надо укрепить надежность океанских коммуникаций для быстрой переброски при необходимости сил быстрого реагирования.
- Все большее значение приобретают хозяйственный и ресурсный потенциалы североатлантического региона, в частности, промысловое рыболовство.

Введение 200-мильных экономических зон (а это более 360 км) привело к тому, что более половины акватории САР находится под юрисдикцией прибрежных государств. Во многом это решение вызвано тем, что отдельные страны САР, например Исландия, Гренландия, жители Фарерских островов, абсолютно зависимы от добычи и переработки рыбы и морепродуктов. Кроме того, добыча нефти и газа в континентальном шельфе Северного и Норвежского морей превратилась в важный фактор обеспечения стран Западной Европы ценнейшими видами энергетического сырья. Разведанные здесь запасы нефти и газа, по оценкам западных экспертов, составляют около 500 млрд. т, или десятую часть всех разведанных мировых запасов.

Вот почему интерес США и их партнеров по НАТО к этому региону продолжает возрастать, и реализовать его они намерены при помощи усиления присутствия в нем атомных ракетносцев, предназначенных для операций в арктических водах. Здесь мы имеем своего рода атлантический империализм, опирающийся на военную мощь, на ТНК и банки, а также на СМИ, когда дисбаланс сил используется как средство давления. Политические круги ведущих держав региона стремятся использовать в своих целях этот дисбаланс как для закрепления военно-политических преимуществ, так и для устройства и сохранения однополюсного мира. Значение североатлантического региона для России также возросло в связи с необходимостью сохранения «северного окна в Европу» после утраты Черного и Балтийского морей, в связи с появлением «независимой Украины», государств Балтии.

Российский север, арктический евроазиатский массив, по мнению ученых,

сможет стать буфером, связующим звеном между Европой и Азией,... способствуя укреплению азиатского сектора в триаде США — Западная Европа — Япония²⁵.

Практически с уходом из этого региона России НАТО стремится заполнить внешнеполитический вакуум. Новым весомым фактором в САР и особенно на Балтике становится объединенная Германия. Москва же утрату своих позиций пытается компенсировать путем расширения политико-дипломатического диалога и других несиловых приемов отстаивания государственной безопасности и национальных интересов. Иного, видимо, нынешней России не дано. «Военный флот в нынешнем состоянии, — по словам адмирала И. Касатонова, — без поддержки может продержаться примерно до 2005 года, после чего России придется расстаться со званием «великой морской державы»²⁶. А эти силы чрезвычайно необходимы. Несмотря на дружеские заявления

лидеров стран — членов НАТО число серьезных инцидентов с атомными подлодками США в арктических водах России в последние годы постоянно увеличивается²⁷.

Главные цели российской политики в североатлантическом регионе — это обеспечение национальной безопасности, поддержание добрососедских отношений с государствами региона для сохранения политического и военно-стратегического баланса, минимизирование факторов риска и недопущение конфликтных ситуаций; использование потенциала хозяйственного сотрудничества для решения социально-экономических проблем России. Северозападные области и округа России (Архангельская, Мурманская, Ненецкий автономный округ), республики Коми и Карелии имеют тесные экономические горизонтальные связи с северными соседями. Руководители этого региона, как и руководители страны, следуют стратегии приспособления к условиям, сложившимся в северных странах Европы. В нынешних условиях Россия не может стать в этих отношениях лидером и применяет тактику маневрирования, а не самостоятельной глобальной политики.

Во взаимоотношениях России и США в этом регионе все еще сохраняется модель ядерного сдерживания. В конце XX в. эта угроза, безусловно, потеряла остроту, но вопрос безопасности держав (и стран региона) остается центральным в отношениях двух стран. Вашингтон в отличие от Москвы не собирается свертывать свое военное присутствие в этом важном геополитическом регионе. И он не раз подчеркивал, что игнорирует не только интересы России, но даже своих ближайших союзников. Американцы реорганизуют свои ВМС в Атлантике, формируют в САР 5-й флот, создают специальную Группу для Западного полушария. Ими разрабатываются планы создания вооружения XXI в.: строительство по технологии «Стелс» так называемых арсенальных кораблей, способных нести 500 крылатых ракет, боеприпасы и оружие. Этот фактор может вкуче с расширением НАТО на Восток принести новое «похолодание» в отношениях России и США. Самая мощная в XIX в. морская держава — мастерская мира, владычица морей — Великобритания играет активную роль как в НАТО, так и в североатлантическом регионе. Конечно, ее удельный вес в международной политике вообще и в Европе в частности значительно меньше, чем США. Но тем не менее влияние Англии в этом регионе продолжает сохраняться. Она старается «сохранить лицо» мировой державы — члена Совета Безопасности ООН, определяющей судьбы мира. Политические лидеры Великобритании — сторонники геополитики «атлантизма» Отсюда и ее сдержанное отношение к проблемам углубления интеграции в Европе. И вызвана эта сдержанность во многом резким усилением экономического и политического веса объединенной Германии. Британская политика в САР по многим вопросам находит поддержку у шведов, норвежцев, датчан — ближайших соседей Германии, помнящих лихолетье Второй мировой войны и занимающих своего рода блоковую позицию, особенно в разрешении проблем по рыболовству, добыче энергоносителей и т. д.

В последние годы продолжалось укрепление российско-британских контактов на базе иной методологии, чем во времена министра иностранных дел А. Козырева. Укрепление отношений идет не только за счет ненацеливания ракет на территории друг друга, но и за счет более твердой, самостоятельной внешней политики России в североатлантическом регионе. Но относительно бесконфликтные двусторонние отношения могут измениться в связи с постановкой вопросов интеграции стран независимых государств. Британское МИД уже продемонстрировало, что оно не свободно от давних негативных стереотипов в оценке деятельности России, когда было объявлено о создании союза Россия — Белоруссия. Попытки интеграции в этот союз Украины, а также Среднеазиатских республик, безусловно, вызовут противодействие англичан. Это понятно — около двух веков Великобритания активно влияла на жизнь в этом регионе земного шара.

Роль Германии в Европе и САР в конце XX в. не менее важна, чем Англии. Но в перспективе она, безусловно, потеснит Британию. В экономических и военно-политических союзах в Европе она занимает лидирующие позиции. Свое влияние Германия активно «продвигает» на восток, завязывая все новые экономические, финансовые, политические связи с ближними и дальними соседями. Это обусловлено усилением позиций капитала ФРГ, линией защиты немецких нацменьшинств в странах востока. В качестве пробного шара в немецких и российских СМИ обсуждается проблема переселения бывших поволжских немцев в Калининградскую область. Если это случится, то в первой четверти XXI в. и даже раньше Калининградская область вновь станет частью Восточной Пруссии и Европа встанет перед проблемой передела, перекройки границ и карт, переселения народов. Во что выльется этот процесс — покажет время.

Другой вариант развития событий тоже возможен. В частности, возрождение геополитической концепции «Срединной Европы» с установлением добрых отношений и связей с восточно-европейскими странами и Россией. Какая линия во внешней политике Германии окажется сильнее в

конце XX в.: атлантистская, мондиалистская, «новых правых», Хаусхофера — во многом зависит от расстановки политических сил в Германии в начале XXI в. Не надо забывать, что она была инициатором расширения НАТО на Восток. Инициатива защиты стран Восточной Европы исходила не от самих стран, а от Г. Коля. Он интерпретировал российские действия по защите интересов русских людей в ближнем зарубежье (а их там находится более 20 млн.) как возрождение имперских амбиций. Осложнения в отношениях между Россией и Германией возникнут в начале XXI в. в связи с попыткой вступления в НАТО Латвии, Литвы и Эстонии.

В силу объективных причин во второй половине 90-х годов началось сближение позиций северных стран Европы (Дания, Норвегия и Исландия — члены НАТО, Швеция и Финляндия — нейтральные страны). Дания, Швеция и Финляндия — полноправные члены Европейского союза (ЕС), Норвегия в силу волеизъявления народа остается вне рамок ЕС и усиливает свои связи с США, активно поддерживает «атлантистскую» линию. Однако взаимозависимость стран этого региона нарастает, что видно прежде всего из усиления экономических, финансовых, политических и других связей. В эти отношения все активнее вступают страны Прибалтики. Это значительно расширяет политические и другие возможности субрегиона. Отношения со странами, расположенными здесь, носят также противоречивый динамичный характер, зависящий порой от случайных факторов (например, запуск Норвегией 25 января 1995 г. метеорологической ракеты в сторону России). Но главное противоречие касается раздела шельфа и вод Баренцева моря (участок в 176 тыс. кв. км).

Переговоры по этому участку ведутся с начала 70-х годов.

Кроме того, острые противоречия и по количеству войск России в северозападном субрегионе, суверенитету архипелага Шпицберген и окружающей его акватории, в вопросах использования природных ресурсов, добычи рыбы и морепродуктов. Дипломаты Норвегии в 1992 г. выступили с инициативой многостороннего «Евроарктического» сотрудничества, главной целью которой было создать своего рода союз стран северного региона. Этот союз помог бы этим странам, включая и Россию, ослабить зависимость от США.

В начале 90-х годов отношения между Россией и Данией осложнились из-за проблем, связанных с событиями в Прибалтике. На этот фон сейчас накладывает отпечаток другая проблема расширения НАТО на Восток вплоть до принятия в блок стран Прибалтики. Датский вариант вступления Латвии, Литвы, Эстонии в НАТО — самый напористый. Он предусматривает механизм приема прибалтов в НАТО, минуя официальные каналы, с «черного хода», делая их членами блока сперва де факто, подключив их к структурам альянса, а затем — де юре.

С конца 1997 г. российско-шведские отношения заметно учились. В конце XX в. каких-либо серьезных препятствий для успешного развития двусторонних связей практически нет, растет товарооборот, увеличивается число шведских инвестиций в российскую экономику, утвержден проект строительства газопровода из России в Западную Европу через Финляндию и Швецию.

Потенциальной миной замедленного действия могут стать посреднические услуги Швеции в диалоге Москвы с Таллином, Ригой и Вильнюсом. Речь в них должна идти прежде всего о реальном положении русских и других «некоренных народов» в этих странах. «Некоренные» народы в странах Прибалтики фактически находятся в положении изгоев. Признание этого факта или уход от проблемы могут осложнить отношения между нашими странами.

Продолжают оставаться стабильными отношения с Финляндией. Им не помешало вступление страны в ЕС. Торгово-экономические связи после резкого спада стали в конце 90-х годов усиливаться. Через Финляндию, балтийское региональное сотрудничество открылись новые возможности для РФ сближения с Евросоюзом. Но, однако, и Финляндия вслед за Данией и Швецией, играет роль опекуна, старшего брата для стран Прибалтики. И все проблемы, связанные с урегулированием прав нацменьшинств в Эстонии, Латвии и Литве, территориальных споров, сложности транзита грузов по коммуникациям, проходящим через прибалтийские государства, могут периодически возникать, внося осложнения в российско-финляндские отношения.

Таким образом, баланс отношений со странами САР находится в конце XX в. в состоянии постоянной трансформации. Соотношение сил, связей может претерпеть существенные изменения в связи с активным продвижением НАТО на восток и попыткой вступления в блок стран бывшего СССР. Россия выдала странам Прибалтики гарантии невмешательства и защиты и суверенитета (ноябрь 1997 г.). Время покажет — смогут ли лидеры Латвии, Литвы, Эстонии по достоинству оценить его.

6.7. Россия и НАТО

Выше кратко сказано о том, что существенные изменения в отношениях между Россией и странами Европы и Америкой могут возникнуть в связи с настойчивым расширением НАТО, превращением его в «Большое НАТО». Расширяющееся на восток геополитическое поле блока является пока наиболее видимой вершиной айсберга новой стратегической доктрины организации мирового порядка. Под водой спрятаны сценарии вызовов и угроз, ожидаемых в начале XXI в.

(приблизительно до 2015 г.). В этой стратегии будущий расширенный альянс является «многоблочной» вершиной монополюсного миропорядка (США — супердержава, не имеющая реальных конкурентов-соперников ни в Европе, ни в азиатско-тихоокеанском регионе). Но такое лидерство накладывает на Вашингтон непомерное даже для американской экономики бремя расходов, особенно военных. Это понимают политики с берегов Потомака, поэтому они остановились на «кассетном», или командно-натовском варианте конструкций «полюса власти», где НАТО будет нести основные нагрузки по установлению нового мирового порядка.

Места для России в альянсе не может быть никогда, так как ее включение в блок привело бы к выключению из него США. Причин этого много. Геополитические интересы стран Западной Европы и Востока ближе, чем интересы Европы и США. Струны Европы в энергетическом отношении привязаны к России, финансово-экономически Европа теснее связана с РФ, чем Штаты, в разрешении глобальных экологических проблем и подходах к ним.

Россия не вступит в НАТО еще и по причине политической нестабильности в стране. В России зреют предпосылки для победы на очередных президентских выборах, а также выборах и Думу лидеров леворадикальной или праворадикальной оппозиций, которые наверняка предпочтут плановую или вообще тотальную экономику, без чего стране невозможно решить задачи национального и государственного возрождения. Тенденции к возрождению управления экономикой, духа коллективизма, ограничения бесконтрольной приватизации, возрождения этических принципов коллективизма и соборности впервые были четко обозначены в обращении Президента РФ к россиянам 26 декабря 1997 г. Тотальная экономика окажется совершенно «инородным» телом в структуре европейского блока НАТО.

В то же время лидеры стран — ядра альянса — понимают, что они принуждают Россию к экстремальным политическим, экономическим и военным решениям, результатом которых может быть возникновение новой «холодной войны». Россия, обладая мощным ракетно-ядерным вооружением, хотя и больной, по потенциально сильной экономикой, может ответить адекватно действиям НАТО: без дополнительной гонки вооружений в рамках договоренностей по нему она может пойти на создание Евразийского оборонительного союза. Такого ответа не хочется ни Европе, ни США. Не хочется хотя бы потому, что ответственность за развязывание «холодной войны-2» ляжет на Вашингтон и страны Европы. Кроме того, во всех странах альянса сформированы программы «вторжения» в XXI в. Приоритетными целями в них являются развитие образования, науки, здравоохранения, защита окружающей среды. Общественное мнение в странах — членах НАТО ориентировано в большей степени на эти ценности. Установки в общественном сознании на глобализацию и интернационализацию жизни, свободный обмен информацией, услугами, товарами и туризм (понимание концепции мондиализма на уровне обыденного сознания) — все это стало реальностью в большинстве стран Западной Европы. Повернуть колесо истории, задать новый курс в политике (внутренней и внешней) — дело не простое. Никто из лидеров Запада, желающих остаться ими и в XXI в., не возьмет на себя роль Герострата Европы. Наконец, там хорошо понимают, что за плечами западной цивилизации им в затылок дышит Китай, а вместе со стаей «азиатских тигров» — это могучий АТР (о нем подробно см. в гл. 9). Поэтому далеко видящие политики понимают, что «разборка» между НАТО и Россией может привести к тому, что в первой четверти XXI в. будет реально потерян контроль за ситуацией в мире.

Все это понимают политики России и НАТО. Но хватит ли у России политической воли, используя объективные условия, потребовать у лидеров блока надлежащей компенсации за расширение на восток?

Минимальной компенсацией России за продвижение НАТО ее границам были бы:

- реструктуризация российского внешнего долга с отсрочкой платежей по нему как минимум до 2025 г.;
- признание за рублем внешней конвертируемости;
- разрешение ведущим банкам России (по ее усмотрению) без ограничений открывать свои филиалы в США и странах Европы;

- отмена поправки Джексона-Вэника, принятой еще в середине 70-х годов, не дающей России права наибольшего благоприятствования. Отсюда — снятие дискриминационных ограничений на поставки в Россию высокотехнологичного оборудования, машин, вычислительной техники;
- расширение экспорта из России продукции машиностроения, изделий химической промышленности, а не сырья и энергоносителей;
- финансирование проекта по созданию к 2000 г. транспортного железнодорожного контейнерного коридора ЕС—Россия—АТР с выделением квоты для России не менее 2 млн. большегрузных контейнеров в год к 2015 г.;
- обеспечение инвестиций развития не менее 7 млрд. долл. ежегодно к 2000 г. и 10—12 млрд. долл. — к 2005 г. под льготный процент;
- увеличение квоты России в МВФ до 4,5—5%.

В экономический пакет могут войти и другие требования. Политический пакет требований должен прежде всего включать «формат» конституирования и закрепления юридической силы норм соглашений между Россией и НАТО. Это должна быть международная конференция по установлению мер доверия и взаимоотношений между НАТО, Россией и другими странами СНГ на уровне глав государств. Это не менее важное событие, чем конференция в Хельсинки в 1975 г., т. е. оно должно стать Хельсинки-2.

Иначе «вторая волна» расширения НАТО (прием в нее Латвии, Литвы и Эстонии) может иметь трагические последствия для всех стран Европы. Как считает эксперт:

Если российское руководство проявит хоть немного политической воли и улучшит координацию своих действий, торпедировать решение о расширении в 1999 г. (НАТО на восток) в принципе возможно. Оцениваю его шансы в этом случае как более чем пятидесятипроцентные²⁸.

Безусловно, прав эксперт, когда пишет о том, что торговаться с НАТО надо осторожно и тонко, чтобы не преступить грань, за которой дипломатическая торговля перейдет в конфронтацию. Необходимы долгосрочная программа, стратегия по отношению к альянсу. Противовесом ему должна стать «многовариантная стратегия развития широкого евроатлантического региона, в центре которой должно быть взаимодействие в сферах геополитики, экономики, коммуникаций, энергетики, антитерроризма, защиты прав человека, а не просто создание новой системы безопасности». Последнее, что предлагается:

не надо работать против... Вашингтона, Бонна, тем более — Варшавы. Надо работать вместе с ними над поиском компромиссов..., чтобы ошибка (совершенная Западом — Н.Н.) лет через 5—10 не привела к трагедии для всей Европы... Нужно начинать строить новый порядок для XXI века, а не позорно заканчивать XX-й победой одной группы стареющих бойцов холодной войны над другой и над Европой в целом 29.

6.8. Российско-китайские отношения на пороге нового тысячелетия

Огромная часть российской границы от Казахстана до Японского моря разделяет и соединяет нас с самой могущественной в геополитическом и военном отношении страной Азиатско-тихоокеанского региона (АТР) — Китаем. Бурное развитие этого региона требует от России осознания своих геополитических интересов. К сожалению, после развала СССР политика Москвы не обрела в АТР стратегической целеустремленности, и тактической четкости и гибкости. По-прежнему в политике преобладают евроцентризм и ориентация на решение сиюминутных азиатских проблем, хотя после визита Президента России в конце 1997 г. в Китай наметился сдвиг; он заключается в более тесном экономическом, стратегическом сотрудничестве с гигантом АТР. Эти шаги правительства РФ позволяют надеяться на исторический поворот в геополитике России. С геополитической, поенной, экономической точек зрения самой уязвимой частью РФ является граница с Китаем. Огромная российская территория — это запустение, заброшенность гигантских регионов Сибири и Дальнего Востока, богатых практически всеми видами сырья и энергоресурсов, огромными массивами тайги, полей, лугов и т. д. На Сибирь и Дальний Восток приходится половина мировых запасов угля и почти одна треть мировых запасов нефти и газа³⁰. Всего же на территории от Урала до Дальнего Востока залегают почти 80% всех разведанных запасов угля, 7,1 млрд. т железных руд, 98,5 млн. т марганцевых руд, а запасы древесины (в том числе наиболее ценных хвойных пород) превышают млрд. куб. м. Численность же населения от Байкала до Владивостока — всего около двух десятков миллионов, тогда как в Китае — более 1,2 млрд. человек³¹. Заселенность региона — очаговая при рыхлой инфраструктуре. Кроме того, большинство территорий от Казахстана до Владивостока — зона рискованного земледелия, а в конце XX в. — это очаги экономического и экологического бедствия. В силу названных и других причин, предопределяющих развитие этого региона, следует особо подчеркнуть, что развитие этих громадных богатейших территорий нельзя доверять только рынку. Государство *обязано санировать* развитие его производительных сил. Без решения данной проблемы Россия не сможет конкурировать с другими мировыми державами. Для этого необходима хорошо продуманная научная стратегия развития региона, поддержанная выверенной внешней политикой. Такая строго научная программа позволит России вовремя включиться в процесс геополитической и геоэкономической революции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай подает нам пример. Он реально претендует на роль супердержавы, мирового лидера первой половины XXI в. Геополитика Китая носит на себе отпечаток моря и континента. Во внешней политике он никогда не был последовательным сторонником талассократии, а больше ориентировался на континентальные теллуροкратические принципы, потому и называется он с давних времен «Срединной империей». Но с начала XIX в., с тех пор как страна попала под влияние колониальных держав, до октября 1949 г. (Провозглашение КНР) геополитика Китая характеризовалась как проатлантическая. С 1949 по 1959 гг. — ориентация на просоветскую внешнюю политику. С 1960 по 1979 гг. его внешняя политика во многом носила конфронтационный для СССР характер. Вершиной этой конфронтации были бои за остров Даманский в конце зимы 1969 г. В середине 70-х годов XX в. Китай активно вел переговоры с представителями мондиалистской «трехсторонней комиссии», т. е. снова выступал как сторонник атлантической геополитики. В конце XX в. контакты КНР с Западом стали значительно прочнее и обширнее, чем с Россией, по отношению к которой проводился «зондаж» настроений правительственных кругов РФ по «спорным территориям», т. е. по сути предъявлялись России территориальные претензии. Наш южный сосед — замкнутая расово-культурная общность, не имеющая в этом отношении общих черт с евразийскими народами. Это и иная философия, имеющая свою тысячелетнюю историю. Все это вместе взятое, плюс динамичное развитие с 1979 г. делают Китай потенциальным геополитическим противником России на юге и на востоке³².

Итак, с одной стороны границы — динамично развивающийся Китай, добывающийся с 1979 г. самых высоких результатов в мире в экономической сфере, располагающий самым значительным людским потенциалом — более 1 млрд. 200 млн. человек, с другой стороны — слаборазвитая и нестабилизированная экономика при отличной ресурсной базе, растянутости коммуникаций (железных и автодорог, неразвитости авиационной связи и т. д.), примитивная разрушающаяся инфраструктура, стихийное развитие рыночных отношений («дикий капитализм») — вот реальность этого огромного геополитического пространства. К этому добавляется несовершенное военно-техническое обустройство границы, значительное ослабление мощи российской армии и военно-морского флота. Таким образом, Восточный регион — самое слабое звено в геополитической и

геоэкономической структуре России, что прямо угрожает ее национальной безопасности. Значит, связывание этих пространств в единую геополитическую, геоэкономическую структуру должно определять стратегию правительства РФ до середины XXI в. В сравнении с этой проблемой бледнеют другие геополитические вопросы, решаемые Россией.

Трудности, которые необходимо преодолеть правительству России, состоят в том, что на 62% ее территории проживает всего 9% трудоспособного населения страны. Эти 9% производят до 50% продукции большинства стратегических отраслей³³.

Сложность современной ситуации в Сибири и на Дальнем Востоке России во многом обусловлена отсутствием глубоко проработанной научной стратегии развития региона. Чтобы подготовить такую программу, надо предварительно выработать концепцию участия РФ как евразийской державы в жизни АТР, а вместе с тем выбираться из экономического кризиса, охватившего страну с 1992 г. Все это надо делать параллельно, выбираться из кризиса, преследуя дальние цели, готовясь к восхождению на стратегически важные экономические и геополитические вершины.

При подготовке подобной стратегической программы, рассчитанной на десятилетия, на первое место выдвигается цель стратегии развития. По нашему мнению, этой целью должно стать развитие экономического и военного потенциала России с учетом огромной ее роли в жизни АТР в начале XXI в. В отношении Китая должна продолжаться политика, направленная на развитие максимально дружественных и тесных отношений, на присутствие России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но если не удастся коренным образом переломить создавшуюся в РФ социально-экономическую ситуацию в 90-х годах, то страна войдет в АТР только в качестве второстепенной региональной державы или сырьевой колонии Японии, Китая и других стран АТР. Стать доминирующей страной этого региона (а Россия формально принята в АТР в 1997 г.) РФ сможет только в том случае, если сформирует процветающую экономику. Главное звено в стратегии развития России — социально-экономическое и экологически продуманное освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока. Эти идеи в свое время были в общих чертах скорее на эмоциональном, чем рациональном уровне, сформулированы А. Солженицыным³⁴.

Подъем производительных сил Сибири и Дальнего Востока — дело всего общества. Подобную цель ставил ЦК КПСС в 1967 г. Это была комплексная социально-экономическая программа подъема производительных сил на базе улучшения социальных, экономических характеристик, совершенствования образа жизни жителей этого региона, создания им льготных условий в процессе освоения огромных просторов Забайкалья, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Сейчас нужна аналогичная государственная программа освоения дальневосточных регионов России. Но эта программа не должна наносить ущерб ни одному другому региону РФ. Пока же в России нет продуманной региональной политики. Есть кое-какие фрагменты возможной программы, где чаще всего вращается несколько броских категорий: «геополитический узел», «самоорганизующийся форпост России», «базовая территориально-производственная структура» и т.д., но нет ни одной конструктивной мысли, нет механизмов реализации даже этих идей-пустоцветов. Например, есть предложение выхода Дальнего Востока на мировой рынок через страны АТР, а не самостоятельно³⁵. Опять ориентация на превращение Сибири и Дальнего Востока в сырьевую колонию?

Существуют и другие подходы к решению проблем Сибири и Дальнего Востока. Например, создана Ассоциация по сотрудничеству между республикой Корея, Дальним Востоком и Сибирью.

Двенадцать российских регионов провозгласили решимость ориентировать свою экономику на интеграцию в АТР. Серьезные ученые видят два варианта развития. Однако грозящей перспективы не видит Центр. В недалеком прошлом регионы часто страдали от чрезмерной централизации и бюрократизации федеральных властей. Но сейчас государство в определении внешней экономической политики регионов на практике вообще не принимает участия, в то время как наши соседи имеют не только государственную, но и межгосударственную систему согласования своих интересов. Например, китайцы уже в 1996 г. определили, что к концу XX в. им потребуется импортировать 55 млн. т нефти, а к 2010 г. — 90 млн. т. Китай с 1996 г. стал зондировать возможности получения сырья с постсоветских территорий: Казахстана, России, координируя свои усилия с Японией, Монголией, Гонконгом (сейчас территория КНР).

Под контроль государства (планирование развития региона, его связей с другими регионами РФ, с северо-западным Китаем, Монголией и т. д.) должна перейти и деятельность огромной Западно-Сибирской зоны: от севера Тюменской области до республики Алтай. Здесь создан огромный индустриальный и агропромышленный комплекс с природными и людскими ресурсами, относительно развитыми транспортными связями, научно-промышленным потенциалом.

Для России координация внешнеэкономической деятельности этих двух мощных регионов Сибири и Дальнего Востока важна в силу ряда объективных условий: она способна существенно стимулировать экономический подъем в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, обеспечивая экономическую основу для обустройства обширных российских территорий (успех могут принести только совместные усилия федеральных властей и регионов); необходимо учитывать, что внешнеторговый оборот России и КНР начиная с 1993 г. ежегодно падал. Его подъем начался с 1998 г. после заключения в декабре 1997 г. крупной сделки по строительству Россией в Китае АЭС на легкой воде.

Долгосрочное сотрудничество в таком направлении несет для РФ большие экономические выгоды и дает большие стратегические геополитические преимущества, ставя партнеров в определенную технико-эксплуатационную зависимость. Создавая два мощных региональных экономических комплекса (Западная Сибирь и Восточно-Сибирско-Приморский), федеральные власти не должны допустить разрыва в экономическом развитии этого огромного геополитического пространства, что будет способствовать решению внешнеполитических проблем. Кроме того, государству надо в короткий срок позитивно решить проблему кредитной поддержки поставщиков на внешний рынок машин, оборудования, услуг по капитальному строительству и др. По нашему мнению, эффективность контактов со странами АТР возросла бы многократно, если бы государство не просто выделяло льготные кредиты поставщикам, но взяло бы на себя функции координатора их усилий, если не объявило монополию на внешнюю торговлю. Несогласованность действий экспортеров на западных и восточных рынках ведет к утрате торговой выгоды, так как поставщики часто конкурируют друг с другом, сбивая цены на товар и услуги, чем снижают эффективность внешней торговли, ее масштабы. Кустарщина во внешнеторговых операциях оборачивается убытками для России.

Правительству РФ надо в самые короткие сроки подготовить программу стратегического развития политических, экономических, культурных отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и прежде всего с Китаем. Внутренняя и внешняя политика России должна быть выстроена в единую логическую непротиворечивую систему с четко сбалансированными взаимосвязями и обозначенными целями. Эта программа должна предусмотреть совместные действия двух великих государств-соседей в создании баланса противодействия геополитическим устремлениям супердержавы США, желающей построить новый порядок в монополюсном варианте.

Существует много вариантов проектов строительства отношений между Россией и Китаем. Один из них — налаживание активных связей с Монголией. Монголия объективно является стратегическим союзником России. Важно не допустить в ней усиления прокитайских позиций и поддерживать связи внешней Монголии с населением внутренней Монголии и, в частности, с Синьцзянем и Тибетом, с перспективой создания Монголо-Тибетской Федерации. В нее потенциально могли бы войти такие республики России, как Бурятия, Хакасия, Тува, Алтай. Желательно создание не подконтрольного Китаю самостоятельного государства в Маньчжурии. В этом регионе возможно объединение усилий России и Японии, которая в 30-х годах уходящего века воссоздавала Маньчжурское государство со столицей в Харбине. Таким образом, считает А. Дугин, Тибет — Синьцзян — Монголия — Маньчжурия составляют вместе пояс безопасности России³⁶.

Заместитель министра иностранных дел РФ Г. Карасий видит российско-китайские отношения как равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI в., они

... характеризуются как долговременные международные связи нового типа, не направленные против третьих стран и полностью отвечающие коренным интересам наших народов, способствующие миру и безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире³⁷.

- 1) Дугин А. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997. — С. 149—150.
- 2) Полис. - 1996. №6.
- 3) См.: Дугин А, Указ. соч. — С. 183—184.
- 4) Бжезинский З. Геостратегия для Евразии// Независимая газета. — 24. X.1997.
- 5) См.: Дугин А. Указ. соч. - С. 183-184.
- 6) Там же, с. 184.
- 7) Ильин И. О грядущей России. — М.: Воениздат. — 1993. — С. 116.
- 8) Там же, с. 116-117.
- 9) Там же, с. 117.
- 10) Россию приговорили. // Правда России. — IV!. 1997.
- 11) Зачем России собственное правительство?// Независимая газета. — 18. XII. 1997.

- 12) См.: *Россию приговорили*// Правда России. — 3. VI. 1997.
- 13) *Вашингтон идет ва-банк*// Независимое военное обозрение. — 1997. — №35.
- 14) *Уна-Унсо в России*// Независимая газета — 27.IX. 1997.
- 15) *Полис*. 1997. - №3. - С. 184.
- 16) *Советская Россия*. - 1997. - №32 и № 116.
- 17) *Правда-5*. - 1997, № 17.
- 18) Казахстан не хотел бы входить в чьи-либо влияния// Независимая газета. — 18.IX. 1997.
- 19) *Россия могла бы ...* // Независимая газета. — 16.1. 1997.
- 20) Т а м ж е
- 21) *Бжезинский З.* Указ. соч.
- 22) *Бягие* пожелания и реальное дело // Независимое военное обозрение. — 1997. - №47.
- 23) *Бжезинский З.* Преждевременное партнерство// Полис. — 1994. — №1. — С. 61.
- 24) Там же , с. 60—61.
- 25) *Агранат Г.Л., Котляков В.М.* Север — зеркало мировых и российских проблем // США - ЭТМ. - 1996. - № 12. - С. 16.
- 26) *Сегодня*. - 22. XII. 1996.
- 27) *Международная экономика и международные отношения*. — 1997. — №7. — С. 33
- 28) *Спешить России пока не следует*// Независимая газета. — 27. II. 1997.
- 29) Т а м ж е.
- 30) См.: *Русская Азия*. — 1995. - № 17.
- 31) См.: *Деловая Сибирь*. - 1995. - №6.
- 32) См.: *Дугин А.* Указ. соч. С. 360. ^*Деловая Сибирь*. - 1995. № 15.
- 33) *Солженицын А.* Как обустроить Россию// Комсомольская правда. (Спецвыпуск), 1990. — Июль.
- 34) *Дальний Восток: программа развития*// Российская газета. — 17. XIII. 1995.
- 35) *Дугин А.* Указ. соч. С. 363.³⁷ *Россия и Китай на пороге тысячелетия*// Международная жизнь. — 1997. — №6

Глава 7

Геополитические процессы в Западной и Восточной Европе и в Прибалтике

Геополитическая карта Европы как минимум состоит из трех крупных образований (ареалов). Первое из них — континентальный Запад, ядром которого можно назвать прежде всего Францию, Испанию, Португалию. К островному Западу чаще всего относят Англию и США. Второе образование (ареал) — Средняя Европа. Сюда входят Австрия, Венгрия, Германия, Италия. Третье образование — Европейская Россия. Обозначенные геополитические образования создают на континенте зоны напряженности: постоянно возникают противоречия между континентальным Западом и островным; Средняя Европа часто противостоит Европейскому Западу и Восточному, в какой-то мере включая и Россию.

7.1. Тернистый путь Европы

Исторически Англия (как и США) придерживалась в геополитических отношениях талассократического подхода к построению политических, экополитических и других отношений со странами Западной и Восточной Европы, с Евразией и Юго-Восточной Азией. Талассократия, или морское могущество, как уже сказано выше, — тип цивилизации, связанный с мореплаванием, торговлей, предопределяющими быстрое техническое развитие. Этот тип обуславливает, как считают идеологи талассократии, дух индивидуального предпринимательства, наживы и накопительства, (подробнее смотри гл. 2). Морская цивилизация, по мнению А. Мэхена, — это торговая цивилизация, требующая смелости и риска, воспитывающая энергичных людей. И надо признать, что такой тип людей был во многом характерен для Англии. Они сделали ее «владычицей морей», над ее колониями почти до середины XX в. не заходило солнце. До конца XIX в. Англия была «мастерской мира», а в Сити проводились самые крупные коммерческие сделки.

Но Первая мировая война внесла серьезнейшие коррективы в мировой расклад геополитических сил. Затем эти коррективы углубили Великая Октябрьская социалистическая революция и появление на карте мира сперва РСФСР, а затем и СССР. СССР и Североамериканские Штаты в течение полувека превратились в две сверхдержавы. В геополитическом плане с 50-х до 90-х годов Западная Европа, включая Великобританию, объективно играла роль буферной зоны. Из метрополии эти государства превратились в государства-сателлиты. Безусловно, такая роль не подходила сильным политикам типа бывшего Президента Франции, ее национального героя, генерала Шарля де Голля. Ему принадлежит идея выйти из-под контроля СТА, создав ось Париж — Бонн. Эту попытку можно рассматривать как зародыш современной Европы, пытающейся путем глубокой интеграции создать сильную Европу, способную противостоять заокеанскому могучему покровителю. Внутри западноевропейского сообщества идут невидимые поверхностному взгляду перемены в отношениях США и Европы. На поверхности это выглядит как традиционное противостояние Парижа и Вашингтона. Оно касается в первую очередь условий «европеизации» НАТО, повышения в нем роли европейцев, а также реформы блока.

Свое место на капитанском мостике альянса, тесня других, пытается занять мощная объединенная Германия. Поэтому идеи атлантизма переживают определенную трансформацию. Расширяются многосторонние формы сотрудничества блока (создан Совет Североатлантического сотрудничества, запущена программа «Партнерство ради мира», сформированы многонациональные силы, которые вели войны в Персидском заливе, в Югославии и др.), но идет усиление двусторонних связей: между европейскими державами (ФРГ — Франция), между малыми странами Северной Европы, между странами Балтийского региона. Усиливаются интеграционные отношения (связи) в сфере политики, экономики, финансов. Конец XX в. ознаменовался созданием единой европейской валюты «евро» и отказом от таможенного контроля.

Маастрихтский договор 1992 г. был первым крупным шагом в тесной экономической и политической интеграции большинства стран Западной Европы. Следующая встреча глав правительств в Амстердаме в 1997 г. способствовала превращению Западной и Средней Европы в конфедеративное государство с единой валютой «евро» к 1999 г. Однако ликвидация национальных валют и переход к единой денежной единице требуют жесткой финансово-бюджетной дисциплины, в частности, сокращения бюджетного дефицита до 3% валового национального продукта.

Правительства стран Евросоюза хотели достичь этого, урезав бюджетные расходы на социальные нужды: на пенсии, пособия по безработице, здравоохранение, образование и т. п. Но сделать этого не удалось. По призыву профсоюзов по всем странам ЕС прокатилась мощная волна протестов трудящихся и студентов. В результате значительно полевели парламенты Франции, Англии, Германии. Все это осложнило процесс создания конфедерации в Европе.

В Амстердаме было принято принципиальное решение о приглашении в состав Евросоюза десяти стран Центральной и Восточной Европы, бывших членов СЭВ и даже некоторых республик бывшего Советского Союза: Польши, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Румынии, Албании, Эстонии, Латвии и Литвы. Таким образом, Евросоюз будет к XXI в. значительно расширен. В перспективе это может иметь негативные последствия для России, так как рынок этих стран будет отгорожен от нее еще более мощным таможенным барьером, чем в конце XX в. Из года в год члены ЕС расширяют дискриминацию российских товаров путем повышения пошлин.

К концу XX в. в НАТО четко обозначились две группы: с одной стороны, США — Канада и часто примыкающая к ним Великобритания, а с другой — большие страны Западной Европы. Процесс разделения носит объективный исторический характер. После Второй мировой войны разрушенной

Европе США, нажившиеся на торговле оружием, боеприпасами, продовольствием и т. п., смогли продиктовать свои условия, в частности, по плану Маршалла, и попытались превратить этот центр одной из древнейших мировых цивилизаций в «ничейную землю», колониальную зону. Но данный регион для этой роли оказался совершенно непригодным. Чувство национальной гордости французов, немцев было глубоко уязвлено. Первыми о желании выйти из-под контроля заокеанского партнера (или патрона) объявили французы (в середине 60-х годов Президент Франции генерал де Голль решил выйти из НАТО и заявил об обороне по всем азимутам). Немцы в 60-х годах были не столь строптивы, но подобные мысли были и у них.

В 70-х годах капиталистический мир переродился в устойчивую систему трех сил: 1-я — США, 2-я — Западная Европа, 3-я — Япония. С начала 70-х годов история проходит под знаком относительного ослабления американского влияния и укрепления экономической и геополитической мощи двух других центров. От американской гегемонии в важнейших сферах жизни сохранились военная и политическая. Поэтому в борьбе с американцами и надо искать причину, корни европейской интеграции. Она предусматривает достижение многих целей: создание (единой европейской валюты к концу XX в., объединение сил Западной Европы — это решение финансово-экономических задач к началу нового тысячелетия, достижение политических целей в первом десятилетии нового тысячелетия и успеха в возможной вооруженной борьбе за сырье (в первую очередь энергоносители), рынки сбыта и приложения капиталов. Разрушение СССР сняло с повестки дня вопрос об интенсивной интеграции Европы (как уже сказано выше, даже мощная экономика ФРГ с трудом «переваривает» огромный кусок восточных земель), но в перспективе этот вопрос вновь встанет перед лидерами стран Западной Европы.

7.2. Германия и Россия

Геополитически Германия напоминает СССР, а сейчас — Россию. Она находится в центре европейского континента, как нынешняя РФ в центре Евразии. С западной стороны их окружают сравнительно небольшие государства, а с восточной — мощные континентальные страны. Рельеф местности — равнина с небольшими возвышенностями, реки текут в основном меридионально, в северном направлении, северные границы проходят по морям, побережье низинное с немногочисленными крупными портами. Это подобие определяет сходство или даже тождество процессов в различных сферах общественной жизни, происходящих в обеих странах. В конце XX в. Германия и Россия мучительно ищут свои надлежащие места в Европе и Евразии, пытаются сбросить сковывающие их оболочки, во многом искусственно навязанные им.

Объединенная Германия не вписывается в тесные рамки, отведенные ей США, ее экономическая мощь раздвигает эти рамки. В 80-е — 90-е годы динамично рос ее валовой национальный продукт, превосходя по темпам показатели Франции почти в 2, Великобритании — в 2,5, а США — в 4,5 раза; На ФРГ к концу XX в. приходится около 13% мирового экспорта (Японию — 11%, США — 10%), баланс текущих платежей на рубеже веков дает ФРГ ежегодное активное сальдо в отличие от Великобритании и США. Нынешняя Германия неприемлема для двух последних государств. Вот почему в свое время бывший премьер-министр Англии М. Тэтчер предостерегала бывшего генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от опрометчивого решения вывести войска из ФРГ. Новая, переструктурированная Европа, находящаяся в тени, отбрасываемой объединенной Германией, не устраивает и ориентированные на США малые государства: Данию, Норвегию, Португалию.

Перераспределение геополитических сил, капиталов по сути только началось. Но ясно видна тенденция движения германского капитала на Восток: в Россию, Австрию, Чехию, Венгрию, Украину, Польшу, Прибалтику, Балканы и т. п. Только одна Россия должна Германии более \$60 млрд. Поэтому можно утверждать, что никто и ничто не сможет остановить процесс формирования средневропейского экономического пространства (Mitteleuropa) под немецким контролем. Все это заставляет американцев подчеркивать, что обстановка в Европе и мире потенциально более взрывоопасна, чем накануне Второй мировой войны.

Франко-германское военное сотрудничество таит в себе риск отделения американской мощи от Европы... если Германия перенесет весь свой вес на Восток, то Европейское сообщество будет сведено к роли младшего партнера. Германия... может стать нашей главной головной болью в Европе!¹

Таким образом, американцы не видят себя победителем в Центральной Европе, поэтому прилагают все силы на блокирование ФРГ с востока и юго-востока. В качестве такого санитарного Кордона вокруг Германии, по мысли лидеров США, должны выступать Польша, где очень сильны антинемецкие настроения, Россия, Турция, Израиль, Египет, а также нынешняя Сербия, где национальная «аллергия» на немецкое присутствие.

Конечно, объединенная Германия сможет успешно решить геополитические и внешнеэкономические проблемы только в том случае, если справится с внутренними экономическими и политическими задачами. Это прежде всего проблема восточных земель, где простаивает большая часть промышленных предприятий, безработица в отдельных секторах экономики составляет до 50% самодеятельного населения, а 40% избирателей всегда готовы проголосовать за социалистов. Ставит под вопрос решение обозначенных геополитических задач и сложная демографическая обстановка в стране. Если в 1985 г. в ФРГ дети (возраст до 15 лет) составляли 16% населения, а трудоспособные (16—64 года) — 69%, то прогноз на 2025 г. — 11 и 65% соответственно, на 2035 г. — 9,7 и 60,3%².

Другая важная проблема объединенной Германии — сырьевая зависимость. К концу XX в. потребление первичной энергии в пересчете на каменный уголь составит 400 — 418 млрд. т. При этом доля нефти в энергетическом балансе составит около 43%. а почти 85% нефти Германия вынуждена импортировать, Импорт газа в три раза превышает его добычу в стране. Справиться с сырьевой проблемой Германии может помочь только Россия. Сотрудничество крупнейшей газовой компании ФРГ «Рургаз» с российской газовой промышленностью началось в 1970 г. К 1991 г. через «Рургаз» в Западную Германию поставлено около 400 млрд. м³ газа. России эти поставки приносят огромные «живые» деньги, в то время как внутри страны «живые» деньги едва превышают 3%³. Благодаря сотрудничеству с «Рургазом» Россия в ближайшие годы выйдет на рынки Испании, Португалии, а в перспективе — и Великобритании, т. е. будет создана

общеевропейская газовая система. До 2008 г «Пургазу» будет поставлено около 200 млрд. м³ газа. А это, исходя из сегодняшних цен на энергоноситель, равно приблизительно 60 млрд. немецких марок⁴.

Конечно, экономические связи с Германией носят архаичный для России характер, которая поставляет в основном сырье и полуфабрикаты. Всего около 10% составляют поставки готовой продукции. И было бы естественно, чтобы Россия в XXI в. энергичнее стремилась к увеличению поставок именно готовой продукции и продовольствия. Объективные основания для этого есть. Начиная с XVII в. Германия во многом решала свои геостратегические проблемы с помощью России. Петр I помог Австрии в ее борьбе с турками, а Германии — с беспределом шведов на немецкой земле. Все войны конца XVIII в. велись Россией в союзе с Германией и Австрией. Единственным исключением была Семилетняя война (1756—1763 гг.), когда русские войска взяли Кенигсберг и стояли у стен Берлина. Только неожиданная смерть Елизаветы Петровны спасла Фридриха Великого от позора безоговорочной капитуляции. Тесные связи между Россией и Германией, а также Пруссией были и в начале XIX в. Карл Клаузевиц (известный военный теоретик) в чине полковника русской армии участвовал в Отечественной войне 1812 г. Духовные контакты с Россией поддерживали немецкие мыслители Франц Баядер, Ф.В. Шеллинг, Рихард Вагнер, Фридрих Ницше, писатели Рильке, Гессе. Они работали над синтезом русской и немецкой (арийских) культур.⁵

Объединение Германии при Бисмарке проходило при прочной военно-политической поддержке России. Канцлер О. Бисмарк сказал: «На востоке врага нет». В 1904 — 1905 гг. Германия поддерживала Россию, когда та вела войну с Японией и помогающими ей США, Англией и Францией. Франция вела активную работу по развалу русско-германского союза. В 1906 г. Ротшильд главным условием займа России поставил разрыв Бьеркского русско-германского соглашения. Таким образом, XX в. начался с обострения отношений между Россией и Германией, которое привело к двум кровопролитнейшим войнам и огромным геополитическим потрясениям. (Но нельзя не вспомнить, что восстановление мощи Германии после Первой мировой войны в конце 20 — начале 30-х годов проводилось при активной помощи СССР). Обе мировые войны начались именно в те моменты, когда значительно опережали англосаксонцев и французов в своем развитии. Поощряемый Англией, США и Францией Гитлер заявил:

Мы кладем конец вечному стремлению германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор на земли на Востоке... Кажется, сама судьба указывает нам путь в этом направлении⁶.

И в конце XX в. любая война Запада против России без участия Германии невозможна. Но каждая война между нашими срединными государствами приносила огромнейшие потери обеим странам. Поэтому значительно выгоднее для них союз континентальных государств против океанских, против атлантистов.

Безусловно, осуществить это не просто. В первую очередь не просто переформировать сложившееся сознание у русского и немецкого народов: преодолеть чувство взаимной вражды — слишком много жертв было принесено на алтарь Марса в первой половине XX в. Около 30 млн. человеческих жизней только в одном СССР отдано за новую геополитическую структуру в Европе. В результате Второй мировой войны русский этнос вошел в фазу надлома. «Пассионарии» (термин Л. Н. Гумилева), или цвет нации, сложили свои головы за освобождение Европы от фашистской чумы. Современный кризис российской государственности и общества во многом — результат гибели лучшего генофонда СССР. Немецкий этнос тоже находится в фазе надлома. Об этом громче всего говорит демографический застой и даже регресс. Безусловно, дальше невозможно углублять этот надлом. Для восстановления генофонда двух стран потребуются сотни лет. Главное условие этого восстановления — отказ от войн.

Для Германии этот путь гораздо труднее, чем для России. В Германии нередко звучат идеи, что русский народ — не что иное, как предназначенный для него исторический «навоз».⁷ Завышенность самооценок пока не покидает немецкое самосознание. Например, высказывают мысль, что они могут бороться со всем миром и победить, что в интеллектуальном плане они превосходят другие народы. Эти идеи были не чужды и крупным немецким философам, геополитикам — Гегелю, Марксу, Энгельсу. А на уровне обыденного сознания, в быту они и сейчас часто звучат. Другой фактор, мешающий установить равноправный союз между Россией и Германией, — слабость России и сопредельных с ФРГ государств. Польша, Украина, Чехия, Словакия, страны Прибалтики, Югославия, Венгрия, Румыния, Болгария и т. д. — огромный регион, где Германия может установить экономический, политический и военный контроль. Стоит ли говорить, что такие

попытки встретят отпор не только населения этих стран, но прежде всего России. Однако третье столкновение между Россией и Германией может навсегда вычеркнуть оба государства, как и сопредельные, из мировой политики, ввергнуть в фазу вымирания.

Безусловно, пока РФ располагает значительным ракетно-ядерным потенциалом, большими Вооруженными силами, ФРГ не осмелится на прямые военные действия. Ее военная система существует в основном как сила поддержки войск США в Европе. Поэтому большие экономические возможности Германии блокируются слабостью ее военной силы. Понимая это, немцы ищут тесного союза с Францией и довольно активно подыгрывают США в ближневосточной и балканской политике. Геополитические интересы ФРГ имеют в этих субрегионах и свою давнюю историю. Так, например, серьезный немецкий политолог Карл Штремм полагает, что первопричиной нынешних конфликтных отношений между сербами, мусульманами и хорватами являются события 1941 г., когда вермахт вторгся на Балканы и в Хорватии было создано правительство экстремистов-националистов и в результате «в треугольнике»: католики, мусульмане и православные сербы — дело дошло до кровавых разборок. Штремм цитирует американского политолога С. Хантингтона, автора книги «Столкновение цивилизаций» и соглашается с ним, что с «незагримированной Боснией нам еще долго придется иметь дело»⁸.

Автор книги «Германия пробуждается», вышедшей с большим шумом в 1994 г., Ханс Рюдигер Миноу утверждает, что Первая и Вторая мировая войны порождены немецкой политикой государственной поддержки всяческих разновидностей сепаратизма в Европе, разделения континента на «удобоваримые» для Германии микространства. Эта практика, утверждает автор, является прочной и в конечном итоге, как убеждает исторический опыт, самоубийственной для самой Германии⁹. Однако немецкие государственные деятели, в частности, бывший глава МИД ФРГ Ханс Дитрих Геншер, настойчиво добивались раскола Югославии. Германия сознательно шла на гражданскую войну на Балканах во имя достижения своих геополитических целей. Особенно агрессивную позицию ФРГ заняла по отношению к православной Сербии. Чрезвычайно активно действуют немцы, вбивая клин между Сербией и Черногорией, поддерживают сепаратизм в Воеводине, активно помогают албанцам в Косово.

В течение всего XX в. Германия внимательно отслеживает сепаратистские конфликты и почти всегда явно или тайно сыпет соль на этнические раны Франции, Великобритании, Румынии, Словакии, Бельгии, Италии, Греции, Сербии, Черногории, Испании, Польши и, конечно, России. Немецкие законы о работе с соотечественниками, являющимися гражданами других стран, — единственные в мировом сообществе. Они определяют национальность исключительно по крови. По этому признаку они относят к немцам и ту большую группу людей, что поселилась на Волге в XVIII в. и совершенно обрусела. ФРГ официально поддерживает подобные группы немцев не только в России, но и на Украине, в Венгрии, Румынии, Польше. Разработана специальная программа по возвращению немцев в Судеты, в Калининградскую область, которую в немецких СМИ все чаще называют Кенигсбергской. Германия способствует переселению немцев в эту область не только из Поволжья, Сибири, но и из Казахстана. Это имеет двойную геополитическую цель. С одной стороны, сокращается удельный вес русских и русскоязычных в Казахстане, а с другой, — переселяя немцев из Казахстана в «Кенигсберг», ФРГ помогает исламистам в Казахстане усиливать их влияние. Открывая немецкие школы в Калининградской области, Германия преследует дальние геополитические цели: «Кенигсберг» должен стать в будущем крепостью, защищающей не только немецкие интересы, но и интересы «других бесправных европейских народов». И таких народов, по мнению политиков ФРГ (на 1997 г.), немало: на схеме, приведенной в книге «От войны до войны» даны 34 страны, которые становились объектами геополитических воцелений Германии.

Итак, русско-германские отношения, по мнению профессора Геттингенского университета Манфреда Хильдернайера — автора ряда книг о России, в конце XX в. остаются «некалькулируемые»¹⁰.

7.3. Поневоле друзья

Мощная в экономическом отношении Германия является в военном и политическом аспектах третьеразрядным государством. Хорошо понимая это, немцы постоянно ищут политическую и военную поддержку. Военную поддержку они видят в союзе с Францией, которая ведет достаточно независимую военную политику. У нее есть ракетно-ядерное оружие, в том числе стратегические баллистические ракеты, стратегическая авиация, космические системы, подводные атомные ракетноносцы, авианосные и крейсерские силы флота. Объединение вооруженных сил обеих стран дает хорошо сбалансированную систему; эти силы способны вести самостоятельные военные действия. Но все не так просто. Германия не имеет такой армии, как Франция, не потому, что не может, а потому что ей запрещено это делать по Потсдамскому соглашению. Во Франции все еще сильны опасения по усилению военной мощи восточного соседа. Отсюда и ее параллельные ориентации на США.

Фактически франко-германские силы по обобщенным показателям значительно уступают американско-английской военной группировке и реально они могут вести боевые действия лишь в западном Средиземноморье и в южной части Великобритании. Территория США почти недостижима для основной массы стратегических средств Франции. Удар ракетно-ядерных французских сил по Великобритании не заботит американцев — это проблемы англичан. Так что более или менее сопоставимый военный стратегический континент, соизмеримый с американским, Франция и ФРГ могут найти только в России. Но Россия сейчас экономически очень слаба. ФРГ вложила в «немогущую Россию» более \$60 млрд., а отдачи не видно. Системный крупномасштабный кризис поразил все сферы российского общества, а военно-промышленный комплекс поражен им даже больше, чем другие экономические отрасли.

В этих условиях, считает министр обороны Франции Ален Ришар, как русские, так и французы должны задуматься о своей военной политике и военной доктрине. По его мнению, наши страны хотели бы иметь новые отношения в области политики, обороны и безопасности. В Москве и Париже «утвержден на 1998—1999гг. новый план сотрудничества в области обороны, основанный на интенсификации политико-военных консультаций между основными ответственными лицами центральной администрации генеральных штабов и штабов армий двух стран»¹¹.

Во время встреч представителей генеральных штабов рассматривались такие вопросы, как управление кризисами, безопасность в Европе, реформы системы обороны, выработка военных доктрин и их ядерных составляющих и др. Усилилось сотрудничество между вооруженными силами двух стран. В этой области основная задача отведена совместным оперативным тренировочным действиям и обучению с помощью стажировок (офицеров). Налажено технологическое и промышленное сотрудничество на новейших научных и технических разработках, прежде всего в области космоса и аэронавтики.

Однако как Германия, так и Франция упорно отстаивают идею продвижения НАТО, уверяя, что совместный постоянный Совет Россия — НАТО «составляет основу сотрудничества между НАТО и Россией»¹³.

Попытка создать «большую европейскую тройку» в конце марта 1998 г. в подмосковной резиденции «Бор» носила скорее пропагандистский характер. Большинство западных политологов встречу президентов России и Франции, канцлера Германии рассматривают как своеобразный отвлекающий маневр. Заявления Б. Ельцина о том, что будто встреча «тройки» была призвана продемонстрировать ее отдаленность от США, стремление проводить независимую от Вашингтона политику — это попытка выдать желаемое за действительное. Париж и Бонн никогда не пойдут на то, чтобы в угоду Москве дистанцироваться от Вашингтона: слишком разные «весовые категории» у США и России. Г. Колу поездка в Москву прежде всего была нужна из внутривнутриполитических предвыборных соображений. Ж. Ширак, оценивая результаты встречи в Москве, акцентировал, что на ней обсуждались «прежде всего проблемы, касающиеся трудящихся, граждан наших стран». Ширак и Коль рассчитывают за счет расширения экспорта в Россию увеличить занятость в собственных странах и сократить довольно высокую безработицу (около 12%). Сделать это можно путем строительства транснационального транспортного коридора Лондон — Париж — Берлин — Варшава — Москва. Вели речь президенты и канцлер о создании команды спасателей на случай природных или техно-генных катастроф. Попытка представить дело таким образом, что после встречи трех лидеров Россия вошла в «большую Европу», что «большая Европа является гегемоном», что Европа с Россией «является самым большим организмом во всем мире» говорит о непонимании геополитической обстановки.

7.4. Россия — Италия

Отношения между Россией и Италией в конце XX в. характеризуются как дружеские. Между двумя странами нет серьезных политических, экономических и тем более территориальных проблем. В геополитическом плане Италия играет все более активную роль, особенно на Востоке. И Рим хотел бы

*сделать контакты с российской стороной более частыми и более регулярными, как мы, например, уже сделали в отношении Германии и Франции. Мы хотели бы развить прямой диалог именно потому, что сегодня наше присутствие в России сопоставимо с присутствием в других крупных странах, и нам хотелось бы его расширять*¹³.

Позиции России и Италии в сфере политической во многом совпадают, а в сфере торгово-экономической, технико-технологической — как показал исторический опыт, наши страны могут дополнять друг друга: строительство ВАЗа, нефтепродукто-газопроводов и др. Именно это и является отправным пунктом для установления еще более тесных отношений между двумя странами в XXI в. В их число вошел новый проект, соединяющий экономику и культуру — обучение в Италии российских менеджеров. В прошлом, как утверждают римские политики,

*мы делали особый акцент на экономических аспектах нашего сотрудничества, полагая, что пришло время и для систематического культурного обмена*¹⁴.

Безусловно, проблемы инвестиций в российскую экономику, подготовка менеджеров имеют немаловажное значение, но решающим моментом в отношениях Москвы и Рима, по нашему мнению, является важное в геополитическом плане местоположение Италии как центра самого крупного и сложного региона — Средиземноморья, Балкан. Это, как считает большинство ученых, родина цивилизации — Древний Египет, Вавилон, Греция, Римская империя, Арабский Халифат. Современная Италия выполняет здесь сейчас и экономические, и политические функции, являясь сильным геополитическим полем. Объективно она заинтересована в том, чтобы Россия нового тысячелетия возобновила постоянные контакты со странами Средиземноморья. Ей надо восстановить дорогу на юг, что прочно связывала бывший Советский Союз с Балканами и Ближним Востоком. Этой дорогой пользовалась и Италия. Для нее это «один из основных экономических путей, который был прерван долгие годы». Рим объективно заинтересован в том, чтобы Средиземноморье стало центром новой экономической активности и зоной мира. Отсюда вытекает необходимость решения двух основополагающих политических, геополитических проблем: достижение прочного мира на Ближнем Востоке и установление конструктивных отношений между христианским и исламским миром¹⁴. Поэтому Россия призвана стать главным действующим лицом в решении этих вопросов. Таким образом, пути решения многих важнейших геополитических проблем, связывающих Москву и Рим, ведут на Восток, и огромные возможности для двух стран открываются тоже на Востоке.

Италия выступает за повышение роли России не только в Средиземноморье, но и в Европе, за предоставление ей экономических, таможенных, инвестиционных льгот. В целом поддерживая расширение НАТО на Восток, она призывает к учету интересов Москвы, так как иначе расширение НАТО «вызовет напряженность в России, мы получим результат, противоположный желаемому». Итальянский политик Р. Проди считает, что полная интеграция России в Европейские структуры — более важный фактор, чем простой договор об обороне.

*Когда вы связали страны сначала таможенной, затем одинаковой платежной политикой, когда появились общие институты, возникают связи значительно более крепкие, чем военный альянс*⁴.

Итак, мы видим, что в геополитическом, экономическом, культурном и другом планах Италия представляет для России в долгосрочной перспективе потенциального союзника в Европе, заинтересованного в создании многополюсного мира, где бы каждый зависел от каждого и тем поддерживался геополитический расклад сил.

7.5. Балканы — «пороховая бочка»?

Одним из важнейших геополитических, стратегических приоритетов России остаются Балканы, которые занимают ключевое положение в российской политике еще с XIX в. Ведущий сотрудник международного отдела «Рэнд корпорейшн». Стивен Ларраби в книге «Россия и Европа. Новая повестка дня по проблемам безопасности» пишет:

После Крымской войны Россия стремилась к усилению влияния на Балканах в пику Австрии и в меньшей степени — Германии. Сильным стимулом здесь было распространение панславянских настроений в России и на Балканах¹⁵.

Балканы и сейчас остаются в поле зрения политиков и геостратегов Москвы. В центре внимания России есть несколько важных в геополитическом плане целей: не допустить дипломатической изоляции Москвы в Белграде, Сараево, Софии; сдерживать аппетиты Запада, вмешивающегося во внутреннюю политику славянских народов (особенно здесь усердствует Германия); обеспечить ведущую роль России в балканской игре, в частности, помешать атлантистам «навязать» сербам, болгарам решение их безопасности, которое бы исключало присутствие здесь Москвы; в международном плане добиться того, чтобы судьбы славянских народов прежде всего определял Совет Безопасности ООН, а не США, Германия или Англия. Глобальная цель всех этих шагов — предотвращение боевых действий на Балканах. В геостратегическом плане Москва всегда стремилась к предотвращению попыток Запада сделать НАТО, а не ООН стержнем системы европейской безопасности.

Однако в силу ряда причин геополитической инициативой на Балканах в конце XX в. владеют США и Германия. Россия вынуждена ограничиться незначительной ролью в международных силах под командованием НАТО.

Улучшению политических отношений России с Болгарией и Сербией мешает исторический спор между этими двумя странами по поводу Македонии. А поспешное признание Москвой Македонии в 1992 г. осложнило отношения с Грецией. (Хотя с приходом Е. Примакова в МИД отношения с Афинами значительно улучшились.)

Сложные отношения у России сохраняются с Албанией. Она не поддерживает Тирану в вопросе о Косово, не может оказать Албании какой-либо экономической помощи.

С геополитической точки зрения наибольший смысл имеет поддержка Сербии, так как это дает возможность России присутствовать на Балканах и играть там решающую роль. А сильная Сербия служит важным противовесом нарастающему влиянию Турции в Черном море, в Болгарии и на Балканах. Однако очевидная просербская ориентация может подтолкнуть Болгарию к Турции. Отношения между этими странами в 90-х годах значительно улучшились. Более тесными контактами стали именно военные.

Баланс сил на Черном море претерпевает существенные изменения, в то время как российский флот становится тенью советского, турецкие ВМС выдвигаются на доминирующие позиции¹⁶

— пишет по этому поводу Эрик Гроув в журнале «Jane's Navy International».

Дестабилизация положения на Балканах явилась одной из причин обострения геополитического соперничества между Россией и Турцией. Как известно, это противостояние имеет глубокие исторические корни. А в 90-х годах Турция начала проводить более активную политику на Балканах: укрепила связи с Болгарией, Албанией, вместе с другими исламскими государствами поддержала Боснию и Герцеговину. Разрушение Советского Союза открыло новые возможности для усиления влияния Анкары на Кавказе и в Средней Азии. Обостряющееся геостратегическое противостояние России и Турции может быть перенесено на Балканы, так как этому способствует и усиление трений вокруг Босфора и Дарданелл. Все это вместе взятое, а также другие причины являются для России серьезным фактором, чтобы не уходить с Балкан, укреплять отношения не только с Болгарией, Сербией, но и с Грецией, активно противостоящей Турции.

Политика России по отношению к Молдове, которая в прошлом принадлежала Румынии, в геополитическом, геостратегическом плане, — камень преткновения. Поэтому Молдавия будет в обозримом будущем сильной помехой соглашению с Румынией.

Наибольшие геополитические выходы Москва получит, укрепляя всесторонние контакты с Болгарией, Сербией и Грецией.

7.6. Восточная Европа: новые геополитические реальности

На протяжении столетий Восточная Европа чаще всего была объектом, а не субъектом глобальной мировой политики. В последние десятилетия с этим регионом напрямую связаны интересы держав Европы, а на исходе XX в. — и мира. Нередко она являлась источником конфликтов между великими державами. Обе мировые войны начались в этом регионе, так как в нем сошлись главные геополитические противоречия между самыми могущественными странами мира.

Многое разделяет страны Восточной и Западной Европы (экономические, культурно-исторические факторы: разные социально-политические идеалы, конфессии, груз исторической враждебности, этническая пестрота и т. п.).

Торгово-экономические, экспортно-сырьевые и другие факторы предопределяют тяготение большей части Восточной Европы к России, а не к Западным странам. На основе этого можно утверждать, что Запад вряд ли в исторической перспективе получит выигрыш, привлекая к себе страны этого региона, добиваясь ослабления России. Путь культивирования у населения стран региона неприязни к России — это тупиковый путь (прежде всего для самих государств Восточной Европы). Россия тоже чрезвычайно заинтересована в нормализации отношений с соседями. История и география обусловили заинтересованность России в добрососедских, торгово-экономических контактах с Восточной Европой. Они отвечают ее безопасности, ее коренным интересам.

В силу обстоятельств к концу XX в. Россия может выходить на страны Восточной Европы только через суверенные государства — Украину и Белоруссию, исключением является анклав Калининградская область, будущность которого тоже вызывает много вопросов. Этот фактор (ограничение, сужение географического пространства России) внес фундаментальные изменения в отечественные геополитические возможности. Изменения, произошедшие в регионе за последние 12—15 лет, вновь превратили Европу в серьезный источник международной напряженности. Очаг этой напряженности — не только страны Восточной Европы, но и Калининградская область, и страны Прибалтики.

Политико-психологический климат в регионе, за исключением Калининградского анклава, неблагоприятен для России. Но он также неблагоприятен и для стран Запада (в Польше, Словакии, например, чрезвычайно сильны антигерманские настроения). Это объясняется во многом тем, что народы Восточной Европы десятилетиями были разменной монетой в руках политиков стран Запада. Положение стран — сателлитов той или иной державы — Запада или Востока — давало, конечно, и определенные выгоды, но они не могли ослабить общего впечатления от сугубо подчиненного положения стран региона. Подобное статус-кво после войны устраивало в определенной мере и СССР, и Запад. Система государств-сателлитов, или клиентов, была своего рода буфером, «санитарным кордоном» между Востоком и Западом, обеспечивающим относительную безопасность существования двух блоков. И включение стран Восточной Европы в сферу влияния Запада — далеко не однозначный исторический факт.

В объединении Германии уже заложен узел многих европейских противоречий. Оно принесло не только позитивные результаты. Даже для мощной экономики ФРГ объединение принесло пока больше минусов, чем плюсов. А присоединение государств Восточной Европы к Западу произошло на правах бедных родственников. Это предопределяет качество всех отношений между странами Европы. В перспективе этот регион может превратиться в «Балканы». События в Югославии — только предвестник обострения межнациональных и межгосударственных отношений. Распад Чехословакии — начало цепной реакции размежевания. Некоторые западные политологи утверждают, что Европа XXI в. будет иметь больше общего с Европой XIX в., чем с Европой середины уходящего столетия. В XIX в. здесь царил буржуазное соперничество, приводившее к цепи бесконечных конфликтов. Сейчас, как и тогда, в качестве пороховой бочки выступает Югославия, где в течение почти 10 лет тлеет «бикфордов шнур» межнациональных конфликтов, периодически перерастающих в военное противостояние.

Структуры, созданные в Западной Европе после 1945 г., сейчас или значительно ослаблены, или сталкиваются с неопределенностью целей. «Фрагментация» нынешней Европы позволяет утверждать, что реальная угроза безопасности европейским государствам исходит не извне, а друг от друга. Развитие Восточной Европы определяют такие факторы, как стремление к суверенности, возрождению и рост национализма. Они носят объективный характер, этот процесс присущ почти всем без исключения странам мира. Набирает силу тенденция возрождения коалиции и союзов между группами государств. В Европе создаются подобные коалиции для решения в короткие сроки экономических, политических, территориальных, экологических и других важных проблем. Например, союзы Венгрии и Чехословакии. Польши, Австрии, Италии. Расширяются между ними

двусторонние связи. Все больше умов захватывает идея создания Европейской безопасности в противовес НАТО. Но в пику этой идее усиленно пропагандируется тезис западного «ядра мощи», превращения его в «ядро мировой мощи», при этом страны Восточной Европы должны будут поддерживать усилия «ядра» в институционализации демократии и становлении рыночной экономики.

Региональная геополитика выступает в этих концепциях как звено общей глобальной геополитики. Она должна способствовать реализации геополитических устремлений стран Запада, прежде всего США, Германии, Франции. Фактически транснациональные компании меньше всего берут в расчет такие понятия, как суверенитет восточноевропейских государств, что идет в разрез с основными тенденциями, протекающими в регионе. Мы уже отмечали выше особую роль объединенной Германии в комплексе отношений в Европе. Ее даже называют господином политико-экономического европейского баланса, а экономическое и дипломатическое влияние чувствуется не только в регионе, но почти во всех уголках Земли.

Произошедшие территориальные изменения, рост экономической и политической мощи объективно подталкивают Германию на изменение статус-кво, утверждение в роли вершителя судеб Европы, а в перспективе — и мира. Признаками таких потенциальных притязаний являются действия германского политического руководства по дестабилизации положения в Югославии, вмешательство в события в Албании, соучастие вместе с американскими и английскими войсками в депортации сербских лидеров, готовность вмешаться в события в Ираке. В ближайшем будущем следует ожидать возрождения, хотя в иных формах и при иной аргументации, старой концепции общеевропейской роли Германии, а в перспективе — претензии на роль мирового гегемона. Многие европейцы (особенно французы и англичане) высказывают опасения, что в центре континента может появиться «четвертый рейх». Об этом в свое время говорила М. С. Горбачеву бывший премьер-министр Англии М. Тэтчер. Именно этим можно объяснить вновь вспыхнувшую страсть в Германии к публичным обсуждениям концепций отцов — геополитиков, особенно концепции Центральной (Срединной) Европы («Mittleuropa»). Автор ее — «отец немецкого либерализма» Ф. Науманн (1860 — 1919). Его работа «Mittleuropa» во время Первой мировой войны была практически настольной книгой в Германии и Австрии. Отсюда рукой подать до тезиса П. де Лагарде, который в середине XIX в. требовал для Германии доступа к Средиземному Морю, в частности, овладения портом Триест, а также устьем Дуная. Эти идеи высказывал в антиславянской статье один из Основателей марксизма Ф. Энгельс. В 1849 г. он писал, что

... словенцы и хорваты отрезают Германию и Венгрию от Адриатического моря, а Германия и Венгрия не могут дать отрезать себя от Адриатического моря по «географическим и коммерческим соображениям», которые... представляют для Германии и Венгрии такой же жизненный вопрос, как, например, для Польши берег Балтийского моря от Данцига до Риги¹⁷.

Нельзя забывать сейчас и такое немаловажное обстоятельство, как растущее желание немцев «восстановить историческую справедливость». Сделать это можно, как они полагают, путем возвращения территории бывшей Восточной Пруссии. Конечно, мир значительно изменился не только за последние 150 лет, но даже за последнюю половину нынешнего столетия. Признаком этих перемен могут служить весомые шаги в сферах экономики, финансов, политики в Европе.

Целенаправленно осуществляется курс на интеграцию стран Западной Европы: упрочнение экономических связей, политического союза (Европарламент в Страсбурге), финансов (вхождение в Европе в оборот новой общеевропейской валюты — «евро»).

Скорее всего усилия Германии будут направлены на Восток, на наиболее слабое звено в окружающих ее странах. И применять она будет не военные, а экономические средства.

Экономический поход на Восток по сути уже начался. Инвестиционная экспансия ведется против всех стран, включая, конечно, и Россию. Направление экспансии на Запад исключается по многим причинам. Важнейшие из них — экономическая и политическая стабильность больших стран Западной Европы, а также присутствие войск США.

Нейтрализация влияния, экспансии Германии может быть осуществлена активной внешней политикой России, развитием более тесного сотрудничества с другими мощными европейскими державами и прежде всего с Францией. Второе средство, играющее вспомогательную роль, — подключение РФ к западноевропейским структурам. Важно только не сводить это подключение к роли России в качестве сырьевого придатка Европы (хотя энергоносители тоже можно превратить в козырную карту), а главным образом активно включиться в межгосударственную кооперацию, в общественное разделение труда, когда каждый зависит от каждого. В иных случаях, особенно при

социально-экономических потрясениях, в Германии могут значительно окрепнуть пока что довольно слабые реваншистские силы. Они при определенных условиях смогут оказывать серьезное влияние на внешнеполитический курс страны. Таким образом, лидерам стран Восточной Европы надо помнить, что германский экспансионизм в потенциале сохранился. Надо не забывать об этом и народам стран Прибалтики, которые в конце XX в. добровольно стремятся в геополитическое поле Запада и прежде всего Северной Европы и Германии.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что в Европе идет процесс возврата от биполярной военно-политической структуры к динамично развивающейся многополярной системе международных отношений. Военные проблемы в данном процессе пока играют важную роль, но к концу XX в. центр тяжести переместился в сторону финансово-экономических проблем — это во-первых. Во-вторых, в Европе формируется фрагментарная система национальных государств (страны Прибалтики тяготеют больше к Скандинавии, Польша, Венгрия/Чехия — к Германии и т. д.). Страны Восточной Европы образуют временные коалиции, которые текучи, меняют свои ориентиры, исходя из сиюминутных интересов (чаще всего финансовых, экономических, политических, военных). Эти интересы нередко формулируются политиками-однодневками, носят субъективно-вкусовой характер, не отмечены печатью серьезного анализа присущей современности глубокой всеобъемлющей взаимозависимости. Но нельзя забывать, что эта взаимозависимость может быть разрушена ростом национализма и сепаратизма национальных государств (как произошло со странами Восточного блока, с Советским Союзом). Трения на национальной основе стали одним из важнейших признаков и тревог не только стран Прибалтики, Восточной и Западной Европы, но и всего мира.

Восточная и Западная Европа в потенциале могут рассматриваться как геополитическое кризисное ядро, способное взорвать общестратегическую обстановку. Исчезновение Варшавского блока сняло вопрос системного противостояния, изменило расстановку геополитических сил, ее структуру, внесло много новых элементов. К концу XX в. по сути Россия осталась одна против системы стран Восточной и Западной Европы, а в ее двери все настойчивее стучится монстр, оставшийся как орудие устрашения и экспансии, — НАТО.

7.7. Россия и страны Прибалтики

Самое пристальное внимание геополитиков привлекает Прибалтийский регион, особенно в вопросе об участии в НАТО Литвы, Латвии и Эстонии. Для России это не академический спор, если учесть, что она кровно заинтересована в выходах на Балтику. Балтийский регион имеет исключительно важное значение для всех европейских государств, Их связывают с Прибалтикой коммуникации, торгово-экономические отношения, исторические корни. Особенно это касается скандинавских стран (Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия). При соблюдении определенных условий этот регион может в конце XX — начале XXI вв. стать одним из генераторов мира и сотрудничества для всей Европы. Геополитические интересы России здесь объективно совпадают с интересами большинства стран Европы. А главное — Россия должна иметь надежный спокойный морской путь в европейские страны.

Таким образом, Россия объективно заинтересована в геополитической стабильности не только Калининградского анклава, но и стран Прибалтики. Она твердо настроена развивать добрые отношения с Литвой, Латвией и Эстонией, чтобы они не имели оснований для беспокойства по поводу их включения в буферную зону, в «санитарный кордон» между Востоком и Западом. Это станет важным фактором создания обстановки для спокойной и созидательной жизни многочисленного русского, украинского и белорусского населения в странах Прибалтики. Пока же в столицах этих государств преобладает мнение, что спокойствие стран Прибалтики может гарантировать только пребывание в НАТО. В обоснование этого выбора обычно приводятся такие аргументы: необходимость оградить свою независимость и суверенитет от потенциальной угрозы с Востока, открыть простор для интеграции стран Прибалтики в западную экономику, цивилизацию, гарантировать их социальное развитие.

Все эти аргументы в основном надуманны и активно раздуваются заинтересованными политиками, СМИ. Российских войск в Прибалтике нет, в конце 1998 г. прекратил свое существование последний военный объект в Латвии — база слежения в Скрунде. Реформирование, а точнее возрождение экономики России, является императивом, диктующим продолжение ее курса на углубление мирных отношений со всеми соседями. Поэтому цели, сформулированные политиками стран Прибалтики — слияние с западной цивилизацией, экономикой, утверждение принципов демократии, прав человека, экономическое процветание — могут быть достигнуты и без участия в альянсе НАТО, без многомиллиардных сумм, которые придется заплатить за вхождение в эту военно-политическую группировку.

Наше отрицательное отношение к расширению Североатлантического альянса на Восток, в том числе за счет приема в альянс стран Прибалтики, обосновано конкретными причинами. Во-первых, прием в НАТО Латвии, Литвы и Эстонии в военном отношении сильно затрагивает оборонные интересы России и Белоруссии, от Эстонии, Латвии и Литвы рукой подать до Москвы, С.-Петербурга, Минска и других жизненных центров. Во-вторых, усилится углубление раскола в Европе, произойдет наращивание военно-политической мощи за счет стран Прибалтики и Восточной Европы. Альянс остается замкнутой организацией, имеющей геостратегические планы, недоступные для малых государств, хотя и формально входящих в НАТО. В-третьих, существенно подрывается значение основополагающего акта Россия — НАТО, в котором Россия четко высказала свою озабоченность расширением альянса. Отсюда вытекает четвертый момент противоречий: Россия вынуждена будет предпринять меры по укреплению военной инфраструктуры, обороноспособности. Заверения, которые мы получаем от западных политиков, что «русским надо перестать нервничать» по поводу расширения НАТО, «перестать смотреть на Балтийский регион как на коридор для вторжения иностранных армий» не могут приниматься всерьез. История знает тысячи случаев, когда вслед за подобными успокоительными заявлениями, договорами о вечном мире, дружбе или нейтралитете начинались кровопролитнейшие войны. В этой связи можно задать встречный вопрос: зачем втягивать страны Прибалтики в НАТО, если Россию США называют своим партнером? В геополитике нет постоянных партнеров, друзей, союзников. Вспомним слова императора Александра III, что у России есть только два союзника — ее армия и флот.

При строительстве двусторонних и многосторонних отношений со странами Прибалтики нам надо помнить еще об одном аспекте: мирные экономические, торговые, транспортные связи со странами-соседями приносят немалые доходы балтийским государствам, обеспечивают их прогресс в экономике. И, естественно, для Москвы небезразлично, что за счет российских средств будет оплачиваться вживание прибалтов в военную структуру альянса. Россия не может равнодушно отнестись и к тому, что в военных городках, солдатских казармах, пунктах ВО, военно-морских

базах, созданных руками и на деньги русских людей, солдат разместятся военнослужащие Североатлантического блока.

Следующая сторона проблемы отношений России и прибалтийских государств состоит в том, что в последних существует внутригосударственный сепаратизм, воинствующий национализм, неконтролируемая миграция, сложные экологические и другие проблемы, решать которые нужно с определенным государством, а не альянсу в целом. Да и в Европе есть государства — не члены НАТО, которые не боятся за свою национальную безопасность. Их нейтралитет (Швеции, Финляндии, Швейцарии и др.) предполагает приоритет национальных интересов, а не подчинение их геополитической сверхдержаве, определяющей геостратегический курс альянса. Постоянный нейтралитет, например, обеспечил многовековую стабильность Швейцарии и Швеции, гарантировал их от втягивания в различные конфликты вопреки воле народа этих стран. Кроме того, подобный статус позволяет этим государствам заметно влиять на политическое решение многих сложных вопросов. Именно этими делами остался в памяти народов мира бывший премьер-министр Швеции Улоф Пальме.

Понимая многостороннюю важность нейтралитета, Россия выступает за то, чтобы Прибалтийские страны, весь Балтийский регион был внеблоковым, нейтральным регионом и был превращен в зону устойчивого развития, безопасности и стабильности. Россия готова гарантировать безопасность этим странам в виде одностороннего обязательства, подкрепленного в международно-правовом плане посредством заключения многостороннего соглашения о добрососедстве и взаимном обеспечении безопасности. К этим гарантиям могут присоединиться другие страны: США, Германия, Великобритания. Франция и международные организации, включая военные. Параллельно могут быть разработаны меры доверия в военной, экономической и социальной сферах, которые смогут подкрепить политические гарантии.

В военно-политических отношениях можно ввести режим доверия в приграничной полосе, безвизовые поездки жителей, отказ от военной деятельности, налаживание совместного контроля за воздушным пространством всего прибалтийского региона, запрет на проведение военно-морских учений в нежелательных регионах Балтики. В экономической сфере в XXI в. можно создать единый топливно-сырьевой и энергетический комплекс, единую информационную структуру: дороги, порты, систему энерго- тепло- и водоснабжения. В социальной и гуманитарной сферах — усилить развитие контактов между людьми и организациями; совместные действия, взаимопомощь по обеспечению прав русских, украинцев, белорусов, поляков, других национальностей, на практике испытывающих большие трудности выживания в атмосфере национализма, захватившего бывшие советские прибалтийские республики; сотрудничество в борьбе с распространением наркотиков, отравляющих и радиационных материалов, сотрудничество в борьбе с преступностью и терроризмом и др.

Политические лидеры прибалтийских стран, безусловно, понимают важность и выгоду добрососедских отношений с Россией. Но они испытывают давление со стороны сильных соседей и в большей степени со стороны мощной геополитической сверхдержавы, стремящейся к монополюму миру.

Германия в настоящее время играет заметную роль... в экономике стран Балтии. Для Латвии, например, она является вторым по объему оборота торговым партнером (около 13% экспорта и 15% импорта), занимает третье место по объемам иностранных инвестиций в республику¹⁸.

В Литве Германия является основным иностранным инвестором. США оказывают балтийским странам помощь в рамках проекта «Поддержка восточноевропейской демократии». Это передача технического опыта на краткосрочной и долгосрочной основе, капиталовложения и поддержка кредитных возможностей частных предприятий.

В сумму более \$100 млн. оценивается объем помощи, предоставляемой балтийским странам с сентября 1991 г. американской корпорацией частных инвестиций за рубежом в целях продвижения экономических реформ¹⁹.

После подписания странами Балтии рамочного документа программы НАТО «Партнерство ради мира» активизировалось американо-балтийское сотрудничество и в военной области.

Тем не менее сравнительно недавние договоренности с Литвой о государственной границе и разграничении континентального шельфа показали, что геополитические, военные, геополитические интересы России и стран Прибалтики диктуют им генеральную линию взаимоотношений: добрососедскую, взаимоуважительную, учитывающую интересы всех стран.

Большое значение в Прибалтийском регионе в конце XX в. стал играть многосторонний форум — Совет государств Балтийского моря. В мае 1996 г. на о. Готланд состоялась встреча глав Совета под девизом: «Партнерство во имя культуры». В ней приняли участие 11 премьер-министров стран-участниц. Сотрудничество Москвы со столицами Балтийского региона может стать очередным шагом в процессе сближения с ЕС. Политические лидеры Дании, Финляндии и Швеции взяли на себя роль «старшего брата» в отношении стран Прибалтики, поэтому любые шаги Москвы в этом регионе воспринимаются политиками стран Балтийского региона (особенно датчанами) с большой настороженностью. В оценке действий России и стран Прибалтики у их скандинавских покровителей чаще всего проявляются двойные стандарты. Особенно это видно при их оценках гражданских прав русских и русскоязычных в Латвии, Эстонии и Литве, а также неурегулированности территориальных вопросов Эстонией и Латвией, сложностей транспортировки российских грузов через Литву в Калининградскую область и заявлений балтийских политиков о статусе последней.

В интересах как стран Запада, так и России активно использовать инфраструктуру и транспорт прибалтийских государств для создания прочных добрососедских и взаимовыгодных связей. Односторонняя ориентация Литвы, Латвии и Эстонии на скандинавские страны, в частности, и на Запад вообще, может показаться в недалекой перспективе дестабилизирующим фактором. Полномасштабное членство соседей-прибалтов в НАТО в обозримом будущем остается неприемлемым для России. И присоединение к НАТО де-факто может привести к былому расколу Европы, усилению конфронтации в мире. В силу динамических изменений в геополитическом балансе сил Прибалтика может превратиться в передовой военный плацдарм для силового давления на Россию.

О подобных перспективах говорят многие политические шаги нынешних лидеров прибалтийских государств. Так, в литовском парламенте был рассмотрен вопрос о пересмотре конституции. Законодатели решили, что конституция не должна запрещать размещение иностранных войск и ядерного оружия на территории Литвы. Латвийский сейм в августе 1996 г. принял декларацию «Об оккупации». Балтийский Совет 13 ноября 1994 г. принял резолюцию «О демилитаризации и статусе» Калининградской области. Во всех Прибалтийских республиках идет процесс активного вытеснения русских и русскоязычных из важнейших сфер политической и социальной жизни и просто грубое выселение этнических русских «на их историческую родину», т. е. политики Литвы, Латвии и Эстонии готовят почву, общественное мнение для реализации договоренностей по расширению инфраструктуры НАТО, а в перспективе — ввода иностранных войск и ядерного оружия. Поэтому даже отзыв территориальных претензий к России и Белоруссии со стороны стран-соседей, урегулирование пограничных проблем и подписание договоров о границе, смягчение пресса по отношению к русскоязычным гражданам и нацменьшинствам не устраняют противоречий сторон. Из «патронирующих» Прибалтику государств наиболее сбалансированную позицию занимает правительство Швеции. Оно неизменно напоминает латышам и эстонцам о положении русских, проживающих в этих странах. В основном же почти все малые страны северной Европы против решений, которые дестабилизировали бы, а тем более взорвали спокойную жизнь населения этого региона, против таких решений, которые втянули бы страны Балтии в геополитические игры великих держав.

7.8. Судьба Калининградской области

Калининградская область — одна из наиболее неблагоприятных в стране. Это объясняется в основном резкой сменой геополитических сил на Балтике в результате разрушения Советского Союза, непоследовательной и в большей степени ошибочной государственной экономической политикой в отношении области, резким возрастанием иностранного влияния (в частности, германского) в анклав. Именно анклавным или полуанклавным географическим положением области обусловлена ее государственно-политическая и экономическая слабость. Нынешняя Россия не имеет военно-стратегического преимущества на Балтийском море, потеряла бывшие основные морские порты, транспортную инфраструктуру на территории Прибалтики, приобрела конфликтно настроенных соседей, стремящихся в НАТО и ЕС.

Развал армии и соединений флота, вызванный хроническими невыплатами денежного довольствия, а отсюда — сокращения и слияния армейских и флотских частей и соединений привели, по данным экспертов, к почти полной ликвидации некогда сильного «военного кулака». Военные и их семьи составляют около 40% всего населения анклава и хроническое недофинансирование армии и флота привело к резкому ухудшению социально-экономического положения жителей области, так как ее экономика была ориентирована на военно-промышленный комплекс, сегодня почти полностью разорившийся. В структуре хозяйства преобладают предприятия с материало- и энергоемкими технологиями. В области для них нет соответствующей сырьевой базы, слаба инфраструктура, выпускаемая продукция на прибалтийских и западных рынках неконкурентоспособна.

По официальным данным, объем промышленного производства в полуанклаве в 1997 г. составлял 30% уровня 1990 г. (в целом по России 49%). Доход на душу населения был на 37% ниже, чем в среднем по РФ. Практически все предприятия области стоят, в том числе уникальный завод «Янтарь», когда-то производивший подводные лодки. Не выпускает продукцию и единственный в мире завод по переработке янтаря. Безработица в области значительно превышает общий уровень по России. Калининградский анклав занимает первое место в стране (в пересчете на душу населения) по числу больных туберкулезом, наркоманов ВИЧ-инфицированных.

Социально-экономическое положение населения области зависит от экспортно-импортных операций: импорт составляет всех потребляемых товаров, экспорт — 70% всех производимых товаров. В силу относительно невысокого качества производимой продукции, высоких тарифов, взимаемых сопредельными государствами за транспортировку грузов по их территории, товары, сделанные в области, не пользуются спросом в странах Прибалтики, Польше, Германии, Швеции и т.д.

Ослабление связей «федеральный центр — регион» в случае с Калининградской областью принимает особо опасный характер и потенциально может привести к полному вытеснению России ю области. Сейчас это вытеснение идет пока только в сфере экономики, в перспективе — в сфере политической, так как правовая сфера нестабильна, правовые решения разных ветвей власти центра относительно области противоречивы. В силу отмеченных и других причин в регионе растут сепаратистские настроения, подогреваемые как западными инвесторами, так и неумелыми российскими политиками, предлагающими создать в анклав Балтийскую республику, продать область Германии за долги, организовать совместную военную деятельность в регионе, образовать немецкую автономию в Калининграде или взять области на себя часть функций Центра, в частности, проведение самостоятельной внешней политики, вступление области в ЕС, размещение за плату войск НАТО на территории области в пустующих гарнизонах, оставшихся от Советской Армии²⁰. Подобные предложения способствуют «ползучей» экспансии враждебно настроенных по отношению к России иностранных государств (Польши, Литвы, Германии, США).

Ползучий экспансионизм по отношению к анклаву виден во всех сферах общественной жизни: прежде всего в экономической (активное создание совместных предприятий, избирательное кредитование и приватизация местных предприятий, система удушения российских конкурентов, установка немецких счетчиков воды в квартирах и т. д.). В политической жизни экспансионизм проявляется в виде влияния (подкуп, шантаж и т. д.) на политиков области. Центра, антироссийских заявлений на государственном уровне, призывов правовых организаций соседних государств о пересмотре границ и т. д. В культурно-идеологической сфере — усиление теле- и радиопропаганды, обилие рекламы на немецком языке, обещание райской жизни, если население проголосует за кондоминиум России и Германии в управлении анклавом, все возрастающие «культурные» связи и обмены, поездки туристов и т. д.

В конце XX в. в области резко усилилась деятельность иностранных разведок, активизировался промышленный шпионаж. Вся эта активность объясняется тем, что Калининград — это наш геополитический форпост на Западе. Здесь происходит столкновение геополитических сил России и Германии, России и атлантистов.

Калининград — опорный пункт, который позволяет контролировать Польшу и Прибалтику, Белоруссию и Западную часть России. Об этом говорят и пишут лидеры Германского общества внешней политики, Восточной комиссии немецкой экономики, Германской академии менеджмента, издательской группы «Хандельсблатт», руководители крупнейшего в республике «Дойче банка», «Дрезднер банка», «Объединенного западного немецкого банка» и др.

В сложной геополитической игре вокруг Калининградской области виден интерес США и атлантистов, включая различные международные фонды. Их сверхзадача, конечная цель — помешать созданию мощной Европы, объединенной вокруг Германии. Для этого США в качестве противовеса объединенной Германии включают в геополитическую колоду Польшу, где очень сильны антинемецкие настроения, Литву и Швецию. Польша все активнее наращивает свой экономический вес в анклав. (Этому способствовала политика центра и местных властей, направленная на ослабление зависимости области от Литвы, которая занимает жесткую позицию в таможенно-тарифной политике и начинает выдвигать территориальные претензии). Если конечной целью «восточной политики» Германии является возвращение Восточной Пруссии и создание Данцингского коридора, то атлантисты видят будущее анклава как проамериканской суверенной Балтийской республики — ключ к контролю над всем Балтийским регионом.

В российских стратегических интересах (при нынешней беспомощности центра), если придется выбирать из двух зол, целесообразнее, на наш взгляд, продать Германии область, пойти на сближение с ФРГ. Это поможет при разумной внешней политике вытеснить атлантистов из Прибалтики, нейтрализовать антироссийски настроенную Польшу, включить в игру Францию и нанести геополитическое поражение США в европейском раскладе сил. Удержать же Калининградскую область Россия сможет только в случае решения своих экономических проблем. Это первое важнейшее условие. Второе — реальный прочный союз трех славянских государств (пока же Украина объективно помогает нашим политическим противникам). Третье — это решительная смена российских геополитических установок. Четвертое — умение и желание Центра и местных властей противостоять сепаратистским тенденциям, растущим в области, и положительным образом повлиять на экономическую ситуацию в анклав, развивая те производства, которые в меньшей степени зависят от иностранных капиталовложений и партнеров.

- 1) Цит. по: *Овчинский В.* Контрперестройка//Наш современник. — 1992, — № 5.
- 2) *Ушаков И.* Демографическое настоящее и будущее Европы.// Международная экономика и международные отношения. — 1991. — № 6.
- 3) Цит. по: *Кряжева Е.* Влияние «Газпрома» в Западной Европе усиливается//Независимая газета. — 30.06.1998.
- 4) Т а м же.
- 5) *Тукаев П.* Россия и Европа//Наш современник. — 1991. — № 11.
- 6) Цит. по: *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939 — 1945 гг. — М.: Издат-лит. - 1956. - С. 96.
- 7) *Ильин И.* Лекции о России//Молодая гвардия. — 1991. — № I.
- 8) См.: *Strem K.J.* «Deutschland magasin» — 1997. — № 4.
- 9) *W.F.Joldendaha, H.R.Minou.* Von Krieg zu Krieg. - 1997. - p. 137:
- 10) Цит. по: *Григорьев Е.* Некалькируемая Россия// Независимая газета. — 13.08. 1998.
- 11) *Москва и Париж снова вместе*//Независимое военное обозрение. — 1998. — № 26
- 12) Т а м же.
- 13) *Проди Роман.* Россия — часть европейского дома//Независимая газета. — 7.02. 1998.
- 14) Т а м же.
- 15) *Жеглова Юлия.* Старые темы и новые вызовы//Независимое военное обозрение. - 1998. -№ 8.
- 16) *Независимое военное обозрение.* — 1998. — № 16.
- 17) *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. - Т. 6. - С. 295.
- 18) См.: *Аништический доклад;* Россия и Прибалтика/Независимая газета. — 28.10. 1997.
- 19) Т а м же.
- 20) См.: *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики. — М.: Русский вестник. 1997.-С. 191.

Глава 8

Место США в системе геополитических отношений

История становления США как мировой геополитической державы имеет ряд этапов. Путь к вершине могущества, достигнутой в конце XX в, был далеко не всегда прямым и благородным. Скорее всего это была дорога, по которой продвигалось постоянно набирающее силу, вес, накачивающее экономические, военные, финансовые мускулы государство-хищник. Свои отношения с соседями колонисты из Старого Света апробировали на коренных жителях Америки — индейцах. Загнав их в резервации, стали постепенно теснить соседей. Основная масса колонистов — протестанты, принесшие в Новый Свет свои нравственные ценности. Среди них решающее значение имели прагматизм, умение делать деньги. Все те, кто слабее, кто хуже вооружен, не преследует корыстных целей, должны были поставлять деньги. Из людей надо выжимать деньги, как от скота получать сало, — вот кредо большинства протестантов-колонистов, возмечтавших создать в Новом Свете землю обетованную.

8.1. Из истории международных отношений США

Американо-английский Версальский мирный договор 1783 г. подтвердил победу США над Англией в борьбе за независимость. Колонистов-американцев в борьбе против Англии поддерживали Франция, Испания, Голландия и Россия. Франция, Испания и Голландия были прямыми союзниками США в борьбе против владычицы морей. Однако текст Версальского договора американцы около года держали в тайне от своих союзников.

Согласно договору границы США определялись на западе по реке Миссисипи и условной линией по направлению к Великим озерам, на севере — по линии Великие озера — река св. Лаврентия, на востоке — берег океана, на юге — Флорида, которая принадлежала Испании. Современные южные штаты США были мексиканскими¹, т. е., когда американцы получили независимость, их территория составляла около 1/5 ныне занимаемой Соединенными Штатами Америки.

Вот почему еще в середине 1780-х годов автор Декларации независимости США Томас Джефферсон сказал:

Я содрогаюсь от страха за свою страну, когда осознаю, что Бог справедлив².

Третий Президент США знал, что говорил. Решив первоначально свои территориальные проблемы за счет индейцев, освободившись от назойливой опеки «старой доброй Англии», колонисты-протестанты устремили свои взоры на земли соседней Флориды, Мексики, а потом и Кубы, Пуэрто-Рико, Филиппин.

Заинтересованность плантаторов в-рабовладельцев в Юга и крупной буржуазии Севера в экспансии ставила перед политиками страны задачу создания благоприятных условий для расширения территории США и выдвижения лозунгов, теоретически оправдывающих «преимущественные права» Вашингтона на американском континенте.

Лидеры США к 40-м годам XIX в. сформулировали принцип, связывающий рост могущества и благосостояния страны с процессом экспансии, с расширением территории. В 1824—1826 гг. лидеры США, прикрываясь миролюбивой фразеологией, предотвратили освобождение Кубы и Пуэрто-Рико силами Колумбии и Мексики. Более того, используя этот факт, президент Д. Полк в середине 40-х годов обосновал «права» США на присоединение мексиканских территорий: Техаса, Орегона и Калифорнии. Американцы инспирировали «желание» населения этих земель присоединиться к США. В захватнической войне 1846—1848 гг., под флагом доктрины Монро, провозгласившей принцип невмешательства, северный сосед, защищая права «суверенного Техаса» на самоопределение, отторг более половины территории Мексики.

Меридиональная экспансия США (рис. 8.1) была первым этапом становления мировой державы. Внешняя политика Вашингтона, по признанию американского социолога В. Вильямса, носила сугубо прикладной характер. Она решала практические задачи — расширение жизненного пространства. Это расширение шло не только в меридиональном направлении. В 1867 г. набирающее экономическую мощь государство путем дипломатических усилий, экономической экспансии заставило Россию продать за бесценок Аляску и Русскую Калифорнию. За Аляску (якобы взяв ее в аренду на 99 лет) американцы уплатили России смехотворную сумму — 7,2 млн. долл.

В конце XIX — начале XX вв. США выполняли по сути полицейские функции в Западном полушарии. В первом десятилетии XX в. они проводили многочисленные интервенции на Кубу, в Мексику, Гаити, Доминиканскую Республику, Никарагуа, Панаму и другие страны. Политика «большой дубинки», «дипломатия доллара», что по-прежнему демонстрируется американцами в конце XX в. по отношению к своим южным соседям, в полной мере использовалась США и против большинства стран земного шара.

Второй этап становления США как мировой державы связан с широтной экспансией (рис. 8.2), где талассократический империализм проявился в классической форме. Экспансия Вашингтона, исповедующего теорию и практику «анаконды», охватила большинство стран Западной Европы, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии, Океании, включая Австралию, Индонезию, Филиппины и т.д. Стратегию «анаконды» (блокирование вражеских территорий с моря и по береговым линиям, что постепенно приводит к стратегическому истощению противника) впервые разработал Мак-Келлан. США следовали советам Мак-Келлана и адмирала Мэхена, рекомендовавшего правительству выполнить следующие условия: Соединенным Штатам, пока есть необходимость, тесно сотрудничать с британской морской державой; препятствовать германским морским претензиям; противодействовать экспансии Японии в Тихом океане; объединяться с европейцами против народов Азии.

Рис. 8.2. Второй этап становления США мировой державой. Широтная экспансия. Талассократический империализм. Окружение Евразии с Востока, Запада и Юга (см.: Дугин А. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997)

Вашингтон постоянно стремился держать под контролем свои береговые зоны и одновременно старался оторвать от континента береговые зоны противника, душа в кольца «анаконды» евразийские державы — СССР, Китай, Германию США делали это, перекрывая, где только можно, выходы к морю (рис. 8.3).

Рис. 8.3. Стратегия «анаконды». Заштрихованы страны евразийского материка, находящиеся под стратегическим контролем атлантизма. Стрелки — векторы геополитического давления атлантизма (См.: Дугой А. Основы геополитики)

Эту стратегию США реализовали в Первую мировую войну против Германии и ее союзников, она видна и в организации «белого движения» в России. Во время Второй мировой войны эта стратегия служила удушению как Германии, Италии, так и Японии. Но наиболее ярко она была продемонстрирована в пору холодной войны против СССР и его союзников. В это время стратегия «анаконды» достигла глобальных размеров. Подобную политику продолжают американцы и сейчас, небезуспешно пытаясь руками японцев, прибалтов, немцев, политиков Украины лишить Россию выходов в моря и океаны. США сейчас не употребляют термин «политика сдерживания», сущностью которой и являлась концепция «анаконды», но стратегия НАТО на практике реализует эту глобальную установку.

Для создания монополярного мира, где все народы жили бы под руководством США, у западных политиков и ученых кроме стратегии «анаконда», контроля над Rimland, наработано много сценариев, включая стимуляцию интереса Китая к малозаселенным территориям Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока, а также тихое поэтапное продвижение НАТО на Восток, а как идеальный вариант — расчленение России.

Но в конце XX — начале XXI вв. реализовать идею монополярного мира американцам становится все труднее. К середине 80-х годов США утратили важнейшие позиции в экспортно-импортной, валютно-финансовой войне, в вывозе капитала. На второе место по производству ВВП уверенно вышла Япония, обойдя СССР и ФРГ. После разрушения СССР и объединения ФРГ и ГДР на третье место в мире по экономической мощи вышла Германия. Таким образом, в конце XX столетия неуклонно шел процесс выравнивания экономической мощи, эффективности производства и научно-технического развития. Объединяясь, Западная Европа (ЕС) постепенно теснила США и Канаду не только с мировых рынков сбыта, финансового капитала, инвестиций, но и с рынков продажи оружия, передовых технологий, превосходя американцев в 1,5—2 раза по таким важнейшим показателям, как прирост валового национального продукта и промышленного производства. Но политическая сфера, сама система политических связей пока еще дают возможность США маневрировать и сдерживать развитие Западной Европы, позволяют им не уступать лидирующей роли в некоторых областях валютно-финансовых отношений. На фоне стремительного взлета на геополитические вершины стран Азиатско-Тихоокеанского региона (особенно Китая, Тайваня, а в 70-х—80-х годах — Японии, Южной Кореи), интеграции стран Западной Европы четко обозначилась тенденция относительного падения влияния и веса США на мировой арене. К концу XX в. Америка миновала свой звездный час, и мир стал свидетелем неуклонного заката «американского века». Об этом закате еще в 1975 г. писал известный американский социолог Даниел Белл. В своей работе «Конец американской исключительности», опубликованной накануне 200-летнего юбилея независимости США, он утверждал, что американцы не верят в то, что их страна играет уникальную роль в мире. Д. Белл отмечал:

Ослабление мощи и потеря веры в будущее нации превратили США в такую же (обыкновенную) страну, как и все другие страны³.

К этим настроениям привело прежде всего поражение американцев во Вьетнаме, вызвавшее синдром неполноценности морально-волевого духа нации. Следующую пощечину они получили от Ирана, когда студенты захватили и сделали заложниками в Тегеране большую группу американцев. Провал военной экспедиции США в Сомали, где американская пехота сразу же стала нести потери (хотя и сравнительно небольшие), в ответ на терроризм США заставил Вашингтон вывести войска из этой страны. И только «Буря в пустыне» — агрессия против Ирака в 1991 г. немного восстановила моральный дух американцев. Но следует особо подчеркнуть, что в военных действиях против Ирака как в 1991, так и в 1998—1999 гг. ни один морской пехотинец не ступил на землю этой арабской страны: действия велись только с применением ракет и авиации.

Несколько развеять этот «комплекс неполноценности» американской нации удалось Р. Рейгану с его «политикой с позиции силы». Он и его ближайший советник директор ЦРУ Уильям Кейси стали реализовывать детально разработанную программу «N500-75». Их стратегия была направлена против ядра советской системы и содержала в себе:

- тайную финансовую, разведывательную и политическую помощь движению «Солидарность» в Польше;
- военную и финансовую помощь моджахедам в Афганистане (с прицелом перевода войны на территорию СССР);
- резкое ограничение поступления твердой валюты в СССР в результате снижения цен на нефть (в сотрудничестве с Саудовской Аравией), а также ограничение экспорта советского природного газа на Запад;
- психологическую войну, призванную посеять страх и неуверенность среди советского руководства;
- максимальное ограничение доступа Советского Союза к западным технологиям;
- технологическую дезинформацию для разрушения советской экономики;
- рост вооружений и поддержание их на высоком технологическом уровне, что должно было подорвать советскую экономику и обострить кризис ресурсов.⁴

Эта программа, не без помощи прежних лидеров СССР, была реализована. Советский Союз потерпел поражение в «холодной войне» и затем был разрушен. Рейгану, его последователям Бушу и Клинтону удалось несколько развеять чувство надвигающегося упадка Америки, ослабить у общественности ощущения надвигающейся угрозы для США. Но остановить упадок веса и авторитета в мире американцам объективно не представляется возможным. Об этом говорят сами американские ученые: политологи, социологи, геополитики, например, Р. Мид, Д. Каллео, П. Кеннеди и другие видные ученые. Особый интерес вызвали работы П. Кеннеди, в которых

утверждается, что в процессе исторического развития на смену одним государствам, группе государств, доминирующих на мировой арене, приходят другие. На смену Великобритании в середине XX в. пришли США, начало XXI в. (при кажущейся мощи США) отдает пальму геополитического первенства Западной Европе, Китаю, Японии и АТР в целом. Автор приходит к такому выводу:

Какова бы ни была вероятность ядерных или неядерных столкновений между крупнейшими государствами, ясно, что в соотношении сил уже происходят важные изменения... на двух различных, но взаимодействующих уровнях экономического потенциала и стратегической мощи.

Общая расстановка сил в мировой политике, по мнению П. Кеннеди, зависит от распределения совокупного объема мирового производства и объема мировых военных расходов. Концентрация мощи (США, СССР — сейчас России, Китая, ЕЭС и Японии) сократится и постепенно рассредоточится по многим центрам, соотношение промышленных потенциалов меняется в пользу Японии и Китая⁵.

Конечно, Соединенные Штаты стремятся продемонстрировать свой огромный потенциал: экономический, а особенно военный. Вот почему чаще всего искусство ведения научных, политических, дипломатических дискуссий подменяется угрозами с позиции силы. Таковы, например, по сути интервью первого заместителя государственного секретаря США Строуба Тэлботта, ответственного за политику США в постсоветских государствах, и политолога, бывшего помощника Президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского «Независимой газете» (11 декабря 1997г.) и «Комсомольской правде» (6 января 1998г.), где они говорят о том, «Какая Россия нужна Америке». Оценку этим публикациям дал известный политолог, профессор МГИМО Н.С. Леонов. Он, в частности, пишет:

Нас — граждан тысячелетней России — пытаются поучать, как жить, американец — житель страны с цивилизованным строем толщиной едва в двести лет, и польский еврей, эмигрировавший в Америку всего несколько лет назад. Причем нас пытаются не просто учить, как надо жить, а еще и как понимать историю своей страны".

Эту же слабую сторону американской политической культуры отмечает и политолог К.С. Гаджиев, который в монографии «Геополитика» отмечает, что

... для США проблема состоит в том, что они заняли статус сверхдержавы, не пройдя должных сроков школы великой военной политической державы, способной сосуществовать и на равных взаимодействовать с другими великими державами. Поэтому Вашингтону весьма трудно учиться на уроках истории и делать адекватные создавшейся ситуации выводы⁷.

Тем не менее большинство политических лидеров США провозглашают в качестве геополитических целей создание монополярного мира, в котором Америка будет выступать в качестве единственной сверхдержавы, вершителя судеб «мира, в котором народы признают разделяемую всеми ответственность». А главная ответственность, по мнению автора этой идеи бывшего президента США Джорджа Буша, лежит на Америке, создающей «новый мировой порядок». Как он полагает, «в быстро меняющемся мире лидерство Америки незаменимо». Каким же видят мир американские политики в третьем тысячелетии?

8.2. Геостратегия для Евразии

Нынешние США откровенно претендуют на роль новой сверхдержавы Евразии. Как полагает один из ведущих политологов США, советник Центра по изучению стратегических и международных проблем профессор кафедры внешней политики в Школе по изучению международных проблем при Университете Джона Хопкинса З. Бжезинский:

Роль Америки как единственной сверхдержавы мирового масштаба диктует сейчас необходимость выработать целостную и ясную стратегию в отношении Евразии⁸.

З. Бжезинский прекрасно понимает, что Евразия — супер-континент земного шара, играющий, по словам Макиндера, роль оси. Та держава, что станет доминировать на суперконтиненте, будет оказывать решающее влияние в двух из трех наиболее развитых в экономическом отношении регионов планеты: Западной Европе и Восточной Азии, а также на Ближнем Востоке и в Африке. Сначала США, по мысли З. Бжезинского, должны закрепить в Евразии геополитический плюрализм. Для этого приоритет должен быть отдан политическому маневрированию и дипломатическим манипуляциям, которые должны исключить возможность образования коалиций, враждебных США. Но у любого государства, существующего на карте Евразии, по мнению автора, нет для этого реальных возможностей. На втором этапе американизации Евразии должны появиться стратегически приемлемые партнеры, которые могут создать (под американским руководством) трансевразийскую систему безопасности. А в долгосрочном плане все это может стать основой системы подлинной Политической ответственности в глобальном масштабе⁹.

На западном фланге Евразии решающую роль в решении поставленной З. Бжезинским задачи будут играть Франция и Германия. Америка же продолжит расширение европейского демократического плацдарма (читай: расширение НАТО на Восток). На Дальнем Востоке, небезосновательно полагает политолог из США, ключевая роль Китая будет возрастать, и у американцев не будет стратегии в Евразии до тех пор, пока не будет достигнут политический консенсус между Вашингтоном и Пекином. Россия должна заявить о себе как о постимперском государстве, т.е. как о государстве, имеющем региональное значение, но не имеющем решающего влияния в Евразии. В ее подбрюшьи, на Юге, в Средней Азии возникают очаги этнических конфликтов. Гасить их призваны великие державы (читай: США, Китай, Япония, Турция, но не Россия). Решающая роль отводится автором США:

... так как вряд ли какое-либо государство может сравниться с Соединенными Штатами в четырех ключевых областях — военной, экономической, технической и культурной, — придающих стране глобальный политический вес⁹.

Европу американцы намерены усиленно подталкивать к исполнению отведенной ей роли. Но тем не менее у политолога есть опасения, что в силу ряда причин (роста безработицы, национализма и т.д.) французские и германские политики могут склониться в сторону экстремизма.

Ну, а какова же судьба России в геополитическом пасьянсе З. Бжезинского? По этому поводу он пишет:

Будущее России менее определено, и перспективы ее эволюции в позитивном плане не так уж и велики. Поэтому Америка должна создать такие политические условия, которые способствовали бы привлечению России к работе в широких рамках европейского сотрудничества и в то же время укрепляли бы независимость новых суверенных соседних государств .

В этой связи Вашингтону рекомендуется оказывать поддержку Украине, Узбекистану по национальной консолидации. Иначе их судьба в долгосрочной перспективе окажется неясной (вдруг они вновь уйдут под крыло России, как это было в историческом прошлом). Итак, в размышлениях геостратега отчетливо просматривается древняя, как мир, идея — разделяй и властвуй.

Эту идею относительно не только Евразии, но и конкретно России американские геополитики выносят около двух десятков лет, во всяком случае, говорят об этом. Есть несколько вариантов расчленения России. Один из них был озвучен бывшим Президентом США Рейганом («уничтожить империю зла»), другой нашел отражение в опусе демократа Г.Х. Попова «Что делать» (он предлагал разделить страну на 50—60 осколков-княжеств), подобные идеи высказывали Г. Старовойтова и В. Новодворская; более солидные авторы типа З. Бжезинского или С. Тэлботта предлагают поделить Россию на три республики: Дальневосточную, Сибирскую и Центральную. Были публикации в американской печати и о покупке Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала за 2 трлн. долл. Вот

так за океаном решают нашу судьбу. Купить, как аборигенов Аляски и жителей небольших городов Калифорнии, основанных когда-то русскими первопроходцами.

Что рекомендует для этого сделать пока еще действующий политик США — первый заместитель госсекретаря С. Тэлботт¹ Его беспокоит то,

в каких формах Россия определит свою государственность. Будет ли эта идея государства основываться на принципах обособленности и полной самобытности России?

Далее автор проговаривается и выдает главное, что беспокоит Америку: будет ли Россия отдавать приоритет своим национальным интересам или работать на реализацию интересов США, которые дипломат пытается выдать за «общепризнанные»¹⁰. Такая постановка вопроса называется, мягко говоря, подменой тезиса, а жестко — циничным подлогом.

Столь же много высокомерия и дремучего невежества можно увидеть в другом рассуждении С. Тэлботта:

Вам (т. е. русским) следует меньше уделять внимания образу Александра Невского, побеждающего шведских рыцарей в битве на льду, и больше «ганзейской» идее новгородцев.

Конечно, столь высокопоставленному дипломату стоило бы знать, что на Чудском озере были разгромлены не шведы, а немецкие псы-рыцари. А кроме того, мы же не учим американцев, какому историческому событию в их жизни отдавать предпочтение: объявлению ли Декларации о независимости, уничтожению ли индейцев — коренных жителей Америки, войне ли за освобождение негров от рабства, во время которой погибло более 650 тыс. человек. В этой войне североамериканцы наказывали южан за попытку создать конфедерацию. Победив, они сохранили единое государство. А что же советует Тэлботт нам на исходе XX в.?

Он пишет:

Федерация не может и не должна сохранять единство при помощи грубой силы. Танки, артиллерия и бомбардировщики не являются ни легитимными, ни в конечном счете эффективными инструментами управления¹⁰.

Кроме невежества, двойных стандартов в оценке фактов и явлений здесь видно и явное подстрекательство российских сепаратистов, т. е. вмешательство в жизнь другого государства. Когда СССР был сверхдержавой, такого и помыслить не могли элитики типа Тэлботта, а сейчас он позволяет себе называть Россию «региональной державой Третьего мира». Одна идея — идея-фикс проходит через писания Тэлботта: «Россия должна быть разрушена».

Эту же идею фанатично отстаивает и З. Бжезинский. Призывая поддерживать дрейф Украины в ЕС, в НАТО, он особо подчеркивает:

Без 50-миллионного славянского государства Россия оказалась бы более азиатской и удаленной от Европы. Украина способна стать частью Европы и без России. Москва же может сделать это только через Украину, что определяет значимость этой страны в формировании новой Европы¹.

Итак, отношение ведущих политиков США к России, ее будущему ясно. А в каком свете, под каким углом зрения они видят будущее других регионов Евразии? Для Америки Европа по-прежнему остается приоритетной в геополитическом раскладе сил. Она для нее — главный геополитический плацдарм в Евразии. Мощный военно-политический инструмент США, имеющийся в Европе, — НАТО дает Вашингтону возможность оказывать политическое и военное давление на страны, расположенные в самой Европе, а также и в Евразии. Любое расширение европейского политического и военного влияния приводит к росту влияния США. Германия при канцлере Г. Коле начала усиленную политическую, экономическую, военную экспансию против Югославии. В развале Союзной Югославии немцы заинтересованы по нескольким причинам. Одна из них имеет давнюю историю: потребность в портах Средиземного моря, другая причина связана с открытием на территории Союзной Югославии богатых месторождений сырья для алюминиевой промышленности. В этом сырье Германия нуждается очень сильно: алюминий — стратегический металл, металл XXI в. Отсюда и активная поддержка националистов-сепаратистов в Хорватии, Боснии, Герцеговине, Косово со стороны Германии, а затем и США.

Американцы активнейшим образом включились в антиюгославские игры, так как их возможность оказывать влияние и давление на Евразийском континенте зависит от тесных трансатлантических связей. Укрепление этих связей идет и будет идти путем роста числа стран НАТО. Это отвечает

интересам политики Вашингтона. Американцы объективно заинтересованы в торможении процесса интеграции Европы. Объединенная Европа может бросить вызов США. Особенно, если этот вызов будет касаться чрезвычайно важного для Вашингтона геополитического региона — Ближнего Востока, относительно которого, например, у Франции как и у некоторых других стран, есть свои особые интересы.

Но Америка не может определять контуры политической интеграции Европы по своему усмотрению. Времена былого диктата прошли. План Маршалла реализован, Европа поднялась из руин за короткий промежуток времени, а к началу XXI в. ее совокупный ВВП превосходит этот показатель «старшего брата», по-прежнему назойливо предлагающего свои услуги и советы, в большинстве которых не нуждаются европейцы, особенно французы и немцы. Интегрированная Европа, а ядром ее по сути является объединенная Германия, может отрицательно повлиять на планы американцев. Вполне логично, что на огромном евразийском пространстве интегрированная Европа будет реализовывать свои интересы. Поэтому здесь Вашингтон ведет сложную игру: он должен более тесно сотрудничать с Германией и Францией в создании такой Европы, которая была бы политически прочной, оставалась бы связанной с Соединенными Штатами и расширила бы рамки международной демократической системы¹².

Объективная зависимость США от трансевразийской системы сотрудничества, а последней от позиции прежде всего Германии и Франции в перспективе заставят Вашингтон согласиться с тем, что в руководстве НАТО появятся французские и немецкие генералы и адмиралы. Отсюда пойдет спад влияния США в решении межрегиональных, национальных, конфессиональных конфликтов в Европе. В перспективе встанет вопрос об усилении ее влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке. Кроме того, интегрированная Европа потребует (и обеспечит) уменьшения влияния доллара и трансатлантическую свободную торговлю. Пока же США, пользуясь своим положением, торговлю с Европой ведут не на паритетных началах.

В этой связи З. Бжезинский советует руководству США расширять НАТО и Европейский Союз осторожно и по этапам. Он пишет:

Учитывая уже принятые на себя Америкой и странами Западной Европы обязательства, окончательно не определенное, но вполне реальное развитие событий в этой сфере возможно по следующей схеме. К концу 1999 года первые три страны Центральной Европы (Польша, Чехия, Венгрия — Н.Н.) станут членами НАТО, хотя их вступление в Европейский Союз, вероятно, состоится не раньше 2002— 2003 года; к концу 2003 года Европейский Союз, возможно, начнет переговоры с тремя прибалтийскими республиками о присоединении к нему, и НАТО также будет вести речь об их, а также Румынии и Болгарии, вступлении в эту организацию, которое, вполне вероятно, состоится до 2005 года. Где-то между 2005 и 2010 годами Украина при условии, что она осуществит значительные внутренние реформы и будет признана как страна Центральной Европы, должна быть готова к началу переговоров с Европейским Союзом и НАТО¹².

Итак, американский геополитик польского происхождения написал сценарий, в котором, в силу своего разума, защитил интересы США, народам Центральной и Восточной Европы, прибалтики указал, как им надлежит вести себя, кому за кем становиться в очередь, чтобы войти в сферу американских интересов, попасть под милостивую опеку Вашингтона. Если же войти под сень НАТО им не удастся, то, по мнению З. Бжезинского, «это негативно скажется на идее расширения Европы и окажет деморализующий эффект на жителей Центральной Европы». Кроме того, полагает автор конструкции глобального переустройства мира, это может подхлестнуть ныне мало заметные политические претензии России в Центральной Европе. Безусловно, все мыслящие люди России не желают того, чтобы американское политическое и военное присутствие распространилось до ее границ, т. е. до Белгорода, Курска, Брянска, Смоленска, Сковы, Новгорода и Санкт-Петербурга.

А как же быть с Россией, учитывать ли ее интересы? Чьи Приоритеты поставить на первое место: России или ее ближайших соседей? Это риторические вопросы. Укрепление отношений сотрудничества с Россией желательно для Америки, но глобальные приоритеты последней таковы, что если выбор должен быть сделан между большой европейско-атлантической системой и улучшением отношений с Россией, то предпочтение следует отдать первому¹².

8.3. Россия в XXI в. в геополитике США

Как вести себя России — об этом в Америке думают давно. А в последние 20 лет уходящего тысячелетия особенно озабочены этим вопросом. Это наглядно демонстрируют многие политические, финансовые лидеры, включая и президента США. Он в 1998 г. подписал секретную директиву № 500, где приказал военным нацелить дополнительное число ракет, несущих ядерное оружие, на Россию. По-своему «заботится» о народе нашей страны и З. Бжезинский. Он рассуждает:

Новые связи России с НАТО и Европейским Союзом, нашедшие свое отражение в совместном Совете НАТО-Россия, могут побудить Россию принять... решение в пользу Европы. Формальное (вот справедливая оценка объективной роли России в «восьмерке» — КН.) членство в «большой семерке» и совершенствование механизма принятия политических решений в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе... должны побудить Россию занять конструктивную позицию в вопросах политического и военного сотрудничества в Европе¹².

Что это означает, если перевести на обыденный, разговорный язык? Это означает, что судьбу русских, татар, башкир и других народов, проживающих в России, уже решили за них в Вашингтоне. Что эти идеи внедряются в общественное сознание народов страны. Что опус Бжезинского — не только пробный шар, лакмусовая бумажка на проверку реакции народов, но это еще и сценарий действий, которые предпринимались против России в течение 90-х годов. Самым сильным механизмом, который должен заставить Россию идти на веревочке к цели, обозначенной Западом, — ее долги международным инвесторам. За последние семь лет прежнее Правительство РФ заняло на западе более 130 млрд. долл. Половина из них вновь оказалась в банках Запада, но уже на счетах российских олигархов. Большая часть второй половины полученной на Западе валюты бездарно растрачена в России. Возвращать долги нечем, кроме как распродавать за бесценок сырье и землю. Такое положение заставляет правителей РФ быть сговорчивыми и идти на геополитические уступки Западу.

Эту мысль Бжезинский подтверждает такой тирадой:

Хотя региональное влияние Европы и Китая возросло, Россия по-прежнему остается собственником самой большой территории в мире простирающейся на десять временных поясов и значительно превосходящей американскую, китайскую или европейскую.

А коли так, то почему матушке-России, не «уступить» часть обширных земель соседям или тем же американцам?

Потеря территории не является для России главной проблемой Россия скорее должна быть озабочена тем, что в экономическом отношении Европа и Китай уже сильнее ее, и тем, что она отстает от Китая в плане модернизации социальной сферы.

Позиция вашингтонских лидеров в основном совпадает с приведенной выше концепцией, и состоит она в том, что Россия в первую очередь должна отдавать приоритет модернизации, а не предпринимать тщетные усилия по возвращению себе статуса мировой державы. В силу того, что ее территория велика, природно-климатические условия разнообразны, политическую систему России надо децентрализовать, а экономические связи порушить. Исчезает единый народно-хозяйственный, экономический комплекс, появляются местные князьки-сепаратисты (от Чукотки и Якутии до Смоленска) — нет единой в военно-стратегическом плане мощной России, а значит, и нет проблем у Европы, США, Китая, Японии и т.д. Возникает одна проблема — кто проглотит больше кусков некогда могучей сверхдержавы. По этому поводу З. Бжезинский утверждает, что:

конфедеративная Россия, состоящая из Европейской России, Сибирской Республики и Дальневосточной Республики... придет к выводу, что в таком случае ей будет легче поддерживать тесные экономические связи со своими соседями.

Под соседями, конечно, подразумеваются прежде всего США Япония, затем Китай, который американские политики (это "отмечали наблюдатели во время визита Б. Клинтона в Поднебесную) подталкивают в сторону Забайкалья, Монголии и Средней Азии.

Реализация этой бредовой идеи в геополитическом плане означает, что будут какое-то время существовать марионеточные республики на территории некогда могучей страны, а затем, в недалеком будущем они будут поглощены более могущественными соседями. И такая Россия (скорее всего Европейская) будет менее склонна к проявлению имперских амбиций.

В реализации планов «децентрализации» России Вашингтону должны помочь Киев, Баку и Ташкент. Для этого они должны стать сильными, динамично развивающимися. Этим объясняется такое пристальное внимание американцев к этим трем республикам. Оно проявляется в инвестициях, в технической помощи, в совместном участии в различного рода проектах, наиболее крупный из них — добыча нефти со дна Каспийского моря. Разработка региональных ресурсов, полагают в США, приведет к росту благосостояния и внесет ощутимый элемент стабильности, что уменьшит опасность возникновения конфликтов. Развитие регионов благоприятно скажется на соседних провинциях России, которые в экономическом плане скатываются вниз. Эта идея — замаскированная экономическая экспансия. Ее модель сейчас апробируется на Курильских островах нашими ближайшими соседями — японцами.

8.4. Американские интересы в Средней Азии, на Кавказе, в Индии

В этом регионе интересы США переплетаются, вступают в противоречие с интересами региональной страны Турции. Хотя она и является сателлитом американцев, но, постепенно набирая геополитический вес, начинает играть все более заметную роль на юге Евразии. В самой Турции активно противостоят друг другу сторонники Запада и Ислама. Если победит линия сотрудничества с Ираном и другими мусульманскими странами, то Турция станет более активно сопротивляться интеграции Средней Азии в мировое сообщество. К этому ее подталкивает Совет Европы, который тормозит вступление Турции в это сообщество. США прямо и косвенно помогают своему сателлиту пролезть в ЕС. Для решения этой проблемы ведется многоходовая геополитическая игра в бассейне Каспийского моря и в Средней Азии, где США поддерживают стремление своего стратегического партнера проложить нефтепровод из Баку в расположенный на Средиземноморском побережье порт Сейхан — основной терминал для энергетических ресурсов бассейна Каспийского моря. От этого терминала потянется нефтепровод в Европу. Как полагают американцы и турки, он станет пуповиной, привязывающей страны Европы к Турции. И это позволит Вашингтону сделать западные столицы более послушными.

В последние годы американцы значительно изменили тон своих политических, экономических, культурных переговоров с Ираном. Американо-иранское противостояние не отвечает прежде всего интересам Соединенных Штатов. Поэтому они постарались «забыть» пощечину, которую нанесли иранские студенты США. Вашингтон усиленно внушает Тегерану мысль, что стабилизация ситуации в регионе отвечает их взаимным геополитическим и стратегическим интересам.

Американцы готовы снять свои возражения в отношении тесных турецко-иранских экономических связей, особенно в вопросе строительства новых нефтепроводов из Азербайджана и Туркменистана. По мнению аналитиков США, Индия пока что играет пассивную роль в южном субрегионе. Ранее, при поддержке Советского Союза, на мировой арене ее роль была более видной. После 90-х годов ее позиции значительно ослабли. Но, проведя серию испытаний атомного оружия, Индия заявила о себе как о сильной региональной державе. В геополитическом плане она сдерживалась и сдерживается китайско-пакистанским сотрудничеством. И Вашингтон не без оснований видит в Дели противовес растущему могуществу Китая. Лидеры США стараются налаживать новые и укреплять старые двусторонние связи между военными ведомствами Америки и Индии.

8.5. Китай в геополитике США

Динамично развивающийся социалистический Китай — поистине «зубная боль» для лидеров США. Поездки высших руководителей Америки в Поднебесную, их переговоры с политическими деятелями КНР говорят о том, что они стремятся достичь глубокою стратегического взаимопонимания между Америкой и Китаем. Эта долгосрочная перспектива-цель ставит перед США две задачи:

*... определение практических параметров и допустимых пределов роста влияния Китая как доминирующей региональной державы и решение проблемы со стремлением Японии выйти за рамки своего фактического статуса американского протектората*¹².

Цель политики Вашингтона в отношении КНР заключается в том, чтобы склонить мощный Китай к решению региональных проблем (читай: начать экономическую, демографическую, военную экспансию против соседних государств. — *Н.Н.*). Началом стратегического сотрудничества может явиться серьезный диалог Вашингтона и Пекина. Именно такую цель ставил визит В Клинтона в КНР, который упорно подогревал озабоченность Китайского руководства в связи с положением в Северо-Восточной и Средней Азии. Но пока взгляды лидеров КНР больше направлены в сторону Тайваня — средоточия капиталов стран АТР, чем на русское Приморье, Хабаровский край, Монголию, Среднюю Азию и Горный Бадахшан. Конечно, это не исключает, что следующим этапом строительства Великого Китая будет попытка реализовать интерес к этим регионам. К такому шагу китайцев упорно подталкивают американцы, полагающие, что растущий интерес Китая к Средней Азии «сужает возможности России в деле достижения политической реинтеграции региона под контролем Москвы»¹². Вашингтон усиленно подталкивает КНР и Японию «К развитию Восточной Сибири», Китай — к противостоянию с Индией и к поддержке Пакистана. Американцы полагают, что присоединение Тайваня к материковому Китаю возможно только путем добровольного волеизъявления жителей островного государства. Они будут готовы присоединиться к демократическому и процветающему Китаю.

*Любые попытки решить проблему воссоединения с помощью силы поставят под угрозу китайско-американские отношения и подорвут способность Китая привлечь иностранные инвестиции*¹².

Как следствие, по мнению американских аналитиков, претензии Китая на определяющую роль в регионе и получение статуса мировой державы уменьшатся. Во многом эти рассуждения построены на песке. Дело в том, что самые большие инвестиции в экономику КНР делают не американцы, западноевропейцы и даже не японцы, а Тайвань, затем хуацяо — этнические китайцы, проживающие за рубежом. Общая стоимость 500 ведущих предприятий в Юго-Восточной Азии, принадлежащих хуацяо, составляет около 540 млрд. долл.

Всего за 20 лет нового тысячелетия, при сохранении нынешних темпов экономического развития (самых высоких в мире). КНР может превратиться в глобальную военную державу. Его динамичная экономика позволит направлять значительную часть внутреннего валового продукта на модернизацию вооруженных сил и в первую очередь на совершенствование и развитие стратегического ракетно-ядерного потенциала. Безусловно, динамичное наращивание вооружения заставит Японию заняться тем же, так как политические лидеры Страны восходящего солнца знают о сильных антияпонских настроениях рядовых китайцев. Это память о тех зверствах, что творили японские солдаты, спецкоманды в Поднебесной в годы оккупации.

В силу динамичных изменений, происходящих в Поднебесной. Вашингтон очень хочет, чтобы Великий Китай рассматривал «Америку как своего естественного союзника»: без китайско-американского стратегического сотрудничества, служащего как бы восточным якорем для развертывания американского присутствия в Евразии, у Америки не будет геостратегии для Азиатского континента, что в свою очередь лишит ее геостратегии для Евразии в целом¹².

8.6. Япония в геополитике США

Успешно развивающаяся Япония с послевоенных лет является стратегическим геополитическим партнером США. Вашингтон в конце XX в. пытался создать, а в конце XXI в. наверняка продолжит этот своего рода тройственный союз: США—Китай—Япония. Усилия этого союза будут, безусловно, направлены против России, у которой «слишком большая территория». Ради создания такого соглашения американцы готовы даже отказаться от послевоенной доктрины: «Япония — непотопляемый авианосец Америки», от того, что Страна восходящего солнца — «главный военный партнер Америки в Азии», так как это может отгородить США от азиатского континента, «осложнить путь к достижению стратегического согласия с Китаем и негативно сказаться на попытках Америки укрепить стабильность в Евразии». Вашингтон признает, что в силу, мягко говоря, недружественных действий военизированной Японии в 30-х — 40-х годах уходящего века в Корее, Китае, в государствах Юго-Восточной Азии там сложилось холодное отношение к народу этой страны и Япония в политическом плане мало значит для азиатского континента. Но в союзе с американцами, по замыслу Вашингтона, Токио может играть важную роль в таких вопросах, как «развитие и поддержание миротворческих процессов». США также должны направлять деятельность японского правительства на пути примирения с Кореей, способствуя объединению Севера и Юга. В свою очередь японо-корейское партнерство должно способствовать расширению американского присутствия на Дальнем Востоке. Другое дело — согласятся ли амбициозные японцы играть роль вассала США. Они тоже полны планов играть глобальную геополитическую роль. И их экономика позволяет это делать. Но для такой роли нужна современная армия и гораздо больший политический вес. Первую проблему японцы легко могут решить сами, а с решением второй им может помочь Великий Китай. Такой альянс будет означать конец американской геополитической гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и утрату перспектив на достижение прочного соглашения между США, Японией и Китаем. Поэтому Вашингтон стремится к заключению американо-японского соглашения о свободной торговле, которое создаст общее американо-японское экономическое пространство и позволит расширить присутствие США на Дальнем Востоке.

- 1) См. *Дипломатический словарь*. — М.: Политиздат. 1960 — Т. 1. — С. 273.
- 2) *Батов А.* Цезарь, циклоп и Лисистрата// *Независимая газета*. — 26.08. 1998.
- 3) См.: *Bell O.* The End of American Exceptionalism // *Public interest*. 1975, p. 193
- 4) См.: *Швейцер Петер* . Победа, — Минск: СП «Авест», 1995. — С. 18—19.
- 5) См.: *Kennedy P.* The Rise and Fall of the Great Powers. — N.Y, 1986.
- 6) См.: *Леонов Н.С.* Яйца курицу не учат // *Русский дом*. — 1998. — № 3. С. 48.
- 7) *Гаджиев К.С.* Геополитика. — М.: Международные отношения. — 1997. — С. 211.
- 8) *Бжезинский З.* Геостратегия для Евразии// *Независимая газета*. — 24,10. 1997
- 9) Там же.
- 10) См.: *Леонов Н.С.* Указ. соч.
- 11) См.: *Бжезинский З.* Геостратегия для Евразии// *Независимая газета*, -24.10. 1999.
- 12) Там же.

Глава 9

Геостратегическая политика Китая

Возвышение Китая до статуса мировой державы наиболее отчетливо наблюдалось в последнее десятилетие XX в. Выход страны на первые роли в мировой геополитике изменил всю геометрию международных отношений. Усиление Китая не затронуло ни одну страну мира в большей степени, чем Россию. Поднебесная, или «Срединное царство», превратилась в важнейший фактор, способный повлиять на геополитическое положение России в мире и на ситуацию внутри РФ.

В ближайшие 10—15 лет в силу объективных причин это влияние возрастет еще больше, что во многом объясняется специфическими условиями развития Китая,

9.1. История российско-китайских отношений

История первых отношений между народами России и Китая (согласно летописям) начинается с XIII в., а межгосударственных — с первой половины XVII в. Русское правительство пыталось установить с Пекином тесные дипломатические отношения. Русские служилые и промышленные люди в XVII в. основали многочисленные поселения по течению среднего Амура. К югу от Амура за Хинганским хребтом находились вотчинные владения маньчжурских императоров. После завоевания Китая в середине XVII в. маньчжурами и установления династии Цин пекинское правительство стремилось вытеснить из Приамурья русских поселенцев, уничтожить важный в стратегическом отношении Албазинский острог. Кроме того, правители Китая предполагали предотвратить переход в русское подданство многочисленных племен, кочевавших или живших оседло в Приамурье. Россия была объективно заинтересована в налаживании торговых связей, установлении дипломатических отношений с Цинской империей. Поэтому она старалась воздерживаться от столкновений с маньчжурами и выступала за урегулирование дипломатическим путем вопросов о границе.

Для решения этих и других отношений между Россией и Китаем царское правительство в начале 1686 г. отправило на Амур посольство, наделенное широкими полномочиями — «великое и полномочное посольство» — во главе с Ф.А. Головиным. Желая избежать судьбы предыдущих русских посольств, часто терпевших неудачи из-за отказа русских представителей выполнять различные обряды, принятые для послов при цинском дворе, граф Головин предложил провести переговоры на русско-китайской границе. Цинские правители затягивали начало переговоров, действуя с помощью военных угроз, пытаясь занять крепость Албазин. Эти попытки не увенчались успехом и 12 августа 1689 г. близ Нерчинска переговоры закончились подписанием первого русско-китайского договора.

Это был первый случай, когда Китай вступал в официальные равноправные переговоры с европейской державой. Переговоры велись не только под давлением 15-ти тысячной армии богдыхана, поддерживаемой артиллерией и речной флотилией, фактически осадившими Нерчинск, но и под пристальным контролем иезуитов — испанца Перейро и француза Жербильона, состоявшими на службе у Цинов. Они принимали активное участие в переговорах и выступали против соглашения с Россией. Но благодаря искусству русских дипломатов, мужеству сопровождавших посольство стрельцов переговоры завершились заключением мирного Нерчинского договора, который в равной степени был необходим и России и Китаю.

Договор состоял из семи статей. В первых двух Россия соглашалась на территориальные уступки на Амуре, русский город Албазин должен быть срыт. Особое значение имела пятая статья договора, по которой подданным обеих сторон разрешалась взаимная торговля: всем людям с проезжими грамотами «разрешалось и покупать и продавать, что им надобно»¹. Кроме того, Нерчинский договор установил порядок разрешения возможных пограничных столкновений между двумя странами, способствовал развитию мирных взаимоотношений.

За 170 лет после подписания Нерчинского договора русские замлепроходцы освоили северный берег Амура, побережье Охотского моря и Татарского пролива. На этих землях были возведены военные городки и укрепления. Англичане проявили пристальный интерес к низовьям Амура. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский убедил китайских представителей в необходимости размежевания по Амуру. Пекинское правительство, не видя выгод от левобережья Амура, а также понимая, что собственными силами Китай не сможет защитить Приамурье от английской экспансии, пошло на соглашение с Россией.

По Айгунскому договору, подписанному 16 мая 1858 г., левый берег Амура от впадения в него реки Аргуни до устья признавался собственностью России, а Уссурийский край от впадения реки Уссури в Амур до моря оставался в общем владении «впредь до определения границ между двумя государствами». По сути договор 1858 г. возвращал России территорию, отданную Китаю по

Нерчинскому договору. Плавание по рекам Амуру, Сунгари, Уссури разрешалось только судам России и Китая. Подтверждалась соответствующая статья Нерчинского договора о взаимной торговле подданных обоих государств.

В 1858 г. был подписан Тяньцзиньский, в 1860 г. — дополнительный Пекинский договоры, которые подтвердили Айгунский договор².

9.2. Специфические условия развития Китая

.Специфические условия развития Китая можно свести к нескольким группам факторов:

- самая важная из них — ограниченность природных ресурсов, огромный людской потенциал и низкая стоимость рабочей силы;
- фактор, до сих пор не оцениваемый в России, — планомерное государственное регулирование инвестиций и развития экономической сферы жизни общества;
- планирование (в первую очередь) освоения высокотехнологий, динамично растущего экспортного потенциала;
- самый крупный в Евразии рынок;
- ускоренное наращивание военной мощи;
- все большее негативное воздействие на глобальную экологическую обстановку и т.д.

В связи с высокими темпами экономического развития (около 10% прироста ВВП в год, начиная с 80-х годов XX в.) КНР все острее ощущает дефицит ряда важнейших природных ископаемых: угля, железной и медной руды, сырья для получения алюминия, удобрений и т.д. Китай вынужден импортировать железную руду, лом черных и цветных металлов, удобрения и т.п.

Сельское население Китая составляет на конец XX в. около 800 млн. человек. Приблизительно 700 млн. из них существуют за счет обработки земель и животноводства. Но чем занять еще 100 млн.? Дефицит земельных угодий ограничивает рост занятости в деревне. Поэтому около 10 млн. человек ежегодно мигрирует в город в поисках работы. В городах существует официальная (3%) и скрытая (15—20% общей численности рабочих и служащих) безработица. Если в ближайшие годы динамика миграции в города не уменьшится, то город не сможет «переварить» такую массу новоселов.

Решение проблемы пекинские власти видят в определенной степени в рамках создания «Большого Китая», по сути экономической, геополитической интеграции, создания на базе стран, входящих в Азиатско-тихоокеанский регион. Условия жизни и деятельности населения КНР заставляют Пекин закрывать глаза на политические и идеологические противоречия, существующие в конце XX в. между Китаем и Тайванем, Китаем и Гонконгом (после присоединения к КНР в 1997 г. — Сянганом) и другими странами АТР. Интеграция Китая со странами-соседями Юга возможна путем привлечения иностранного капитала. За последние 10 лет КНР с помощью этих средств получила возможность облегчить или решить ряд социальных и экономических проблем.

Согласно прогнозу Мирового банка, в начале XXI в. частный импорт Китая вместе с Гонконгом (Сянганом) и Тайванем составит около 650 млрд. долл. против 530 млрд. Японии. В это же время ВВП «Большого Китая» достигнет почти 10 трлн. долл., а США — 9,7 трлн. КНР станет самым крупным экономическим полюсом. Как заявляют сами китайцы: XXI век — век Китайской цивилизации. Китайская цивилизация, считают они, по своим основным характеристикам, в первую очередь гуманистическим, превосходит другие цивилизации, и это обеспечит торжество Китая в XXI в. Безусловно, Китай уже вошел в круг держав, определяющих основополагающие векторы развития геополитических полей и сил.

Велики достижения КНР в военной сфере. К концу XX в. только синьцзянская группировка войск по боевому потенциалу и мобилизационным возможностям превосходит вооруженные силы независимого Казахстана. В начале XXI в. Китай станет ядерной сверхдержавой с мощным экономическим потенциалом.

Многие эксперты подчеркивают, что к концу XX в. снизилась роль Китая в качестве своеобразного балансира между двумя военно-политическими блоками, которую играла КНР в 60-х годах. Один из блоков был разрушен, а другой стал решающей геополитической силой. В противовес ему набирает мощь новая геополитическая сила в Азиатско-Тихоокеанском регионе во главе с Китаем, обладающим огромными людскими и экономическими ресурсами, а также технологическим и третьим в мире по мощи военно-стратегическим ядерным потенциалом. Долгие столетия Поднебесная была объектом экспансии и геополитических игр: от завоевания монголами до японской экспансии в 30-х — 40-х годах нашего века. Китай «спал». В свое время Наполеон Бонапарт сказал: «Там лежит гигант. Пусть лежит. Когда он проснется, он сотрясет мир»³. Подобную мысль высказал в конце XIX в. бывший госсекретарь США Д. Хэй:

*Мир на земле опирается на Китай, Кто понимает Китай с точки зрения социальной, политической, экономической, религиозной, тот держит ключ к мировой политике на последующие пять столетий*⁴.

Но этот путь не позволяет решить другие очень важные для Китая проблемы — ресурсные. Особенно это касается ресурсов сельхозугодий, пахотных земель, пресной воды для выращивания

зерновых, пресной воды для обеспечения нужд промышленности и населения городов: более половины городов КНР ощущают нехватку пресной воды.

Еще хуже обстоят дела с пахотными землями. В расчете на душу населения пахотный клин в Поднебесной в 3,3 раза меньше, чем в среднем в мире, и в 9,5 раза меньше, чем в бывшем СССР, почти в 12 раз меньше, чем в России. И эти обрабатываемые земли постоянно сокращаются, как шагреновая кожа, так как строятся новые заводы, фабрики, электростанции, прокладываются новые транспортные магистрали и т.д. Земельный кризис сказывается на сборах зерновых. Если в 2000-х годах удастся получить урожай зерновых 500 млн. т, то в расчете на душу населения это будет меньше, чем в 1994 г. Площадь лесов в расчете на душу населения почти в 7,5 раз меньше, чем в среднем в мире, и примерно в 50 раз меньше, чем в РФ. Та же картина и с лугами: в 3 раза меньше, чем в мире, и почти в 10 раз, чем в РФ. Для освоения новых земель требуются огромные затраты финансовых средств, а их у руководства Китая нет⁵.

Пекин, решая свои проблемы, получает сырье, энергоносители, руду, пиломатериалы в Австралии и России, США и Канаде, и, конечно, в странах АТР. И газета китайских комсомольцев «Чжунго циньянь бао» запустила первый пробный шар, заявив, что

Китайцы не могут более удовлетворяться 9,6 млн. кв. км.,... эпоха призывает нас... обратить свои взоры на широкие морские просторы.. Только китайцы, не игнорирующие освоение морских просторов, достойны будущих поколений⁵.

«Голубые просторы государства» — это более 3 млн. кв. км. Это запасы газа, нефти, фосфора на островах. Но дело в том, что на эти голубые территории претендуют еще Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Таиланд, Бруней. Чтобы решить эту проблему, молодежная газета призывает ускорить модернизацию военно-морских сил. Сделать это полагают при помощи России.

Главный энергоноситель КНР — каменный уголь. В стране острый дефицит электроэнергии (не менее 20%), Сжигать уголь — значит травить экологическую среду. К 2000 г. КНР станет главным загрязнителем воздушного бассейна атмосферы, что ведет к росту потребностей в воде. Потепление атмосферы в Китае и в мире создает чрезвычайно сложную ситуацию: если не удастся снизить парниковый эффект вследствие повышения уровня мирового океана, к 2050 г. возникнет угроза полного затопления 14 городов в дельте реки Чжуцзян, 30 городов и уездов в Восточном Китае.

9.3. Внешнеэкономические связи КНР

Китай — социалистическая страна с плановой экономикой. Тем не менее иностранных инвесторов это не смущает. Политическая и экономическая системы КНР стабильны и приток иностранных капиталов с каждым годом растет. С 1980 по 1998 г. приток иностранных капиталов вырос почти в 4 раза. На середину 1998 г. в Поднебесной числилось более 314,5 тыс. предприятий с участием иностранного капитала. Контрактный объем инвестиций — 545,37 млрд. долл.⁶

Главными прямыми инвесторами в экономику Китая выступают Тайвань, Сянган, Аомэнь и Сингапур, т. е. страны, где больше всего проживает китайцев. Предприниматели Тайваня, [Гонконга, Аомэня, Сингапура — главные инвесторы в экономику Китая. Их вклад составляет 60—80% суммы всех вкладов деловых кругов всех остальных стран мира.

В последние годы Тайвань превратился во второго после Гонконга инвестора в экономику КНР, а после включения Гонконга геополитическую систему Китая — в инвестора номер один.

Бурно растет китайский экспорт: примерно на 25—30% ежегодно. Если в 1979 г. во внешней торговле формировалось менее 10% ВВП страны, в 1993 — почти 36%, то в 1998 г. (на июль) — более 45%⁷. В первом полугодии 1998 г. общий объем внешнего товарооборота КНР достиг 151,4 млрд. долл.: экспорт составил 87, а импорт — 64,4 млрд. долл. В связи с кризисом в Юго-Восточной Азии Китай активно осваивал рынки в Европе, Африке, Латинской Америке. Экспорт КНР в ЕС в 1998 г. возрос на 25,5%, в США — на 18,1%, в Африку — на 44,7%, Латинскую Америку — на 38,1% и т.д.³

Китай, как и Япония, имеет в торговле с США положительное сальдо (более 30 млрд. долл. в год) и по его размерам занимает второе место после Японии.

Любая геополитическая напряженность между Китаем и США будет способствовать усилению японо-китайских связей, усилению японского капитала АТР. Эта угроза способствует объединению стратегических интересов США и Китая. Кроме экономических интересов на сближение двух стран «работает» историческая память китайцев и американцев — память о преступлениях японцев накануне и в годы Второй мировой войны.

Связи Японии и Китая стали завязываться в 60-е годы, во время «холодной» и особенно «горячей войны» между СССР и Китаем (бои на острове Даманском), Китаем и Вьетнамом. Япония выступает преимущественно в качестве кредитора, и сейчас является главным торговым партнером Китая, который является чаще всего покупателем японской техники, технологии и товаров. Безусловно, Япония стремится сдерживать наращивание китайского технико-технологического и экспортного потенциала, не пуская соседа на традиционные рынки сбыта своей продукции. Обострились японо-китайские экономические, торговые отношения во второй половине 90-х годов конца XX в.: островное государство испытывает депрессию, ежегодный прирост ВВП в Японии не превышает 2%, а китайская экономика, несмотря на жесточайший финансово-экономический кризис в странах АТР, давала и дает прирост ВВП по 10—8% в год⁹.

Поэтому хотя КНР и Япония заинтересованы в развитии двусторонних экономических и торговых связей, но в то же время выступают как конкуренты на рынках стран АТР, АСЕАН, США, Африки, Европы и т.д.

Увеличивают продажу своих товаров в Китае Англия, Германия, Франция и Италия. Но в последние годы они стали больше уделять внимания росту прямых капиталовложений в экономику этой страны.

Для отношений КНР со странами АСЕАН и «четырьмя малыми драконами» характерны процессы конкуренции, притяжения и отталкивания. Тем не менее в отношениях с «малыми драконами» главной линией является становление экономической и производственной кооперации. В отношении стран АСЕАН превагирует конкуренция. Страны АСЕАН опасаются военной угрозы со стороны Китая. По оценкам западных специалистов, на Тайване разработана долгосрочная программа, предусматривающая превращение его в азиатско-тихоокеанский региональный экономический центр, способный занять центральное место в АТР и даже в мире. Тайвань намерены сделать операционной базой инвестиционной и предпринимательской деятельности местных и иностранных компаний. Кроме того он, по замыслу разработчиков программы, должен стать центром обрабатывающей промышленности, финансовой, телекоммуникационной и транспортной активности в АТР, т. е. превратиться в лидера в развитии региональной экономической интеграции¹⁰.

В Китае тоже имеется аналогичный план — «план Пудун». Он предполагает формирование в районе Шанхая гигантского (с охватом в 100 млн. человек) международного промышленного, финансового, торгового, транспортного и культурного центра, способного занять лидирующую роль в АТР¹¹. На

этом вопросе мы останавливаемся потому, что в XXI в, вероятнее всего произойдет объединение двух Китаев в один и тогда он превратится в самую мощную финансово-экономическую империю.

9.4. Демографическая политика Китая

В основе промышленно-экономической стратегии Китая лежит концепция ресурсосбережения. Но для того чтобы выйти на уровень материального достатка среднеразвитых стран Европы, о чем объявило китайское руководство, КНР потребуются природные ресурсы еще одной планеты «по имени Земля». Отсюда и выдвигание тезиса «демографического империализма». Авторы этого тезиса У. Гогуан и Ван Чжаоцзюнь в книге «Китай после Дэн Сяопина: десять существенных проблем» пишут, что любой стране мира будет угрожать крах, если хотя бы 10% китайцев устремятся за пределы своей страны. Этот тезис уже реализуется в Сибири и на нашем Дальнем Востоке. Если Пекину даже удастся ужесточить демографическую политику: «одна семья — один ребенок», то к 2015 г. численность населения КНР возрастет как минимум на 300 млн. человек. Примерно на 125—140 млн. человек увеличится армия наемных работников.

КНР преодолевает немало трудноразрешимых проблем. В частности, по официальным данным, почти четверть взрослого юродского населения — безработные, это почти 250 млн. человек. Такое сложное социальное явление порождает настроения эмиграции. Она есть в Китае: официальная и нелегальная. Китайцы чрезвычайно трудолюбивы, быстро адаптируются в новой обстановке, легко приспосабливаются даже к экстремальным условиям, неприхотливы в еде, легко переносят жару и холод и т.п. Вот эта уверенность в своих силах, способность жить везде 11 является одной из немаловажных причин готовности безработного жителя Поднебесной к эмиграции. По данным экспертов на территории РФ, особенно на Дальнем Востоке и в Забайкалье, нелегально проживает около 2 млн. китайцев. Они занимаются торговлей, земледелием, заводят семьи и получают вид на жительство. Если называть вещи своими именами, идет тихая, ползучая китаизация приграничных земель России. Всего же китайцы с помощью официальных и неофициальных каналов «осваивают» 72 страны мира.

К концу XX в. демографическая нагрузка на китайские части российско-китайских речных бассейнов превышает российскую в 17 раз. Немалая часть китайцев (по российским стандартам) вовлечена в различные формы проникновения на юг Дальнего Востока, Забайкалья, Сибири, а также на территории Казахстана и Киргизии, куда также активно проникают китайские казахи и киргизы. Не сняли китайцы и своих претензий в отношении Горно-Бадахшанской области в Таджикистане. Если учесть, что население Средней Азии удваивается через каждые 23—25 лет, а его расселение жестко ограничено пустынями и высокогорными территориями, то не исключено, что внимание узбеков, казахов, киргизов, как и китайцев, может быть привлечено к жизненным пространствам Алтая, Сибири. Пока же в Средней Азии идет борьба за перераспределение сфер национального влияния и пересмотр нарезанных в начале 20-х годов XX в. границ. Так, Ферганская долина после развала СССР превратилась в объект острых территориальных разногласий между Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном. Сейчас таких территориальных споров между тремя бывшими советскими республиками более десятка. Они принесли уже кровь и трагедии для тысяч людей. Эти военные конфликты «выдавливают» в основном русское население (но не только русское) в Россию. Но в этно-территориальные конфликты, происходящие в Средней Азии, Казахстане, Киргизии, могут вмешаться не только этнические казахи и киргизы Китая, а также уйгуры, монголы, тибетцы, проживающие на Северо-Западе КНР, во внутренней Монголии. Что касается внешней Монголии, то территория им не нужна, жизненного пространства им хватает, но подпирает с юга могучий сосед — Китай. Куда пойдет его экспансия? В Улан-Баторе этого не знают, как не знают этого и в Москве.

9.5. Интеграция в «Большой Китай»

Обозначенные выше, а также и другие проблемы существования и развития Китая заставляют его искать выход из создавшейся сложной демографической, социальной, экологической и экономической ситуации. Поэтому к геостратегии великого соседа присматривается не только Россия, но и другие сопредельные страны: Юга и Юго-Востока, страны Азиатско-Тихоокеанского региона. АТР в XXI в. приобретет еще более важное геополитическое значение. Он превратится в одно из главных геополитических, экономических звеньев в мировой системе отношений. Экономика Китая, Тайваня, Малайзии, Филиппин, Таиланда в 90-х годах росла самыми высокими темпами в мире. Во многом это было достигнуто благодаря созданию Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества. Есть все признаки по формированию «Большого Китая», или Китайского общего рынка, куда войдут Китай, Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), Сингапур.

На общей национальной и культурной базе между этими странами и территориями складываются и упрочиваются тесные производственно-экономические связи, образуя костяк «Большого Китая». Конкурируя между собой, субъекты — элементы потенциального «Большого Китая» — идут по пути тесной интеграции. В перспективе в первой половине XXI в. на мировую арену может выйти мощнейшая мировая супердержава с четвертью населения земного шара на стратегически важном геополитическом пространстве. Она сможет регулировать жизнь не только этносов, проживающих на территории «Большого Китая», но и многочисленных китайских общин, разбросанных по всему миру.

Сейчас в АТР переплетаются интересы многих государств, в первую очередь промышленно и финансово развитых, включая и Россию, имеющую с Китаем 4000-километровую границу. Таким образом, «Большой Китай» может в XXI в. стать объективной реальностью. По своим макроэкономическим показателям это геополитическое объединение (КНР, Тайвань, Сянган, Аомэн, Сингапур) уже сейчас значительно превосходит Германию, Францию, Италию и Великобританию, вместе взятые. (В число важнейших макроэкономических показателей журнал «Asiaweek» включает экспорт, валютные резервы без золотого запаса, баланс текущих операций, объем операций на фондовых биржах). Для сравнения можно сказать, что экспорт России составляет примерно 1:14 экспорта стран — потенциальных членов «Большого Китая», а валютные резервы — 1:55 в пользу альянса.

Можно утверждать, что в результате бурных экономических, политических процессов в АТР сложилась принципиально новая геополитическая обстановка, в которой «вызревает» «Большой Китай».

9.6. Сущность геополитики Китая

На протяжении столетий геополитика Китая носила двойственный характер. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, «Срединное царство» принадлежало к Rimland, береговой зоне Тихого океана, а с другой — Китай никогда не был талассократическим государством, так как всегда ориентировался на континентальные архетипы. Само историческое название Китая — «Срединная империя» — говорит о его теллурукритических, устремлениях.

С начала XIX в. Поднебесная постепенно превращается в полуколонию Запада (в большей части Великобритании). Поэтому с начала XIX в. вплоть до 3 октября 1949 г. (победа народа под руководством коммунистов над Гоминданом) геополитика Китая была в своей основе атлантистская. Китай выступал в качестве евразийской береговой базы Запада. После победы над Гоминданом и провозглашения Китайской народной Республики (3 октября 1949 г.) в течение 10 лет Китай шел в русле просоветской, по сути евразийской политики. Затем КНР исповедовала идеологию «автаркии» — опоры на собственные силы. После смерти Мао Цзе-дуна, в середине 70-х годов КНР вновь стала входить в русле атлантистской геополитики. Это было обусловлено прагматической философией Дэн Сяо-пина (отца китайских реформ) и его сторонников. Больше дивидендов получал Китай от контактов с Западом, нежели с СССР, а теперь — с Россией. Во-первых, на Западе — деньги, кредиты, технологии, необходимые для индустриального развития КНР. Во-вторых, пекинское руководство смотрело в XXI в.: население Китая к середине будущего тысячелетия перевалит за 1,5 млрд. человек. Значит, для Поднебесной нужны новые территории. А они есть только на Севере и Дальнем Востоке. Следовательно, дружба с СССР, а сейчас с Россией связывает свободу геополитических действий Китая в Монголии, Забайкалье, в Казахстане и на Дальнем Востоке. Отсюда можно сделать вполне обоснованный вывод, что южный сосед опасен для России: во-первых, как геополитическая база атлантизма, во-вторых, как «глобальный человеконик» — огромный инкубатор по производству людских ресурсов, страна самой высокой в мире демографической плотности.

Еще в начале 60-х годов, когда обострились советско-китайские отношения, бывший Председатель ЦК КПК Мао Цзе-дун заявил, что четыре тысячи лет тому назад, когда в Китае уже была письменность, варвары, населяющие территорию нынешней России, еще ходили в звериных шкурах. В этом заявлении, как в зеркале, отражается великоханский шовинизм китайцев, обусловленный замкнутой расово-культурной спецификой. Это высокомерие китайцы демонстрируют везде, во всех уголках земного шара, где бы они ни поселились. И те страшные погромы китайских кварталов, что произошли весной 1998 г. в Индонезии, — месть не только за нещадную эксплуатацию индонезийцев со стороны хуацяо (этнических китайцев), но и за их снобистское поведение. Эти и другие факты позволяют с определенной долей осторожности сделать вывод, что Китай является потенциальным геополитическим противником России на Юге и Дальнем Востоке. Наши ученые, специалисты по Китаю, геополитики предлагают разные варианты решения этой проблемы. Например, А. Дугин считает, что

геополитическая задача России в отношении самого восточного сектора своего «внутреннего» южного пояса заключается в том, чтобы максимально расширить зону своего влияния к югу, создав как можно более широкую пограничную зону¹².

Применительно к Китаю, по его мнению, речь идет о силовом позиционном геополитическом давлении, о провокации территориальной дезинтеграции, дроблении, политико-административном переделе государства.

А. Дугин полагает, что необходимо установить более тесные отношения с Синьцзянем (Северо-Западный Китай) — древнейшей страной, имеющей долгую историю политической автономии. Эти земли населены уйгурами — тюркским этносом, исповедующим ислам. Китайцы контролируют эту провинцию, часто применяя военную силу, подавляют все попытки населения региона отстаивать религиозную и этническую автономию. Он пишет:

Южнее Синьцзяня простирается Кунь Лунь и Тибет... отдельная страна с особым населением, специфической религией, древнейшими политическими и этническими традициями. Власть Пекина здесь... основана на прямом насилии, как и в Синьцзяне¹³.

«Россия, — считает А. Дугин, — геополитически прямо заинтересована в активной поддержке сепаратизма... и начале антикитайской национально-освободительной борьбы во всей этой области».

В будущем эти территории должны вписаться в евразийскую континентальную федерацию, так как их с атлантизмом не связывает ни география, ни история. Кроме того,

без Синьцзяна и Тибета потенциальный геополитический прорыв Китая в Казахстан и Западную Сибирь становится невозможным¹.

9.7. Еще один подход

Выразителем этого подхода, по мнению председателя Комитета по геополитике Госдумы РФ А.В. Митрофанова, стал антиамериканизм:

это основа сближения Китая и России, нам следует крепить фронт против лицемерного и беспощадного агрессора, коим являются США¹⁴.

Далее он полагает, что

установление общей стратегии развития на мировой арене России и Китая способно прервать длительную гегемонию в АТР США с их военной мощью, подкрепляемой экономическим потенциалом политически пораженной Японии¹⁴.

По мысли А.В. Митрофанова, Россия должна всемерно способствовать росту военной мощи Китая на основе широкомасштабных продаж российской военной техники. Тезис довольно спорный. Но автор идет еще дальше. Он пишет:

Россия должна снять все территориальные препятствия (? — Н.Н.) для расширения Китая на Запад. Поддерживая непрерываемый суверенитет Китая над Синьцзян-Уйгурским автономным районом, Россия должна способствовать восстановлению суверенитета КНР над всем Туркестаном (? — Н.Н.), включая Южный Казахстан... это изменит геополитическую обстановку в регионе в лучшую сторону... Россия получит надежную базу для развития собственных коммуникаций на Юг через территорию стабильного Великого Китая¹⁵.

Развивая этот тезис далее, он полагает, что подвижка западных границ Китая далеко на Запад всецело в интересах России. В этом случае ракетно-ядерные силы Китая получают возможность покрывать все интересные для блока России и Китая цели на территории Западной Европы, включая Лондон и Осло. Восточная граница Западной Европы соприкоснется с границей Китая на территории Турции. Это будет лучшим средством отрезвления для атлантических демагогов, одурманенных собственным величием и паническим страхом за «Западную Европу»¹⁶.

А далее предлагаются идеи умиротворения, которые усыпляюще действовали на умы народов Европы в 1937—1938 гг. Автор полагает, что

приобретение Монголии (Китаем), так же как и дружественная уступка российских прав на недвижимость в Маньчжурии в 1954г., придает чувство успокоенности и умиротворения Китаю относительно его северных границ. Россия должна добиваться смягчения позиции Пекина по Тайваню с целью установления между ним и Россией крупномасштабных экономических и культурных отношений¹⁶.

Как говорит русская поговорка: «гладко было на бумаге, но забыли про овраги». Конечно, неплохо бы спросить у самих китайцев, какой из почти взаимоисключающих геополитических проектов им больше по душе?

А.В. Митрофанов, конечно, прав в формулировке целей российско-китайского союза. Безусловно, экономическая целесообразность сближения России и Китая создает хорошую основу для военного, политического и этнического союза. Более тесное сотрудничество может быть в военной области, при разработке и переработке сырья, энергоносителей, сотрудничество в аэрокосмической сфере, в обрабатывающей, машиностроительной, химической и других отраслях промышленности. Более тесное сотрудничество между двумя нашими государствами способно обеспечивать гигантский объем торгового оборота, проводить новую политику в АТР в противовес американским притязаниям на этот регион. Хороша идея создания блока Россия—Китай—Индия. Но всегда надо помнить, что китайский менталитет сугубо прагматичен. Наиболее яркое воплощение он нашел в политике Дэн Сяопина, которая к строительству воздушных замков и хрустальных мостов между двумя народами не имела никакого отношения.

Китай на пороге XXI в. в отличие от нынешней России сосредоточен на самом себе. Его внешняя политика имеет подчиненное значение по отношению к внутренней, направленной на экономическую и социальную трансформацию страны. Но в условиях зависимости Пекина от внешних кредиторов, а также в силу потенциальной возможности создания структуры, аккумулирующей силы коалиции, направленной на сдерживание китайской мощи, Китай может вести свою сложную комбинационную игру. Конечно, в этих условиях политика добрососедства для Китая — не благотворительность, не жест доброй воли, а объективная необходимость.

Внешняя политика «Срединной империи» в конце XX и начале XXI вв. будет направлена на стратегический выигрыш времени для создания экономической и военной мощи, для превращения Китая в мировую сверхдержаву. Делаться это будет за счет присоединения (вслед за Гонконгом) Макао, а самое главное — Тайваня и островов типа Спратли с огромными морскими шельфами. На острова в Южно-Китайском море КНР предъявляет особые права, хотя не меньше прав на спорные острова имеется у Вьетнама, Японии и других приморских государств. Геостратегической целью Китая в этом регионе станет достижение преобладающего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе: от Филиппин, Индонезии до Бирмы. На севере внешняя политика Китая держит в поле зрения Монголию и Россию. КНР станет активно добиваться фактического признания «особых отношений» с Монголией, т. е. присоединения более 1,5 млн квадратных километров территории с менее чем 2 млн. жителей. Это станет возможным, если Китай заставит своих соседей отказаться от участия в антикитайских коалициях, признать его ведущую роль в регионе. Одной из конечных целей Китая является проведение другими странами торгово-инвестиционной политики, дружественной Поднебесной.

Эта цель выступает как средство достижения глобальной цели — превращения Китая в супердержаву, способную бросить вызов не только США и Западу в целом, но даже коалиции ныне самых могущественных стран. Нет оснований утверждать, что для достижения своих целей Пекин прибегнет к военной силе. Он будет стремиться не вступать в открытую борьбу, а подавлять волю других стран своей мощью (демографической, экономической, военной), разделять потенциальных конкурентов, не вступая в связывающие его действия союзы, отдавая тем самым приоритет коренным интересам Китая, а не мирового сообщества.

Отсюда вытекает, что взаимодействие России со своим соседом должно быть связано прежде всего с экономической, научно-технической и информационной сферами. Для России Поднебесная — это огромный рынок, где можно выгодно реализовать как сырье, так и промышленную продукцию и услуги. Немаловажное значение имеет КНР как источник рабочей силы для развития Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. В перспективе Китай может стать источником инвестиций. Но завоевать такой огромный рынок можно только в жесткой конкурентной борьбе. Пекин заинтересован в современной технике и технологиях. Такое современное оборудование у России пока что есть в атомной и авиакосмической промышленности, в гидроэнергетике, в военно-промышленном комплексе. Другие же российские товары, услуги, кроме сырья, Китай в конце XX в. практически не интересуют. Таким образом, объективно КНР не испытывает нужды в союзе с обескровленной и непредсказуемой Россией, поэтому самая действенная политика — политика коммерческих контрактов не задействована. А тесное политическое партнерство с Китаем для России — абсолютная необходимость. Более тесные геополитические отношения с гигантом — Поднебесной — дали бы РФ более широкие возможности для внешнеполитического маневра.

9.8. Другое видение проблемы

В силу объективных причин в конце XX в. для России опасен постепенный исход из Дальнего Востока и Сибири. Это может случиться в силу нарастания сепаратистских тенденций, действия пятой колонны внутри страны, утраты способности и политической воли у центральной власти для наведения порядка в собственном доме. Китай объективно заинтересован в переориентации сепаратистов Сибирского и Дальневосточного регионов на Пекин. Также вполне реально возникновение односторонней зависимости РФ от КНР в экономике и политике. Это приведет Россию к утрате внешнеполитической, а в перспективе и внутривнутриполитической свободы, к превращению РФ в сырьевой придаток не только Запада, но и Китая. А такая зависимость Приморья, Хабаровского края, Забайкалья от торговли, поставок продуктов питания, изделий легкой промышленности из КНР видна уже невооруженным глазом. Демографическая сфера тоже вызывает много тревог и опасений. Здесь иммиграционная политика центральных и региональных властей вызывает большие опасения: тихая китайско-корейская экспансия может привести к тому, что

к середине XXI века в России будет проживать от 7 до 10 млн. китайцев, которые, таким образом, станут второй по численности этнической группой России — после самих русских¹⁷.

Отсутствие научно обоснованной иммиграционной политики у России может привести в начале XXI в. к конфликтам на межэтнической почве и, возможно, к российско-китайскому военному противостоянию, в котором геополитические силы сторон будут явно в пользу Пекина. Такие же последствия могут возникнуть и в Центральной Азии, где нарастают этнические, клановые и религиозные противоречия, а их основой во многом является передел природных ресурсов и границ. Тогда стратегическая пограничная зона, или буфер между Россией и Китаем, исчезнет, так как КНР наверняка захочет вмешаться в дела богатого ископаемыми региона.

При продолжении нынешнего геополитического курса (точнее, при его полном отсутствии) у России нет большого выбора во внешней политике. В XXI в., если не произойдет коренных изменений в экономической, социальной и военной сфере в РФ, Россия станет младшим партнером Китая. Это в лучшем случае. В худшем — от совместного освоения Дальнего Востока и Сибири китайцы смогут легко отказаться и взять это дело только в свои руки, решая этнические проблемы путем насильственной ассимиляции проживающего там населения, как они это делают на протяжении десятилетий в Синьцзяне, Тибете и других субрегионах страны. И, конечно, такой разворот событий приведет к острому и затяжному конфликту. Безусловно, пока Россия располагает мощным ядерным оружием, Китай такой вариант раскладки геополитических сил и полей не приемлет. Но... Москву усиленно заставляют разоружаться, «реформировать» вооруженные силы, особенно ракетно-ядерные. И Пекин, как и Вашингтон, чрезвычайно заинтересован в этом.

Россия может стремиться к сдерживанию потенциальной экспансии Китая через создание антикитайской коалиции. Нетрудно видеть лидера этой коалиции — это США. Но чем лучше патронат американский патроната китайского? В свое время знаменитый английский историк А. Тойнби в книге «Цивилизация перед судом истории» задавал вопрос, что из себя представляет Запад по отношению ко всем народам, и все ответят одинаково: «Запад — архиагрессор!» И каждый народ найдет тому множество примеров и в первую очередь Россия¹³.

Итак, продуктивной, на наш взгляд, была бы геостратегия России, основанная на комплексном развитии всех сфер (геополитических составляющих: экономической, социальной, военной, политической и др.) жизни регионов Сибири и Дальнего Востока с привлечением капиталов и рабочей силы всех заинтересованных стран: западных, стран АТР, в первую очередь Японии, Кореи, Китая, Индии, США, стран СНГ. Стихийное развитие этого процесса может привести к нестабильности и острым конфликтам. Научно обоснованное управление притоком иммигрантов позволит увеличить ресурсы России. Четко разработанная система квот, требований к иммигрантам могла бы дать ей квалифицированную рабочую силу, предприимчивых энергичных граждан страны. Но для подготовки такой программы развития производительных сил Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока путем интернационализации инвестиций и рабочей силы нужны высококвалифицированные специалисты-синологи, японоведы, политики, экономисты, геополитики.

Важно соблюдать равноудаленность России с Западом и Востоком, а на Востоке — координировать отношения с Пекином, с другими геополитическими центрами силы: Токио, Дели, Джакартой, Астаной.

Параллельно надо решать проблему создания системы экономической, инвестиционной, научно-технической, военно-промышленной взаимозависимости Москвы и Пекина, одновременно развивая равноправные взаимовыгодные отношения со странами АТР, прежде всего с Японией, Северной и Южной Кореей, а также с США. Интернационализация развития Сибири и Дальнего Востока предотвратит одностороннюю китаизацию этих регионов. Безусловно, деятельность интернациональных компаний, концессий должна быть под жестким контролем правительства РФ. Пока же Россия в этом стратегически важном геополитическом регионе выступает как самая слабая страна, а не как сверхдержава.

Итак, в XXI в. Китай будет оказывать большое влияние на и российскую внешнюю и внутреннюю, оборонную политику, экономику, демографию и политическим лидерам России надо осознать и подготовиться принять вызов Пекина.

- 1) Русско-китайские отношения 1689—1916 гг. — М., 1958. — С. 9—11.
- 2) *Сборник договоров России с Китаем 1689—1881 гг.* — СПб.: Изд. МИД.1882. — СМ 10-121.
- 3) Цит. по: *Сангва Н.* \Уа1ш СЫпа 1ЛШев. N. V., 1937. p.3.
- 4) Т а м же.
- 5) *The China Journal.* - 1995 - №1, p. 7.
- 6) *Советская Россия.* — 6. VIII. 1998.
- 7) *Чжунго цзиншинянь.* Китайский экон. ежегодник. — Пекин, 1998. — С. 827-828, 840.
- 8) *Советская Россия.* - 6. VIII. 1998.
- 9) Т а м же.
- 10) См.: *Полис.* - 1995. - №6. - С.43.
- 11) Там же, с. 43.
- 12) *Дугин А.* Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997. — С.360—362.
- 13) Т а м же, с. 362.
- 14) *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики// *Русский вестник* — М., 1997. — С.211.
- 15) Там же, С--212.
- 16) Там же.
- 17) *Китайский фактор.*// *Независимая газета.* — 9. VII, 1998.
- 18) *Лисичкин В.* Лишь тогда все поймут, почему пуста госказна.// *Патриот.* — 1998. - №30.

Глава 10

Геополитика и общественное развитие Японии

Современное положение Японии, ее политическая роль в мире совершенно не соответствуют достигнутой экономической мощи Страны восходящего солнца. В конце XX в. политические условия, навязанные Японии США после поражения в войне 1941—1945 гг., значительно ограничивают ее свободу в выработке собственной внутренней и внешней политики, в выборе геополитического пути. Это касается и геостратегических отношений Страны восходящего солнца с ее ближайшими соседями, включая и Россию.

10.1. Земля духов

Один из основателей геополитики Карл Хаусхофер относил Японию к «островным странам с континентальным типом мышления». Немецкий ученый полагал, что Япония представляет собой полную противоположность другому островному государству — Англии. Оснований для такого противопоставления было немало. Англия всегда отгораживалась от Европы, противопоставляла себя ей. Япония, напротив, поддерживала тесные связи с Азией, в большей степени с азиатским Китаем, с Кореей и обязана континенту практически всем — от письменности до орудий труда и производства. В духовной жизни эту связь проследить тоже нетрудно: древние сакральные тексты «Кодзики» (записан в 712 г.) и «Нихон секи» — средоточие японской традиции — во многом заимствованы из китайского, корейского, а также индийского и малазийского духовного богатства. Безусловно, это заимствование было обогащено и адаптировано к особенностям национального самосознания, переработано им и в результате приобрело самобытную сущность. И японцы не без оснований считают свою страну родиной сакрального, «землей духов», Страной восходящего солнца, «страной духовного изобилия». Для них Япония — символический онтологический пояс. Философские взгляды японцев характеризуются самоуглубленностью, предельной сосредоточенностью, медиативной направленностью. Такая «философия жизни», основанная на одном из течений буддизма — «дзен» — сформировала стиль мышления, образец жизни японцев. Предметы быта, обыденные житейские дела (чайная церемония, искусство бонсай — выращивание мини-деревьев — традиция, пришедшая в VI в. из Китая, и др.) стали действенной формой медитации, носят яркий отпечаток сакрального, подчеркивающего мысль о слиянии человека с природой, с духом Земли, с Космосом.

10.2. Так кто же открыл Курилы?

Русско-японские отношения имеют более чем трехсотлетнюю историю. Первые сведения о Курильских островах сообщил в 1697г. русский землепроходец В.В. Атласов. В 1745г. большая часть Курильских островов была нанесена на «Генеральную карту Российской империи» в Академическом атласе. Покорители Дальнего Востока, первооткрыватели Курил встречали порой японские суда, на которых приезжали любители острых ощущений «пошарить по сусекам» народа айну, проживавшего как на Курилах, так и на острове Хоккайдо. После открытия русскими мореходами Курил и закрепления их за Российской империей (поднятие русского флага, установка православных крестов на всех островах гряды, включая Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, на которые сейчас претендует Япония) эти земли были нанесены на все карты мира как принадлежащие России. (Даже на карте школьного атласа, изданного в Токио в 1954 г. с пометкой «Одобрено Министерством просвещения» граница Японии с СССР проведена так, что Хабомаи — территория Японии, а Кунашир, Итуруп и Шикотан из ее территории исключены).

Необходимо подчеркнуть такой немаловажный момент из истории Японии. В 1633, 1636, 1639 гг. последовали три указа японского правителя о «закрытии страны». Япония была закрыта для иностранцев, особенно европейцев. (Впервые европейцы — португальцы — попали в Японию в 1542 г.). Особо отмечаем, что страна была закрыта не только для европейцев, но и для соседей за исключением китайцев. Самим японцам было запрещено строить большие суда и ходить дальше указанной прибрежной зоны. «Открыл» Страну восходящего солнца американский крейсер под командованием капитана М.Перри в 1854г. Для европейцев были открыты порты Симода и Хакодате.

Но вернемся к российско-японским отношениям. В указе Павла I от 8 июля 1779 г. сказано, что острова, «простирающиеся от Камчатки... на юг к Японии», находятся в «обладании» России. Через несколько месяцев на эти острова высадились небольшие десанты японцев, которые низвергли русские кресты как знаки принадлежности этих островов России.

В 1853 г. в Японию прибыла русская миссия во главе с Евфимием Путятиным. Император России Николай I в инструкции, данной Путятину, указывал, что Россия относит к Курильской гряде и острова к югу от Итурупа до Японии, т. е. те четыре острова, на которые упорно претендует нынешнее правительство Японии.

По русско-японскому договору 1855 г. все Курильские острова к северу от острова Итуруп объявлялись владениями России. По русско-японскому договору 1875 г. Россия уступила Японии 18 Курильских островов. В Санкт-Петербурге был подписан документ, который назывался «Трактат о промене части острова Сахалин на гряде Курильских островов», где говорилось, что в число обмениваемых островов вошла «гряда», или «группа» островов, в число которых Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи не входили.

После поражения России в войне 1904—1905 гг. по Портсмутскому мирному договору, навязанному России прежде всего США и Англией, эти четыре острова и половина острова Сахалин отошли к Японии. В 1945 г. после разгрома Квантунской армии в Маньчжурии, японских гарнизонов на Итурупе, Кунашире, Шикотане и Хабомаи они вновь перешли под юрисдикцию России. В апреле 1945 г. был принят Устав ООН, который предписывал коллективные меры против любого агрессора (ст. № 107 Устава ООН). Он допускал изъятие территорий государств, воевавших против союзников. В случае противоречий между действовавшими договорами и Уставом ООН преимущественную силу имел Устав ООН (ст. № 103). А этот Устав был одобрен Японией в 1956 г. Отсюда вытекает, что притязания Японии на «северные территории» не имеют под собой юридической силы.

10.3. История отношений России с Японией

На русско-японские отношения наложили отпечаток военные конфликты между нашими странами. Они, безусловно, не только связаны с геополитическими интересами, но и во многом предопределены ходом внутриэкономического и политического развития государств, их военного соперничества.

Развитие капиталистических отношений в Японии связано с эпохой Мэйдзи исин (обновление Мейдзи). Буржуазное правительство императора Муцухито (1867 г.) встало на путь буржуазных социально-экономических преобразований, стало искать новые источники сырья (Япония бедна полезными ископаемыми, энергоресурсами и т.д.) и рынки сбыта. Потомки самураев обратили свой взор на территории ближайших соседей: Корею и Китай. Ползучую колонизацию Китая уже вели Англия и США. Япония тоже включилась в дележ колониального пирога и 22 ноября 1894 г. захватила Порт-Артур. Под дулами японских пушек китайское правительство вынуждено было подписать Симоносекский мирный договор (1895 г.). По этому договору Страна восходящего солнца вместе с Порт-Артуром получала весь Ляодунский полуостров, острова Тайвань и Пэнхулидао. Россия предприняла энергичные дипломатические шаги, и 10 мая 1895 г. японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского полуострова.

Активность Японии в Корею и Китае беспокоила европейские державы (прежде всего Англию) и Россию. Англичане стали разрабатывать свои планы «освоения» Ляодунского полуострова и захвата Порт-Артура. 1 декабря 1897 г. русской разведкой были получены данные о том, что возможен приход в Порт-Артур англичан. 4 декабря русская эскадра под командованием контрадмирала Реунова вошла в Порт-Артур. А через день, т.е. 5 декабря 1897 г., там появилась английская канонерская лодка «Дафне», но, увидев там русские корабли, англичане ушли восвояси. 8 декабря 1897 г. крейсер «Дмитрий Донской» и канонерские лодки «Сивуч» и «Гремящий» вошли в гавань Талиеване (будущий порт Дальний). 17 декабря туда пришли два английских крейсера. Увидев андреевские флаги, англичане поняли, что вновь опоздали: важные в геостратегическом плане (отношении) бухты были при формально нейтральном поведении китайской стороны заняты русскими.

В 30 милях от Порт-Артура располагалась группа островов — Мяо-дао, имевших стратегическое значение. С крейсера (Дмитрий Донской) на них был высажен десант, поднят российский флаг. Но в силу недалёковидности советников императора (Николая II русским морякам было приказано с островов уйти. Это была явная ошибка. За несколько дней до начала войны 1904—1905 гг. японцы захватили острова и использовали для блокады Порт-Артура. 26 января 1904 г., ночью японские миноносцы произвели атаку на стоящие на внешнем рейде крейсера «Цесаревич», «Ретвизан» и «Паллада». Это было типичное для Японии начало войны. Как известно, Россия эту войну проиграла и отдала 4 острова и юг Сахалина.

Политика Японии, начиная с эпохи Мэйдзи, но особенно в 30-е годы XX в., отражала и сейчас отражает особенности ее географического и политического положения. Островное расположение, перенаселенность, недостаток природных ресурсов, с одной стороны, а с другой — мощная, динамично развивающаяся промышленность, острая потребность в сырье и рынках сбыта предопределили стремление Японии занять достойное своему потенциалу место под солнцем. Сделать это было непросто. Но надо отдать должное прозорливости политиков Страны восходящего солнца. Они реализовали. — и настойчиво делают это сейчас — Паназиатскую доктрину, провозглашенную еще в 1934 г. В ней, в частности, говорилось:

Япония считает себя непосредственно ответственной за мир и порядок на Дальнем Востоке, никакая другая держава не имеет права осуществлять эксплуататорскую политику на Дальнем Востоке; Япония будет противостоять любым иностранным действиям в Китае, которые она сочтет враждебными ее собственным интересам.

Сейчас Япония стремится к этим же целям, используя экономические средства, но делает это более эффективно, чем в 30—40-е годы, когда была применена военная сила.

Пока что политическое влияние Японии в мире не соответствует ее экономической мощи. Такое положение дел можно отчасти объяснить тем, что антияпонские настроения имеют свои исторические корни: многовековая закрытость Страны восходящего солнца, исключительно сильный дух национализма, связанный во многом с представлениями о «сакральной» исключительности Японии и т.д. В 30-е — 40-е годы эта историческая настроенность переросла в открытую неприязнь во время оккупации северной Маньчжурии Китая и стран Юго-Восточной Азии, где завоеватели относились к покоренным народам с исключительной жестокостью. И сейчас

антияпонские настроения, порожденные особенностями ее социально-политической структуры, не способствуют смягчению жестких политических, нравственных, психологических оценок японцев другими народами, особенно соседями. Все это ограничивает транснациональные, глобальные геополитические возможности Японии.

Итак, мы отмечаем, что особенность проблем, разделяющих Россию и Японию, состоит в том, что многие из них уходят своими корнями вглубь более чем 300-летней истории становления и развития российско-японских отношений. Решение их осложнено бурными событиями прошлых лет, неправомерными действиями обеих сторон, а во второй половине и конце XX в. — вмешательством «третьих сил» и прежде всего США. Под давлением этих «третьих сил» даже второстепенные вопросы получают принципиальный характер, так как «третьи силы» объективно заинтересованы в противостоянии России и Японии. (За схваткой тигров хорошо наблюдать с горы, пока они не обескровят друг друга). Образ России и Японии во многом значительно искажается средствами массовой информации, что усиливает недоверие наших стран друг к другу. Да и агрессия Страны восходящего солнца в 1904—1905 гг., ужасающая оккупация Дальнего Востока в 20-х годах, бои на озере Хасан и скоротечная война в Монголии (Халхин-Гол), развязанная самураями — это способствовало созданию имиджа Японии как коварного, жестокого государства и народа.

Во время Второй мировой войны Япония была далеко небезупречной по отношению к СССР. Она использовала Курильские острова и проливы в ущерб безопасности нашей страны: более 80 транспортов, идущих из США во Владивосток с грузом, полученным по «ленд-лизу», было потоплено военными кораблями «нейтральной» Японии. Генштаб этой страны регулярно поставлял своим германским коллегам разведывательную информацию об СССР, а на границах с Союзом, в Маньчжурии дислоцировалась миллионная хорошо обученная, вооруженная квантунская армия, что вынуждало Государственный комитет обороны СССР держать здесь значительные силы. Поэтому если исходить не из буквы Договора о нейтралитете, подписанного с Японией в 1941 г., а из духа времени, руководство СССР поступило совершенно правильно, объявив в августе 1945 г. войну Японии. В силу этих и ряда других причин крайне низок рейтинг симпатий японцев и русских друг к другу. Народы СССР и России увязывают, эту неприязнь во многом с проамериканской ориентацией японского руководства, которое постоянно солидаризировалось с американцами, объявившим холодную войну СССР, победившими в этой войне и поставившими в нынешнее унижительное положение все народы России.

10.4. Роль «третьей силы»

Фактическими союзниками США и Япония стали, подписав в 1981 г. мирный договор и «договор безопасности». Главная цель этих договоров — «отражение советской угрозы». Япония стала (срочно накачивать военные мускулы и к середине 80-х годов XX в. имела под ружьем более чем 260-тысячную армию хорошо обученных профессионалов, которые могли командовать различными группировками, соединениями войск — от взвода до корпуса. А сформировать вооруженные силы в Японии — дело нескольких дней или считанных недель: из резервистов, прошедших военную подготовку.

Другой фактор, обуславливающий напряжение в отношениях с Японией — проблема демилитаризации сопредельных территорий. Россия осуществляет демилитаризацию своих дальневосточных территорий, включая и Курилы. По Токийской декларации, которую 13 октября 1993 г. подписал Б. Ельцин (эта ее часть носила закрытый характер), с Южных Курил были эвакуированы наши воинские части: стрелковая дивизия, артиллерийский полк и полк истребительной авиации. Их уход создал брешь в обороне границы¹.

С острова Хоккайдо пока не выведено ни одного солдата, а тем более танка. Япония буквально выполняет «рекомендации» Вашингтона, как вести диалог с русскими. В этом пакете «рекомендаций» есть такие позиции: проявлять осторожность в отношении любых советских предложений, касающихся выработки новой системы безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона; Япония не должна на переговорах по территориальному вопросу ставить условием демилитаризацию четырех островов после их возвращения и обещать, что там не будут развернуты части «сил самообороны» или союзников (читай: США), и что не будет действовать «договор безопасности» (между США и Японией); американцы предписали японцам на переговорах избегать вопросов, касающихся изменения баланса сил в регионе; при обсуждении экономического сотрудничества желательна увязка проектов с конверсией в СССР, чтобы не допустить укрепления советской военной промышленности².

Совершенно ясно, что подобные «рекомендации» США направлены на то, чтобы сделать невозможным заключение мирного договора СССР с Японией. И так «территориальный вопрос» был искусственно создан в годы «холодной войны» главным образом США, чтобы не допустить нормализации отношений двух стран-соседей.

В сжатом виде можно представить аргументы России при ведении переговоров о «северных территориях»:

1. Курильские острова были в XVII в. открыты и осваивались русскими. Коренное население островов (айну) было приведено в подданство русского царя.

Нельзя всерьез воспринимать утверждение, что Япония «открыла и освоила» Курильские острова еще в XVI в. Политика самоизоляции, которой Япония строго следовала на протяжении трех столетий, делала практически невозможными путешествия ее граждан. Япония не строила морские суда, способные ходить по океану. Первая экспедиция моряков Страны восходящего солнца к Курильским островам под командованием Т. Могами была организована в 1785 г. Они высадились на о. Итуруп, где, как говорилось в отчете экспедиции, их гостеприимно встретили русские. (Под нажимом западных стран Россия передала острова Японии, и айну были насильственно выселены на о. Хоккайдо, где подверглись ассимиляции или живут в резервациях, требуя возвращения на родные острова под юрисдикцию России).

2. Договоры 1855 и 1875 гг. обязывали обе страны развивать мирные, добрососедские отношения, но утратили силу после того, как Япония в 1904 г. напала на Россию, навязав ей с помощью Запада кабальный Портсмутский мирный договор, по которому она захватила Южный Сахалин.

3. Ялтинские соглашения законны. Их подписали и признавали сами американцы. «Ялтинские соглашения, — заявил на пресс-конференции 3 января 1946 г. Президент США Г. Трумэн, — это такие же соглашения, как и Потсдамские».

Советская армия приняла капитуляцию на всех Курильских островах, «что вытекает из договоренности о передаче Курильских островов Советскому Союзу»³.

4. Япония начала и проиграла войну. Ее представители (как и немецкие) не могли быть направлены на Ялтинскую конференцию. Безоговорочно капитулировав, она признала решения союзных держав в-победительниц. Это признание распространяется и на четыре Курильских острова. Подписав в 1951 г. мирный договор в Сан-Франциско, Япония официально отказалась от Курильских островов. На издававшихся в разные годы американских географических картах, переизданных в 1969 г. в Японии, все Курильские острова, включая Хабомай и Шикотан, изображены как единая территория, принадлежащая Советскому Союзу.

В октябре 1956 г. в Москве была подписана декларация о нормализации советско-японских отношений, где, в частности, говорилось: «Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства», Советский Союз соглашается... на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией⁴.

Подписание этой декларации вызвало в Вашингтоне раздражение. Токио предупредили, что если мирный договор с Советским Союзом будет подписан на указанных условиях, американцы откажутся вернуть Японии оккупированный ими остров Окинаву. В 1960 г. японцы подписали с США новый «договор безопасности», направленный против СССР. В ответ Советское правительство в сложившихся условиях отказалось от передачи Японии ранее обещанных ей островов Хабомаи и Шикотан⁵.

Полная нормализация отношений России с Японией сделает бессмысленным нахождение американских военных баз в этой стране, а также в Южной Корее и в других странах Азии, что ослабит позиции США.

Японскую экономическую систему ряд специалистов называет «некапиталистической рыночной экономикой Японии». Японская система управления становится все более популярной на Западе. Один из важнейших принципов этой системы — все члены фирмы связаны узами взаимных обязательств в своего рода «семью». Быть членом «семьи» — значит руководствоваться принципом, согласно которому «семья» предполагает взаимную ответственность всех за благополучие каждого. Эта ответственность распространяется не только на рабочего, но и на менеджера, который, как «старший брат», должен заботиться о своих подчиненных.

Пользуясь большой финансовой помощью США (применительно к Японии был разработан своеобразный план Маршалла), Страна восходящего солнца после Второй мировой войны добилась самых высоких в мире темпов развития промышленности и сельского хозяйства, прироста товаров и услуг. Среднегодовые темпы роста ВВП до 90-х годов XX в. составляли около 8—10%. Быстрый экономический рост Японии обеспечили многие факторы: ориентация на достижения человеческой мысли в новой техники, технологии, организации производства и менеджмента, исключительное трудолюбие народа, борьба за высочайшее качество производимой продукции, жесткая экономия. Эти и другие факторы обусловили «японское экономическое чудо» и позволили островному государству к концу 80-х годов

XX в. занять второе место в мире (после США) по производству ВВП. Если принять валовое накопление основного капитала в США за 100%, то в Европе оно составляет 75—85%, в России — 9%, а в Японии — 136%⁶. Валовое накопление капитала — это прибыль предприятий, свободные средства людей, банков. Если этих средств много, то цена товара снижается. Тогда кредит становится дешевым, идет быстрое воспроизводство прибыли на вложенный капитал, экономика бурно развивается.

Большое влияние оказывает Япония на динамично развивающийся Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономическим рост здесь до конца XX в. был самый высокий среди всех регионов мира. Почти во всех странах Восточной Азии за последние 20 лет ежегодный прирост экономики составлял в среднем более 6%, а порой достигал и двузначных чисел. В 1997 г. совокупная экономика 18 стран АТЭС превышала половину мирового ВВП и обеспечивала более 40% мирового экспорта. В 1978 г. объем торговли США с Азией впервые превысил объем их торговли с Европой. В 1997 г. это превышение достигло 1,5 раза, а в начале

XXI в., как полагают эксперты, оно станет двукратным⁷.

Большую роль в таком развитии сыграла Япония с ее опорой на научно-технический прогресс, на разработки новых моделей промышленного производства, новых форм организации труда и менеджмента. С большой долей вероятности можно предположить, что в XXI в. динамизм экономики АТР перейдет в сопредельные с этим регионом страны: Индию, Пакистан, республики Средней Азии.

Однако в середине 90-х годов, вслед за многими странами Запада и Юго-Восточной Азии Япония стала вползать в полосу депрессии, Началось медленное и болезненное снижение производства товаров и услуг. Темпы роста экономического развития топчутся около 2%. Дефицит энергии экономического роста, криминализация производства, хроническое падение курса иены Свидетельствуют о том, что послевоенный бурный экономический рост и связанный с ним такой же бурный рост уровня жизни позади. Японское «чувство превосходства» покатило вниз. Об этом говорят социологические опросы. Если в 1978 г.

лишь 15% японцев считали себя несчастными, то в 1998 г. их число достигло 23%. Довольных жизнью в 1998 г. было менее 47% из числа респондентов⁸.

К середине 90-х годов Японию настигает могучий сосед — Китай. Отношение валютных резервов к ВВП падает с 25 до 17— 1К⁶. Накопление валютных резервов, как следствие послевоенного бурного экономического роста, к концу XX в. значительно упало. Эта тенденция стала характерна для многих стран Азии и Европы: Японии и Кореи, Китая и Тайваня, Италии и ФРГ.

10.5. Курилы — золотое дно

Видимо, в сложном переплетении названных выше и других факторов и лежит ответ на вопрос: почему наш юго-восточный могучий сосед так упорно добывается «возврата» «северных территорий»? Основной причиной, конечно, является дефицитное сырье (минеральное и биологическое — морское). По данным геологов, только на Итурупе разведаны залежи высококачественных железных, титано-ванадиевых руд, золота, серебра. На этом и других островах, прежде всего на Кунашире, есть запасы полудрагоценных камней, цинковой и свинцовой руд, стекольного сырья. Найдены уникальные редкоземельные полиметаллы — лимонитовые руды самого высокого качества, содержащие титан, фосфор, висмут. Кроме того, на Кунашире имеются золотые и серебряные месторождения, запасы самородной серы. Электроэнергетический потенциал Южных Курил оценивается в несколько тысяч киловатт. На их шельфе есть и «черное золото».

В 1998 г. Япония, уплатив с согласия правительства РФ символическую сумму — всего 4,2 млн. долл., выловила в российских водах 11 тыс. т лососевых, а всего в зоне Дальнего Востока она добывает 95 тыс. т рыбы ежегодно, получая не менее 1,5—2 млрд. долл. Пользоваться богатствами наших морей японцам помогают и отечественные браконьеры. По данным пограничной службы России, ежегодный ущерб от хищнического промысла одних только крабов составляет в среднем 400—450 млн. долл.⁹ Если же Россия передаст Японии Южные Курилы, то ежегодный совокупный ущерб составит более 6,6 млрд. долл. К этому надо добавить еще и то, что проход торговых судов из портов Сахалина, Хабаровского края и Приморья через проливы Кунаширский, Екатерины и Фриза в Тихий океан станет платным — это еще выше 500 млн. долл. в год¹⁰. Российский военно-морской флот окажется запертым в замерзающем Охотском море.

Итак, потеря Россией Южных Курил нанесет ущерб не только экономике нашей страны, но и геополитическому присутствию в этом стратегически важном районе. Чувствуя свою экономическую и финансовую мощь (зная и слабость современной России), японцы начали активно внедряться на «северные территории», идет их ползучая оккупация.

С 1992 г. начались взаимные безвизовые поездки жителей Японии, включая бывших жителей островов и постоянно проживающих на островах россиян. С 1998 г. японцы бесплатно обучают жителей Южных Курил японскому языку. На это в госбюжете Страны восходящего солнца только на 1998 г. было выделено более 3,5 млн. долл. В 1998 г. японское правительство приняло очередное решение об увеличении безвизового обмена. Значит, число желающих побывать и поселиться на «спорных» островах все возрастает. Японцы реконструируют старые и строят новые автодороги, порты, линии связи на всех четырех островах. Таковы очевидные последствия идеи, выдвинутой министерством иностранных дел о «совместной экономической деятельности на четырех островах». Не продумано было очень много вопросов по наполнению конкретным содержанием этого предложения, в частности, остается проблема контроля за выловом море продуктов, суверенитета островов, хозяйственной деятельности японцев на Южных Курилах.

Итак, пользуясь ослаблением России, Япония усилила давление на нее. Помогают ей в решении вопроса «северных территорий» и некоторые страны «большой семерки». Так, бывший Президент США Дж. Буш периодически «воздействовал» на Б. Ельцина в пользу передачи Японии четырех Курильских островов. Если каким-либо образом эти острова перейдут к Японии, то весь российский Тихоокеанский флот окажется отрезанным от океанов, так как другие проливы для тяжелых надводных и подводных крейсеров непригодны для плавания. Силовое решение проблемы островов даст «плохие всходы» в будущем. Два великих соседних государства по сути будут противостоять друг другу.

Японцы ищут адвокатов, поддерживающих их интересы, не только в США, Англии, но даже в России. Было немало ходатайств за интересы Страны восходящего солнца среди российских политиков, ученых, журналистов". Однако опросы общественного мнения показывают, что большинство населения России не настроено на передачу островов Японии. Передача островов, полных кровью русских моряков, означала бы создание прецедента для других нарушений Ялтинских соглашений, для пересмотра границ в Азии и Европе, в результате чего ухудшалось бы геополитическое положение России. Кроме того, что она лишилась бы четырех незамерзающих проливов, имеющих для РФ большое стратегическое значение, были бы потеряны значительные запасы полезных ископаемых, а также район Южных Курил — один из важнейших рыбохозяйственных районов, где добывается 10% российского общего вылова море продуктов. В перспективе добыча рыбы и других морепродуктов может быть легко удвоена и доведена до 2 и более млн. т в год. Курилы дают стране 15% лососевых, в этом районе добывается до 1% ценных водорослей. Стоимость годовой продукции, получаемой только рыбной промышленностью на

Южных Курилах превышает 1 млрд. долл. США. Это хорошо понимали наши предки. Еще в 1727 г. в докладе Сената Екатерине I говорилось, что Курилы «... к содержанию и владению под российской державой нетрудные».

10.6. Какие проблемы мы должны решить?

Итак, три ключевые проблемы в российско-японских отношениях решаются в конце XX в.: первая — «северные территории», вторая — экономическая, третья — военно-политическая и геополитическая.

Японское правительство двусторонние политические отношения всегда ставило в зависимость от территориальных претензий к России. По решению проблемы «северных территорий» бывший премьер Японии публично заявил: «Мы не будем переносить эту проблему на плечи поколений наших детей и внуков». Его уверенность базируется на том, что 13 октября 1993 г. Ельцин и японский премьер-министр подписали Токийскую декларацию о «законности и справедливости» территориального диспута «по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Куна-шир, Шикотан и Хабомаи»¹².

Мы отметили выше, что вывод российских войск с Южных Курил создал брешь в обороне границы, но кроме этого была подорвана и экономика островов, так как армия обслуживала не только военные, но и гражданские авиарейсы, обеспечивала связь островов с материком, строила и ремонтировала дороги и мосты, восстанавливала разрушенные дома.

Вторая проблема российско-японских отношений состоит в том, что японская сторона стремится укреплять не всякие, а строго определенные экономические отношения: прежде всего японский премьер стоит за «диалог между Японией и Россией об освоении энергетических ресурсов» в Сибири и на Дальнем Востоке. (Большой интерес к этой проблеме проявляет не только наш восточный сосед, но и другие страны «семерки».) Конечно, основное в проекте освоения энергоресурсов — не его объем, а соблюдение взаимовыгодного характера сотрудничества. Но этого-то как раз и нет. России отводится роль сырьевого придатка — статус колониальной страны. Контроль над энергетическими проектами японцы стремятся оставить в своих руках, а добываемые энергоносители намереваются ориентировать на экспорт. Нашей стране важнее пустить энергоресурсы на развитие Сибири и Дальнего Востока. Глубокая переработка нефти и газа на территории РФ позволила бы наладить сеть нефтеперерабатывающих заводов и химических комплексов, дать работу и заработную плату десяткам тысяч людей, доходы в бюджет, значительно увеличить валютную отдачу.

Третья проблема российско-японских отношений тесно связана с расширением НАТО на Восток. Японско-американский альянс в конце XX в. значительно увеличил свою активность на Востоке. В июне 1997 г. был опубликован любопытный документ «Основные направления японо-американского сотрудничества в области обороны». В нем речь идет по существу не об обороне Японии, а о совместных американо-японских военных действиях в «прилегающих» к ней обширных регионах. Например, высадка «на Корейском полуострове, находящемся в состоянии войны» (причем высадка при поддержке Японии), дополнительных американских войск. Или американо-японская кооперация «во взламывании китайской блокады против Тайваня». Предусматривается американо-японское сотрудничество в деле «урегулирования территориальных споров» в регионе. Если перевести язык дипломатии на разговорный, это означает, что США и Япония совместно готовы взять у обесилевшей России все, что считают нужным, а не только Южные Курилы. Новейший прицел Японии — «активизация в странах Центральной Азии и Кавказа». Бывший японский премьер-министр Рю объявил о том, что «Япония имеет особо ностальгическое отношение к этому региону, берущее начало еще со времени существования Шелкового пути». А это — не что иное, как восстановление древних связей между Дальним Востоком и Европой через Среднюю Азию под контролем Японии. Выходит, что заинтересованность России в укреплении связей со странами СНГ — «имперские амбиции», а контроль Японии — «ностальгия». Другими словами, в геополитическом плане дело идет к оттеснению, вытеснению России из Дальнего Востока, Средней Азии.

Такой взгляд на проблему вполне правомерен. Во-первых, по признанию посла Японии в РФ после бурных дебатов в начале 90-х годов в парламенте Японии был принят закон, разрешивший участие сил самообороны в операциях по поддержанию мира. В настоящее время Япония участвует в ряде миротворческих операций ООН¹³. Но за такой обтекаемой формулировкой дипломата стоит ничто иное, как готовность поддержать агрессивные действия военщины США во всех горячих точках планеты: Ираке, Ливии, Боснии, Косово и т.д. А где гарантия того, что в какой-либо день или час X «миротворцы» не высадутся или не начнут бомбить в России ее города?

Во-вторых, виднейший представитель политики и науки США, бывший помощник Президента США по национальной безопасности З. Бжезинский осенью 1997 г. высказал идею о расчленении России на три республики. Он даже предложил название огромному Северо-Восточному и

Дальневосточному региону: Дальневосточная республика. А высадки японских и американских морских десантов на российской земле (например, американцы пришли во Владивосток 4 августа 1998 г.) — это не репетиция ли колонизации земель России?

Все это напоминает ситуацию 1905 г., когда по условиям I Портсмутского мирного договора, навязанного России Японией, " США, Англией, был отторгнут Южный Сахалин, «соседи» добились прав на рыболовство в наших территориальных водах, были подорваны геополитические позиции России на Дальнем Востоке. Картина конца XX в. напоминает его начало.

Для строительства новых российско-японских отношений XXI в. необходимо делать взаимные шаги навстречу друг другу с учетом взаимных интересов народов двух стран. Важно, чтобы политический диалог был постоянным и доверительным, без этого бессмысленно рассчитывать на решение политически сложных и тяжелых проблем. Немаловажное значение для решения геополитических отношений России и Японии имеет расширение гуманитарных и Культурных обменов: между парламентариями, предпринимателями, учеными, журналистами, деятелями культуры, представителями отдельных регионов. Культурные обмены могут легче всего повысить интерес стран друг к другу.

В конце XX в. Япония переживает нелегкие времена. Затянувшаяся депрессия, слабый рост ВВП заставили правительство страны провозгласить курс на проведение административной реформы в шести областях: политике, экономике, системе денежного обращения, социального обеспечения, финансов и образования. Можно пожелать восточному соседу успешно справиться с нынешними трудностями. Но надо помнить, что и Россия — великая держава, раскинувшаяся в Европе и Азии. До сих пор она сохраняет явный уклон в сторону Запада. Надо, чтобы наша страна повернулась лицом к Востоку: Японии, Китаю, АТР. Тогда политика равноудаленности принесет отечеству наибольшие геополитические результаты. Тогда сбудется мечта крупнейшего геополитика XX в. К. Хаусхофера о создании Большого континентального Евроазиатского Союза, который объединил бы Испанию, Италию, Францию, Германию, Россию и Японию против Британии и стран Западного полушария. Этот союз был бы надежным гарантом против мирового господства США.

- 1) Андронов И. Кремлевские самураи// Завтра. — № 15.
- 2) Известия. — II апреля 1992.
- 3) *Foreign Relations of the U.S. Diplomatic Papers.* — 1945. Vol. — XI. — p.766.
- 4) Правда. - 20.10. 1956.
- 5) *Внешняя политика Советского Союза.* — М, 1962. — С.507—514.
- 6) Правда. - 17-20. VII. 1998.
- 7) *Международная экономика и международные отношения.* — 1997. — № 9. — С.17
- 8) Не сотвори себе кумира.// Правда-5. — 17. VI. 1997.
- 9) Чичкин А. Екатерина зря старалась.// Правда-5. — 1998. — № 72—73.
- 10) Там же.
- 11) См.: *Независимая газета.* - 24.10.1991.; 7.04.1998.; 16.04.1998.; **Новое время.** -1992. - №3, 23 и др.
- 12) Наш современник 1992. - №9 - С. 111.
- 13) *Международная экономика и международные отношения.* — 1997. — №9. — С.23

Глава 11

Геополитика Ирана, Турции, других мусульманских государств

В последнее время в мире все больший интерес вызывает феномен «исламского возрождения» в странах Ближнего и Среднего Востока. Решающий толчок, выведший исламский фактор в ранг первостепенных проблем мировой политики, сделала антишахская революция 1979 г. в Иране, таким показателем, как напряжение общественных сил, накал страстей самом Иране и в мире, число жертв, принесенных в ходе борьбы против режима шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви, она не имеет прецедентов странах Третьего мира. Велико влияние революции на все страны исламского мира.

11.1. Россия и Иран: новая реальность

Иран постепенно укрепляет свои геополитические позиции на Ближнем и Среднем Востоке, в Средней Азии, в России и начинает налаживать контакты с Западом. В декабре 1997 г. в Тегеране прошло Восьмое совещание в Верхах государств - членов Организации Исламская конференция, нормализовавшее отношения Ирана с арабскими странами, видевшими со времен свержения проамериканского режима шахиншаха Мохамеда Реза Пехлеви в ходе революции 1979 г. в персидском соседе источник экспорта радикального ислама пуританского толка.

Кроме того, один из первых руководителей государства на этом совещании в интервью американской компании СНЫ дал ясно понять, что «используя разумный диалог (с США), мы можем приблизиться к миру, безопасности и спокойствию»¹. Улучшение отношений Ирана с ближайшими и дальними странами говорит об отказе от идеологизации внешней политики. Какие векторы ее развития предпочтет наш южный сосед? Это далеко не праздный вопрос. Объективно геополитическое положение двух стран толкает их навстречу друг другу. Но комбинаций построения геополитических сил в важнейшем геостратегическом регионе планеты может быть очень много. Это понимают как ближние соседи, так и Запад. Со стороны США делаются постоянные попытки перехватить инициативу. Американцы реально мыслят и понимают, что в XXI в. Иран будет лидером в Северо-Западной Азии, включающей Ближний и Средний Восток, Афганистан и Пакистан, Центральную Азию. Другие политики видят Иран как новый полюс силы, раскинувшейся от бывшей Советской Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан) и Северного Афганистана, т. е. от Тебриза на западе, до Карачи — на востоке, общей площадью более 2 млн. кв. км.² По мысли А.В. Митрофанова,

*В этой целостности сольются многие народы и государства, имеющие тысячелетнюю общую культуру и государственность*³.

Сейчас же современное положение стран и народов этого субрегиона играет на Турцию (как члена НАТО), и на весь западный альянс в целом. С этим тезисом можно согласиться, но вот другое положение, выдвинутое тем же автором, можно поставить под сомнение:

*объединение Великой Персии дает необходимую стабильность на наших южных границах; исключает вмешательство США в дела на Среднем Востоке; делает этот регион зоной безопасности для живущих здесь народов, включая туркмен и узбеков, издавна тяготеющих под длань Персии*⁴.

К концу XX в. международная ситуация сложилась таким образом, что все главные геополитические фигуры на Ближнем и Среднем Востоке — Иран, Пакистан, Афганистан, Ирак, Израиль и Турция — находятся на перепутье: ни мира, ни войны. В результате сложного действия различных сил отношения Ирана с Турцией и США к концу XX в. улучшились, а с Израилем и Ираком — ухудшились, Турция и Израиль отделились от России.

Ирак и Иран — сблизилась. Итак, видно, что Иран объективно притягивает интересы России и США. Но у России в этой южной игре есть свои явные преимущества; она не строит свою политику исходя из идеологических соображений, не ставит ее в зависимость от тонкостей внутривосточной борьбы в Тегеране.

Укреплять геополитическую дружбу с персами нам надо в силу объективных причин. Благодаря умелому применению идей Мэхена, Спайкмена и др. — «стратегии анаконды» (все душащей огромной змеи) — США отсекали от Хартленда прилегающие к нему моря и береговые территории «внутреннего полумесяца», американцы свели к минимуму выходы России к Черному и Балтийскому морям, далеко отбросили от Индийского океана, загнали в глубь континента (потеряны Центральная Азия и Закавказье). Современное геополитическое положение государств Центральной Азии и Закавказья очень нестабильно, направленность их внешней политики неясна. Объясняется это в немалой степени этническим разнообразием устремлений: туркмен, азербайджанцев, каракалпаков, киргизов, хотя на их образ жизни и мыслей оказало большое влияние пребывание в составе Российской империи и в Советском Союзе. В экономическом, финансовом отношении они также в основном зависели от России и Советского Союза. Это был исключительный случай в мире, когда метрополия кормила, поила, учила народы своих окраин.

Кроме того, велика взаимозависимость стран этого региона. Например, Казахстан связан с Россией десятками, если не сотнями жизненных артерий. Но с Турцией и другими тюркоязычными странами он связан этнически и культурно. Его стратегическим партнером в Каспийском бассейне (нефть, газ) стал Азербайджан. Выход на ближневосточные рынки Казахстан получает через стыковку

железных дорог с Туркменией. С Узбекистаном и Киргизией у него единая энергетическая сеть, с Китаем — огромный участок стратегически важной границы.

Китай и Иран так же, как и Россия, объективно заинтересованы в ограничении влияния атлантизма в государствах Центральной Азии: кладовой природных ресурсов и рынке сбыта. Кроме того, Иран — это еще выход для России к теплым морям через «проливы — государства»; занимая стратегическое положение по отношению к Пакистану — важному звену в «кольце Анаконды» и к прибираемому Пакистаном к рукам Афганистану, Тегеран сможет помочь России прорвать удушающие объятия западной «змеи». Далее, Иран может противодействовать тем странам на Ближнем Востоке, которые находятся под контролем НАТО: Саудовской Аравии (источник ваххабизма), Турции (пантюркизм), Израилю (постоянная агрессия). Иначе подключение тюркоязычных народов на территории бывшего СССР к геополитическим усилиям Турции привело бы их к использованию в качестве «санитарного кордона» против Ирана и России. Мировая практика знала такие примеры.

Другой объективный фактор, сближающий интересы наших двух государств — Иран - одна из самых полиэтнических стран мира и этническая напряженность не обошла его стороной. На северных рубежах (а у РФ - на южных) два конфликтных очага: афгано-таджикский и кавказский. Обе страны заинтересованы в их умиротворении. В геополитическом плане в развитии этих конфликтов, протекающих в «дуге нестабильности», охватывающей регионы Северной Африки и Северо-Западной Азии, заинтересованы прежде всего США и Европа. Они постоянно поддерживали и поддерживают, разжигают очаги напряженности, войны между арабами и израильтянами, армянами и азербайджанцами, грузинами и осетинами, курдами и турками; не прекращаются конфликты в Таджикистане, Афганистане, Кашмире, Югославии, обостряется положение на Северном Кавказе: и Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии и т.д.

Иран, как и Россия, делает упор на посреднические функции; именно так и поступает он в армян-азербайджанском конфликте и в гражданской войне в Таджикистане. В обоих случаях он добивался баланса сил противоборствующих сторон. Конечно, исламский Азербайджан ближе Тегерану, чем Армения. Иран и Турция «борются» за Баку, заинтересованы в его закреплении в сфере своего влияния. Турция смогла добиться того, что в Азербайджане кириллица была заменена латиницей, а не арабской вязью (шрифтом). Но исторически (в ретроспективе и перспективе) у Ирана больше оснований для усиления своего влияния в Азербайджане. До присоединения к Российской империи современный Азербайджан находился в составе Персии. И сейчас в Иране проживает более 15 млн. азербайджанцев, тогда как в самом Азербайджане — 6 млн. человек. И там, и там исповедуют ислам шиитского толка. Но Иран не предъявляет каких-либо претензий на территориальную целостность Азербайджана. При присоединении последнего к Персии был бы нарушен сложный демографический и социальный баланс.

Долгосрочные геополитические интересы Ирана и России во многом совпадают в армянском субрегионе, который мы рассматриваем шире, чем территория нынешней независимой Армении. Для России это традиционный православный союзник, в 301 г. н. э. объявивший христианство государственной религией и учредивший первую автокефальную церковь. С Персией армяны связывают многие исторические интересы: суть их во многом лежит в долговременном соперничестве Ирана и Турции. Последняя, нанеся огромную рану армянам в 1915 г., когда считанные дни было вырезано, убито около 1,5 млн. представителей православных, остается для армян самым неприязненным субъектом внешних отношений. И, конечно, взаимная неприязнь к туркам делает Иран и Армению геополитическими союзниками. Вот почему Тегеран активно поддерживает интересы Армении и особый статус Нагорного Карабаха.

Не менее важно и то, что Армения, находясь в зоне российского влияния, может контролировать и активно воздействовать на реализацию проекта начала XXI в.: предполагаемое строительство нефтепровода Азербайджан - Грузия - Турция. Сейчас армянские вооруженные силы, находящиеся почти на 40% территории Азербайджана, — важный рычаг воздействия на внешнюю политику Баку. Москва, безусловно, объективно заинтересована в жесткой увязке карабахского вопроса и нефтяного проекта, поддерживая Армению, которая к концу XX в. еще не признана Анкарой как независимое государство и Турция не имеет северным соседом дипломатических отношений.

Кроме того, Турция неоднократно проводила у армянских элит военные учения, призывает ввести на территорию Нагорного Карабаха, Чечни, Дагестана, Ингушетии, а в перспективе всего Северного Кавказа войска НАТО, что, естественно, совершенно неприемлемо для России и стран Центральной Азии. Баку подвергается мощнейшему давлению США, поэтому его решения чаще всего идут во вред собственным геополитическим интересам и склоняются в пользу Турции. Например, Иран так

не был допущен к азербайджанскому каспийскому проекту под давлением США. Азербайджан и Грузия подписали соглашение в военной сфере как между собой, так и с Турцией. Намечились контуры военно-политического союза между Азербайджаном, Израилем, Турцией. Другими словами, идет сложная геостратегическая игра, где Россия может чувствовать себя уверенно только в Армении, так как военные базы и российские пограничные войска из Грузии будут окончательно выдворены, как только РФ перестанет играть важную роль в грузино-абхазском конфликте.

Схожи российско-иранские геополитические интересы в Таджикистане, который является единственной республикой Центральной Азии, где говорят на фарси (как и в Иране). В Душанбе действует фонд имама Хомейни, оказывающий значительную гуманитарную помощь Таджикистану. Помогает Таджикистану и Россия. Соединяют усилия двух стран-соседей в этой геостратегической точке еще и экономические интересы. Если сформулировать проблему экономических интересов России и Ирана относительно геополитически важных для обоих государств стран-проливов, то она может прозвучать так: России важно не допустить влияния атлантизма на Иран и направить сырьевые потоки из государств Центральной Азии через иранскую территорию.

Геополитические отношения стран складываются из многих компонентов, среди которых немалую роль играет экономический. Иран, наш исторический сосед, — страна с уникальным исламским государственным строем, где проживает более 60 млн. человек, а валовой продукт составляет 100 — 120 млрд. долл. Как никакая другая страна на Ближнем и Среднем Востоке Иран располагает богатейшими природными ресурсами: одни из крупнейших месторождений в мире нефти и газа, большие залежи металлических руд (железа, меди, цинка, свинца, хромитов, марганца), огромные запасы строительного камня, гидроресурсов. Среднегодовой темп прироста ВВП с 1989 по 1998 гг. превысил 5%. В основе его увеличения лежит рост в производительных отраслях, прежде всего в обрабатывающей промышленности, металлургии, энергетике, транспорте. Экономика страны планируется, особенно инвестиции. Почти четверть ВВП реинвестируется в экономику, что говорит об инвестиционной, привлекательности страны.

Большая часть валютных поступлений Ирана — доходы от продажи сырой нефти — в среднем 14 — 15 млрд. долл. в год. Размер ВВП на душу населения составляет около 2 тыс. долл. в год. Эффект роста ВВП был снижен в 80-х годах из-за высокого прироста населения страны — до 3,1% (один из самых высоких в мире), но в 90-х годах прирост населения значительно снизился и к концу XX в. составил 2% в год. Один из показателей социального состояния общества — детская смертность — резко снижена. Врачебная помощь населению в основном бесплатная, уровень грамотности — 90% — один из самых высоких показателей не только в Третьем мире, но и на планете. Следовательно, любому непредвзято мыслящему политику, ученому видно, что политическая и социальная ситуация в стране стабильная и она имеет мощный потенциал, подкрепленный динамичной демографической структурой: половина всех иранцев — моложе 15 лет, и в ближайшие десятилетия население страны будет быстро увеличиваться. При условии прекращения международной изоляции, активизации внутреннего потенциала прогнозируется рост темпов прироста ВВП с 5% до 8 - 10% или выше. Этому, безусловно, способствуют принимаемые на пять лет планы экономического развития. Особенно большое внимание уделяется в них нефтегазовым отраслям. Определенные трудности для инвесторов представляет принятый в США закон Амато. По этому закону даже неамериканские компании могут быть подвергнуты санкциям, если их инвестиции в нефтегазовые отрасли составят более 40 млн. долл.

В стране созданы развитая нефтяная промышленность, нефтепроводы и терминалы в Персидском заливе. С геополитической и геостратегической точек зрения это имеет большое значение для России. Нефтяной промышленностью командует государство, представленное Иранской нефтяной национальной компанией. В связи с освоением Каспийского и других месторождений нефти и газа Иран заинтересован не только в инвестициях, но и в технологиях, оборудовании, связанных с морским бурением. Наш южный сосед занимает третье место в мире по запасам газа и полон желания сделать эту отрасль экспортной. Из ближайших геополитических соседей только Россия по объективным причинам, а к ним можно причислить прежде всего геостратегические и технологические возможности, способна и заинтересована в оказании помощи Ирану, особенно в освоении месторождения Южный Парс. Кроме того, РФ — реальный претендент на строительство и обслуживание коммунальных газовых сетей, газохранилищ, на реализацию программы газового конденсата, сжиженного газа. Другие соседи Ирана (например, Турция, при своей проатлантической политике вряд ли пойдет на сотрудничество с персами, боясь сурового окрика из-за океана,

Туркмения, Азербайджан больше ориентируются на Турцию, Запад) не располагают соответствующей технологической, научной базой и производственными мощностями. Стратегическая цель России по отношению к Ирану — сочетание торгового партнерства с инвестиционным. Такое партнерство может быть реализовано в строительстве, разработке технических проектов, в горнодобывающей, легкой, пищевой промышленности, транспорте. Особенно заманчиво выглядело бы сотрудничество в области транспорта. От развертывания транспортных магистралей выиграют и Россия и Иран. Последний может служить мостом между Западом и Востоком, Севером и Югом. Существуют даже такие грандиозные проекты, как:

для России будет важно осуществить совместное строительство ка нала, соединяющего Каспийское море с Персидским заливом⁵.

Во всяком случае отражением объективной потребности в сотрудничестве стало подписание в 1997 г. министерствами транспорта России и Ирана документов по перспективной программе: обустройство маршрута Север — Юг (Хельсинки — Москва — Волгоград — Астрахань — Энзели — Ноушехр — Бендер, Аббас). Принято решение о строительстве обводной дороги (автомагистрали) вокруг Каспия, о совместном судоходстве на Каспии с обустройством портов в Астрахани, Ноушехре и Энзели. Для строительства порта в Оля на Каспии создана совместная российско-иранская компания. Перспективным может оказаться участие РФ в энергетических программах соседа. На конец XX в. из 50 тыс. деревень электрифицировано немногим более 30 тысяч. Тем более, что Иран активно поддерживает государственные компании, участвующие в названных проектах и имеющие громадные финансовые средства.

11.2. Россия - Турция: что впереди?

История отношений России и Османской империи — это в большей части история продолжительных войн и перемирий. Отсчет надо вести с того момента, когда погибла Византия, и ее герб был передан Москве во время княжения Ивана III. С тех пор две страны-соседки и стали «злейшими друзьями». Были походы Петра I, Суворова, Потемкина, осада Севастополя войсками Турции, Англии, Франции. Но наступило время, когда талантливый русский генерал *М.Д. Скобелев* (1843—1882) довел своих гвардейцев-гренадеров до ворот «Царьграда» — Константинополя, освободил братьев-славян. Поэтому прозападная ориентация Турции вполне понятна, но идеологически она стала оформляться к концу XIX в. Мы ведем речь о пантюркизме — своего рода политическом исламе. Его основы были заложены теоретиками турецкого национализма, в первую очередь И. Гаспирали и Ю. Акчурой. Но особенно широкое развитие идеи пантюркизма получили с приходом к власти в 1908 г. младотурок. (Первоначально эти взгляды использовались как орудие против колониальных захватчиков — стран Европы — для очищения турецкого языка от арабского и персидского влияния. Но в 20-х годах нашего века Антанта (без России)

*заставила подписать османского султана Мудросское перемирие, которое разделило Османскую империю между союзниками*⁶.

Нашелся несогласный с этим разделом — Кемаль-паша. В районе Анкары (до 1922 г. Ангора) он объявил о начале борьбы турецких националистов против Антанты и войск султана. «Все Вооружение закавказского фронта, — пишет Митрофанов, — было передано Кемаль-паше»⁷. От русских, по признанию турецкого историка Джавдета Керима, было получено огромное¹ количество орудий, ружей и снарядов.

В Турции в те годы столкнулись геополитические интересы России и США. Американский генерал Харбод, изучавший Турцию, в 1919 г. впервые высказал мысль о подчинении Анкары (тогда еще Ангоры) диктату США. Американцы сразу же «прибрали к рукам» турецкий нефтяной, табачный и автомобильный рынки.

В январе 1924 г. войска Кемаль-паши вошли в Константинополь. Сразу же Кемаль-паша порывает с Советской Россией, но не с американцами, и основным тезисом пантюркизма становится: «Социализм - да, русские - нет!» Американцы удержались в Турции, так как к 1924 г. овладели ее сырьем и рынком сбыта, навязали ей свою политическую линию. В 90-х годах XX в. пантюркизм приобрел более радикальный характер, в частности, на свет появился проект создания «государства великого Турана», включающего в себя население всех тюркоязычных стран. Великий Туран должен объединить балкарцев, карачаевцев, кумыков, ногайцев, чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин, т. е. весь Северный Кавказ плюс население государств Центральной Азии (туркмены, узбеки, казахи, киргизы, уйгуры и др.), а также Татарию, Башкирию и Якутию. Нельзя недооценивать опасность таких идей: в РФ проживает более 20 млн. мусульман. Эти идеи усиленно обсуждались в 1992 — 1994 гг. с лидерами государств Центральной Азии. Например, в 1995 г. в Бишкеке состоялось празднование тысячелетия киргизского эпоса «Манас», где идеи «Туран» подавались для обсуждения, но не нашли должной поддержки и понимания. Причин тому несколько. Во-первых, во внутренней политике Турция переживает время неопределенности, которое вызвано запрещением под давлением военных популярной Исламской партии благоденствия. Во-вторых, не спадает напряженность в ее отношениях с Грецией (обе страны - члены НАТО) из-за Кипра. Это напряжение усилилось после продажи Россией Никосии партии самых современных комплексов ракет-перехватчиков, способных поражать даже низко летящие цели. В третьих, в силу ряда причин Турцию не считают полноправным членом Европы, НАТО. Об этом говорит то, что на очередной встрече в верхах в Лкжсембрге она была «поставлена в угол», т. е. отодвинута «в конец длинной очереди претендентов для вступления в ЕС.

Кроме того, из-за активного участия в играх атлантистов против Ирана, Ирака и вследствие постоянного вмешательства в дела Азербайджана, Армении, Северного Кавказа у Анкары ухудшились отношения с Россией, особенно когда Турция предложила сценарий создания «санитарного кордона» вокруг России из тюркоязычных народов. Но представители тюркоязычных элит почувствовали вкус власти и делиться ею, когда она упала из рук «старшего северного брата» в их руки, ни с кем не хотят, т. е. не желают стать марионеткой в турецких руках. Самое главное, что кроме культурных, дипломатических шагов Турция не может сделать более ничего реального. Анкара не располагает достаточно мощными экономическими, финансовыми, техническими и другими рычагами для проникновения (глубокого и постоянного) на пространства Центральной

Азии. Этнический сепаратизм государств Средней Азии в реальной жизни не совмещается ни с пантюркизмом, ни в целом с панисламом. Как все фундаментальные идеологические системы, они требуют для своего распространения высокого организационного, теоретического уровня, т. е. системы пропаганды и агитации. Кроме того, любая идеология, идея должна нести элемент новизны, привлекательности, быть дискуссионной, затрагивать интересы национального и межнационального сознания. Идея пантюркизма требует национального и межнационального единства и массовой поддержки. Этническая же картина государств Центральной Азии, как и Северного Кавказа, чрезвычайно пестра. На практике этнический сепаратизм этих регионов и субрегионов ставит серьезные препятствия на пути развития радикального ислама и пантюркизма.

Другой фактор, препятствующий широкому распространению пантюркизма и ислама в Средней Азии и на Северном Кавказе, - социально-экономический: здесь самый высокий уровень безработицы, социально-политической напряженности. Например, страны Средней Азии (государства Центральной Азии — ГЦА) входят в число 25 «внутриконтинентальных» государств, самых слабо развитых в мире. Экономика ни Турции, ни Ирана не в состоянии вытянуть их из нищеты.

Кроме того, Турция вынуждена бросать большие силы (военные, финансовые и др.) на решение внутренних проблем, включая гражданскую войну с курдами, и на противодействие исламскому фундаментализму в самой Турции. В конце XX в. перед дипломатами и лидерами России встает проблема: какую занять позицию в борьбе турок с курдами. Есть разные подходы к решению этой проблемы. Представляет интерес такой подход:

Перед Россией ... стоит задача поддержки справедливой борьбы курдского народа за свои национальные права, которая должна иметь целью создание независимого курдского государства с населением 40 млн. человек. Если потребуется, народу Курдистана следует оказать как минимум такую же помощь, какую оказывает Турция сепаратистским движениям в России, т. е. оружием, военно-технической подготовкой борцов сопротивления, финансовыми средствами".

Далее А.В. Митрофанов полагает, что

борющиеся курды - это сильнейший козырь России в расчетах и прикидках с НАТО и Турцией ... Анкара должна быть серьезно озабочена: курды смогут взорвать Турцию изнутри⁹.

А.В. Митрофанов видит курдскую проблему в более глобальном геополитическом ракурсе:

Силовое создание курдского государства, которое присоединится к оси Берлин - Москва - Токио, резко усилит роль России на Среднем Востоке¹⁰.

Другие специалисты по Среднему Востоку полагают, что турецко-курдские отношения - внутреннее дело Турции и неразумно нынешней дышащей на ладан России вмешиваться в сложные политико-военные игры. С позиций сегодняшних либерал-демократов, пытающихся втащить за волосы Россию в число цивилизованных стран, это кажется абсолютно бесспорной истиной. С точки зрения геополитика, мыслящего материками, — это позиция страуса.

Мы отмечали выше, что Иран, как и Россия, заинтересован в создании транспортного коридора на Кавказе с севера на юг, связанного с Туркменией. Турция при поддержке США стремится направить основные торговые, нефтяные, газовые и другие потоки с востока на запад. Для России очень важно иметь несколько конкурирующих проектов транспортировки нефти и газа. Самое главное, чтобы нефть из Черного моря направлялась не через черноморские проливы, контролируемые Турцией. Если победит проект прокладки нефтепровода в турецкий Джейхан, а не по маршруту Баку — Новороссийск, то его реализация существенно подорвет влияние России в Закавказье и позволит Турции реализовать многие геополитические и геостратегические интересы.

11.3. Роль Саудовской Аравии в регионе

Это край «черного золота», родина Ислама, страна Мекки и Медины — наиболее священных мест для миллионов мусульман. Саудовская Аравия занимает особое положение не только на арабской, исламской, но и на всей международной арене. Ее по праву считают большим домом для арабов, где решаются проблемы, сглаживаются противоречия, оказывается помощь. Это государство, пожалуй, можно назвать и большим домом для всех мусульман, так как оно играет важную роль в укреплении исламской солидарности, распространении исламской мысли, поддержке исламских народов и защите их интересов, в оказании помощи исламским организациям во всем мире. Королевство

занимает первое место среди стран, предоставляющих помощь государствам Третьего мира. Вообще по финансовой помощи другим странам оно занимает второе место после США. Отсюда и то огромное влияние, которое оказывает государство на региональную и мировую геополитику. Активную политическую роль Саудовская Аравия играет с 30-х годов. XX в. Она была инициатором созыва первого в исламской истории Совещания в верхах глав мусульманских государств. Король Абдул Азиз Аль Сауд выступил с такой инициативой, носящей геополитический характер, в первый же день образования Королевства Саудовская Аравия в 1932 г. Тогда же он призвал руководителей исламских государств и их народы строго придерживаться канонов Святой Книги — Корана. За последние 40—45 лет Саудовская Аравия не только победила бедность, невежество, болезни, но и достигла огромных успехов в системе социальной защиты населения, образования, здравоохранения, спорта и т.д. Успехи в этих и других сферах общественной жизни заложили прочную основу дальнейшего развития, создав простому жителю королевства все условия для улучшения жизни и открыв возможности пользоваться плодами прогресса.

Успехи внутреннего строительства в Саудовской Аравии, безусловно, связаны с огромными запасами нефти и торговлей ею: 25% разведанных мировых запасов. По данным израильских источников, «черное золото» приносит саудовской казне более 100 млрд. долл. ежегодно. Но эти успехи были бы невозможны, если бы государство не поставило добычу и продажу энергоносителей на службу своему народу. В стране была принята и успешно реализована система пятилетних планов, позволившая добиться ощутимых результатов во всех сферах общественной жизни. Страна несколько десятилетий исповедует один важный принцип: саудовец — двигатель развития, саудовец — конечная цель развития. Учеба, образование традиционно занимают одно из главных мест в политике правительства. В стране практически ликвидирована безграмотность, создана сеть специального среднего и высшего бесплатного образования (техникумы и университеты). А для желающих учиться за границей есть специальные государственные и частные фонды.

Велики успехи в области здравоохранения: детская смертность здесь одна из самых низких в мире. В 70-х годах один врач обслуживал 6000 пациентов, а в 90-х - 1500.

Самым крупным достижением саудовцев считаются успехи и в развитии сельского хозяйства. Королевство из импортера сельскохозяйственной продукции превратилось в экспортера. Сельскохозяйственный сектор в экономике — второй по значению после нефти. Производство пшеницы, которая занимает 95% производства злаковых культур в стране, за последние 20 лет выросло в тысячу раз. Более 40 млн. га земель отдано крестьянам безвозмездно. Сельскохозяйственный банк предоставляет им беспроцентные кредиты. Половину стоимости удобрений, приобретаемых фермерами, оплачивает государство. На тех же условиях строятся склады - холодильники для хранения сельскохозяйственной продукции. Государство покупает урожай по выгодным для крестьян ценам. Излишки продовольствия играют немаловажную роль в реализации региональной и глобальной геополитики Саудовской Аравии в странах Азии и Африки.

Забота о неимущих, обделенных — постоянная политическая линия этого исламского государства, родины пророка Мохаммеда. Пророк говорил, что общество правоверных напоминает живой организм: если болеет одна его часть, то боль отдается во всех частях тела, вызывая бессонницу и лихорадку. Следуя заветам Мохаммеда, который раздавал десятую часть военной добычи или своих личных денег неимущим, саудовское государство строго следит за тем, чтобы давались пенсии сиротам, женщинам, оставшимся без кормильца, инвалидам, выделяет дотации на основные продукты питания, следит, чтобы цены на продукты были ниже тех, по которым они продаются на мировых рынках. Система организации и защиты труда в Саудовской Аравии считается одной из наиболее совершенных в мире.

Королевство, как выше уже отмечалось, играет важную роль не только в исламских странах, но и в мире. Отношения со всеми немусульманскими странами строятся с учетом обоюдных интересов. Король Фахд заявил:

мы ведем взвешенную реалистическую политику по всем вопросам, связанным с решением кризисных ситуаций.

Саудовская Аравия оказывает поддержку совместным арабским усилиям, направленным на защиту Палестины, считая себя в состоянии постоянной конфронтации с Израилем. В то же время в целом внешняя политика саудовцев идет в фарватере США. Отсюда и вмешательства во внутренние дела Ирака, Ирана, Афганистана. Поэтому сложные, а порой и напряженные отношения сложились между Саудовской Аравией и некоторыми другими исламскими государствами, в частности, с

Ираном, Ираком. Причин тому несколько: и ориентация ваххабитского королевства на США, отсюда противоположный подход к присутствию западных вооруженных сил в Персидском заливе, и конкуренция на мировом рынке нефти, и идеологические противоречия. Еще один фактор напряженности — ежегодное паломничество в Мекку, во время которого, по мнению саудовцев, верующие других стран, особенно иранцы, пытаются вмешиваться в их внутренние дела. Но есть немало факторов, которые в конце XX в. потребовали от исламских государств определенной координации своих внешне- и геополитических усилий. Наиболее важные из них — противостояние агрессивным устремлениям Израиля, совместная политика со странами — экспортерами нефти в борьбе против снижения цен на энергоносители и др. В декабре 1997 г. в Тегеране прошла встреча в верхах Организации Исламской Конференции, где было отмечено, в частности, что улучшение саудовско-иранских отношений будет содействовать «срыву заговора врагов и способствовать миру и стабильности в регионе Персидского залива». Координация совместных действий исламских государств, их сотрудничество, как отмечалось на конференции в Тегеране, «представляется жизненно необходимым для безопасности и спокойствия всего региона».

Но, вмешиваясь во внутренние дела других стран, особенно Ирака и Афганистана, оказывая финансовую и военную поддержку «Талибану», чеченцам и ваххабитам в Дагестане, саудовцы, как и Пакистан, за которым тоже стоят США, способствуют росту напряженности и нестабильности на границах с Таджикистаном и Россией. Под видом помощи братьям по вере в бывших среднеазиатских республиках СССР королевство косвенно вмешивается в их внутренние дела и осуществляет политическое давление (под предлогом финансовой, гуманитарной и другой помощи) на местные элиты.

Родина пророка Мохаммеда с каждым годом играет все более заметную роль в раскладке геополитических сил.

11.4. Россия — Ирак: стратегические союзники

Еще одна страна беспокойного региона — Ирак — также имеет любопытную историю: по библейским преданиям в междуречье Тигра и Евфрата был Эдем — рай, где Бог поселил первоначально Адама и Еву.

Ирак — это родина самых древних цивилизаций на планете, наследник великолепной арабской культуры, Багдад арабского халифата — центр мудрости, медицины, математики. Арабы говорили, что чернила ученого так же драгоценны, как кровь святого. Благодаря арабам человечество может постигать мысли греческих и римских философов.

В течение длительного периода между Советским Союзом и Ираком существовали самые тесные и дружеские отношения. Эта страна была нашим главным партнером на Ближнем Востоке. Руками советских специалистов в этой стране создано 70% всех промышленных объектов, построены электростанции, гидроэлектростанции, железные дороги и многое другое. Однако после того как СССР в ходе войны 1991 г. фактически встал на сторону США и их союзников, произошло охлаждение в советско-иракских отношениях.

До 1990 г. ежегодный объем торговли СССР с Ираком достигал 8 млрд. долл. Экономические связи с этой страной и сейчас имеют большое значение: сотрудничество по добыче нефти и газа, в энергетике, возможность покупать специфическую продукцию сельского хозяйства и т.д.

Ирак способен добывать и продавать в сутки нефти на 50 — 70 млн. долл. Он заключил контракт с десятью российскими нефтяными компаниями на нефтеразведку и добычу. Но развернуть им работу, а следовательно, получать твердую валюту мешают США.

Нынешние будни Ирака — давнего союзника СССР, а теперь России, чрезвычайно суровы. Руководству страны приходится думать о хлебе насущном. Пережив «Бурю в пустыне» в 1991 г., или, точнее, американскую агрессию, а также авиационные и ракетные удары в 90-х годах, поддержанные, в частности, руководителями Саудовской Аравии, Ирак и после этого неоднократно подвергался шантажу со стороны США и Израиля. США навязали Совету Безопасности ООН резолюцию, которая держит Ирак в экономической блокаде с 1992 г. За годы, прошедшие с введения санкций, от голода и нехватки медикаментов в стране умерло более одного миллиона человек. В 1997—1998 гг. ежедневно умирало 475 детей. Кроме экономической, против Ирака проводится планомерная информационная блокада.

Позиция Ирака находит понимание у России, Китая, Франции, которые справедливо отмечают, что дальнейшее применение санкций против Ирака носит откровенно антигуманный характер.

Негативное отношение США к Ираку и Ирану в большей мере объясняется сознанием того, что отпор его глобальному геополитическому диктату пришел не со стороны крупных экономических или ядерных держав, а от относительно небольших стран — стран с многовековой историей. Ирак открыто выступил против бесцеремонного навязывания всему миру, а не только ему, чужих интересов, мировоззрения и образа жизни, вступил в борьбу во имя самобытности и индивидуальности каждого народа. Президент Ирака Саддам Хусейн по этому поводу однажды сказал:

Если представить, что земной шар — это наш общий корабль и его безопасность — дело всех его пассажиров, то необходимо четко определить обязанности каждого: невозможно говорить о глобальном мире, не установив границ прав и обязанностей в мировом масштабе и самым сбалансированным образом".

Подталкиваемая США Турция регулярно под предлогом борьбы с курдами совершает акты агрессии на Севере Ирака. Активную антииракскую позицию занимает Израиль, усиленно подталкивавший США в 1997 и 1998 гг. применить военную силу против союзника России.

В конце 90-х годов произошли позитивные изменения в геополитических связях России и Ирака. Стала действовать постоянная Межправительственная комиссия по сотрудничеству с этой арабской страной.

Итак, Ирак располагает большими запасами реально конвертируемого «черного золота». Кроме того, географическое положение Ирака позволяет видеть в нем нашего перспективного геостратегического партнера, находящегося в подбрюшье Турции — исторического соперника России, делающего многое, чтобы ослабить позиции нашей страны в геополитическом и геостратегическом раскладе сил.

11.5. Ударная армия Ислама: Афганистан — Пакистан

В 1978 г. был убит глава Афганистана Мухаммад Дауд. (Из десяти правителей этой страны в XX в. семерых лишили жизни, трое умерли своей смертью, вовремя уехав из страны). С тех пор практически в Афганистане не прекращается война. В конце 80-х годов в гражданскую войну вступил и Пакистан. Желая укрепить свое лидерство в Центральной и Южной Азии, в конце 80-х годов военно-политическое руководство Исламской Республики Пакистан при помощи Управления межведомственной разведки и религиозных организаций, имеющих большое влияние на пуштунскую общину в Пакистане и Афганистане, отобрало в лагерях афганских беженцев людей, способных усвоить военную науку и желающих воевать под знаменем аллаха за освобождение Афганистана. Советских войск уже не было в этой стране, поэтому целью ваххабитов (сторонников чистого ислама) на первых порах было изгнание из руководства Афганистана этнических таджиков, узбеков и хазарейцев. Идея объединения афганских племен, преимущественно пуштунов, и прекращения гражданской войны с использованием послушников медресе (студентов, или талибов) принадлежит ЦРУ. Финансировали эту операцию шейхи Арабских Эмиратов, Саудовская Аравия, оружие поставил Пакистан.

После освобождения Афганистана от этнических таджиков, узбеков и хазарейцев встала другая задача — главная — обеспечение западным компаниям условий для прокладки газо- и нефтепроводов из Туркмении в Пакистан. К осени 1996 г. талибы в основном выполнили первую задачу. Сейчас они контролируют почти 80% территории страны. Но север, граничащий с Таджикистаном и Туркменией, находится по-прежнему в руках узбекской и таджикской группировок. Туркмения выступает в качестве посредника на переговорах противостоящих сторон. На Пакистан и талибов оказывают давление США, чтобы те пошли на компромисс с нацменьшинствами страны, обещая обеим сторонам 10% от стоимости транспортируемых через Афганистан энергоносителей. Но все оказалось значительно сложнее: «тигра оседлали, поскакали на нем», а вот как соскочить с него и остаться целым — не знает никто.

Руководители талибов почувствовали вкус власти. В освобожденных районах они установили истинно исламские порядки: запретили учиться девочкам и работать женщинам, что поставило вдов на грань голодной смерти; заставили население совершать пятикратный намаз, мужчин — отращивать бороду, женщин — соблюдать правила ношения одежды по законам шариата и т.д. Многие из мер вызвали рост антиталибовских настроений, чем не замедлили воспользоваться вооруженные противники режима. Летом 1997 г. они развернули наступление на Кабул. В результате ожесточенных боев было захвачено несколько тысяч талибов.

Пакистан вынужден был выступить с инициативой проведения региональной конференции по Афганистану с участием представителей пяти стран-соседей: Ирана, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана. Но результаты переговоров в силу больших разногласий воюющих сторон оказались незначительными, и гражданская война с переменным успехом продолжается. Как долго она будет длиться — зависит от многих факторов, особенно от иностранной военной и политической поддержки.

При решении геополитических проблем по оси Россия — Афганистан — Пакистан нельзя забывать, что пуштуны являются наиболее многочисленными из всех этнических групп Афганистана.

Исторически они сыграли наиболее важную роль в образовании государства, в борьбе с английскими колонизаторами, играют эту роль и сейчас. Нынешнее пуштунское руководство Кабула ориентировано на Пакистан, Саудовскую Аравию, арабские и международные фундаменталистские исламские организации.

Сейчас позиции талибов довольно прочны, но перспектива их туманна. В Афганистане всегда болезненно относились к режимам, навязанным извне, а талибы — детище спецслужб США, Израиля, Пакистана, причем последний и получил основные прибыли от операций в важном геополитическом регионе. Это государство накануне ввода советских войск в Афганистан стояло перед угрозой экономического и политического банкротства. Получив статус «прифронтового государства», Пакистан стал получать крупномасштабную военно-экономическую помощь от США и Саудовской Аравии. Американский президент пошел на беспрецедентный шаг — оказание помощи Пакистану в обход Конгресса, законодательства, запрещающего поддержку стран, ведущих разработку ядерного оружия. Таким образом было создано недалеко от границ СССР, а сейчас России, сильное в военно-политическом плане государство, оснащенное современным вооружением, что привело к существенному изменению соотношения сил в регионе, где Пакистан по сути защищает интересы американцев.

По этому поводу А. Ляховский пишет, что движение талибов — это:

*умная геополитическая комбинация, направленная одновременно против Индии, Ирана, среднеазиатских государств и России*¹².

Безусловно, государствам, которым угрожают талибы, надо скоординировать свои политические действия для нейтрализации влияния США и Пакистана. Активную позицию здесь займет Индия, неоднократно вступавшая в военные конфликты со своим агрессивным соседом. Пока же позиции России в этом регионе довольно слабые. Так, ее соседи — Туркменистан, Узбекистан и Казахстан во многом ориентированы на Запад, Турцию и Пакистан. Лидеры бывших советских республик отстаивают вариант переброски энергоносителей на западные рынки через территорию Афганистана и Пакистана в обход России. В силу объективных причин партнерами РФ в этом противостоянии выступают Индия, Иран и Таджикистан.

В Афганистане, вероятнее всего, в конце XX — начале XXI в. может образоваться мозаичный конгломерат отдельных автономий или государств, так как нынешняя центральная власть довольно слаба. Основанием для такого утверждения является пестрый этнический состав страны, традиционная вражда этнических группировок, желание этнических полевых командиров, заменивших вождей племен, сохранить властные привилегии. Не исключено, что на территории нынешнего Афганистана и частично Пакистана и Ирана могут быть образованы новые государства по этническому признаку: Пуштунистан, Хазараджат, объединенный Таджикистан, объединенный Узбекистан, объединенный Туркменистан и Белуджистан, хотя это путь очень длительный, и многое зависит от того, какие интересы будут преследовать влиятельные внешние силы, в первую очередь США, Западная Европа и исламские государства¹³.

- 1) *Громько А.* Россия и Иран: новая реальность.//Независимая газета» — 26.06. 1998
- 2) *Митрофанов А.В.* Шаги новой геополитики. — М.: Русский вестник, 1997. — С. 227.
- 3) Там же.
- 4) Там же, с. 288.
- 5) Там же.
- 6) Там же, с. 231.
- 7) Там же, с, 230.
- 8) Там же, с. 231.
- 9) Там же, с . 231.
- 10) Там же.
- 11) *Блокада* будет прорвана//Правда — 5. — Мэ 83. — 1997.
- 12) *Ударная* армия ислама//Независимое военное обозрение. — 1997. — № 27.
- 13) Там же.

Глава 12

Традиции и геополитика стран Африки и Латинской Америки

История наложила характерный отпечаток на традиции и геополитику стран Африки и Латинской Америки. Анализируя геополитические (региональные и субрегиональные) процессы, протекающие на этих континентах, важно не упускать из вида время Великих географических открытий, многовековую колонизацию, последствия колонизации, в частности, искусственно созданные границы после «ухода» англичан, французов, бельгийцев, испанцев, итальянцев и т.д.. страшную нищету, безграмотность и другие социальные болезни, оставленные цивилизованными поработителями. Как правило, колонизаторы, уходя, оставались, привязывая к метрополиям население бывших колоний и доминионов не силой оружия, а пуповиной финансового закабаления.

12.1. Север и Юг — два мира

Геополитика наших дней под Севером понимает всю совокупность западной цивилизации, где главное внимание уделяется материальной, экономической стороне жизни. Север богат прежде всего потому, что строит всю свою жизнь, систему на принципе максимальной выгоды, которую можно получить путем эксплуатации всех ресурсов (природных, экономических, финансовых, людских и пр.). Очень обстоятельно эта проблема осмотрена в работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», а тема «Места физических рас» развита в трудах Юлиуса Эволя. Мы говорим об этих источниках потому, что успехи Севера в материальной сфере возведены некоторыми западными учеными не только в политический, но и в расовый принцип. В таких странах, как Англия, США, Германия, нередко говорят и пишут о недоразвитости, варварстве, недочеловечности южного гондванического типа, который живет в окружении следствий. Человек Севера — это человек, выделяющий энергию, потоки созидания, силы и мудрости. Это — признак нордизма. Подмена категорий сакральной географии категориями материальными или техническими была самой вульгарной, негативной стороной национал-социализма, а сейчас — различных течений мондиализма и атлантизма. Своеобразно рассматривает эту проблему А. Дугин. Он пишет:

Сущность Севера в сакральной географии - это примат духа над материей, окончательная и тотальная победа Света. Справедливости и Чистоты над тьмой животной жизни, произволом индивидуальных страстей и грязи низкого эгоизма. Материальный прогресс технической цивилизации сопровождался чудовищным духовным регрессом, и богатство современного и «развитого» Севера не может служить критерием подлинного превосходства над материальной «бедностью» и технической отсталостью современного «примитивного Юга»¹.

Действительно, за этой бедностью часто скрывается духовное богатство: Китай, Индия, Россия, Исламский мир во многом противоположны в духовном плане Северу - «золотому миллиарду». Термин «бедный Юг» — синоним Третьего мира — появился во времена холодной войны, когда, по мнению мондиалистов, и качестве Первого мира выступали развитые страны Запада, Второго - страны социалистической системы, а Третий мир - это территории, где много дешевых природных и человеческих ресурсов, это прежде всего страны Африки, Латинской Америки, Азии и Среднего Востока.

Умело играя на религиозных и политико-идеологических разногласиях Третьего мира, завоеватели Запада веками жили за счет колоний и доминионов; новейшие формы колониализма финансово-экономического — еще более изощренные, жестокие, антигуманные. В итоге Третий мир, или «бедный Юг», имея духовные преимущества перед Севером, не может быть серьезной альтернативой агрессору с Севера, он может быть союзником какого-либо нового геополитического силового поля, способного перекрыть планетарное пространство. В 70—80-х годах такой геополитической силой был Второй мир, или лагерь социализма, но по ряду причин он потерпел поражение в холодной войне и был разрушен. Конец Второго мира значительно осложнил жизнь народов стран Африки и Латинской Америки.

12.2. Африка - кипящий континент

Важной составной частью мирового сообщества является Африка. Перед этим «просыпающимся континентом» стоит гамма сложных геополитических проблем, одни из которых имеют давнюю, многовековую историю, например, колониализм, работорговля и т.д., другие зародились или обострились недавно, охватывают сравнительно небольшой период, например, с разрушением СССР изменился баланс мировых геополитических сил, меняются социально-экономические, политические, духовные сферы жизни этого континента. Многие народы Африки сравнительно недавно получили политическую независимость, но в экономическом и социальном плане большинства из них по-прежнему не коснулись реальные позитивные перемены.

Среди большинства африканских стран не нашла поддержки Концепция вестернизации, т. е. ориентации их на социальные институты, эталоны права. Запада, а частности США. В то же время не получила развития и идея геополитического тяготения Африки (острова) к Евразии, в частности к Советскому Союзу.

За Африкой достаточно прочно утвердилась репутация наиболее конфликтной геополитической сферы планеты. В последнюю четверть уходящего столетия стабильность имеет устойчивую тенденцию к понижению. На континенте было зафиксировано 35 крупных вооруженных конфликтов, в которых погибло более 10 млн. человек, более 90% из них - гражданское население. На континенте насчитывается почти половина общемирового количества беженцев (по разным оценкам, от 7 до 10 млн. человек) и 60% перемещенных лиц (около 20 млн. человек).

Это обусловлено сложным переплетением различных конфликтогенных факторов: этнического, кланового, конфессиональной рознью, противоречиями социально-экономического и политического характера и другими причинами. Есть немало забот, особенно на Западе, которые значительно упрощают эту проблему, порой сводя конвульсивное развитие Африки к банальной схеме. Так, например, одним из первых трудов, положивших начало теории развития, стала книга С. Хантингтона «о новом политическом порядке в трансформирующихся обществах», где он, в частности, говорит:

Вторжение масс в политику порождает напряженность, что может создать угрозу для политической стабильности и, как следствие, для самого развития².

Каких-либо глубоких работ с анализом геополитического положения Африки в научной литературе СССР, России, западных стран, самой Африки практически нет. Есть попытки осмыслить отдельные направления геополитики и политологии, в частности, изучение проблем выбора пути социально-политического развития африканских стран в конце XX в., роль диктаторских режимов и армии в жизни континента, конфликты и их типология, роль религиозного фактора в нравственно-политической жизни, культура и общество: синтез традиционного и современного, перспективы геополитического развития Африки в XXI в.

В мае 1991 г. в Намибии прошла конференция «30 лет независимости Африки: итоги и перспективы», где в качестве обобщающего вывода было сказано, что 30 лет независимости не принесли континенту ни демократии, ни процветания, еще более углубили экономический и политический кризис в Африке, т. е. геополитически этот «остров» так и остался прикованным к странам Западной Европы и США. Новая геополитическая ситуация, сложившаяся после разрушения СССР и стран социалистического лагеря, наложила дополнительный негативный отпечаток на геополитический расклад в мировом балансе сил.

Современные африканские государства имеют различную социально-политическую и социально-экономическую направленность. Вместе с тем вне зависимости от социальной ориентации, степени общественного развития характерной чертой африканских стран является борьба за ликвидацию вековой отсталости, за упрочение своего социального суверенитета, экономической независимости, социального прогресса, борьба за право распоряжаться богатством своих недр, своими людскими и финансовыми ресурсами.

Африка в продолжение столетий раздирается этническими противоречиями. Самое кровопролитное из них началось в 1994 г. в Руанде и длилось почти два года. Находившееся у власти правительство из радикально настроенных представителей народности хуту решило навсегда «закрывать» национальный вопрос, организовав массовое уничтожение «враждебной» народности тутси. Инициаторы вырезали более миллиона человек.

Это можно сравнить только с геноцидом армян в Турции в 1915 г., с действиями карателей времен фашистской Германии или «красных кхмеров» в Камбодже.

Самая характерная черта развития стран континента — незавершенность формационных процессов: относительно короткий период после завоевания ими политической независимости. На Континенте сложно, а порой причудливо переплелись различные типы экономических отношений — от общинно-патриархальных до капиталистических и социалистических. Слаба социально-классовая дифференциация общества, социальная структура включает остатки общинно-племенных и даже родовых отношений. В политической системе господствуют различные виды власти: авторитарно-военно-диктаторские, однопартийные, многопартийные, демократические и монархические. В сфере духовной идеологической жизни - широкий спектр различных воззрений: от традиционных африканских культур и верований до мусульманской и христианской религий, буржуазных и социалистических идей. Пожалуй, как никакой другой континент Африка сохраняет политическую и экономическую зависимость от внешнего мира, особенно от стран Западной Европы и США, транснациональных корпораций, международных финансовых (центров). Эта зависимость постоянно стимулируется глобальными и социальными проблемами: голодом, нищетой, болезнями, неграмотностью, низкой политической и общей культурой народа, острыми экономическими и политическими кризисами, обострением межэтнических, религиозных противоречий.

Современная Африка в политическом плане представляет собой в основном авторитарные режимы (они господствовали в середине 90-х годов в 38 из 45 государств Тропической Африки). Тому есть внутренние и внешние причины. К числу первых относятся экономическая отсталость, слабая социально-классовая дифференциация общества, наследие колониальной системы (диктаторы — вожди племен, народностей — ставленники колониальной администрации), отсутствие элементов гражданского общества и правового государства, низкая политическая культура населения, межэтнические противоречия, архаичная инфраструктура: плохие дороги, связь и др.

Помимо внутренних причин, формированию авторитарных режимов способствовало и противоборство двух мировых систем — капитализма и социализма — в борьбе за сферы влияния на континенте. На протяжении 30 лет Африка была полем различных видов соперничества этих двух систем. Эти системы удерживали у власти и кормили различных диктаторов, которые проводили их интересы. Народ, как правило, беспрекословно подчинялся диктаторам, каким бы образом они ни приходили к власти. Население, за исключением национальной элиты, было объектом, а не субъектом политики и геополитических отношений. Отсюда и нестабильность во всех сферах жизни Африки: после 1960 г. в независимых государствах континента произошло более 100 военных переворотов. Порой их совершали сержанты и лейтенанты, если им была обеспечена поддержка из-за рубежа.

Специфическим феноменом большинства африканских стран остается особая роль армии и политической оппозиции в виде сепаратистских движений. В глазах народа армия остается гарантом и символом государственной независимости, организацией, способной установить и поддерживать хоть какой-то порядок внутри страны и добиться более или менее равноправных отношений с внешним миром. Армия - опора и рычаг власти практически во всех странах Африки — в крупных, как Нигерия, Заир, Судан, Эфиопия, Чад, Сомали, и в государствах меньших размеров.

В геополитическом, региональном раскладе сил в Африке, естественно, большую роль играют страны, располагающие более мощной (многочисленной, обученной, вооруженной и т.д.) армией и значительным людским потенциалом. На конец XX в. на этом континенте под ружьем находится приблизительно около 2 млн. человек. Наиболее крупные армии: Египта — 440 тыс. при населении более 61 млн. человек, Марокко — около 196 тыс. при населении более 28 млн. человек, Алжира — около 122 тыс. при населении более 28 млн., Эфиопии — 120 тыс. и 50 млн. человек, Анголы — 82 тыс. и более 11 млн., ЮАР - 79 тыс. и 40 млн. человек³.

В североафриканских странах, исповедующих, как правило, ислам, усиливается течение, стремящееся создать «исламскую государственность». Исламские группировки фундаменталистского толка с начала 90-х годов откровенно встали на путь экстремистских действий, «священной войны» против светских форм государственности (Алжир, Египет, Судан и др. страны).

Следующим специфическим фактором африканского континента, оказывающим большое влияние на его геополитическое положение, являются межэтнические отношения. Этнический состав Африки - пестрейшая мозаика наций, народностей, племен. На континенте живет примерно 50 наций и народностей, 3 тыс. племен, говорящих на тысяче языков⁴. В результате колониального размежевания территории Африки государственные границы не имеют ничего общего с естественно-географическими и историческими границами проживания населения. 44% границ

проведено по меридианам и параллелям, еще 30% — по прямым и дугообразным линиям. Такой дележ территории был миной замедленного действия, основой межэтнических конфликтов и войн. Подогревали их противостояние между Востоком и Западом, выбор пути социального развития, геополитических ориентаций. Этот фактор способствовал возникновению не только локальных межэтнических конфликтов, но и кровопролитных войн, о чем выше уже говорилось.

С начала 90-х годов XX в. в общественном сознании на континенте стали укореняться идеи межрегионального, межконтинентального сотрудничества. В столице Танзании — Дар-эс-Саламе создан Африканский центр по урегулированию конфликтов. Сделано это, по словам сотрудников Центра, «чтобы побудить африканцев самостоятельно решать собственные проблемы, вместо того чтобы полагаться на иностранное посредничество»⁵.

Тем не менее многие представители мондиализма полагают, что его влияние будет настолько велико, что втянет в свою орбиту население африканского континента. Но С. Хантингтон, о работах которого мы говорили в предыдущих главах, по этому поводу пишет:

Было бы явной глупостью полагать, что из-за краха советского коммунизма Запад завоевал навечно весь мир.

По его мнению, мировую геополитику будет определять конфронтация различных цивилизаций, где решающую роль станут играть западная и незападная цивилизации. К числу последних он относил, как мы знаем, конфуцианскую, славяно-православную, латиноамериканскую и африканскую. На распределение, взаимодействие силовых полей на субрегиональном, континентальном и межконтинентальном уровнях действуют многие факторы. Но решающее значение, полагает С. Хантингтон, имеет то, что

народы разных цивилизаций имеют различные представления о взаимоотношениях между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, о соотношении прав и обязанностей, свободы и власти, равенства и иерархии. Эти различия порождены многовековой историей. Они более глубоки, чем различия политических идеологий и режимов»⁶.

Судьбы Африки исторически давно связаны с судьбами всего мира. Этот континент стал колыбелью человечества, дал мощнейшие цивилизации (Древнейший Египет, Арабский Халифат и др.), но колониальная эпоха значительно затормозила развитие его народов, изолировала их от влияния мира. Колонизаторы (страны Европы) прививали населению новый образ жизни, резко отличающийся от традиционных ценностей. После получения независимости каждая из стран Африки выбирала свой путь развития: капиталистический или социалистический. Но, как показала жизнь, западная и советская модели развития, ни учитывающие реалии жизни континента, привели к еще большему углублению экономического кризиса, социальной и политической нестабильности, региональным и этническим (включая и военные) конфликтам, к усилению голода, нищеты, росту зависимости от стран-союзников. Например, в середине XX в. объем производства товаров и услуг стран Тропической Африки равнялся объему производства маленькой европейской страны - Бельгии. По данным экономистов Института Африки РАН, уровень производимого ВВП на континенте на душу населения в конце XX в. был более чем в 20 раз ниже, чем в развитых капиталистических странах. Другими словами, XXI век большинство африканских стран встречает в состоянии системного кризиса, следствием которого являются недоедание и даже голод, неграмотность, ужасающая детская смертность, эпидемии, уносящие и поражающие десятки миллионов жизней. Плюс к этому катастрофически ухудшающаяся экология и почти полное отсутствие средств для охраны окружающей среды. Перечисленные и другие социальные «болячки» обостряют гонку вооружений, военные конфликты. Например, ежегодная иностранная помощь странам континента составляет 11 млрд. долл., а расходы на вооружение и содержание военных превышают 12 млрд. долл. По сути на грани национальной катастрофы стоят Эфиопия, Ангола, Заир, Мозамбик, Судан, Сомали и некоторые другие страны. Как полагает профессор Жорж Нзонгола Нталажа (Заир), виновниками краха заирской экономики являются США, Франция и Бельгия. По его мнению, эти державы действовали в стране «исключительно в интересах правящей марионеточной клики, которая больше заботилась о личном обогащении, чем об интересах народа»⁷.

Геополитическое положение Африки, ее позиция в системе международных отношений во многом зависят от коренного изменения международного экономического порядка в пользу формирования лучших (льготных) условий для этого континента. Пока же этот порядок объективно направлен против интересов народов Африки. Противостоять неокolonизации они могут только на базе объединения всех сфер общественной жизни - экономической, социальной, политической, духовной

- большинства стран континента. Но реализовать эту задачу в конце XX - начале XXI вв. представляется нереальным в силу ряда причин (о большинстве из них выше сказано). Итак, в геополитическом плане Африка больше тяготеет к Западу, хотя процесс этот сложен, динамичен и противоречив.

12.3. Латинская Америка: геополитические отношения

Исторически по мере укрепления экономической, военной, финансовой мощи и политического веса США Латинская Америка постепенно втягивалась в геополитическое поле северного соседа. И сейчас практически Соединенные Штаты занимают в абсолютном большинстве стран этого континента гегемон и стеков положение. «Прибавить к рукам» латиноамериканцев США начали еще в первой четверти XIX в.

В конце 1823 г. президент Соединенных Штатов Дж. Монро обратился к Конгрессу со специальным посланием, которое явилось результатом обобщения и развития теории и практики внешней политики США и получило название доктрины Монро. Эта доктрина была разработана на заседаниях американского правительства в связи со слухами об угрозе интервенции со стороны Священного Союза (Россия, Австрия, Пруссия) в Латинскую Америку с целью восстановления бывшего господства Испании в ее американских колониях. Вот такой надуманный предлог был использован США для утверждения своей гегемонии в южном полушарии континента. В §7 доктрины выдвигался и развивался «принцип, закрепляющий колонизацию». В нем говорилось:

Американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державы.

А в §48 и 49 обосновывался принцип разделения мира на европейскую и американскую системы. В доктрине подчеркивалось, что любая попытка со стороны Священного Союза

распространить их систему на любую часть нашего полушария является опасной для нашего спокойствия и безопасности⁸.

В этом документе в дипломатически завуалированной форме были заложены интересы плантаторов-рабовладельцев Юга и крупной буржуазии Севера в экспансии, создании благоприятных условий для расширения территории США и выдвижения лозунгов, теоретически оправдывающих «преимущественные права» США на американском континенте. Эти «преимущественные права» северного соседа сводились к простой геополитической идее: рост могущества и благосостояния страны связывался с расширением территории американских штатов.

Эта экспансия нашего населения и присоединение новых штатов оказали счастливейшее влияние на все высшие интересы Союза. Это в огромной мере увеличило наши ресурсы и прибавило нам силу и достоинство державы, признанной всеми. Совершенно очевидно, что, расширяя базис нашей системы и увеличивая число штатов, сама эта система сильно укреплялась в обеих своих частях —

зафиксировано в этом документе.

«Преимущественные права» США, провозглашенные в доктрине Монро, реализовались в 1924-1926 гг. против Кубы и Пуэрто-Рико, когда силами Колумбии и Мексики американцы подчинили себе кубинцев и пуэрториканцев, а в 40-х годах XIX в. у Мексики в знак «признательности» за ее усилия по закабалению Кубы американцы отторгли Техас, Орегон и Калифорнию. По этому поводу президент Д. Полк в декабре 1845 г., обращаясь к Конгрессу, лицемерно утверждал, что только сам народ

имеет право определять свою собственную судьбу. Если какая-нибудь его часть, образуя независимое государство, предложит объединиться с нашей конфедерацией, то этот вопрос будет решаться ими и нами без какого-либо вмешательства⁹.

Спустя более чем 150 лет США, действуя точно так же, сперва организуют «независимое государство», будь то в Латинской Америке, Африке, на Балканах, в Восточной Европе или в другой геополитической точке планеты, а затем вводят туда свои «миротворческие» войска. О решении осуществлять функции «международной полицейской силы» (сначала применительно к странам Латинской Америки) США объявили еще в 1895 г. (доктрина госсекретаря Р. Олни), подтвердили в 1904г., когда президент Т. Рузвельт прямо заявил, что в Западном полушарии {приверженность Соединенных Штатов к доктрине Монро может заставить их в случае внутренних беспорядков и бессилия в латиноамериканских странах осуществлять функции «международной политической силы». Реализуя эту функцию, в начале XX в. США организуют многочисленные

интервенции на Кубу, в Мексику, на Гаити, в Доминиканскую республику, Никарагуа, Панаму и другие страны. Начиная с 50-х годов XX в. и до конца второго тысячелетия вмешательство США в жизнь упомянутых, а также других стран континента практически не прекращалось: растущее национально-освободительное движение в Латинской Америке в первую очередь было направлено против бесцеремонного северного соседа и его ставленников («Самоса — бывший диктатор Никарагуа — сукин сын, но наш сукин сын», — говаривал президент США Ф.Д. Рузвельт). Большинство латиноамериканцев резко отрицательно относятся к доктрине Монро. По словам бывшего президента Гондураса П. Бонилья даже

*упоминание об этой ... доктрине ... считается в странах Латинской Америки оскорблением их достоинства и их суверенитета и в то же время угрозой их независимости*⁹.

Конец XX в., конечно, внес изменения в геополитическую систему силовых полей континента. Возникли и активизируются новые процессы в политике, экономике, которые во многом обусловлены ускорением научно-технического прогресса, формированием транснациональных компаний и другими причинами. Важной особенностью этих перемен является то, что в их орбиту втягиваются все страны мира. И Латинская Америка в полной мере испытывает на себе позитивное, а также и негативное воздействие новой обстановки. Страны континента, несмотря на противодействие США, в силу прежде всего объективных причин ищут пути интеграции в мировую экономику. Внутренними причинами интегрирования явились: застой в экономике стран Латинской Америки (он характерен для большинства государств континента), неконкурентоспособность продукции на мировом рынке, неустойчивое хозяйственное развитие, рост безработицы, инфляции, социальной напряженности и др. В качестве важнейшей внешней причины можно назвать глобализацию мировой экономики. Это один из ключевых мирохозяйственных процессов современности. Происходит качественная трансформация мировой экономики. Кроме того, глобализация выступает как одна из движущих сил научно-технического прогресса, обновления производства и ускорения темпов роста производительных сил, усиления взаимодействия всех форм международного экономического обмена (мировой торговли, вывоза капитала, научно-технического сотрудничества и т.д.)- Но глобализация несет резкое обострение конкуренции во всех субрегионах континента, усиление экономической неустойчивости: учащение колебаний хозяйственной конъюнктуры, увеличение безработицы, рост банкротств, снижение оплаты труда рабочих и служащих.

Конечно, политика интеграции в мировую экономику принесла народам Латинской Америки и определенные выгоды: позволила снизить инфляцию и возобновить экономический рост, обеспечить сравнительно высокие темпы роста торговли (за десять лет - с 1987 по 1996 гг. экспорт вырос примерно втрое, а импорт — в четыре раза), приток иностранного капитала за этот период составил почти 330 млрд. долл. Но за фасадом видимого благополучия скрывалось много негативных явлений и тенденций: импорт по темпам роста опережал экспорт (отсюда пассивных сальдо в торговле больше). Особенно значительным оказался дефицит внешней торговли у Бразилии, Колумбии, Перу. Доминиканской республики. Развитие экспорта не стало мотором, двигающим внутренний экономический прогресс. Страны региона не смогли занять прочные позиции на мировом рынке. Темпы роста ВВП оказались значительно ниже, чем в 50-70-х годах, когда экономика регулировалась государством (в 50-е -70-е годы рост ВВП составлял 4,8 - 5,3%, в 90-е годы - 2,7%). Удельный вес стран региона в мировом товарообороте к середине 90-х годов снизился против уровня конца 70-х на 0,5%¹⁰.

Резкое увеличение импорта осложнило положение национальных производителей, вызвало волну банкротств, рост безработицы и социальных конфликтов. Особенно сильно это ударило по обрабатывающей и легкой промышленности (производство обуви, одежды, мебели, инструментов). Половина предприятий этой сферы производства обанкротилась. Начался процесс деиндустриализации и структурной перестройки экономики, т. е. продолжение политики превращения стран Латинской Америки в сырьевой придаток США, Канады, Европы. Под воздействием мирового рынка регион все больше ориентируется на добычу и первичную переработку минерального сырья и сельскохозяйственной продукции. Металлообработка, машиностроение, электротехника и другие сферы передового промышленного производства в большинстве стран переходят от замкнутого производственного цикла к монтажу и сборке продукции из импортных деталей и узлов. К концу XX в. Россия усилила внимание к Латинской Америке. Но смотреть на этот континент придется не как на единый центр силы, а так же, как и в Африке, как на конгломерат разнородных стран, но с учетом их стремления к интеграции и

сложившихся многосторонних организаций. Многосторонние формы взаимодействия должны подкрепляться двусторонними связями. Отношения между Россией и конкретными странами обладают своей спецификой. В основе всех связей, безусловно, должны лежать совпадающие геополитические, геостратегические интересы, включающие в себя всю гамму их составляющих. Определяющим в их отношениях является тот факт, что Россия и большинство стран Латинской Америки находятся в сходной фазе развития и решают похожие задачи — общественной модернизации, перекройки мирохозяйственных связей. По своему экономическому весу РФ и такие региональные державы, как Бразилия, Аргентина, Мексика, оказались почти в равном положении — к их голосам страны «семерки» прислушиваются, но в расчет почти не принимают. Поэтому государства континента стоят перед опасностью маргинализации в формирующемся мире мегаблоков. Россия и юг американского континента в геостратегическом плане оказываются вне трех полюсов экономического, политического и т.п. развития: североамериканского, западноевропейского и тихоокеанского (наиболее динамичного полюса).

Другой фактор, который объективно сближает интересы РФ и государств Латинской Америки, — незаинтересованность в однополюсном миропорядке, потребность в механизмах сдерживания гегемонистских устремлений в геополитике США. Лидеры стран континента накопили в этом отношении некоторый опыт и все чаще приходят к выводу о необходимости создания общего латиноамериканского фронта борьбы против северного соседа. Так, например, в мае 1996г. «Группа Рио» (14 наиболее влиятельных государств континента) выступила с резким осуждением закона Хэлмса — Бертона от 12 марта 1996 г., ужесточающего торгово-экономическую блокаду Кубы. «Группа Рио» рекомендовала Межамериканскому Юридическому комитету, а также Международному суду в Гааге дать этому закону правовую оценку.

Со странами Латинской Америки Россию сближает и сходная ситуация стран-должников, усиливающаяся конкуренция на рынках товаров и услуг, близость подходов к проблемам международной безопасности, укрепления режима нераспространения ядерного оружия, урегулирования региональных и межгосударственных конфликтов и др.

Одной из форм диалога России со странами Латинской Америки стали контакты с Организацией американских государств (ОАГ). Эта организация постоянно усиливает свое влияние в процессах политической и экономической интеграции в Западном полушарии. Поэтому статус постоянного наблюдателя в ней, который РФ приобрела в 1992 г., расширяет возможности российского сотрудничества с регионом на многосторонней основе, хотя Вашингтон делает все от него зависящее, чтобы эти возможности ограничить. Почти полувековой опыт работы ОАГ при наличии доброй воли лидеров РФ и ближнего зарубежья, может вполне пригодиться для организации деятельности СНГ. Продуктивным может оказаться сотрудничество России с двумя крупными экономическими объединениями — НАФТА и МЕРКОСУР. НАФТА — Североамериканская ассоциация свободной торговли создана в 1992 г. В нее вошли США, Канада и Мексика. Предполагалось, что к 2005 г. в нее войдут все страны континента от Аляски до Огненной Земли, но слишком «разные весовые категории» оказались у стран — участниц проекта, и создание самого большого общего рынка застопорилось. Можно полагать, что влияние НАФТА на расстановку сил в мировой геополитике (прежде всего через экономику) будет возрастать.

МЕРКОСУР создана в 1991 г. Первоначально в нее вошли Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай. Присоединение к группе в 1996 г. еще одной страны - Чили - значительно изменило ее геополитический облик: она вышла в тихоокеанский регион, возросли ее политические и экономические возможности, потенциал противостояния мегаблокам. В перспективе МЕРКОСУР и «союз четырех» — Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия — могут объединить усилия для совместного противостояния на севере континента и в тихоокеанском бассейне. Пока что РФ и латиноамериканские государства находятся вне интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Их стремление активно войти в АТР может стать хорошей основой для взаимной поддержки, совместных действий. Для этого предприняты некоторые ходы: Россия, Мексика, Чили и Перу являются членами Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества. Совет объединяет представителей правительственных, научных и деловых кругов и может служить хорошим инструментом для разработки и реализации совместных проектов. Кроме того, Мексика и Чили как члены Ассоциации азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) заняли нейтральную позицию при вступлении России в эту организацию свободной торговли и инвестиций.

Большая возможность сотрудничества РФ открывается в сфере новых тонких технологий. В Латинской Америке есть немало покупателей российских технологий, особенно из сферы ВПК, в

частности, вооружений. Можно полагать, что именно это встретит наибольшее сопротивление со стороны США. Но южноамериканцы хорошо подстраховали эту программу. Закупки тонких (особенно военных) технологий финансирует Межамериканский банк развития (МАБР) — второй по величине международный банк с уставным капиталом в 4 млрд. долл. Он спонсирует ассоциацию «Программа Боливар», занимающуюся покупкой тонких технологий. Военная техника — одна из немногих на сегодняшний день высококонкурентноспособных статей российского экспорта. Спрос на нее в регионе, особенно в Бразилии, Перу, Колумбии, очень велик. Армии этих стран активно реформируются, технически переоснащаются. Значит, это - начало цепной реакции, стимул для военных реформ в других странах континента.

Пока же объем торговли РФ со странами Латинской Америки сравнительно невелик — около 1% общего внешнеторгового оборота России. Наибольший удельный вес приходится на торговлю с Кубой. В российско-кубинских отношениях сейчас преобладает прагматическое начало, учитываются геополитические интересы России. Так, например, несмотря на сильный нажим со стороны США, угрозу применения экономических санкций, Москва сохранила за собой пользование на условиях аренды стратегическим объектом — радиоэлектронной станцией в Лурдесе, т. е. Россия заявила в данном случае о себе как о сильном геополитическом субъекте, а не объекте влияния. Поддержка Россией Кубы усиливается, что в перспективе дает большой шанс приема Острова Свободы в НАФТА. Два других члена этой Ассоциации - Канада и Мексика - занимают первое и второе места по объему инвестиций в экономику Кубы. Таким образом, Куба может рассматриваться Россией как надежный торговый партнер с большими возможностями и как мост (ворота) на север и юг западного полушария.

Хорошие перспективы укрепления всесторонних связей имеются у России с Мексикой, особенно в области газовой и горнодобывающей промышленности, энергетики и транспорта, в аэрокосмической сфере.

Укрепляются связи России с Венесуэлой. Начало им положило письмо Президента Венесуэлы Хосе Тадео Монагаса императору России Александру II 22 марта 1856 г., в котором высказывалось пожелание открыть взаимные торговые и дружественные отношения ¹¹. Наиболее полными отношения России с Венесуэлой были с 1975 по 1991 гг., когда действовало известное соглашение о сотрудничестве между СССР, Венесуэлой и Кубой в поставках нефти. В 1996 г. в Венесуэлу нанес визит Министр иностранных дел России Е. Примаков. Он вывел двустороннее сотрудничество на качественно новый уровень. Подтверждение этому — возобновление деятельности нефтяного четырехугольника: Россия - Венесуэла — Куба — Европа. Венесуэла вновь поставляет нефть на Кубу, а Россия — в Европу. Координация поставок нефти и газа особенно важна во время падения цен на энергоносители.

Другим хорошим геополитическим ходом во время того же визита в Латинскую Америку было провозглашение концепции многополярного мира. На этот призыв сразу же откликнулось руководство Колумбии, которое пригласило РФ вступить в международную группу государств ««друзей Колумбии»» (в нее уже входят Испания, Венесуэла, Мексика и Коста-Рика).

Один из старейших и крупнейших торговых партнеров нашей страны в Латинской Америке — Аргентина. Связи с этой страной за 1996—1998 гг. значительно усилились. Товарооборот возрос в два раза. В перспективе — усиление сотрудничества в области атомной энергетики, тонких научно-технических технологий и космоса. Расширяется также сотрудничество на региональном уровне. Бразилия проявляет интерес к сотрудничеству в сфере вооружений, особенно к противовоздушным зенитно-ракетным комплексам «Игла», а также совместному строительству экспериментальной аэродинамической трубы.

По оценкам специалистов Института Латинской Америки РАН, если связи России с южноамериканскими государствами будут развиваться темпами конца XX в., то в начале следующего тысячелетия объем внешней торговли России со странами континента может составить 7-10% российского экспорта.

Итак, видно, что геополитические контакты России с южноамериканскими странами идут «вглубь», переходят на уровень регионов. Тем не менее большая роль в реализации проекта усиления связей с африканскими и латиноамериканскими государствами принадлежит государственным органам, которые исходя прежде всего из геостратегических интересов России должны подготовить федеральную программу развития связей с этими континентами. Тогда нынешние ростки сотрудничества дадут в XXI в. весомые плоды.

- 1) *Дугин А.* Основы геополитики. — М, 1997. — С 482.
- 2) Цит. по: *Право и политика в освободившихся странах.* — М., 1991. — С. 9.
- 3) Рассчитано по: *Красная звезда.* - 25.09 1995.; *Сумбатъян Ю.Г.* Африка на пороге XXI века. - М.: Изд-во Рос. Универ. Дружбы народов, 1994. - С. 34.
- 4) Там же, с. 40.
- 5) *Daily news.* - 12.10. 1991.
- 6) *Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX века. (Концепция С Хантингтона и отклики на нее).* — М.: Генион РАН. — 1995. — С. 12.
- 7) *Etumba.* - 18.05. 1992.
- 8) *Дипломатический словарь.* — М.: Политиздат. — 1961, Т. 2. — С. 310—312.
- 9) Там же.
- 10) См.: *Латинская Америка.* - 1997. - № 12. - С. 6-7.
- 11) См.: *Международная жизнь.* - 1997. - № 6. - С. 90-91.

Заключение

Эта книга — первая попытка создать учебник по геополитике для студентов экономических вузов России, обобщающий накопленный опыт исследований по данной дисциплине как в нашей стране, так и за рубежом. Конечно, не все стороны этой науки нашли в нем отображение. Геополитика — синтетическая наука, она многогранна, как сложна и противоречива сама жизнь. В учебном пособии даны изложение и анализ наиболее фундаментальных направлений, важнейших сфер жизни общества: внешне- и внутривосточных, финансово-экономических, геостратегических.

В книге даны анализ сущности современного состояния сложнейших общественно-политических, экономических и военных систем, функционирующих в различных геополитических регионах планеты, научный прогноз реальных перспектив их геостратегических отношений.

Накануне XXI в. мифотворческие доктрины, завышенные самооценки, необъективные, ненаучные оценки интересов различных субъектов политической деятельности довлеют не только над теоретическими концепциями, генерируемыми различными российскими мозговыми, геостратегическими центрами, занимающимися вопросами дипломатических отношений России, но и над здравым смыслом.

В России, к сожалению, до сих пор не изжита вера в гениального, харизматического лидера, которому стоит только взмахнуть белым платком — и все образуется. Геополитика как синтетическая наука учит тому, что мировой процесс хотя и испытывает большое влияние личности, тем не менее носит объективный естественно-исторический характер, это вектор сложного взаимодействия многих составляющих его сил и воли, объективных потребностей и субъективных интересов. В качестве последних можно назвать потребности в сырье, особенно в энергоресурсах, которыми так богата Россия. При населении в 145 млн. человек (около 2,5% населения Земли) она владеет (хранит в своих недрах) примерно 30% мировых запасов полезных ископаемых. Этим-то в первую очередь и объясняется пристальный «интерес» к России ее западных и восточных «друзей». Поэтому рассуждения многих радикальных либерал-реформаторов о бескорыстном интересе к России, любви к ее народам со стороны западных и восточных политиков и военных — это песни сладкоголосых сирен, зазывающих в объятия спрутов доверчивые жертвы. Контроль над географическим пространством, его стратегическими базами, узлами, точками, в конечном итоге контроль над сырьем остается главной геостратегической задачей наших «друзей» — соперников. Другим серьезным пороком мифотворчества радикальных либерал-реформаторов является то, что они предлагают выбросить за борт корабля истории все позитивное в предшествующем развитии России, разрушить все старое, чернят всю историю геополитических отношений СССР, забывая древнюю истину: люди, государство, общество, отказывающиеся от своего прошлого, не имеют и будущего.

С теоретической точки зрения — это подмена диалектической логики (логики Гегеля и Маркса) формальной, системного анализа — фетишизацией субъективизма (роли личности «с белым платком»), регулирующего долгосрочного планирования — отношениями личностей, управления геополитическими процессами — самотеком, высоко профессиональной управленческой деятельности — самонадеянным дилетантизмом. И плохо то, что указанная методология до недавних пор переносилась в плоскость реальной политики под живучим, затертым штампом «киного не дано». Последствия подобной «политики», выливающейся в слепое экспериментирование над миллионами людей, испытывают народы России и десятки народов других стран различных регионов земного шара. Все это ведет к нарастанию анархии и кризисных явлений, к культуре силы и вседозволенности, когда сила бронированного кулака превалирует над силой разума, гуманизма, человеколюбия.

Геополитическое знание — это глубоко научное знание, а значит, объективное, всестороннее, лишенное идеологической зашоренности и мифологии, какими бы простыми и привлекательными они ни были. В этом — главная ценность, практическая значимость геополитики как науки. Первое систематизированное изложение проблем геополитической науки, на наш взгляд, будет представлять интерес не только для студентов учебных заведений, но и для аспирантов, преподавателей, да и вообще широкого круга читателей, увлекающихся новой синтетической наукой — наукой XXI в.

Библиографический список

1. *Бабурин С.Н.* Российский путь: становление российской геополитики накануне XXI в. — М.: АНКО, 1995.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1998.
3. *Гаджиев К.Э.* Геополитика. М.: Международные отношения, 1997.
4. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. — М.: ЭКОПРОС, 1993.
5. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Фонд «Мир Л.Н. Гумилева». — М.: Изд-во «Институт ДИДИК», 1997.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. — Спб.: Глаголь, 1995.
7. *Данилевский Н.Я.* Горе победителям. — М.: Алир, 1998.
8. *Дугин А.* Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997.
9. *Зюганов Г.А.* География победы. Основы российской геополитики. — М., 1998 (без указ. изд.).
10. *Ильин И.А.* О грядущей России. — М.: Воениздат, 1993.
11. *Катасонов В. Ю.* Великая держава или экологическая колония? — М.: Молодая гвардия, 1991.
12. *Менделеев Д.И.* Заветные мысли. — М.: Мысль, 1995.
13. *Поздняков Э.А.* Геополитика. — М.: Прогресс. Культура, 1995.
14. *Савицкий Л.Н.* Континент Евразия. — М.: Аграф, 1997.
15. *Сорокин К.Э.* Геополитика современности и геостратегия России. — М.: Россиэн, 1996.
16. *Хорев Б.С.* Очерки геоглобалистики и геополитики. — М. (без указ. изд.), 1997.
17. *Элементы.* Евразийское обозрение. — М., 1992—1998. № 1-8.

Приложения

Тексты из произведений классиков геополитики и известных геополитиков современности

Эти тексты помогут углубить знания по истории становления и развития важнейших концепций в истории геополитических учений и расширить представления о современных геополитических воззрениях государственных деятелей, ученых, во многом определяющих раскладку современных политических сил.

Почему Европа враждебна России?¹

¹ *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — СПб.: Глаголь; Изд-во СПб. университета, 1995.—С. 18-43.*

<Россия> ... не раз вмешивалась ... в судьбы Европы; но каков был повод к этим вмешательствам? В 1799, в 1805, в 1807 годах сражалась русская армия с разным успехом не за русские, а за европейские интересы. Из-за этих же интересов, для нее собственно чуждых, навлекла она на себя грозу Двенадцатого года; когда же смела с лица земли полумиллионную армию и этим одним, казалось бы, уже довольно послужила свободе Европы, она не остановилась на этом, а вопреки своим выгодам,— таково было а 1813 году мнение Кутузова и вообще всей так называемой русской партии,— два года боролась за Германию и Европу и, окончив борьбу низвержением Наполеона, точно так же спасла Францию от мщенья Европы, как спасла Европу от угнетения Франции. Спустя тридцать пять лет она опять, едва ли не вопреки своим интересам, спасла от конечного распада Австрию, считаемую, справедливо или нет, краеугольным камнем политической системы европейских государств. Какую благодарность за все это получала она, как у правителей, так и у народов Европы,— всем хорошо известно; но не в этом дело. Вот, однако же, все, чем ознаменовалось до сих пор деятельное участие России в делах Европы, за единственным разве исключением бесцельного вмешательства в Семилетнюю войну. Но эти уроки истории никого не вразумляют. Россия,— не устают кричать на все лады,— колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это — одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана, какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе. Много ли во всем этом справедливого? Посмотрим сначала на завоевательность России. Конечно, Россия не мала; но большую часть ее пространства занял русский народ путем свободного расселения, а не государственного завоевания. Надел, доставшийся русскому народу, составляет естественную область,— столь же естественную, как, например, Франция, только в огромных размерах. <...>

Никогда занятие народом предназначенного ему исторического поприща не стоило меньше крови и слез. Он терпел много неправд и утеснений от татар и поляков, шведов и меченосцев, но сам никого не утеснял, если не назовем утеснением отражения несправедливых нападений и притязаний. Воздвигнутое им государственное здание не основано на костях погранных народностей. Он или занимал пустыни, или соединял с собой путем исторической, нисколько не насильственной, ассимиляции такие племена, как чужь, весь, меря или как нынешние зыряне, черемисы, мордва, не заключавшие в себе ни зачатков исторической жизни, ни стремлений к ней; или, наконец, принимал под свой кров и свою защиту такие племена и народы, которые, будучи окружены врагами, уже потеряли свою национальную самостоятельность или не могли долее сохранять ее, как армяне и грузины. Завоевание играло во всем этом самую ничтожную роль, как легко убедиться, проследив, каким образом достались России ее западные и южные окраины, сливающие в Европе под именем завоеваний ненасытимо алчной России. Но прежде надо согласиться в значении слова «завоевание». Завоевание есть политическое убийство или, по крайней мере, политическое изувечие; так как, впрочем, первое из этих выражений употребляется совершенно в ином смысле, скажем лучше: национальное, народное убийство или изувечие. <...> Убеждение большинства мыслящих людей: что *всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет на него притязание*. Это последнее условие очень важно и требует некоторого разъяснения. Если бы, например, Пруссия покорила Данию или Франция Голландию, они причинили бы этим действительное страдание, нарушили бы действительное право, которое не могло бы быть вознаграждено никакими гражданскими или даже политическими правами и льготами, дарованными датчанам или голландцам; ибо кроме личной и гражданской, кроме политической или так называемой конституционной свободы народы, жившие самостоятельною государственною и политическою жизнью, чувствуют еще потребность, чтобы все результаты их деятельности — промышленной, умственной и общественной — составляли их полную собственность, а не приносились в жертву чуждому им политическому телу, не терялись в нем, не составляли материала и средства для достижения посторонних для них целей. Они не хотят им служить, потому что каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею, свою отдельную сторону жизни, которые стремится осуществить, — задачу, идею, сторону жизни, тем более отличные и оригинальные, чем отличнее сама национальность от прочих в этнографическом, общественном, религиозном и историческом отношениях. Но необходимое условие для достижения всего этого составляет национально-политическая независимость. Следовательно, уничтожение самостоятельности такой национальности может быть по всей справедливости названо национальным убийством, которое возбуждает вполне законное негодование против его совершителя. К этому же разряду общественных явлений относится и то, что я назвал национальным изувечием. <...> Исторический народ, пока не соберет воедино всех своих частей, всех своих органов, должен считаться политическим калекою.

Таковы были в недавнее время итальянцы; таковы до сих пор греки, сербы и даже русские, от которых отделены три или четыре миллиона их галицийских и угорских единоплеменников. <...> Эти племена имеют, без сомнения, право на ту же степень личной, гражданской и общественной свободы, как господствующая историческая народность, но не на политическую самостоятельность; ибо, не имея ее в сознании, они и потребности в ней не чувствуют и даже чувствовать не могут. <...> Тут нет, следовательно, ни национального убийства, ни национального увечья, а потому нет и завоевания. Оно даже невозможно в отношении к таким племенам. ... ибо они и сопротивления не оказывают, если при этом не нарушаются их личные, имущественные и другие гражданские права....

После этого небольшого отступления, необходимого для уяснения понятия о завоевании, начнем наш обзор с северо-западного угла Русского государства, с Финляндии <...> Финское племя, населяющее Финляндию, подобно всем прочим финским племенам, рассеянным по пространству России, никогда не жило историческою жизнью. Коль скоро нет нарушения народной самостоятельности, то политические соображения относительно географической округленности, стратегической безопасности границ и т. п., сами по себе еще не могущие оправдать присоединения какой-либо страны, получают свое законное применение. Россия вела войну с Швецией, которая с самого Ништадтского мира не могла привыкнуть к мысли об уступке того, что по всем правам принадлежало России, и искала всякого, по ее мнению, удобного случая возобновить эту войну и возвратить свои прежние завоевания. Россия победила и приобрела право на вознаграждение денежное, земельное или другое, лишь бы оно не простиралось на часть самой Швеции; ибо национальная территория не отчуждаема, и никакие договоры не могут освятить в сознании народа такого отчуждения, пока отчужденная часть не потеряет своего национального характера. ... Присоединением Финляндии от Швеции к России ничьи существенные права не были нарушены; выгоды самой Финляндии, то есть финского народа, ее населяющего, более, чем выгоды России, требовали перемены владычества. Государство, столь могучее, как Россия, могло » значительной мере отказаться от извлечения выгоды из приобретенной страны; народность, столь могучая, как русская, могла, без вреда для себя, предоставить финской народности полную этнографическую самостоятельность. Русское государство и русская народность могли довольствоваться малым; им было достаточно иметь в северо-западном углу своей территории нейтральную страну и доброжелательную народность вместо неприятельского передового поста и господства враждебных шведов. Государство и народность русская могли обойтись без полного слияния с собою страны и народности финской, к чему, конечно, по необходимости должна была стремиться слабая Швеция, в отношении которой Финляндия составляла три четверти ее собственного пространства и половину ее населения. И действительно, только со времени присоединения Финляндии к России начала пробуждаться финская народность и достигла наконец того, что за языком ее могла быть признана равноправность со шведским в отношении университетского образования, администрации и даже прений в сейме. <...> Псков и Новгород, стоявшие на страже земли русской в тяжелую татарскую годину, не переставали протестовать с оружием в руках. Когда же Москва соединила в себе Русь, она сочла своим первым долгом уничтожить рыцарское гнездо и возвратить России ее достояние. Первое удалось на первых же порах, но сама страна перешла в руки Польши и Швеции, и борьба за нее соединилась с борьбою за прочие области, отторгнутые этими государствами от России. Но это только еще одна сторона дела; самое присоединение Прибалтийского края совершилось даже не вопреки желанию пришедшего дворянства, а по его же просьбам и наущениям, при стараниях и помощи его представителя, героя Пат-куля. Можно утверждать, что для самого народа, коренного обладателя страны, эстов и латышей, Россия хотя и сделала уже кое-что, однако ж далеко не все, чего могли они от нее ожидать; но, конечно, не за это упрекает ее Европа, не в этом видит она ту черту, по которой в ее глазах присоединение Прибалтийского края имеет ненавистный завоевательный характер. Совершенно напротив, в том немногом, что сделано (или, лучше сказать, в том, чего она опасается со стороны России) для истинного освобождения народа и страны, она и видит собственно русскую узурпацию, оскорбление германской и вообще европейской цивилизации.

<...> В Северо-Западном крае есть небольшая землица, именно Белостоцкая область, на которой не лишним будет несколько остановиться. Эта область, вместе с северною частью нынешнего Царства Польского, Познанским герцогством и Западной Пруссией, досталась при разделе Польши на долю Пруссии. В седьмом году, по Тильзитскому миру, она отошла к России. Сколько возгласов по этому случаю в немецких сочинениях о вероломстве России, постыдно согласившейся принять участие в разграблении бывшей своей несчастной союзницы! Стоит только бросить взгляд на карту, чтоб убедиться в недобросовестности такого обвинения. <...> Не может ли, однако, самое Царство Польское называться завоеванием России. ... Этот вопрос заслуживает рассмотрения, потому что в суждениях и действиях Европы по отношению к нему проявляется так же — если еще не более, чем в Восточном вопросе сравнительно с шлезвиг-голштейнским, та двойственность меры и та фальшивость весов, которыми она отмеривает и отвешивает России и другим государствам.

Раздел Польши считается во мнении Европы величайшим преступлением против народного права, совершенным в новейшие времена, и вся тяжесть его взваливается на Россию. И это мнение не газетных крикунов, не толпы, а мнение большинства передовых людей Европы. В чем же, однако, вина России? Западная ее половина во время татарского господства была покорена Литвой, вскоре обрусевшей; затем через посредство Литвы — сначала случайно (по брачному союзу), а потом насильственно (Люблинской унией) — присоединена к Польше. Восточная Русь никогда не мирилась с таким положением дел. Об этом свидетельствует непрерывный ряд войн, перевес в которых сначала принадлежал большею частью Польше, а со времени Хмельницкого и воссоединения Малороссии окончательно перешел к России. При Алексее Михайловиче Россия не имела еще счастья принадлежать к политической системе европейских государств, и потому у ней были развязаны руки, и она была единственным судьей в своих делах. В то время произошел первый раздел Польши. Россия, никого не спрашиваясь, взяла из своего, что могла. — Малороссию по левую сторону Днепра, Киев и Смоленск, взяла бы и больше, если бы надежды на польскую корону не обманули царя и не заставили упустить благоприятное время. Раздел Польши, насколько в нем участвовала Россия, мог бы совершиться уже тогда, — с лишком за сто лет ранее, чем он действительно совершился, — и, конечно, с

огромною для России пользою, ибо тогда не бродили еще гуманитарные идеи в русских головах; и край был бы закреплен за православием и русской народностью прежде, чем успели бы явиться на пагубу русскому делу Чарторыйские с их многочисленными последователями и сторонниками, процветающими под разными образами и видами даже до сего дня, Как бы то ни было, дело не было окончено, а едва только начато при Алексее; и раз упущенное благоприятное время возвратилось не ранее, как через сто лет, при Екатерине II. Но почему же то, что было законно в половине XVII века, становится незаконным к концу XVIII? Самый повод к войне при Алексее одинаков — все то же утеснение православного населения, взывавшего о помощи к родной России. И если справедливо было возвратить Смоленск и Киев, то почему же было несправедливо возвратить не только Вильну, Подолию, Полоцк, Минск, но даже Галич, который, к несчастью, вовсе не был возвращен? А ведь в этом единственно и состоял раздел Польши, насколько в нем участвовала Россия! Форма была, правда, иная. В эти сто лет Россия имела счастье вступить в политическую систему европейских государств, и руки ее были связаны. Свое ли, не свое ли родовое достояние ты возвращаешь, как бы говорили ей соседи, нам все равно; только ты усиливаешься, и нам надобно усилиться на столько же. Положение было таково, что Россия не имела возможности возвратить по праву ей принадлежащего, не допуская в то же время Австрию и Пруссию завладеть собственно Польшею и даже частью Россией — Галичем, на что ни та, ни другая, конечно, не имели ни малейшего права. Первоначальная мысль о таком разделе принадлежит, как известно, Фридриху; и в уничтожении настоящей Польши, в ее законных пределах, Россия не имела никакой выгоды. Совершенно напротив, Россия, несомненно, сохранила бы свое влияние на Польшу и по отделении от нее русских областей, тем более, что в ней одной могла бы Польша надеяться найти опору против своих немецких соседей, которым (особенно Пруссии) было весьма желательно, даже существенно необходимо, получить некоторые части собственной Польши. Но не рисковать же было России из-за этого войною с Пруссией и Австрией! Не очевидно ли, что все, что было несправедливого в разделе Польши, — так сказать, убийство польской национальности, — лежит на совести Пруссии и Австрии, а вовсе не России, удвоившей своею своим достоянием, возвращение которого составляло не только ее право, но и священнейшую обязанность.

<...>

Итак, раздел Польши, насколько в нем принимала участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга пред ее собственными сынами, в котором ее не должны были смущать порывы сентиментальности и ложного великодушия, как после Екатерины они, к сожалению и к общему несчастью России и Польши, смущали ее и смущают многих еще до сих пор. Если при разделе Польши была несправедливость со стороны России, то она заключалась единственно в том, что Галич не был воссоединен с Россией. Несмотря на все это, негодование Европы обрушилось, однако же, всею своею тяжестью не на действительно виновных — Пруссию и Австрию, а на Россию. В глазах Европы все преступление раздела Польши заключается именно в том, что Россия усилилась, возвратив свое достояние. Если бы не это горестное обстоятельство, то германизация славянской народности, — хотя для нее самой любезной из всех, но все же славянской, — не возбудила бы столько слез и плача. Я думаю даже, что, совершенно напротив, после должных лицемерных соболезнований, она была бы втайне принята с общою радостью, как желательная победа цивилизации над варварством. Ведь знаем же мы, что она не пугает европейских и наших гуманитарных прогрессистов, даже когда является в форме австрийского жандарма ... Разве одни французы пожалели бы, что лишились удобного орудия мутить Германию. Такое направление общественного мнения Европы очень хорошо поняла и польская интеллигенция; она знает, чем задобрить Европу, и отказывается от кровного достояния Польши, доставшегося Австрии и Пруссии, лишь бы ей было возвращено то, что она некогда отняла у России; чужое ей милее своего. <...>

Но как бы ни была права Россия при разделе Польши, теперь она владеет уже частью настоящей Польши и, следовательно, должна нести на себе упрек в неправом стяжании, по крайней мере наравне с Пруссией и Австрией. Да, к несчастью владеет! Но владеет опять-таки не по завоеванию, а по тому сентиментальному великодушию, о котором только что было говорено. Если бы Россия, освободив Европу, пред ставила отчасти восстановленную Наполеоном Польшу ее прежней участи, то есть разделу между Австрией и Пруссией, а в вознаграждение своих неоценимых, хотя и плохо оцененных, заслуг потребовала для себя Восточной Галиции, частью которой — Тарнопольским округом — в то время уже владела, то осталась бы на той почве, на которой стояла при Екатерине, и никто ни в чем не мог бы ее упрекнуть, Россия получила бы значительно меньшее по пространству, немногим меньше по народонаселению, но зато скольким больше по внутреннему достоинству приобретенного, так как она увеличила бы число своих подданных не враждебным польским элементом, а настоящим русским народом. <...> ного лагеря, из Австрии, Франции и •Англии, стали делать всевозможные препятствия этому плану восстановления Польши, угрожая даже войною, император Александр послал великого князя Константина а Варшаву призывать поляков к оружию для защиты их национальной независимости. Европа, по обыкновению, видела в этом со стороны России хитрость, — желание под предлогом восстановления польской народности мало-помалу прибрать к своим рукам и те части прежнего Польского королевства, которые ей не достались, — и потому соглашалась на совершенную инкорпорацию Польши, но никак не на самостоятельное существование Царства в личном династическом союзе с Россиею, чего теперь так желают. Только когда Гарденберг, — который, как пруссак, был ближе знаком с польскими и русскими делами, — разъяснил, что Россия требует своего собственного вреда, согласились дипломаты на самостоятельность Царства . <...> Но эти планы были направлены не на Галицию и Познань, а на Западную Россию, потому что тут только были развязаны руки польской интеллигенции — сколько угодно поля-чить и латынить. И только когда, по мнению польской интеллигенции, стало оказываться недостаточно потворства или, лучше сказать, содействия русского правительства, — ибо потворства все еще было довольно, — к ополчению Западной России, тогда негодование поляков вспыхнуло и привело к восстанию 1830, а также и 1863 года. Вот как честолюбивы и завоевательны были планы России, побудившие ее домогаться на Венском конгрессе присоединения Царства Польского!

В юго-западном углу России лежит Бессарабия, также недавнее приобретение. Здесь христианское православное население было исторгнуто из рук угнетавших его диких и грубых завоевателей, турок,— население, которое торжествовало это событие как избавление из плена. Если то было завоевание, то и Кир, освободив иудеев из плена вавилонского, был их завоевателем. Об этом и распространяться больше не стоит. Все южно-русские степи также были вырваны из рук турок. Степи эти принадлежат к русской равнине. Спокон века, еще со времени Святослава, боролись за них с ордами кочевников сначала русские князья, потом русские казацкие общины и русские цари. Зачем же и с какого права занесло сюда турецкую власть, покровительствовавшую хищническим набегам? Тоже должно сказать и о Крымском полуострове, хотя и не принадлежавшем исстари к России, но послужившем убежищем не только ее непримиримым врагам, но врагам всякой гражданственности, которые делали из него набеги при всяком удобном случае, пожигали в огне и по-секали мечом южные русские области до самой Москвы.

Русский Вестник. Февр. 1865 г. Статья проф. Соловьева «Венский конгресс» С. 433 и 434.

Можно, пожалуй, согласиться, что здесь было завоевано государство, лишена своей самостоятельности народность; но какое государство и какая народность? Если я назвал всякое вообще завоевание национальным убийством, то в этом случае это было такое убийство, которое допускается и божескими, и человеческими законами,— убийство, совершенное в состоянии необходимой обороны и вместе в виде справедливой казни. Остается еще Кавказ. Под этим многообъемлющим именем надобно отличать, в рассматриваемом здесь отношении, закавказские христианские области, закавказские магометанские области и кавказских горцев.

Мелкие закавказские христианские царства еще со времен Грозного и Годунова молили о русской помощи и предлагали признать русское подданство. Но только император Александр I в начале своего царствования, после долгих колебаний, согласился наконец исполнить это желание, убедившись предварительно, что грузинские царства, донельзя истомленные вековой борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, не могли вести долее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единой России. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть, не предугадывала, что она будет так тяжела,— что она будет стоить ей непрерывной шестидесятилетней борьбы. Как бы то ни было, ни по сущности дела, ни по его форме, тут не было завоевания, а было подаяние помощи изнемогавшему и погибавшему. Прежде всего это вовлекло Россию в двукратную борьбу с Персией, причем не Россия была зачинщицей. В течение этой борьбы ей удалось освободить некоторые христианские населенные от двойного ига мелких владетельных ханов и персидского верховенства. С этим вместе были покорены магометанские ханства: Кубанское, Бакинское, Ширванское, Шекинское, Ганджинское и Талышенское, составляющие теперь столько же уездов, и Эриванская область. Назовем, пожалуй, это завоеваниями, хотя завоеванные через это только выиграли. Не столь довольны, правда, русским завоеванием кавказские горцы.

Здесь точно много погибло, если не независимых государств, то независимых племен. После раздела Польши едва ли какое другое действие России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и, особливо, недавно свершившееся покорение Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дело как великую победу, одержанную общечеловеческою цивилизацией. ничто не помогает. Не любит Европа, чтобы Россия бралась за это дело.— Ну, на Сырдарье, в Коканде, в Самарканде, у диких каменных киргизов еще куда ни шло, можно с грехом пополам допустить такое цивилизатор-ство, все же в роде шпанской мушки оттягивает, хотя, к сожалению, и в недостаточном количестве, силы России; а то у нас под боком, на Кавказе; мы бы и сами тут поцивилизовали.— Что кавказские горцы — и по своей фанатической религии, и по образу жизни и привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники и грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое,— все это не принимается в расчет. Рыцари без страха и упрека, палатины свободы да и только! В шотландских горах с небольшим лет сто тому назад жило несколько десятков, а может и сотен тысяч таких же рыцарей свободы; хотя те были и христиане, и необразованнее, и нравом посмирнее,—да и горы, в которых они жили, не Кавказским чета,— но, однако же, Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендерских привычек, и при удобном случае разогнала на все четыре стороны. А Россия, под страхом клейма гонительницы и угнетательницы свободы, терпи с лишком миллион таких рыцарей, засевших в неисследимых тущах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякой мирной оседлости; и,— в ожидании, пока они не присоединятся к первым врагам, которым вздумается напасть на нее с этой стороны,— держи, не предвидя конца, двухсоттысячную армию под ружьем, чтобы сторожить все входы и выходы из этих разбойничьих вертепов. И по этому кавказскому (как и по польскому, как и по восточному, как и по всякому) вопросу можно судить о доброжелательстве Европы к России.

О Сибири и говорить нечего. Какое тут, в самом деле, завоевание? Где тут завоеванные народы и покоренные царства? Стоит лишь счастье, сколько в Сибири русских и сколько инородцев, чтобы убедиться, что большею частью это было занятие пустопорожнего места, совершенное (как показывает история) казацкою удаляю и расселением русского народа почти без содействия государства. Разве еще к числу русских завоеваний причислим Амурский край, никем не заселенный, куда всякое переселение было даже запрещено китайским правительством, неизвестно почему и для чего считавшим его своею собственностью?

Итак, в завоеваниях России все, что можно при разных натяжках назвать этим именем, ограничивается Туркестанскою областью, Кавказским горным хребтом, пятью-шестью уездами Закавказья и, если угодно, еще Крымским полуостровом. Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием в другом, антинациональном и потому ненавистном для человечества смысле. Много ли государств, которые могут сказать про себя то же самое? Англия у себя под боком завоевала независимое Кельтское государство,— и как завоевала! — отняла у народа право собственности на его родную землю, голодом заставила его выселяться в Америку, а на расстоянии чуть не полуокружности Земли покорила царства и народы Индии в числе почти двухсот миллионов душ; отняла Гибралтар у Испании, Канаду — у Франции, мыс Доброй Надежды — у Голландии и т. д. Земель пустопорожних или заселенных дикими историческими племенами, в количестве без малого 300 000 квадратных миль, я не считаю завоеваниями. Франция отняла у Германии Эльзас, Лотарингию, Франш-Конте; у Италии — Корсику и Ниццу; за морем покорила Алжир. А сколько было ею завоевано и опять от нее отнято! Пруссия округлила и соединила свои разбросанные члены за счет Польши, на которую не имела никакого права. Австрия мало или даже почти ничего не отняла мечом, но самое ее существование есть уже

преступление противу права народностей. Испания в былые времена владела Нидерландами, большею частью Италией, покорила и уничтожила целые цивилизации в Америке. <...> Все войны до Петра велись Россией за собственное существование, — за то, что в несчастные времена ее истории было отторгнуто ее соседями. Первая война, которую она вела не с этою целью и которою собственно началось ее вмешательство в европейские дела, была ведена против Пруссии. Достаточного резона на участие в Семилетней войне со стороны России, конечно, не было. Злословие Фридриха оскорбило Елизавету; его поступки, справедливо или нет, считались всею Европою наглыми нарушениями как международного права вообще, так и законов Священной Германско-Римской империи в частности. Если тут была вина, то ее раз делила Россия со всею Европой; так или нет, но это было явление случайное, не лежавшее в общем направлении русской политики. Во все царствование Екатерины Великой Россия деятельным образом не вмешивалась в европейские дела, преследовала свои цели, и цели эти, как мы видели, были правые. С императора Павла собственно начинаются европейские войны России. Война 1799 г., в чисто военном отношении едва ли не славнейшая из всех веденных Россиею, была актом возвышеннейшего политического великодушия, бескорыстия, рыцарства в истинно мальтийском духе. Была ли она актом такого же политического благоразумия — это иной вопрос. Для России, впрочем, война эта имела значительный нравственный результат: она показала, к чему способны русские в военном деле. Такой же характер имели войны 1805 и 1807 годов. Россия принимала к сердцу интересы, ей совершенно чуждые, и с достойным всякого удивления героизмом приносила жертвы на алтарь Европы. Тильзитский мир заставил ее на время отказаться от этой самоотверженной политики и повернуть в прежнюю екатерининскую колею; но выгоды, которые она могла очевидно приобрести, продолжая идти по ней, не удовлетворяли ее, не имели в глазах ее ничего приманчивого. Интересы Европы, особливо интересы Германии, так близко лежали к ее сердцу, что оно билось только для них. Что усилия, сделанные Россией в 1813 и в 1814 годах, были сделаны в пользу Европы, — в этом согласны даже и теперь беспристрастные люди, к какому бы политическому лагерю они не принадлежали; а тогда все прославляли беспримерное бескорыстие России. Но что самый Двенадцатый год был борьбою, предпринятою Россией из-за интересов Европы, — это едва ли многими сознается. Конечно, война Двенадцатого года была войною по преимуществу народною — народною в полном смысле этого слова, если принимать в расчет сам способ ее ведения и те чувства, которые в то время одушевляли русский народ <...> Наполеон был честолюбив сверх меры, но был ведь также и расчетлив <...> Он думал, что Россия из прямого политического расчета, из-за собственных своих целей и выгод будет с ним заодно. И в самом деле, чего бы не могла достигнуть Россия в союзе с ним, если бы смотрела на дело исключительно с своей точки зрения? Ревностная помощь в войне 1809 года дала бы ей всю Галицию; усиленная война против Турции доставила бы ей не только Молдавию и Валахию, но и Булгарию, дала бы ей возможность образовать независимое Сербское государство с присоединением к нему Боснии и Герцеговины. Наполеон не хотел только, чтобы наши владения переходили за Балканы; но Наполеон был не вечен <...> Но вскоре после Тильзитского мира Наполеон увидел, что он не может полагаться на Россию, не может рассчитывать на ее искреннее содействие, основанное не на букве связывающего их договора, а на политическом расчете, — что она формально держится данного обещания, но сердце ее не лежит к союзу с ним... что Россия горячо принимает к сердцу так называемые европейские или, точнее, немецкие интересы, — горячее, чем свои собственные. Что оставалось ему делать? К чему влекла его неудержимо логика того положения, в которое его поставило как собственное его честолюбие, так и самый ход событий? Очевидно, к тому, чтобы обеспечить себя иным способом, независимо от России... — к тому, чтоб отыскать для опоры своему зданию какой-нибудь другой столб, хотя бы и менее надежной крепости. Этот столб думал он вытесать на счет самой России, восстановив Польское Королевство в его прежнем объеме. В нем надеялся он, по крайней мере, найти всегда готовое орудие против враждебной ему Германии <...> Война, руководимая его гением, представляла по крайней мере шансы или вынудить Россию к этой поддержке, или заменить ее другим, хотя и менее твердым, но зато более зависимым и податливым орудием. Одним словом, если бы Наполеон мог рассчитывать на Россию, которая, как ему казалось, сама была заинтересована в его деле, он никогда бы не подумал о восстановлении Польши. От добра добра не ищут. В тринадцатом году во главе новой собранной им армии он высказал эту мысль самым положительным образом: «Всего проще и рассудительнее было бы сойтись прямо с императором Александром. Я всегда считал Польшу средством, а не главным делом. Удовлетворяя Россию насчет Польши, мы имеем средство унижить Австрию, обратить ее в ничто»*. ...

* Богданович. [М. И.] Ист[ория] войны 1813 года [за независимость Германии: В 2т. СПб., 1863.] Т.1. С.2.

Не из-за Европы ли, следовательно, не из-за Германии ли в особенности приняла Россия на свою грудь грозу Двенадцатого года? Двенадцатый год был собственно великою политическою ошибкою, обращенною духом русского народа в великое народное торжество.

Что не какие-либо свои собственные интересы имела Россия в виду, решаясь на борьбу с Наполеоном, видно уж из того, что, окончив с беспримерной славой первый акт этой борьбы, она не остановилась, не воспользовалась представлявшимся ей случаем достигнуть всего, чего только могла желать для себя, заключив с Наполеоном мир и союз, как он этого всеми мерами домогался и как желали того же Кутузов и многие другие замечательные люди той эпохи. Что мешало Александру повторить Тильзит, — с тою лишь разницею, что в этот раз он играл бы первостепенную и почетнейшую роль? Даже для Пруссии, которая уже скомпрометировала себя перед Наполеоном, император Александр мог выговорить все, чего требовала бы, по его мнению, честь.

Через четырнадцать лет после Парижского мира пришлось России вести войну с Турцией. Русские войска перешли Балканы и стояли у ворот Константинополя. С Францией Россия была в дружбе; у Австрии не было ни войск, ни денег; Англия, хотя бы и хотела, ничего не могла сделать. — тогда еще не было военных пароходов; прусское правительство было связано тесною дружбой с Россией. Европа могла только поручить Турцию великодушию России. Взяла ли тогда Россия что-нибудь для себя? А одного слова ее было бы

достаточно, чтобы присоединить к себе Молдавию и Валахию. Даже и слова было не надо. Турция сама предлагала России княжества вместо недоплаченного еще долга. Император Николай отказался от того и от другого.

Настал 1848 год. Потрясения, бывшие в эту пору в целой Европе, развязывали руки завоевателя и честолюбца. Как же воспользовалась Россия этим единственным положением? Она спасла от гибели соседа,— того именно соседа, который всего более должен был противиться ее честолюбивым видам на Турцию, если бы у ней таковые были. Этого мало; тогда можно было соединить великодушие с честолюбием. После Венгерской кампании был достаточный предлог для войны с Турцией: русские войска занимали Валахию и Молдавию, турецкие славяне поднялись бы по первому слову России. Воспользовалась ли всем этим Россия? Наконец, в самом 1853 году, если бы Россия высказала свои требования с тою резкостью и неуступчивостью, пример которых в том же году подавало ей посольство графа Лейнингена, и, в случае малейшей задержки удовлетворения, двинула войска и флот, когда ни Турция, ни западные державы нисколько не были приготовлены,— чего не могла бы она достигнуть?

Итак, состав Русского государства, войны, которые оно вело, цели, которые преследовало, а еще более благоприятные обстоятельства, столько раз повторявшиеся, которыми оно не думало воспользоваться, все показывает, что Россия не честолюбивая, не завоевательная держава, что в новейший период своей истории она большей частью жертвовала своими очевиднейшими выгодами, самыми справедливыми и законными, европейским интересам,— часто даже считала своею обязанностью действовать не как самобытный организм (имеющий свое самостоятельное назначение, находящий в себе самом достаточное оправдание всем своим стремлениям и действиям), а как служебная сила. Откуда же и за что же. спрашиваю, недоверие, несправедливость, ненависть к России со стороны правительств и общественного мнения Европы? Обращаюсь к другому капитальному обвинению против России. Россия — гасительница света и свободы, темная, мрачная сила, политический Ариман ..., — что всякое преуспевание России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастье для всего человечества. Это мнение ... есть выражение общественного мнения Европы. И это опять основано на таком же песке, как и честолюбие, и завоевательность России. Какова бы ни была форма правления в России, каковы бы ни были недостатки русской администрации, русского судопроизводства, русской фискальной системы и т. д., до всего этого, я полагаю, никому дела нет. пока она не стремится навязать всего этого другим. Если все это очень дурно, тем хуже для нее и тем лучше для ее врагов и недоброжелателей. <...>

Только вредное вмешательство России во внутреннюю политику иностранных государств, давление, которым она препятствовала бы развитию свободы в Европе, могут подлежать ее справедливой критике и возбуждать ее негодование. Посмотрим, чем же его заслужила Россия, чем так провинилась перед Европою? До времен Французской революции о таком вмешательстве, о таком давлении и речи быть не могло, потому что между континентом Европы и Россию не существовало тогда никакой видимой разности в политических принципах. Напротив того, правление Екатерины по справедливости считалось одним из самых передовых, прогрессивных, как теперь говорится. Под конец своего царствования Екатерина имела, правда, намерение вооружиться против революции, что наследник ее и сделал. Но если Французская революция должна считаться светильником свободы, то гасить и заливать этот светильник спешила вся Европа и впереди всех — конституционная и свободная Англия. Участие России в этом общем деле было кратковременно и незначительно. Победам Суворова, впрочем, рукоплескала тогда вся Европа. Войны против Наполеона не были, конечно, да и не считались войнами против свободы. Эти войны окончились, и ежели побежденная Франция тогда же получила свободную форму правления, то была обязана этим единственно императору Александру. Во время войны за независимость многие государства обещали своим подданным конституции, и никто не сдержал своих обещаний, кроме опять-таки императора Александра относительно Польши. После Венского конгресса, по мысли русского императора, Россия, Австрия и Пруссия заключили так называемый Священный союз, приступить к которому приглашали всех государей Европы. Этот Священный союз составляет главнейшее обвинение против России и выставляется заговором государей против своих народов. Но в этом союзе надо строго, отличать идею, первоначальный замысел, которые одни только и принадлежали Александру, от практического выполнения, которое составляет неотъемлемую собственность Меттерниха. В первоначальной же идее, каковы бы ни были ее практические достоинства, конечно не было ничего утеснительного. Император Александр стоял бесспорно за конституционный принцип везде, где, по его мнению, народное развитие допускало его применение. <...>

На дипломатических конгрессах двадцатых годов наиболее умеренным и либеральным был голос Александра... Корнем всех реакционных, петроградских мер того времени была Австрия и ее правитель Меттерних, который, опутывая всех своими сетями, в том числе и Россию, заставил последнюю отказаться от ее естественной и национальной политики помогать грекам и вообще турецким христианам против их угнетателей,— отказаться вопреки всем ее преданиям, всем ее интересам, всем сочувствиям ее государя и ее народа. Россия была также жертвой Меттерниховой политики; почему же на нее, а не на Австрию, которая всему была виновницей, и в пользу которой все это делалось, взваливается вся тяжесть вины? Сама Англия не подчинилась ли тогда Меттерниховой политике? Разве русские войска усмиряли восстание в Неаполе и Испании, и разве эти восстания и введенный ими на короткое время порядок вещей были такими светлыми явлениями, что стоит о них жалеть? Русские ли наущения были причиной всех утеснений, которые терпела немецкая печать, немецкие университеты и вообще стремления немецкого юношества? Не сами ли германские правительства и во главе их Австрия должны почитать виновниками всех этих мер; не для них ли исключительно были они полезны? Или, может быть, все эти немецкие либеральные стремления имели такую силу, что без надежды на поддержку России германские правительства не дерзнули бы им противустать? Но разве она помешала им осуществиться там, где они имели какое-нибудь действительное значение,— помешала Франции или даже маленькой Бельгии дать себе ту форму правления, которую они сами захотели?

Помешала ли Россия чему-нибудь даже в самой Германии в 1848 году, да и в 1830 году? Не собственное ли бессилие хотят оправдать, взваливая неудачу на давление, оказываемое будто бы мрачным абсолютизмом Севера? <...> Не в угоду ли Австрии считалась всякая нравственная помощь славянам чуть не за русское государственное преступление? Пусть европейское общественное мнение, если оно хочет быть справедливым, отнесет даже оказанное Россией на германские дела вредное влияние к его настоящему источнику, то есть к германским же правительствам, и в особенности к австрийскому <...>

Не в антилиберальном вмешательстве России в чужие дела лежит на чало и главная причина неприязненных чувств Европы, можно представить доказательство самое строгое, неопровержимое <...> Вот уже с лишком тринадцать лет, как русское правительство совершенно изменило свою систему, совершило акт такого высокого либерализма, что даже со вестно применять к нему это опошленное слово, русское дворянство выказало бескорыстие и великодушие, а массы русского народа — умеренность и незлобие примерные. С тех пор правительство продолжало действовать все в том же духе. Одна либеральная реформа следовала за другою. На заграничные дела оно не оказывает уже никакого давления. Этого мало, оно употребляет свое влияние в пользу всего либерального. И правительство, и общественное мнение сочувствовали делу Северных Штатов искреннее, чем большая часть Европы. Россия из первых признала Итальянское Королевство и даже, как говорят, своим влиянием помешала Германии помогать неправому делу. И что же, переменялась ли хоть на волос Европа в отношении к России? Да; она очень сочувствовала крестьянскому делу, пока надеялась, что оно ввергнет Россию в нескончаемые смуты,— так же точно, как Англия сочувствовала освобождению американских негров. Мы много видели с ее стороны любви и доброжелательства по случаю польских дел. Вешатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России. Защитники национальностей умолкают, коль скоро дело идет о защите русской народности, донельзя угнетаемой в западных губерниях,— так же точно, впрочем, как в деле босняков, болгар, сербов или черногорцев. Великодушнейший и вместе действительнейший способ умиротворения Польши наделием польских крестьян землю находил ли себе беспристрастных ценителей? Или, может быть, английский способ умиротворения Ирландии выселением вследствие голода предпочтительнее с гуманной точки зрения? Опыт сделан в широких размерах. Медицинская пословица говорит: «*Sublata causa tollitur effectus*»¹. Но здесь и по устранении причины действие продолжается; значит, причина не та.

1) С устранением причины устраняется следствие (лат).

Еще в моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит или по крайней мере до недавнего времени молчала, а враги на нас клеветают. Где же бедной Европе узнать истину? Она отуманена, сбита с толку... Почему же Европа,— которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных систем звезд до строения микроскопических организмов,— не знает одной только России? Разве это какой-нибудь Гейс-Грейц, Шлейц и Лобенштейн, не стоящий того, чтобы она обратила на него свое просвещенное внимание? Смешны эти оправдания мудрой, как змий, Европы ее незнанием, наивностью и легковерием, точно будто об институтке дело идет. Европа не знает, потому что не хочет знать; или, лучше сказать, знает так, как знает хочет, то есть как соответствует ее презрению <...>

Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т. д.,— материалом, который можно бы формировать и обделывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялась, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный, выветрившийся и обратившийся в глину слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под эту поверхность лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, которое имеет и силу, и притязание жить своею независимую, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно — чтобы не сказать невозможно — перенести это. <...> Будет ли Шлезвиг и Гольштейн датским или германским, он все-таки останется европейским; произойдет маленькое наклонение в политических весах; стоит ли о том толковать много? <...> Но как дозволить распространяться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира, хотя бы оно распространялось на то, что по всем божеским и человеческим законам принадлежит этому миру? Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники и даже вручить ему знамя цивилизации. Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) и когда оно идет о других странах и народах. <...> Почему так хорошо уживаются вместе и потом мало-помалу сливаются германские племена с романскими, а славянские с финскими? Германские же с славянскими, напротив того, друг друга отталкивают, антипатичны одно другому; и если где одно замещает другое, то предварительно истребляет своего предшественника, как сделали немцы с полабскими племенами и с прибалтийскими славянскими поморянами. Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию. ... Русский в глазах их может претендовать на достоинство человека только тогда, когда потерял уже свой национальный облик.... проследите отношение европейских правительств к России. Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения. Одним словом, удовлетворительное объяснение как этой политической несправедливости, так и этой общественной неприязненности можно найти только в том, что Европа признает Россию и Славянство чем-то для себя чуждым, и

не только чуждым, но и враждебным. Для беспристрастного наблюдателя это неопровержимый факт. Вопрос только в том, основательны ли, справедливы ли такой, отчасти сознательный, взгляд и такое, отчасти инстинктивно бессознательное, чувство, или же составляют они временный предрассудок, недоразумение, которым суждено бесследно исчезнуть.

Географические и геополитические основы Евразийства¹

1) Савицкий П. Континент Евразия. - М.: АГРАФ, 1997. - С. 295-303.

Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называться «срединным государством» («Чжун-го», по-китайски). И чем дальше будет идти время — тем более будут выпячиваться эти основания. Европа для России есть не более чем полуостров Старого материка, лежащий к западу от ее границ. Сама Россия на этом материке занимает основное его пространство, его торс. При этом общая площадь европейских государств, вместе взятых, близка к 5 млн. км². Площадь России, в пределах хотя бы современного СССР, существенно превосходит 20 млн. км (в особенности если причислить к ней пространство Монгольской и Тувинской народных республик — бывших «Внешней Монголии» и «Рянской края», фактически находящихся в настоящий момент на положении частей Советского Союза).

За редким исключением, русские люди конца XIX — начала XX вв. забывали о зауральских пространствах (один из тех, кто помнил о них, был гениальный русский химик Д. И. Менделеев). Ныне наступили иные времена. Весь «Уральско-Кузнецкий комбинат», с его домами, угольными шахтами, новыми городами на сотню-другую тысяч населения каждый — строится за Уралом. Там же воздвигают «Турксиб». Нигде экспансия русской культуры не идет так широко и так стихийно, как в другой части Зауралья — в т. н. «среднеазиатских республиках» (Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Киргизия). Оживает весь торс русских земель — «от стрелок Негорелого до станции Сучан». Евразийцы имеют свою долю заслуги в этом повороте событий. Но вместе с тем совершенно явственно вскрывается природа русского мира, как центрального мира Старого материка. Были моменты, когда казалось, что между западной его периферией — Европой, к которой причислялось и Русское Доуралье («Европейская Россия» старых географов), — и Азией (Китаем, Индией, Ираном) лежит пустота. Евразийская установка русской современности заполняет эту пустоту биением живой жизни. Уже с конца XIX в. прямой путь из Европы в Китай и Японию лежит через Россию (Великая Сибирская железная дорога). География указывает с полной несомненностью, что не иначе должны пролегать дороги из Европы (во всяком случае, северной) в Персию, Индию и Индокитай. Эти возможности к настоящему времени еще не реализованы. Трансперсидская железная дорога, прорезывающая Персию в направлении с северо-запада на юго-восток и связанная с железнодорожной сетью как Британской Индии, так и Европы (через Закавказье, Крым и Украину), была близка к осуществлению накануне мировой войны. В настоящее время, в силу политических обстоятельств, она отошла в область беспочвенных проектов. Нет связи между железными дорогами русского Туркестана («среднеазиатских республик») и Индии. Нет ориентации русской железнодорожной сети на транзитное европейско-индийское движение. Но рано или поздно такое движение станет фактом — будь то в форме ж.-д. путей, автолюбительских линий или воздушных сообщений. Для этих последних кратчайшие расстояния, даваемые Россией, имеют особенно большое значение. Чем больший вес будут приобретать воздушные сообщения со свойственным этому роду сношений стремлением летать по прямой — тем ясней будет становиться роль России-Евразии, как «срединного мира». Установление трансполярных линий может еще больше усилить эту роль. На дальнем севере Россия на огромном пространстве является соседом Америки. С открытием путей через полюс или, вернее, над полюсом она станет соединительным звеном между Азией и Северной Америкой. <...>

Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр — и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в «рассыпанную храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границы Европы и к северу от «классической» Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем. Связывающая и объединяющая роль «срединного мира» сказывалась и в истории. В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур. И, скажем, взаимодействия между Ираном и Китаем никогда в истории не были столь тесными, как в эпоху монгольского владычества (XII—XIV вв.). А за тринадцать — четырнадцать веков перед тем исключительно и только в кочевом евразийском мире пересекались лучи эллинской и китайской культур, как то показали новейшие раскопки в Монголии. Силой неустрашимых эрков русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света. Только в той мере, в какой Россия-Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом. Это обстоятельство еще недостаточно осознано в наше время, но выраженные в нем соотношения лежат в природе вещей. Задачи объединения суть в первую очередь задачи культурного творчества. В лице русской культуры в центре Старого Света выросла к объединительной и примирительной роли новая и самостоятельная историческая сила. Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу — особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных ее фронта — западный и юго-восточный. Поле зрения, охватывающее в одинаковой и полной степени весь Старый Свет, может и должно быть русским, по преимуществу, полем зрения.

Возвращаемся, однако, к явлениям чисто географического порядка. По сравнению с русским «торсом», Европа и Азия одинаково представляют собою окраину Старого Света. Причем Европой, с русско-евразийской точки зрения, является, по сказанному, все, что лежит к западу от русской границы, а Азией — все то, что лежит к югу и юго-востоку от нее. Сама же Россия есть ни Азия, ни Европа — таков основной геополитический тезис евразийцев. И потому нет «Европейской» и «Азиатской» России, а есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Урала, как есть части ее, лежащие к западу и к востоку от Енисея, и т. д. Евразийцы продолжают: Россия не есть ни Азия, ни Европа, но представляет собой особый географический мир. Чем же этот мир отличается от Европы и Азии? Западные, южные и юго-восточные окраины старого материка отличаются как значительной изрезанностью своих побережий, так и разнообразием форм рельефа. Этого отнюдь нельзя сказать об основном его «торсе», составляющем, по сказанному, Россию-Евразию.

Он состоит в первую очередь из трех равнин (беломорско-кавказской, западносибирской и туркестанской), а затем из областей, лежащих к востоку от них (в том числе из невысоких горных стран к востоку от р. Енисей). Зональное сложение западных и южных окраин материка отмечено «мозаически-дробными» и весьма не простыми очертаниями. Лесные, в естественном состоянии, местности сменяются здесь в причудливой последовательности, с одной стороны, степными и пустынными областями, с другой — тундровыми районами (на высоких горах). Этой «мозаике» противостоит на срединных равнинах Старого Света сравнительно простое, «флагоподобное» расположение зон. Этим последним обозначением мы указываем на то обстоятельство, что при нанесении на карту оно напоминает очертания подразделенного на горизонтальные полосы флага. В направлении с юга на север здесь сменяют друг друга пустыня, степь, лес и тундра. Каждая из этих зон образует сплошную широтную полосу. Общее широтное членение русского мира подчеркивается еще и преимущественно широтным простираем горных хребтов, окаймляющих названные равнины с юга: Крымский хребет, Кавказский, Копетдаг, Пара-памиз, Гиндукуш, основные хребты Тянь-Шаня, хребты на северной окраине Тибета, Ин-Шань, в области Великой китайской стены. Последние из названных нами хребтов, располагаясь в той же линии, что и предыдущие, окаймляют с юга возвышенную равнину, занятую пустыней Гоби. Она связывается с туркестанской равниной через посредство Джунгарских ворот. В зональном строении материка Старого Света можно заметить черты своеобразной восточно-западной симметрии, сказывающейся в том, что характер явлений на восточной его окраине аналогичен такому же на западной окраине и отличается от характера явлений в срединной части материка. И восточная и западная окраины материка (и Дальний Восток, и Европа) — в широтах между 35 и 60 град, северной широты в естественном состоянии являются областями лесными. Здесь бореальные леса непосредственно соприкасаются и постепенно переходят в леса южных флор. Ничего подобного мы не наблюдаем в срединном мире. В нем леса южных флор имеются только в областях его горного окаймления (Крым, Кавказ, Туркестан). И они нигде не соприкасаются с лесами северных флор или бореальными, будучи отделены от них сплошной степно-пустынной полосой. Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывною линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным ее обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от нее {лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова (*Eurasia sensu stricto*). Ее нужно отличать от старой «Евразии» А. фон Гумбольдта, охватывающей весь Старый материк (*Eurasia sensu latiore*).

Западная граница Евразии проходит по черноморско-балтийской перемычке, т. е. в области, где материк суживается (между Балтийским и Черным морями). По этой перемычке, в общем направлении с северо-запада на юго-восток, проходит ряд показательных ботанико-географических границ, например, восточная граница тиса, бука и плюща. Каждая из них, начинаясь на берегах Балтийского моря, выходит затем к берегам моря Черного. К западу от названных границ, т. е. там, где произрастают еще упомянутые породы, простирается лесной зоны на всем протяжении с севера на юг имеет непрерывный характер. К востоку от них начинается членение на лесную зону на севере и степную на юге. Этот рубеж и можно считать западной границей Евразии, т. е. ее граница с Азией на Дальнем Востоке переходит в долготях выклинивания сплошной степной полосы при ее приближении к Тихому океану, т. е. в долготях Хингана.

Евразийский мир есть мир «периодической и в то же время симметрической системы зон». Границы основных евразийских зон со значительной точностью приурочены к пролеганию определенных климатических рубежей. Так, например, южная граница тундры отвечает линии, соединяющей пункты со средней годовой относительной влажностью в 1 час дня около 79,5%. (Относительная влажность в час дня имеет особенно большое значение для жизни растительности и почв). Южная граница лесной зоны пролегает по линии, соединяющей пункты с такой же относительной влажностью ... Южной границе степи (на ее соприкосновении с пустыней) отвечает одинаковая относительная влажность в 1 час дня в 55,5%. В пустыне она повсюду ниже этой величины. Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам (см. нашу книгу «Географические особенности России», часть 1, Прага, 1927). Это и дает основание говорить о «периодической системе зон России-Евразии». Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрии, о которых мы говорили в предыдущем, но в смысле симметрии юго-северных. Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь). Содержание кальция и процент гумуса в почвах от срединных частей черноземной зоны симметрически уменьшаются к северу и к югу. Симметрическое распределение явлений замечается и по признаку окраски почв. Наибольшей интенсивности она достигает в тех же срединных частях горизонтальной зоны, и к северу, и к югу она ослабевает (переходя через коричневые оттенки к белесым). По пескам и каменистым субстратам — от границы между лесной и степной зонами симметрично расходятся: степные острова к северу и «островные» леса к югу. Эти явления русская наука определяет как «экстразональные?». Степные участки в лесной зоне можно характеризовать, как явление «югоносное», островные леса в степи суть явления «северноносные». Югоносным формациям лесной зоны отвечают северноносные формации степи.

Нигде в другом месте Старого Света постепенность переходов в пределах зональной системы, ее «периодичность» и в то же время «симметричность» не выражены столь ярко, как на равнинах России-Евразии.

Русский мир обладает предельно прозрачной географической структурой. В этой структуре Урал вовсе не играет той определяющей и разделяющей роли, которую ему приписывала (и продолжает приписывать) географическая «вампука», Урал, «благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, не только не разъединяет, а, наоборот, теснейшим образом связывает «Доуральскую и Зауральскую Россию», лишший раз доказывая, что географически обе они в совокупности составляют один нераздельный континент Евразии». Тундра, как горизонтальная зона, залегает и к западу, и к востоку от Урала. Лес простирается и по одну и по другую его сторону. Не иначе обстоит дело относительно степи и пустыни (эта последняя окаймляет и с востока и с запада южное продолжение Урала — Мугоджары). На рубеже Урала мы не наблюдаем

существенного изменения географической обстановки. Гораздо существенней географический предел «междуморий», т. е. пространство между Черным и Балтийским морями, с одной стороны, балтийским морем и побережьем северной Норвегии — с другой.

Своеобразная, предельно четкая и в то же время простая географическая структура России-Евразии связывается с рядом важнейших геополитических обстоятельств.

Природа евразийского мира минимально благоприятна для разного рода «сепаратизмов» — будь то политических, культурных или экономических. «Мозаически-дробное» строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных мирков. Здесь есть материальные предпосылки для существования малых государств, особых для каждого города или провинции культурных укладов, экономических областей, обладающих большим хозяйственным разнообразием на узком пространстве. Совсем иное дело в Евразии. Широко выкроенная сфера «флагоподобного» расположения зон не содействует ничему подобному. Бесконечные равнины приучают к широте горизонта, к размаху геополитических комбинаций. В пределах степей, передвигаясь по суше, в пределах лесов — по воде многочисленных здесь рек и озер, человек находился тут в постоянной миграции, непрерывно меняя свое место обитания. Этнические и культурные элементы пребывали в интенсивном взаимодействии, скрещивании и перемешивании. В Европе и Азии временами бывало возможно жить только интересами своей колокольни. В Евразии, если это и удастся, то в историческом смысле на чрезвычайно короткий срок. На севере Евразии имеются сотни тысяч кв. км лесов, среди которых нет ни одного гектара пашни. Как прожить обитателям этих пространств без соприкосновения с более южными областями? На юге на не меньших просторах расстилаются степи, пригодные для скотоводства, а отчасти и для земледелия, при том, однако, что на пространстве многих тысяч кв. км здесь нет ни одного дерева. Как прожить населению этих областей без хозяйственного взаимодействия с севером? Природа Евразии в гораздо большей степени подсказывает людям необходимость политического, культурного и экономического объединения, чем мы наблюдаем то в Европе и Азии. Недаром именно в рамках евразийских степей и пустынь существовал такой «унифицированный» во многих отношениях уклад, как быт кочевников — на всем пространстве его бытования: от Венгрии до Маньчжурии и на всем протяжении истории — от скифов до современных монголов. Недаром в просторах Евразии рождались такие великие политические объединительные попытки, как скифская, гуннская, монгольская (XIII—XIV вв.) и др. Эти попытки охватывали не только степь и пустыню, но и лежащую к северу от них лесную зону и более южную область «горного окаймления» Евразии. Недаром над Евразией веет дух своеобразного «братства народов», имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это «братство народов» выражается в том, что здесь нет противополжения «высших» и «низших» рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу». История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле. В XIX и начале XX в. они бывали по временам замутнены нарочитым «западничеством», которое требовало от русских, чтобы они ощущали себя «европейцами» (каковыми на самом деле они не были) и трактовали другие евразийские народы как «азиатов» и «низшую расу». Такая трактовка не приводила Россию ни к чему, кроме бедствий (например, русская дальневосточная авантюра начала XX в.). Нужно надеяться, что к настоящему времени эта концепция преодолена до конца в русском сознании и что последние русского «европеизма», еще укрывающиеся в эмиграции, лишены всякого исторического значения. Только преодолением нарочитого «западничества» открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих.

Евразия и раньше играла объединительную роль в Старом Свете. Современная Россия, воспринимая эту традицию, должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой и преодоленной эпохе, — методов насилия и войны. В современный период дело идет о путях культурного творчества, о вдохновении, озарении, сотрудничестве. Обо всем этом и говорят евразийцы. Несмотря на все современные средства связи, народы Европы и Азии все еще, в значительной мере, сидят каждый в своей клетушке, живут интересами колокольни. Евразийское «месторазвитие», по основным свойствам своим, приучает к общему делу. Назначение евразийских народов — своим примером увлечь на эти пути также другие народы мира. И тогда могут оказаться полезными для вселенского дела и те связи этнографического родства, которыми ряд евразийских народов сопряжен с некоторыми вне евразийскими нациями: индоевропейские связи русских, переднеазиатские и иранские отношения евразийских турок, те точки соприкосновения, которые имеются между евразийскими монголами и народами Восточной Азии. Все они могут пойти на пользу в деле строения новой, органической культуры, хотя и Старого, но все еще (верим) молодого, но чреватого большим будущим Света.

Задача США — управлять последствиями распада советской империи¹

¹ Независимая газета. - 16 окт. 1998 - № 193. - С. 8.

Данная статья написана на основе выступления на Российско-американском совете делового сотрудничества в Чикаго 2. 10.98.

Понимают ли некоторые члены команды Примакова азы глобальной экономики?

Медлен Олбрайт

... Сейчас в России, по выражению самих русских, наступило смутное время. Ожидается, что в течение ближайшего года масштабы российской экономики резко сократятся. Предстоит трудная зима.

Переход России от диктатуры к демократии не закончен

Похоже, что в сознании многих российских граждан опять рухнули надежды на лучшее будущее. В сознании же многих американцев значительно отдалась перспектива создания настоящего партнерства со стабильной демократической Россией, а ведь в эпоху, наступившую после холодной войны, для этого были хорошие возможности.

Разумеется, в постсоветской России это не первый кризис. Недавно исполнилось пять лет со времени трагического противостояния между президентом Ельциным и Верховным Советом. Всего два года назад казалось, что население России откажется выбирать Ельцина на пост президента.

Каждый раз находятся люди, которые с готовностью заявляют о том, что Россия уже совершила переход к новому строю. Каждый раз находятся люди, готовые подменить серьезный анализ громкими словами, люди, которые спрашивают; кто проиграл Россию? И каждый раз вопрос ставится неправильно. Драматическая трансформация России из диктатуры и империи в современное демократическое государство далеко не закончена. Мы не можем говорить о том, что Россия потеряла дорогу, поскольку она фактически только-только начала движение. Но нельзя говорить и о том, что Россия — это что-то наше и что мы проиграли, Мы можем помочь России сделать трудный выбор, но в конечном итоге Россия должна сама решить, какой страной она хочет стать.

Реальный вопрос, который можно задавать сегодня, состоит в том, какой выбор сделает новое правительство премьер-министра Примакова? Предпримет ли оно разумные шаги к стабилизации экономики, не вызывая при этом гиперинфляции, падения национальной валюты, коллапса банковской системы и дефицита основных товаров? Сумеет ли оно примирить политический и моральный императив удовлетворения потребностей людей с императивом экономического возрождения? Поймет ли оно, что одно невозможно сделать без другого?

Нет уверенности, что Россия справится с проблемами

В день, когда Дума утвердила его в должности, премьер-министр Примаков сказал мне, что у него есть положительный ответ на эти вопросы. Он также просил нас подождать, пока будет сформирована его команда, и наблюдать за ее действиями. Сейчас я еще не могу сказать, что политика нового правительства нас успокоила. В последние дни мы слышим много разговоров о денежной эмиссии, индексации заработной платы, о регулировании цен и капитала, о восстановлении государственного управления некоторыми секторами экономики. В связи с этим возникает вопрос, понимают ли некоторые члены команды Примакова азы глобальной экономики?

Таким образом, мы не можем с уверенностью говорить о том, что в обозримом будущем Россия справится со своими проблемами. Но мы не должны ориентироваться на худший сценарий, потому что в России еще много людей, готовых бороться против того, чтобы история пошла вспять.

Настоящий долговременный переход к нормальной жизни, к демократии и свободному рынку в России не является ни неизбежным, ни невозможным. Этот вопрос остается открытым как предмет дальнейших дебатов и борьбы. Именно так обстояло дело с того момента, когда эта огромная израненная страна начала отходить от тоталитарного кошмара, и именно так будет обстоять дело в ближайшие годы. Именно поэтому в нашей политике по отношению к России нами должны руководить терпение, реализм и перспективное видение будущего.

Негативные последствия мирного крушения империи

Какова же та стратегия, которую предлагает администрация США для того, чтобы ответить на вызовы и использовать возможности, связанные с процессом происходящих в России преобразований? Я выступаю не только как государственный секретарь, но и как человек, посвятивший значительную часть своей жизни изучению и преподаванию предметов, касающихся обществ, когда-то находившихся по ту сторону железного занавеса. С годами мои книжные полки наполнялись литературой о холодной войне, книгами о коммунистической партии Советского Союза, об американско-советских отношениях, о ядерной стратегии. Я получаю огромное удовлетворение от того, что многие из этих книг уже устарели. Между тем для нас сохранили актуальность книги о российской истории. В них описываются бесчисленные попытки реформировать Россию, каждая из которых оставила свой след и каждая из которых не была завершена. Триста лет назад Петр I предпринял попытку открыть Россию для Запада. Сегодня, однако, Россия имеет шанс на то, чтобы завершить путь, который начался, когда на берегах Невы возникли контуры Санкт-Петербурга. Более 80 лет назад на смену российской монархии пришла не коммунистическая революция, а конституционная демократия, которая рухнула прежде, чем смогла реализовать свои надежды. Прошло несколько лет, и Сталин попытался двинуть страну совершенно в другом направлении. Ему это тоже не удалось; даже с его методичной жестокостью он не сумел превратить Россию в вечную тюрьму. Сегодня демократические реформаторы не могут позволить, чтобы их работа была остановлена на полпути, потому что

Россия не может быть свободной наполовину. Но для того чтобы справиться с возникшими трудностями, они должны избавиться от наследия, которое осталось от последней попытки трансформировать Россию. Для того чтобы понять масштаб задач, стоящих перед ними, мы должны осознать, как трудно было и будет преодолевать наследие коммунизма.

Следует помнить о том, что не так давно Россия была страной, где строились предприятия для того, чтобы производить горы всякого ненужного хлама; страной, где доллар был одновременно вне закона и представлял собой высшую ценность; страной, которая не заботилась о неимущих гражданах, потому что не признавала самого их существования; страной, где преступления и злодеяния представляли собой ревниво охраняемые государством монополии; страной, где школьные учебники высмеивали принцип верховенства закона, называя его «буржуазным буквоедством».

Задача перестройки общества в России была труднее, чем в других странах, скажем, таких, как Чехия, Польша или страны Балтии, потому что русские уже не помнили о бывшей политической и экономической свободе; они создавали что-то новое, но при этом не пользовались историческим опытом. Именно потому, что крушение советской системы произошло мирно, многие из тех, кто в свое время создавал старый порядок, теперь активно пытаются сформировать новый порядок по образу и подобию старого.

Многие россияне отождествляют реформы с воровством

Если рассматривать ситуацию с этой точки зрения, то начинаешь даже удивляться тому, что Россия сегодня является настолько открытой страной. Замечательно, что власть постепенно переходит из Москвы в регионы. Замечательно, что люди, которые хотят узнать, что происходит в России, могут прочесть об этом в Интернете на страницах «Санкт-Петербург тайме», еженедельника «Нью Сайбирия» или «Владивосток ньюс». Замечательно, что руководители американских компаний могут собираться и обсуждать интересы, связанные с будущим России, к горю разделяют с ними миллионы рабочих и инвесторов в самой России. Замечательно, что Россия превращается в функционирующую демократию и что ее новое правительство пришло к власти именно потому, что президент и парламент соблюдали положения постсоветской Конституции. В прошлом российская политика проводилась, мягко говоря, не так. Между тем большинство экспертов, с которыми я говорила, ожидают, что именно так российская политика будет проводиться.

Мне бы не хотелось принижать серьезность нынешнего кризиса в России, но я не могу и сказать, что российские реформаторы все делали правильно. Вызывает беспокойство тот факт, что многие российские граждане отождествляют реформы с воровством. Существует вероятность того, что многие начнут воспринимать политическую и экономическую свободу как еще одно утопическое намерение, которое никогда не реализуется.

Я глубоко обеспокоена тем, что происходит в России. Но при этом я согласна с лозунгом, который висит в кабинете нашего посла в России Джеймса Коллинза: «Обеспокоенность — это еще не политика». Моя работа как госсекретаря состоит не в том, чтобы формулировать наихудший сценарий для России или другой страны, Она состоит в том, чтобы формулировать политику, способную защитить американские интересы и содействовать наилучшему результату. Эта цель стоит перед нами с 1991 года, когда над Кремлем поднялся российский трехцветный флаг. И хотя ни один аспект нашей политики не может быть свободен от критики и претензий, я считаю, что мы поставили перед собой правильную задачу. В нашей политике по отношению к России мы будем и дальше руководствоваться рядом основополагающих принципов.

Главное — интересы США

Первый принцип состоит в том, что самым главным приоритетом в отношениях с Россией является обеспечение безопасности американского народа. Мы будем всегда заинтересованы в этом вне зависимости от того, кого снимают или назначают в Кремле, или от того, в каком направлении движется Россия. Наши усилия, предпринимаемые на этом направлении, принесли ощутимые результаты.

Сегодня ни в Белоруссии, ни в Казахстане, ни на Украине нет ядерного оружия. Президенты Клинтон и Ельцин договорились о том, что в рамках Договора СНВ-3 будут произведены сокращения, в результате которых численность наших ядерных арсеналов будет снижена на 80% по сравнению с пиковыми показателями времен холодной войны. Россия вместе с нами подписала Договор о запрещении ядерных испытаний и ратифицировала Конвенцию о химическом оружии. Эксперты наших стран вместе работают над повышением уровня безопасности ядерного оружия и материалов. Сегодня 75% долларов, которые мы направляем в виде помощи в Россию, расходуются на программы, призванные уменьшить угрозу ядерной войны и снизить опасность попадания оружия массового уничтожения в преступные руки. Недавно наши страны объявили о программе помощи ученым и рабочим закрытых ядерных городов России, которые теперь смогут найти себе работу на коммерческих гражданских предприятиях и тем самым избавиться от искушения продавать свои профессиональный опыт и знания силам, желающим нам вреда.

Сегодня на территории стран Балтии больше нет российских войск. Вместо этого российские и наши солдаты несут службу в Боснии. Российские офицеры работают с офицерами вооруженных сил наших союзников в штаб-квартире НАТО. Дипломаты наших стран предпринимают совместные усилия в деле установления мира на Кавказе и в Косово.

Когда Евгений Примаков был министром иностранных дел, мы работали в тесном контакте друг с другом. Мы видели друг в друге настойчивых защитников национальных интересов своих держав. Нам удавалось поднимать наше сотрудничество на новый уровень там, где наши интересы совпадали, и честно и конструктивно разрешать возникавшие между нами разногласия.

Сегодня вопрос заключается в том, можно ли будет продолжать такое сотрудничество. В России многие хотят перенести центр тяжести взаимодействия с Америкой и нашими союзниками с партнерства на неуступчивость, противостояние и пренебрежение интересами другой стороны. Если подобное произойдет, это будет двойным несчастьем для России. Во-первых, нам будет все труднее и труднее помогать России двигаться вперед, и в конце концов такая возможность вообще исчезает. Во-вторых, если произойдет сдвиг, о котором я сказала, российская внешняя политика будет работать против интересов самой России. России нужен эффективный режим нераспространения — ей нужно, чтобы такие страны, как Иран, не получили в свое распоряжение ядерное оружие

или ракеты, радиус действия которых позволял бы достичь российской территории. Россия нуждается в сокращении стратегических вооружений и в договоре, ограничивающем численность обычных вооружений в Европе. России нужен мир на Балканах и прекращение конфликтов на ее собственных границах. России нужны хорошие отношения с НАТО. России нужны такие соседи в Центральной Европе и других новых независимых государствах, которые жили бы в условиях безопасности и представляли собой процветающие образцы рыночных реформ — ведь успех и устойчивость глобальной экономики так же легко распространяются на другие страны, как кризисы и паника. Прежде всего России необходимо ориентироваться на сотрудничество с торговыми партнерами и инвесторами во всем мире. Конфронтационная политика, которая не принесла России ничего хорошего даже в ядерный век, разумеется, не пойдет на пользу ее интересам и в век информационный. К счастью, в последнее время мы с удовлетворением отмечаем признаки того, что российское руководство, так же, как и мы, видит взаимовыгодное начало в американо-российских отношениях. К примеру, 23 сентября Россия вместе с нами поддержала резолюцию Совета Безопасности о необходимости прекращения вооруженных действий Сербии против Косово, принятую в рамках механизма установления мира, предусмотренного Уставом ООН. В ближайшие дни нам предстоит многое сделать для того, чтобы Милошевич понял, чего от него хотят.

Я говорила с министром иностранных дел Ивановым о тех жестоких убийствах, которые произошли в последние дни, о необходимости добиться от Милошевича понимания того, насколько серьезно мы настроены. Мы продолжаем сотрудничать с Россией во имя разрешения этого кризиса, но хочу ясно заявить: если мы не придем к согласию в вопросе о применении силы, Соединенные Штаты и их союзники должны быть готовы к решительным действиям. Ратификация Россией Договора СНВ-2 могла бы стать еще одним подтверждением этой позитивной тенденции. По словам премьер-министра Примакова, это будет одной из его приоритетных задач. Его правительство получило беспрецедентную — по российским стандартам последнего времени — поддержку в Думе, а следовательно, и беспрецедентную возможность для такой ратификации. В то же время мы должны признать, что не имеющее финансовых средств российское правительство остро нуждается в деньгах на уничтожение ракет и запасов химического оружия, а также на выполнение других обязательств. В долгосрочном плане контроль над вооружениями даст России экономию, но в краткосрочном плане этот процесс связан с затратами, в покрытии которых мы и наши партнеры должны помочь России — и не из благотворительности, а исходя из наших национальных интересов. Поэтому так важно, чтобы конгресс в этом году принял решение об увеличении финансирования программы Нанна-Лугара до 440 миллионов долларов

Инвестиции или продажа родины?

Второй принцип, которым мы руководствуемся в нашей политике, состоит в том, что мы заинтересованы стать на сторону русских, пытающихся построить более открытое и процветающее общество. Как ясно сказал президент Клинтон в ходе московского саммита, мы будем делать для этого все, что в наших силах.

Вместе с тем следует признать, что в течение какого-то времени нам будет труднее помочь России. Впрочем, сегодня, для того чтобы сделать помощь России эффективнее, не обязательно давать ей больше денег. Прогресс, которого добилась Россия за последние семь лет, произошел в значительной степени при поддержке международных институтов, таких, как МВФ и Всемирный банк. Эти институты помогли России победить гиперинфляцию, осуществить либерализацию цен и добиться конвертируемости рубля. Они настойчиво проводили политику стимулирования конкуренции и ликвидации почвы для коррупции. В то же время выделение дополнительных крупных средств само по себе не восстановит доверие инвесторов к России. Не поможет это и российской экономике, если российское правительство не будет проводить надежную налогово-бюджетную и кредитно-денежную политику.

Получаемые из-за границы деньги должны использоваться Россией для проведения реальных реформ, а не для того, чтобы их оттягивать. Они должны идти на поддержку реформ в налоговой сфере, а не на компенсацию несобранных налогов, которые правительство не может или не хочет собирать. Они должны идти на поддержку программы, укрепляющей систему кредитования предпринимателей банками, а не на создание банков, играющих на колебаниях валютного курса. Они должны идти на поддержку политики, которая служит интересам беднейших слоев населения России, а не поступать на счета оффшорных банков.

В конечном счете разрыв между потребностями России и ее ресурсами должен быть ликвидирован не внешними кредитами, а иностранными инвестициями. Более того, России помогут не люди, играющие на ГКО, а делающие ставку на собственные заводы, нефтяные месторождения и трудовые ресурсы. Следует помнить о том, что Россия является очень богатой страной. Тем не менее инвестиции в нее текут тоненьким ручейком, вместо того чтобы вливаться мощным потоком. Если бы были созданы правильные условия, то, по имеющимся оценкам, только в нефтяную и газовую промышленность России инвесторы вложили бы свыше 50 млрд. долларов. Однако в 1997 году объем иностранных инвестиций в энергетику России не достиг и двух миллиардов. Подумайте о том, как много можно было сделать, если бы инвестиции соответствующего масштаба потекли в Россию еще в начале 1990-х годов. Тем, кто блокировал эти деньги, придется многое объяснить своему народу.

Одним из препятствий на пути развития России является ее неспособность принять адекватное законодательство, регулирующее соглашения о разделе продукции, и создать стабильную предсказуемую налоговую систему, которая в свою очередь создала бы благоприятный климат для привлечения инвестиций. Кроме того, многие в России отождествляют поступление иностранных инвестиций с продажей родины, Президент Клинтон и я часто говорим о том, что это опасная близорукость. Мы подчеркиваем, что иностранные инвестиции стали движущей силой экономического роста во всех странах с молодой, процветающей экономикой на пространстве от Латинской Америки до Центральной Европы, иностранные инвестиции помогли строить Америку в XIX веке, и сегодня привлечение иностранного капитала в США рассматривается нами как одна из приоритетных задач. Давая дорогу долгосрочным целевым инвестициям из-за рубежа, Россия не продает саму себя, а получает рабочие места, экономический рост и налоговые поступления в казну плюс развитие технологий, что позволит ей продавать свои ресурсы по конкурентоспособным ценам.

Она получает корпоративную культуру, которая поможет ей заменить криминальных магнатов на людей с чувством ответственности, которые будут беречь национальные богатства. Она приобретает инвесторов, которые не улетят домой и не переведут свои деньги в Швейцарию при первых признаках надвигающейся нестабильности. Я думаю, что к числу людей в России, начинающих понимать эти вещи, относятся российские губернаторы, которые, подобно нашим губернаторам, видят, какую пользу приносят иностранные инвестиции.

Я с глубоким уважением отношусь к представителям делового сообщества СТА, которые работают в России, несмотря на все трудности и неопределенность ситуации. Я благодарна им за это. Если российское правительство будет готово играть по правилам, принятым во всем мире, иностранные правительства и институты помогут ему пережить трудные времена. Но, невзирая на политику, которую будет проводить это правительство, мы будем пытаться поддерживать программы, направленные на оказание помощи российскому населению и на утверждение наших общих интересов в сфере демократии. На фоне нынешнего кризиса в России мы пересматриваем свои программы помощи, перенацеливая деньги туда, где они могут быть наиболее эффективно использованы для поддержки экономических и демократических реформ. Мы будем увеличивать поддержку малых предприятий и независимых средств массовой информации и постараемся, чтобы большее число российских студентов, политиков и профессионалов приезжало на обучение и стажировку в Америку. Мы также собираемся помогать неправительственным организациям, попавшим в трудное финансовое положение в связи с банковским кризисом в России. Эти программы сегодня нужны как никогда именно потому, что Россия переживает смутное время. Они отвечают интересам нашей страны и интересам делового сообщества. Мы обратились в конгресс с просьбой увеличить финансирование этих программ в 1999 году, и нам нужна в этом поддержка деловых кругов еще до того, как закончится нынешняя сессия конгресса. Сейчас нельзя прекращать программы, которые могут принести нам такие важные дивиденды.

Ставка на политику, а не на отдельные личности

Третий принцип, который мы должны иметь в виду, состоит в том, что ни одно решение российских проблем не станет долговременным, если не будет иметь в России широкой народной поддержки. Я не хочу сказать, что у России есть какой-то свой уникально российский путь к процветанию. Если российское правительство напечатает слишком много рублей, ни в российской культуре, ни в характере русского человека не найдется ничего такого, что помешало бы инфляции разрушить надежды и мечты людей. Законы экономики иногда работают самым загадочным образом, но, как и законы физики, они действуют во всех странах одинаково. Я считаю, что даже будучи уверенными в своей правоте, мы не должны рассматривать Россию как подопечную международного сообщества, Россия слишком велика и слишком горда для этого. Мы хотим, чтобы российское правительство проводило политику, разработанную на демократических принципах, политику, которая нашла бы поддержку и понимание российского народа, иначе она обречена на провал. Это означает, что нам нужно терпеливо относиться к развитию демократического процесса в России. При оптимальном развитии событий компромиссы между экономической ортодоксальностью и политической реальностью неизбежны. В конце концов демократия не представляет собой правления королей-экономистов. Она является системой, позволяющей прагматично настроенным политикам добиваться консенсуса в отношении политики, вызывающей «боль» в краткосрочном плане.

Демократия также означает, что мы не должны каждый день начинать с переписи реформаторов в Кремле или задерживать дыхание всякий раз, когда меняется руководство. Нам следует быть заинтересованными в политике, а не в отдельных личностях. В этом отношении отрадным явлением представляется то, что в настоящее время у России есть правительство, получившее мандат как от парламента, так и от президента. Благоприятным развитием событий является и то, что коммунисты и аграрии в своей официальной позиции вынуждены иметь дело с избирателями и представлять им конкретные результаты своей деятельности. Они поймут, что им нужно не только жаловаться и отрицать, но и действовать более конструктивно. Благоприятным является тот факт, что в следующем году в России пройдут парламентские выборы, а в 2000 году — президентские. Не опасаясь результатов этих выборов, мы должны смотреть вперед — на то, что должно стать первой за все время существования России мирной и демократической передачей власти. Историк Джеймс Биллингтон писал, что многократно в своей истории «русские стремились приобрести конечные продукты других цивилизаций, минуя промежуточный процесс медленного роста и внутреннего понимания». У нынешних реформаторов не так уж много времени для прохождения этого процесса. Ведь в условиях сегодняшнего мирового рынка Россия будет уязвимой для внешних потрясений до тех пор, пока остаются незавершенными основные рыночные реформы.

Поддерживать Россию до тех пор, пока она идет верным путем

Переход России к истинной свободе, стабильности и процветанию потребует времени, ибо он должен стать подлинным. Между тем нам необходимо защищать наши интересы и говорить четко о том выборе, который, как мы надеемся, предпочтет Россия. И мы должны надолго сохранить приверженность подобным усилиям. С самого начала поразительного движения России к свободе я старалась не проявлять излишней эйфории, когда дела шли хорошо, и не поддаваться унынию, когда все было плохо. Запас моих знаний о переходе от коммунизма к демократии учит меня быть реалисткой и не заглядывать далеко вперед, когда речь идет о России. Однако то же самое учит меня и быть оптимистом в перспективе.

Нынешний период отличается от всех других периодов перемен и реформ в российской истории в одном важном отношении. В отличие от времен Петра Великого Россия не пытается войти в Европу абсолютных монархий, существующих в условиях постоянного конфликта. В отличие от 1917 года она не пытается убежать из Европы, охваченной бессмысленной бойней тотальной войны.

В прошлом Европа организационно оформлялась посредством союзов стран, отдававших себе отчет в том, кому они противостоят. В настоящее время Европа и большая часть мира объединяются на условиях консенсуса в поддержку открытых рынков, более честных правительств, большей терпимости и жизни в условиях мира. В конце XX века силы, которые подталкивают Россию к интеграции и противостоят авторитарным силам, толкающим к самоизоляции, более могущественны, чем когда-либо в ее истории. Наша задача состоит в том — поскольку это в наших интересах, — чтобы управлять последствиями распада советской империи, помочь России интегрироваться в сообщество, частью которого мы являемся, и, в конечном счете, помочь России добиться процветания, а не просто кое-как сводить концы с концами. Это означает, что нам по-прежнему следует неуклонно отстаивать наши принципы, интересы и цели. Это также

означает поддержку России до тех пор, пока она движется в правильном направлении. Я и впредь приложу все силы для того, чтобы добиться успеха в этом принципиальном начинании.